

ВЕСТНИК Брянского государственного университета

№4(62)
2024

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В «ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК, НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК» ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Группа научных специальностей: 5.6 – исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. – Отечественная история; 5.6.2. – Всеобщая история;
5.6.3. – Археология; 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. – История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№4(62)
2024

HISTORICAL SCIENCES

The journal is indexed in the following systems and directories:
Russian Science Citation Index, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-2087
ISSN 2413-9912

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №4 (62) 2024:
исторические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2024. 196 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Луциан Блага», Сибю (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуменау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаже – доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кашенко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Лицов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7 Ватлин А.Ю.**
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О СУДЬБЕ ВЕРНУВШИХСЯ В СЕВАСТОПОЛЬ КОРАБЛЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В 1918 Г.
- 14 Горбачев О.В., Мазур Л.Н.**
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ И В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ
- 20 Дубровский А.М.**
ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РАННЕГО БОЛЬШЕВИЗМА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА (1910-е-1930-е гг.)
- 27 Зверев В.О., Цепилов А.Е.**
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДРОСТКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИНТЕРЕСАХ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
- 34 Ковеля В.В.**
ДИССКУССИИ МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ СОВЕТСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК НА XI МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИКОВ
- 39 Комлякова Ю.Ю.**
РЕАЛИЗАЦИЯ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ ОПЕРАЦИИ PROVIDE NORE В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
- 47 Красноперов А.А.**
ПРИВОЗНЫЕ ФИБУЛЫ ПРИКАМЬЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э.: МЕХАНИЗМЫ И ПУТИ ПОСТУПЛЕНИЯ
- 59 Кудланов К.Б.**
СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕСТОРОННИХ ЗАХВАТОВ ЗЕМЕЛЬ С УЧАСТИЕМ ОДНОДВОРЦЕВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ XVII – XIX ВВ.
- 66 Кулаков В.И.**
ЗАЩИТНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ПРУССОВ
- 71 Лохов А.Ю., Еремин Е.И., Нацвин А.В.**
ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕРВОЙ ОСАДЫ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА 1685 г. I
- 83 Макаров Я.Ф.**
ПРОЦЕСС ОБЪЕДИНЕНИЯ СМОЛЕНСКИХ ОБЩИН БАПТИСТОВ И ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН (ПАШКОВЦЕВ) В 1919-1925 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКИХ АРХИВОВ)
- 90 Мязин Н.А.**
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВА В БЕЛОРУССИИ

Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мягков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард – доктор истории хабилитаг, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна – доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян – доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Владимович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цутия Иосифуру – профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович – кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

**Подписной индекс
«Пресса России»: 40705 годовая**

- 99 Пышкало Е. Г.**
ДЕТСКОЕ СИРОТСТВО В СОСЛОВИИ СЕЛЬСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (ПО МА-ТЕРИАЛАМ ВИТЕБСКОЙ И МИНСКОЙ ГУБЕРНИЙ)
- 108 Романика А.С.**
ВОЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В 1907–1914 ГГ.
- 119 Рыбин Д.В.**
ЛЕГАЛИСТСКИЕ ИДЕИ О НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА
- 126 Сагимбаев А.В., Федин А.В.**
МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОДГОТОВКИ АНГЛО-ЕГИПЕТСКОГО ДОГОВОРА В СЕРЕДИНЕ 1930-Х ГГ.
- 133 Соловьев Р. А.**
ИНИЦИАТИВЫ Д.А. ПЕТРОВСКОГО ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ В РСФСР КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ (1921–1924 ГГ.)
- 142 Сулейман А. А.**
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ИРАКСКОГО И СИРИЙСКОГО КУРДИСТАНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
- 149 Терехов О. Э., Терехова О. Н.**
КОНЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА Н. ЭЛИАСА: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
- 155 Федин А.В.**
ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЕВРОПЕЙСКО-ИНДЕЙСКИХ СОЮЗАХ В НОВОЙ ФРАНЦИИ В XVII-XVIII ВВ.
- 167 Чертков А.С.**
ОСОБЕННОСТИ СКЛАДЫВАНИЯ СКОТОВОДЧЕСКО-СЕНОКОСНОГО ХОЗЯЙСТВА У РУССКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ЯКУТИИ В XVII В.
- 176 Шинаков Е.А., Федосов А.В.**
СФЕНГ – НЕИЗВЕСТНЫЙ ЛЕТОПИСИ БРАТ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО? «УКРАИНСКИЕ» ВЕРСИИ
- 184 Янкович П.В.**
ТРУД ЗАКЛЮЧЕННЫХ НА ВНУТРЕННИХ РАБОТАХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СМОЛЕНСКОЙ, БРЯНСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В 1920-Е ГГ.

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 4(62) 2024: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2024. 196 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Vol.4 – No.62 Scientific peer-reviewed journal DECEMBER

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Vatlin A.Yu.**
SOVIET-GERMAN TALKS ABOUT THE FORTUNE OF THE BLACK SEA FLEET SHIPS THAT RETURNED TO SEVASTOPOL IN 1918
- 14 Gorbachev O. V., Mazur L. N.**
THE CHAIRMAN OF A COLLECTIVE FARM IN RURAL SOCIETY AND IN THE SYSTEM OF POWER
- 20 Dubrovsky A.M.**
FUTUROLOGICAL CONCEPTS OF EARLY BOLSHHEVISM AND POLITICAL PRACTICE (1910s-1930s)
- 27 Zverev V.O., Tsepilov A.E.**
THE USE OF TEENAGERS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE INTERESTS OF GERMAN INTELLIGENCE DURING THE FIRST WORLD WAR
- 34 Kovelya V.V.**
DISPUTES BETWEEN REPRESENTATIVES OF SOVIET AND UKRAINIAN EMIGRANT HISTORICAL SCIENCES AT THE XI INTERNATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS IN SWEDEN
- 39 Komlyakova Ju.U.**
UNITED STATES IMPLEMENTATION OF OPERATION PROVIDE HOPE IN COUNTRIES OF CENTRAL ASIA
- 47 Krasnopeorov A.A.**
IMPORTED FIBULAE FROM THE KAMA REGION OF THE FIRST CENTURIES AD: MECHANISMS AND ROUTES OF RECEIPT
- 59 Kudlanov K.B.**
SOVIET HISTORIOGRAPHY OF COMPREHENSIVE LAND CAPTURES WITH THE PARTICIPATION OF THE SMALLHOLDERS ESTATE
- 66 Kulakov V.I.**
PRUSSIAN PROTECTIVE EQUIPMENT
- 71 Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V.**
HISTORICAL AND TOPOGRAPHIC MODELING OF THE FIRST SIEGE OF THE ALBAZINSKY PRISON IN 1685. I
- 83 Makarov Ya.F.**
THE BEGINNING OF THE UNIFICATION PROCESS BETWEEN THE SMOLENSK COMMUNITY OF EVANGELICAL BAPTISTS AND EVANGELICAL CHRISTIANS IN 1919-1925. (BASED ON THE MATERIALS OF THE SMOLENSK ARCHIVES)

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich – Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG «PRESS OF RUSSIA»

90 Miazin N.A.

SPREAD OF PENTECOSTALISM IN BELARUS

99 Pyshkalo K. G.

CHILDREN'S ORPHANHOOD IN THE PEASANTRY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY (BASED ON MATERIALS OF VITEBSK AND MINSK PROVINCES)

108 Romanika A.S.

MILITARY DIRECTION IN THE ACTIVITIES OF THE SOCIALIST-REVOLUTIONARY PARTY IN 1907–1914.

119 Rybin D.V.

LEGALIST IDEAS ABOUT THE INDEPENDENCE OF POLAND IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

126 Sagimbayev A.V., Fedin A.V.

THE INTERNATIONAL POLITICAL CONTEXT OF THE PREPARATION OF THE ANGLO-EGYPTIAN TREATY IN THE MID-1930s.

133 Solovyev R.A.

D.A. PETROVSKY'S INITIATIVES FOR THE RESTORATION OF CADET CORPS IN THE RSFSR (1921-1924)

142 Suleiman A.A.

COMPARATIVE ANALYSIS OF SYRIAN AND IRAQI KURDISTAN: CHALLENGES AND PROSPECTS OF STATE BUILDING

149 Terekhov O.E., Terekhova O.N.

N. ELIAS'S CONCEPT OF WESTERN EUROPEAN ABSOLUTISM: FROM ECONOMIC TO SOCIOCULTURAL TRANSFORMATION

155 Fedin A.V.

THE EVOLUTION OF REPRESENTATIONS OF EUROPEAN-INDIAN ALLIANCES IN NEW FRANCE IN THE 17TH AND 18TH CENTURIES

167 Chertkov A.S.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF CATTLE-BREEDING AND HAYMAKING ECONOMY AMONG THE RUSSIAN SERVICE PEOPLE OF YAKUTIA IN THE 17TH CENTURY

176 Shinakov E., Fedosov A.V.

SFENGUS – AN UNKNOWN TO ANNALS BROTHER OF VLADIMIR THE SAINT? "UKRAINIAN" VERSIONS

184 Yankovich P.V.

THE LABOR OF PRISONERS IN INTERNAL WORK IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE SMOLENSK, BRYANSK AND ORYOL PROVINCES IN THE 1920S

Ватлин А.Ю., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О СУДЬБЕ ВЕРНУВШИХСЯ В СЕВАСТОПОЛЬ КОРАБЛЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В 1918 Г.

В трагедии Черноморского флота России, затопленного под Новороссийском ввиду угрозы захвата Германией, малоизвестной страницей остается возвращение нескольких кораблей в оккупированный немцами Севастополь. Дальнейшая судьба и самих судов, и их команд, в том числе возможное участие в боевых действиях на стороне Центральных держав, решалась в ходе переговоров между Москвой и Берлином вплоть до октября 1918 г., являясь составной частью послебрестского этапа советско-германских отношений. Ключевую роль в переговорах играло полпредство РСФСР в Берлине, начавшее свою работу после подписания Брестского договора. Возглавлявший его А.А.Иоффе прибыл в Германию в конце апреля и сразу же приступил к урегулированию конфликта, связанного с оккупацией Крыма и увода кораблей Черноморского флота из Севастополя. Их судьбе уделялось особое внимание в Добавочном договоре между Россией и Германией, где предусматривалась возможность их использования против флота Антанты в Черном море. Сворачивание боевых действий на суше и подписание Компьенского перемирия поставили точку в судьбе кораблей, вернувшихся в Севастополь. Они были переданы Антантой белым армиям, контролировавшим Юг бывшей Российской империи.

Ключевые слова: Советско-германские отношения 1918 г., Черноморский флот, Г. Чичерин, А. Иоффе, брестская система международных отношений, Севастополь, Советская Россия, Германская империя.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-07-13

Введение. Историографический нарратив о трагической судьбе Черноморского флота России, затопленного 18-19 июня 1918 г. вблизи Новороссийска, начинается с германского ультиматума о возвращении покинувших Крым судов в Севастополь, оккупированный германской армией (возвращение всех военных кораблей в места их постоянной дислокации было оговорено в пятой статье Брестского мирного договора[«Свои военные суда Россия либо переведет в русские порты и оставит там до заключения всеобщего мира, либо немедленно разоружит» б. С.122]), и заканчивается трагедией их затопления собственными командами[Первое содержательное и достаточно объективное изложение произошедших событий, написанное одним из действующих лиц, появилось уже в первые годы после произошедших событий: 7.]. При всей ожесточенности дискуссий относительно мотивов и последствий столь неординарного шага, историки едины в том, что он позволил избежать сдачи флота потенциальному противнику, которая привела бы к серьезному ослаблению позиций Советской России на южном фронте Гражданской войны[Тезис о неотделимости вооруженного конфликта внутри России от сохранявшейся вовлеченности страны в ход Великой войны подробно обоснован в книге: 8. Применительно к событиям вокруг Черноморского флота см.:8. С. 240-259.].

Даже в серьезных исследованиях лишь вскользь упоминаются несколько боевых кораблей, подчинившихся германскому ультиматуму и

17 июня покинувших новороссийский рейд, чтобы вернуться в Севастополь, занятый немецкими войсками в конце апреля. В состав этой части эскадры, которую возглавил принявший на себя командование Черноморским флотом капитан 1-го ранга А.И. Тихменев, входили новейший дредноут, построенный накануне Первой мировой войны и после начала революции переименованный в «Волю», шесть эсминцев и корабли обеспечения. В основе такого решения лежали скорее идейные, нежели прагматические соображения. Офицерский состав, сохранивший командование на этих кораблях, ни при каких условиях не был готов воевать за «красных», и даже перспектива сдачи «германцу» представлялась им меньшим злом.

Объект и методы исследования. Объектом исследования являются советско-германские отношения в 1918 г. Предметом исследования выступают советско-германские переговоры о судьбе вернувшихся в Севастополь кораблей Черноморского флота. Исследование опирается на принцип историзма и системности.

Результаты и их обсуждение. Для руководства Советской России руководители «возвращенцев» являлись отъявленными белогвардейцами, а команды кораблей считались попавшими под их влияние. Ленин бушевал: «Жаль, что наши сплеховали и не открыли огонь по уходившим в Севастополь! Обязательно их надо было расстрелять и потопить... мерзавцев, изменников, предателей, нельзя было отпускать!» [Цит.по: 11.

С.144] Вряд ли это отражало его подлинные настроения и намерения, которые в тот критический для Советской России момент менялись едва ли не ежедневно. Уже 24 мая, согласившись с позицией военно-морского ведомства, Ленин потребовал «флот уничтожить немедленно» [9. С. 81]. Однако три недели спустя в ходе переговоров с советским дипломатическим представителем в Берлине А.А. Иоффе по прямому проводу он обещал сделать все возможное, чтобы добиться возвращения эскадры в Севастополь [6. С. 360].

Утром 19 июня на рейде города вернувшиеся корабли не встречали салютом, на них были направлены орудия береговых батарей. Командующего военно-морскими силами Германии на Черном море вице-адмирала А. Хопмана, ставка которого находилась в городе, волновало не столько приращение собственных сил, сколько угрозы, исходившие от непредсказуемых русских - совсем недавно под Таганрогом была предпринята попытка масштабного контрнаступления с моря, вошедшая в историю как «Красный десант» [10.].

Правовой статус вернувшихся в Севастополь кораблей был крайне неопределенным. Фактически приняв германский ультиматум, Москва не спешила списывать со счетов, а тем более отдавать в руки вчерашнего врага ни сами корабли, вернувшиеся в Крым, ни их экипажи. Только на «Воле» находилось 436 матросов и офицеров, команды эсминцев составляли более 300 чел. Нарком иностранных дел В.Г. Чичерин 10 июля сообщал руководителю советской делегации на переговорах в Киеве Х.Г. Раковскому, что Москва «признает обязательство платить русскому личному составу, остающемуся на вернувшихся из Новороссийска в Севастополь судах для их карауливания, жалование в законном размере», а для связи с судовыми командами считает нужным направить в Севастополь специальных уполномоченных [Телеграмма Чичерина от 10 июля 1918 г.: 1. Ф. 82. Оп. 1. П. 5. Д. 28. Л. 58.].

Флотское командование Германии в лице Адмиралштаба предпочитало не делать резких шагов в отношении вернувшихся кораблей, удовлетворившись на первых порах их разоружением и текущим ремонтом без объявления военной добычей, команды стали получать натуральное довольствие. В ходе визита в Новороссийск германского крейсера «Гёбен» (28 июня – 1 июля 1918 г.) на его борту прошли переговоры с посланцами Екатеринодарского совета, в результате которых был согласован некий *modus vivendi*, позволивший в дальнейшем избежать конфронтации военно-морских сил России и Германии [О ходе переговоров см.: 8. С.257-258; 13. С. 534, 536-537].

Иначе видели ситуацию в Ставке имперского Верховного командования (ОХЛ), где

рассматривали геополитическое пространство бывшей Российской империи как легкую добычу и не обращали особого внимания на потуги большевиков утвердить на нем собственное влияние [серия архивных документов германского МИД: 13. RZ 201/10103-10104, 10483.]. Первый генерал-квартирмейстер Э. Людендорф, являвшийся фактическим главой Генерального штаба, настаивал на том, что вернувшиеся в Севастополь суда являются военными трофеями, которые следует как можно скорее использовать для возобновления наступления и расширения зоны германской оккупации на весь Северный Кавказ.

Свое видение судьбы кораблей Черноморского флота, вернувшихся в Севастополь, было и у дипломатов обеих стран, причем здесь на первых порах доминировал консенсус. Разночтения и разногласия стали появляться в процессе подготовки Добавочного договора, которому предстояло уточнить и дополнить ключевые положения Брестского мира. Важной новацией было появление в договоре, подписанном 27 августа 1918 г., секретных положений, оформленных как «тайные ноты» [5. С. 208-230]. В одной из них шла речь и о дальнейшей судьбе находившихся в Севастополе кораблей. Там говорилось о том, что «Германия сохраняет за собой право использования для мирных целей, особенно для траления мин, а также для службы в портах и для полицейских функций военные суда Черноморского флота, включая вернувшиеся из Новороссийска в Севастополь; в случае военной необходимости может последовать их использование и для иных военных целей» [4. С.223]. Такое требование содержалось уже в первом проекте будущего договора, о чем Иоффе незамедлительно доложил в Москву: «В тайном обмене нотами имеется просьба разрешения в случае военной необходимости (имеется в виду война с Турцией или форсирование Дарданелл) воспользоваться новороссийскими судами для военных целей. Конечно, с возмещением порчи или потери судов» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 72. Д. 1016. Л. 43. Под «новороссийскими» имелись в виду суда, вернувшиеся отсюда в Севастополь].

Наличие секретных приложений к Добавочному договору, подразумевавших военно-политическое сотрудничество двух стран, делало их потенциальными союзниками на геополитическом пространстве бывшей Российской империи. Такая возможность, однако, так и не была реализована на практике - слишком различными были идеологические устои и стратегические цели каждой из сторон. Однако вектор был задан, и дипломаты с Вильгельмштрассе незамедлительно приступили к налаживанию более прочных связей между военными инстанциями обеих стран в Северном и Восточном Причерноморье. Так, уже

31 августа 1918 г. они поставили вопрос об отправке туда официального представителя советского правительства.

Пересылая соответствующую ноту в НКВД («конспиративно, чтобы кроме Вас и кому следует, никто не знал»), Иоффе снабдил ее ремаркой: «Очень прошу отнестись к этому весьма серьезно и сообщить мне Ваше мнение» [Телеграмма Иоффе от 4 сентября 1918 г.: 1. Ф. 82. Оп. 1. П. 11. Д. 46. Л. 23]. В последующей переписке с Москвой он называл конкретные кандидатуры («Разве нельзя послать Сталина? Подумайте об этом» [Политический доклад Иоффе от 18-19 сентября 1918 г.: 2. С.437]), расширял географию («уполномоченный в Севастополь должен быть не только для этих мест, но и для всего Кавказа. Может быть ему придется находиться в Тифлисе» [Шифрованная телеграмма Иоффе от 13 сентября 1918 г.: 1. Ф. 165. Оп. 1. П. 3. Д. 23. Л. 28.]), просил утвержденного ЦК РКП(б) эмиссара проехать через Берлин, чтобы получить нужные инструкции от него лично.

Находясь в изоляции от центра принятия решений в Кремле, Иоффе, только что добившийся подписания в Берлине Добавочного договора, все больше увлекался созданием комбинаций, которые не имели под собой реальной почвы. Именно он был «лоббистом» временного военно-политического союза с Германией, который не соответствовал реальному соотношению сил на исходе Первой мировой войны. Ленин и Чичерин видели общую ситуацию гораздо яснее, однако до поры до времени поощряли дипломатические игры советского полпреда, которые как нельзя лучше убеждали немецкую сторону, что большевики и дальше будут принимать ее ультиматумы, закамуфлированные под мирные инициативы и деловые предложения.

Первоначальная реакция наркома иностранных дел на предложение Иоффе отправить в Севастополь одного из партийных лидеров была негативной, отвечая линии большевистского руководства на равноудаленное балансирование между двумя коалициями Первой мировой войны. Позиция Чичерина могла радикально измениться только после обстоятельного разговора с Лениным. В телеграмме, отправленной в ночь на 13 сентября, нарком запрашивал Иоффе: «делегирование нашего представителя в Севастополь очень желательно, можете ли устроить его через Вас в Берлине или надо возбудить вопрос в Киеве?» [Телеграмма Чичерина от 12 сентября 1918 г.: 1. Ф. 82. Оп. 1. П. 7. Д. 33. Л. 26. В тот момент в Киеве вела переговоры советская делегация во главе с Х.Г. Раковским.].

Чтобы не разрушать с ходу дипломатическую игру полпреда, Чичерин предпочел не

спешить: «Командировка в Севастополь связана с большими трудностями после сделанных в Вашей шифровке разъяснений» [Телеграмма Чичерина от 14 сентября 1918 г.: 1. Л. 57.]. Иоффе не остался в долгу: «Посылку подходящего лица в Севастополь и Тифлис возможно скорее считаю очень важной. То, что Вы всегда так долго собираетесь, весьма вредно» [Телеграмма Иоффе от 15 сентября 1918 г.: 1. Ф. 082. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 78.]. Однако это не было простой медлительностью еще не сработавшегося бюрократического аппарата новой власти. В Москве шла острая борьба вокруг той или иной позиции РСФСР на исходе Первой мировой войны, и ее следы лишь отчасти отразились в переписке наркома и полпреда, отношения которых не выходили за рамки перманентного конфликта [3. С. 108-125].

Камнем преткновения являлось то, что в ответ на гипотетическую помощь на Юге России немецкая сторона «попросила» выдать ей для боевого использования севастопольские корабли. 18 сентября Иоффе телеграфировал в Москву: «Когда в /тайную - А.В./ ноту вписывалось право, вопреки Новороссийскому соглашению, пользоваться нашими военными судами для военных целей, мне намекали на две возможности: форсирование Дарданелл и война против Турции. Теперь /немцы - А.В./ говорят, что наступил момент, когда желают воспользоваться этой нашей любезностью. Конечно, возможна хитрость (хотя, по-моему, исключена возможность, чтобы они использовали суда против нас). Я полагаю, что они опасаются англичан, поэтому хотят привести суда в боевую готовность, для этого, прежде всего, им надо избавиться от наших моряков, ибо они не уверены, что последние не потопят судов, если узнают, что немцы хотят посадить туда своих моряков. Для этого им нужна наша помощь» [2. С. 433. Прим. 1.].

Возможность перехода судов под оперативное управление военно-морского командования Германии означала прямой отказ от уже достигнутых в начале июля новороссийских договоренностей и была серьезной уступкой советской стороны, зафиксированной в Добавочном договоре. И угроза затопления российскими командами судов, вернувшихся в Севастополь, являлась отнюдь не пустым звуком. В этой связи германская сторона стала настойчиво просить полпреда снабдить отправляемого в черноморский регион уполномоченного особым мандатом Москвы, который санкционировал бы безболезненную передачу кораблей немецким командам.

Подобные просьбы, регулярно телеграфируемые из Берлина, вызывали в Москве растущее раздражение - в Кремле считали подобную уступку чрезмерной и даже унижительной, хотя и не решались сказать об этом Иоффе открытым

текстом. Ленин понимал, что принятие курса на постепенное удаление от партнера по Добавочному договору будет равнозначно дискредитации советского полпреда и заставит того в очередной раз поднять вопрос о своей отставке. Поэтому «хвост отрезали по кусочкам», стараясь по возможности беречь самолюбие Иоффе. Вначале было решено разделить две функции эмиссара, не отказываясь от немецкого предложения в принципе: «представителя в Севастополь мы скоро пошлем, но по отношению к имеющимся там бывшим морякам он не будет в состоянии что-либо сделать» [Телеграмма Чичерина от 15 сентября 1918 г.: 1. Ф. 82. Оп. 1. П. 7. Д. 33. Л. 90.]. Вопрос о его отправке через Берлин в Севастополь стоял на повестке дня заседаний в ЦК РКП(б) 16 и 17 сентября, на них обсуждались кандидатуры вначале В.А. Антонова-Овсенко, а затем и М.С. Кедрова [См. телеграммы Чичерина № 316 и № 319, датированные этими днями: 1. Там же. Л. 112, 117]. Лишь после этого Чичерин сухо сообщил Иоффе, что вопрос с отправкой уполномоченного для передачи кораблей немецким командам закрыт [На сообщении Иоффе от 18 сентября Чичерин лапидарно пометил: «он, очевидно, не читал мою шифровку, где я выяснял невозможность этого»: 2. С. 433, прим. 1., а еще через день информировал полпреда, что вопрос решен в ЦК РКП(б) в присутствии прибывшего с Кавказа Сталина: 1. Ф. 82. Оп. 1. П. 7. Д. 33. Л. 140].

Полпред был вне себя и не собирался сдаваться. «Если решительно отказываетесь, то хотя бы скажите ясно, что ответить, почему Кедров, о котором сообщали, что он выезжает, теперь не едет» [Телеграмма Иоффе № 67 от 21 сентября 1918 г.: 1. Там же. Л. 80.]. Чичерин сохранял хладнокровие, уклоняясь от нового конфликта: «О Кедрове скажите, что он не поехал, потому что Вы имеете полномочия» [Телеграмма Чичерина № 410 от 21 сентября 1918 г.: 1. Ф. 165. Оп. 1. П. 3. Д. 23. Л. 45.]. Настойчивость Иоффе вполне объяснима – даже не владея всей полнотой информации о настроениях в ЦК РКП(б), он отдавал себе отчет в том, что речь идет отнюдь не о частном эпизоде, а о выстраивании жесткой иерархии принятия внешнеполитических решений (хотя сам эпизод наглядно характеризовал отношение большевистского руководства к полпреду как бывшему меньшевику, да еще и выдвигенцу Троцкого).

Но главное заключалось в другом. Ввиду приближавшегося поражения Германии теряли свое значение тайные статьи Добавочного договора, который Иоффе считал своим детищем. А ведь всего месяц назад он во время блиц-визита в Москву лично получил от Ленина «добро» на его подписание [2. С.68-69]. 22-23 сентября 1918 г. в серии телеграмм Чичерин попытался поставить

очередную точку в дискуссии с Иоффе – решение было принято Бюро ЦК и дальнейшему обсуждению не подлежит. «Невозможно требовать у правительства в пять минут пересмотра важного решения, могу поставить вопрос лишь завтра. В шифровке Вам было объяснено, почему то, чего от нас ждут в Севастополе, не может быть сделано» [Телеграмма Чичерина № 444 от 22 сентября 1918 г.: 1. Ф. 82. Оп. 1. П. 7. Д. 34. Л. 23.].

Отстаивая такую позицию, РСФСР не шла на прямое нарушение августовского договора, но предоставляла германской стороне самой взять то, на что она под угрозой военной силы выторговала себе право. Кроме того, участие советского представителя в передаче судов могло быть истолковано как согласие на их боевое использование, чего в Москве всячески старались избежать. Полпред оказался между двух огней: высшие чиновники берлинского МИД указывали на необходимость уступки Москвы в данном вопросе, «чтобы у военных не создавалось конфликтного настроения». Акт передачи был назначен Адмиралштабом на 28 сентября – это был возможно короткий срок, поскольку германские военные власти после начала августовского наступления Антанты на Западном фронте находились в жесточайшем цейтноте.

Иоффе ежедневно выдвигал все новые и новые варианты решения назревавшего конфликта, предлагая среди прочего отправить в Севастополь кого-то из сотрудников своего полпредства. Немцы «просят меня либо послать своего уполномоченного, который вместе с германским офицером должен выехать завтра в 4 часа, либо же дать их офицеру официальную бумагу за своей подписью приблизительно такого содержания: полномочный представитель удостоверяет, что на основании соглашения между Россией и Германией все суда российского флота являются собственностью Российской Республики, поскольку часть их не отходит к Украине на основании русско-украинского соглашения, но могут быть использованы германским правительством до всеобщего мира, причем все убытки и риски возлагаются на Германию, поэтому такой-то имеет право принять означенные суда. Ответьте немедленно, уполномочиваете ли меня выдать такой документ». При этом Иоффе привел еще один аргумент, представлявшийся ему неотразимым: «Если немцы так усиленно об этом просят нас, а не Украину, то, очевидно, они лучше осведомлены о настроении тамошних команд» [Телеграмма Иоффе № 80 от 23 сентября 1918 г.: 2. С. 455.].

24 сентября 1918 г. осада полпреда чиновниками МИД достигла апогея, дойдя до прямых угроз: согласно пересказу Иоффе, отказ «ненужно обострит наши отношения, и наши гражданские

друзья не смогут по-прежнему отстаивать нас перед нашими милитарными противниками», т.е. перед военной верхушкой Германии. Иоффе в свою очередь искал все новые аргументы, адресованные Москве: содержание тайной ноты, отдающей корабли под управление Германии, никому не известно, а значит, «команды... добровольно судов могут не отдать» [Телеграмма Иоффе № 83 от 24 сентября 1918 г.: 2. С. 457.].

Телеграмма Иоффе, больше походившая на мольбу о помощи, оказала нужное воздействие на большевистское руководство. Чичерин выразился максимально осторожно и минимально дипломатично, не упустив случая в очередной раз поставить Иоффе на место: «Мы можем согласиться на то, чтобы Вы дали бумажку, но эта бумажка должна являться только констатацией факта их права на приемку судов без какого-либо обращения к командам» [Телеграмма Чичерина № 485 от 24 сентября 1918 г.: 1. Ф. 82. Оп. 1. П. 7. Д. 34. Л. 40]. На следующий день полпред вручил соответствующий документ за собственной подписью сотрудникам германского МИД. Иоффе сообщил Чичерину, что таким образом ему удалось погасить назревавший конфликт: «Хотя офицер вчера уехал в Севастополь до получения Вашего ответа, сегодня меня просили дать известную Вам бумагу и отправили ее с экстренным курьером. Бумага написана мною, как и предполагалось сначала, только констатирующая факт права Германии посадить свои команды на эти суда, т.е. принять их во временное пользование» [1. Ф. 82. Оп. 1. П. 11. Д. 48. Л. 47]. Содержание документа немедленно телеграфировали в Севастополь, а его текст был размножен в 100 экземплярах для возможной раздачи российским экипажам.

Поездка курьера заняла двое суток – до Одессы он добирался поездом, а затем пересел на пароход, идущий в Севастополь. Задолго до этого Хопману пришел приказ Адмиралштаба так подготовиться к передаче судов немецким командам, «чтобы избежать актов саботажа» [14. С. 583, 585]. Только для размещения на дредноуте «Воля» из Германии было отправлено 350 моряков. Вице-адмирал на первых порах высказывался за обнаружение тайной ноты в момент смены экипажа, явно не отдавая себе отчета в том, что большевики ни в коем случае не согласятся с признанием факта тайной дипломатии. Отсюда и родился компромиссный вариант с «уполномоченным», которому следовало устно объяснить российским морякам, почему им нужно уступить свои корабли немецкой команде [12. С. 173-174].

Как только в Севастополь пришла телеграмма о том, что уполномоченного из Советской России не будет, и всё ограничится присылкой мандата, подписанного Иоффе, там началась

подготовка детального сценария смены команд, чтобы обставить данное мероприятие с максимальной торжественностью [14. С. 604-605, 608]. 30 сентября в 9 часов утра Тихменев приветствовал на борту «Воли» немецкую делегацию, которая объявила офицерам с вернувшихся кораблей об их переходе в оперативное подчинение Адмиралштабу.

Днем все российские команды были выстроены на Царской пристани, где к ним на русском языке обратился сам Хопман, зачитавший среди прочего документ, подписанный Иоффе. На следующий день вице-адмирал лично посетил все три корабля и убедился, что процесс смены команд совершился без особых эксцессов, а затем вновь обратился к сошедшим на берег экипажам, пообещав им двухмесячное жалованье. В своем дневнике он отметил, что люди были крайне растеряны, многие уже успели переодеться в гражданское [14. С. 609-611]. На борт своих кораблей они уже больше не поднялись.

Боевым судам - «Воле», «Евстафию» и «Иоанну Златоусту», на которых разместили немецкие команды, так и не удалось покинуть бухту Севастополя. Германская империя стремительно катилась к своему поражению, в начале ноября английский флот миновал Дарданеллы и вошел в Черное море. Понимая, что мировая война проиграна, немецкие дипломаты попытались вернуть ставшие ненужными корабли Черноморского флота для того, чтобы получить от Советской России очередной транш контрибуции, оговоренной в Бресте. 24 октября 1918 г. Иоффе сообщал в Москву: немцы «мне намекнули, что, быть может, не будут в состоянии удержать Черное море и готовы будут поэтому передать нам наш флот еще до всеобщего мира, конечно, опять-таки в ответ на наши уступки» [2. С. 527]. Но это уже были предсмертные судороги Германской империи.

Заключение (выводы). Вернувшиеся из Новороссийска корабли были переданы антантовским офицерам из комиссии по перемирию. Позже они еще успели повоевать в составе белой армии и вместе с частями Врангеля покинули Крым, войдя в состав ушедшей в Турцию Русской эскадры. Флагманский дредноут «Воля», спущенный со стапелей как «Император Александр Третий», закончил свой боевой путь под именем «Генерал Алексеев». С его последним переходом в тунисский порт Бизерта зимой 1920-1921 гг. сюжет с «новороссийскими возвращенцами» можно считать закрытым.

События, связанные с «бумажкой», подписанной Иоффе и отправленной в Севастополь, нашли неожиданное продолжение. Один из сотрудников английской военной миссии, спешно эвакуировавшейся из Крыма вместе с армией

Врангеля, украл и сохранил ее, а в 1925 г. передал в архив Октябрьской революции [4. С. 112-115]. Иоффе вряд ли узнал об этом - его дипломатическая карьера продолжалась на Дальнем Востоке, где он заболел неизлечимой болезнью. Не в силах

справиться с нею и видя в утверждении сталинского единовластия крах своих политических убеждений, в ноябре 1927 г. он покончил жизнь самоубийством.

Список литературы

1. Архив внешней политики МИД Российской Федерации.
2. Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Сборник документов. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 623 с.
3. Ватлин А.Ю. Большевистские интеллектуалы на внешнеполитическом фронте: отношения наркома Г.В. Чичерина и полпреда А.А. Иоффе в 1918 году // Новая и новейшая история. 2022. № 6. С. 108-125.
4. Ватлин А.Ю. Морской узел полпреда Иоффе // Родина. 2024. № 10. С. 112-115
5. Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208-230.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 771 с.
7. Кукель В. А. Правда о гибели Черноморского флота 18 июня 1918 г. П.: Редакционный отдел Морского ведомства, 1923. 33с.
8. Ланник Л.В. Непосильная гегемония. Германская империя на фронтах Гражданской войны в России в 1918 г. СПб.: Евразия, 2023. 816 с.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1982. Т. 50. 646 с.
10. Миргородский А.В. Красный десант 1918 года. СПб.: Морское наследие, 2022. 264 с.
11. Пученков А.С. Украина и Крым в 1918-начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-история, 2013. 353 с.
12. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München.: R. Oldenbourg Verlag, 1966. S. 462
13. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes.
14. Tagebuch und Aufzeichnungen Albert Hopmans // Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution: aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918. Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen.: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. S. 750.

SOVIET-GERMAN NEGOTIATIONS ABOUT THE FATE OF THE BLACK SEA FLEET SHIPS THAT RETURNED TO SEVASTOPOL IN 1918

In the tragedy of the Russian Black Sea Fleet drowned near Novorossiysk due to the threat of capture by Germany, the return of several ships to German-occupied Sevastopol remains the little-known page of history. The further fate of the ships themselves, with their crews including their possible participation in the military operations on the side of Central Powers was being resolved during the negotiations between Moscow and Berlin right up to October 1918 as it was one of the components of the Soviet - German relations after Brest-Litovsk Peace Treaty. The Soviet Russia Plenipotentiary mission in Berlin, which began its work after the signing of the Brest Treaty, played a key role in the negotiations. A.A. Ioffe, who headed it, arrived in Germany at the end of April and immediately began to resolve the conflict related to the occupation of Crimea and the withdrawal of ships of the Black Sea Fleet from Sevastopol. Their fate was given special attention in the Extension Treaty between Russia and Germany, which provided for the possibility of their use against the Triple Entente fleet in the Black Sea. The curtailment of military operations on land and the signing of the Armistice of 11 November 1918 put an end to the fate of the ships that returned to Sevastopol. They were transferred by the Triple Entente to the white armies that controlled the South of the former Russian Empire.

Keywords: Soviet-German relations in 1918, Black Sea Fleet, G. Chicherin, A. Ioffe, Brest system of relations, Sevastopol, Soviet Russia, German Empire

References

1. Arhiv vneshnej politiki MID Rossijskoj Federacii. [Archive of Foreign Policy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]
2. Berlinskaya missiya polpreda Ioffe 1918 g. Sbornik dokumentov. (2023) [Berlin mission of Plenipotentiary Representative Ioffe 1918 Collection of documents] M.: Politicheskaya enciklopediya. 623 s.
3. Dokumenty vneshnej politiki SSSR. (1957) [Documents of the USSR foreign policy] T.1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 771 s.
4. Kukel' V. A. (1923) Pravda o gibeli Chernomorskogo flota 18 iyunya 1918 g. [The Truth About the

- Death of the Black Sea Fleet on June 18, 1918] P.: Redakcionny`j otdel Morskogo vedomstva. 33 s.
5. Lannik L.V.(2023) Neposil'naya gegemoniya. Germanskaya imperiya na frontah Grazhdanskoj vojny v Rossii v 1918 g. [An Unsustainable Hegemony. The German Empire on the Fronts of the Russian Civil War in 1918] SPb.: Evraziya, 2023. 816 s.
 6. Lenin V.I. (1982) P olnoe sobranie sochinenij. [Complete Works] M.: Politizdat. T.50. 646 s.
 7. Mirgorodskij A.V.(2022) Krasnyj desant 1918 goda. [Red landing of 1918] SPb.: Morskoe nasledie. 264 s
 8. Puchenkov A.S. (2013) Ukraina i Krym v 1918-nachale 1919 g. Oчерki politicheskoy istorii. SPb.: Nestor-istoriya. 353 s.
 9. Vatlin A.Yu. (2022) Bol'shevistskie intellektualy na vneshnepoliticheskom fronte: otnosheniya narkoma G.V. Chicherina i polpreda A.A. Ioffe v 1918 godu [Bolshevik intellectuals on the foreign policy front: the relationship between People's Commissar G.V. Chicherin and Plenipotentiary Representative A.A. Ioffe in 1918] // Novaya i novejshaya istoriya. 2022. № 6.
 10. Vatlin A.Yu. (2024) Morskoj uzел polpreda Ioffe [Marine knot of Plenipotentiary Representative Ioffe] // Rodina. 2024. № 10.
 11. Vatlin A.Yu., Lannik L.V. (2021) Tajnye noty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyj syuzhet iz istorii sovetsko-germanskih otnoshenij na iskhode Pervoj mirovoj vojny [Secret Notes to the Supplementary Treaty of August 27, 1918: An Unknown Plot from the History of Soviet-German Relations at the End of World War I] // Novaya i novejshaya istoriya. 2021. № 5.
 12. Baumgart W. (1966) Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litovsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges [German Eastern Policy 1918: from Brest-Litovsk to the End of the First World War]. Wien; München.: Oldenbourg, 1966. 462 s.
 13. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. [Political Archive of the Federal Foreign Office]
 14. Tagebuch und Aufzeichnungen Albert Hopmans (1971) // Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution: aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918. Hrsg. von W. Baumgart. [Diary and notes of Albert Hopman // From Brest-Litovsk to the German November Revolution: from the diaries, letters and notes of Alfons Paquet, Wilhelm Groener and Albert Hopman, March to November 1918. Edited by W. Baumgart.] Göttingen.: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 750 s.

Об авторе

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Vatlin Alexander Yurevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Russia), E-mail: vatlin_alex@mail.ru

УДК 94(47)084:6-9

Горбачев О.В., доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия).

Мазур Л. Н., доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ И В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ

В статье поставлена задача верифицировать черты «идеального образа» советского председателя колхоза с использованием источников личного происхождения. При том, что председатели играли чрезвычайно важную роль в жизни сельского социума, в историографии им уделено недостаточное внимание. Для анализа привлечены воспоминания Н.А. Кузнецова (колхоз «Крестьянин» Богородского района Горьковской области) и И.И. Бортулёва (колхоз им. Щорса Мглинского района Брянской области). Существенно, что председатели относились к разным поколениям советской сельской бюрократии. Воспоминания позволяют судить о границах возможностей председателя, формальных и неформальных методах решения текущих проблем. Установлено, что наряду с умением выстраивать отношения с региональными руководителями и рядовыми колхозниками, существенными составляющими многолетней успешной деятельности председателя колхоза были фронтовой опыт, членство в партии, предшествующий городской опыт хозяйственной деятельности, местное происхождение, трезвый образ жизни. Содержание деятельности председателя колхоза и методы руководства хозяйством в сталинский и хрущевско-брежневский периоды существенно различались; различными были и пути улучшения жизни колхозников на разных этапах советского колхозного строя.

Ключевые слова: аграрный строй, колхозы, советская сельская бюрократия, социальная структура, воспоминания.
DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-14-19

Введение. Изначально в процессе формирования сельской власти в советской России был широко востребован опыт общинного самоуправления. В 1920-е гг. административный аппарат сельсоветов был малочисленным и слабо бюрократизированным [2]. Постепенно он переходил под политический контроль ВКП(б)/КПСС – как в ходе кампании по «большевизации» советов, так и в результате утверждения механизма прямого администрирования со стороны местных партийных комитетов. В 1930-е гг. верхний уровень сельской бюрократии включал директоров МТС и совхозов, а также председателей колхозов. В целом в это время численность сельской бюрократии значительно возросла, а ее роль в жизни села усилилась. Руководители сельских предприятий зависели не столько от сельсоветов, имевших формальный статус органов государственной власти, сколько от партийных органов и «хозяйственников» – представителей соответствующих центральных ведомств.

Отмечая особое место руководителей колхозов, совхозов и МТС, М. А. Безнин и Т. М. Димони сочли возможным причислить их к «протобуржуазии». Исследователи исходили из их места в сельском сообществе и важности выполняемых административно-управленческих функций [1].

Председатель колхоза нес персональную ответственность перед государством за выполнение производственных планов, сдачу сельхозпродуктов, выплату налогов и т.п. Перед колхозниками он отвечал за их доходы и уровень жизни. Кроме того,

на плечи колхоза обычно ложилось развитие местной инфраструктуры – школ, дорог, клубов, больниц и прочих социальных объектов, на которые, как правило, не было средств у сельсоветов.

В соответствии с Уставом колхоза, общее собрание на правах высшего органа управления колхозом избирало председателя и правление, игравшее роль исполнительного органа. Однако в реальности кандидатура председателя колхоза сначала утверждалась на уровне райисполкома и райкома партии, и только потом проводились выборы на общем собрании колхозников.

В то же время было немало случаев, когда общее собрание не соглашалось с предложенными кандидатурами и выдвигало своего председателя (см. напр.: [9]). Выборность и зависимость от общего собрания отличала председателя от других представителей сельской бюрократии (директоров совхозов и МТС).

Властный ресурс колхозных руководителей по отношению к рядовым членам колхоза был значительным. От председателя зависело распределение колхозных работ и должностей, он отвечал за выполнение трудовой и гужевой повинностей на лесозаготовках, контролировал запись трудодней, распределял денежные и натуральные авансы, налагал штрафные санкции [7].

Директора МТС и совхозов, которых, в отличие от председателей колхозов, не выбирали, а назначали, были менее свободны в принятии управленческих решений. При этом формально их статус был выше, поскольку они имели

паспорта, получали гарантированную зарплату и т. д. В 1932 г. председателей колхозов в Российской Федерации было более 150 тыс. человек, а в 1987 г. – 12 тыс. человек. В начале колхозно-совхозного периода директоров совхозов было существенно меньше, чем председателей колхозов (около 3 тыс. человек), но к концу 1980-х гг. их численность практически сравнялась, составив в 1987 г. почти 13 тыс. человек [3, с. 268].

В силу распространенности традиционалистских настроений в сельской местности большую опасность для нее представляли регрессивные тенденции. Патриархальная авторитарная модель власти была вполне обычной для руководителей колхозов и совхозов. Характерно, что она была органичной для советской управленческой системы в целом, организованной на схожих принципах.

Примечательно, что председатели колхозов рекрутировались преимущественно из городских жителей (представителей рабочего класса, служащих) и только частично – из сельского населения (колхозников и рабочих совхозов) (см. подробнее [10, с. 565]). Механизмы мобилизации коммунистов из числа рабочего класса на руководящие должности в сельском хозяйстве были впервые апробированы в конце 1920-х гг. Речь идет о движении двадцатипяти тысячников, получившем широкое распространение в годы коллективизации. В результате в колхозы СССР на работу в качестве председателей, секретарей парткомов прибыли 27 519 чел. [6]. В середине 1950-х гг. была инициирована кампания тридцатитысячников, имевшая схожую цель – «укрепление» руководящего звена колхозов передовыми представителями рабочего класса, а также специалистами с высшим образованием.

Несмотря на несомненную значимость фигуры председателя колхоза для понимания реалий советской деревни, специальных исследований, посвященных представителям этой социальной группы, нет. В общественном сознании образ председателя сформировался во многом под влиянием кинематографа (фильмы «Председатель» (реж. А. Салтыков, 1964), где главную роль сыграл харизматичный М. Ульянов (см.: [5]), «Простая история» (реж. Ю. Егоров, 1960, «Человек на своем месте» (реж. А. Сахаров, 1972) и др.).

Проблема, источники и методы. Насколько реальными были экранные персонажи? Ответить на этот вопрос позволяют оказавшиеся в нашем распоряжении источники личного происхождения – воспоминания Н. А. Кузнецова (1905–1986)¹, председателя колхоза

«Крестьянин» Горьковской области и И. И. Бортулёва (1927–2002), председателя колхоза им. Ворошилова (затем – им. Щорса) Мглинского района Брянской области. Основываясь на имеющейся информации, в качестве рабочей гипотезы мы предположили, что для успеха в порученном деле председатель должен был обладать набором некоторых качеств и характеристик, формирующих своеобразный «идеальный тип»:

1) способностью добиваться расположения партийных и советских районных органов власти, утверждавших его кандидатуру;

2) умением учитывать интересы колхозников, игравших важную роль в процедуре выборов;

3) чаще это был мужчина, член партии, с фронтовым опытом, опытом работы в городе, желательным местным уроженцем.

Кроме того, мы предположили, что на протяжении советской истории по мере либерализации режима и усиления роли совхозов требования к председателю менялись как со стороны советско-партийных органов, так и со стороны колхозников.

При анализе следует учитывать, что авторы воспоминаний относились к разным поколениям председателей. Н. А. Кузнецов начинал свою деятельность на начальном этапе коллективизации, когда в наибольшей степени были востребованы авторитарный стиль руководства и жесткие решения, в то время как И. И. Бортулёв возглавил колхоз в более спокойные хрущевские годы.

Автобиографический текст Н. А. Кузнецова, созданный по канонам официальных советских мемуаров, был опубликован в 1967 г. [8] и дополнен его устными рассказами, воспоминаниями членов семьи и разысканиями внука, А. А. Кузнецова. Воспоминания И. И. Бортулёва, фрагменты которых были нами опубликованы [4], написаны в 1990-е гг. в гораздо более свободной манере и отражают синкретичное сознание человека, сохранившего верность многим советским ценностям, но уже впитавшего критическую риторику постсоветских лет по отношению к недавнему прошлому.

Результаты и ключевые выводы. Н. А. Кузнецов был заметной фигурой в колхозном движении. Его биография выглядит канонической для первого поколения председателей. Рано оставшись сиротой, он работал подпаском в семье родственников, тогда же окончил три класса церковно-приходской школы. Затем трудился на заводе в небольшом городе Ворсме, с началом нэпа начал карьеру по линии потребкооперации. Именно в этом качестве вернулся на малую

¹ Выражаем благодарность профессору А. А. Кузнецову, проректору Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, внуку Н. А. Кузнецова за предоставленную рукопись неопубликованной статьи «Николай Александрович Кузнецов – председатель колхоза “Крестьянин”», содержащую фрагменты автобиографических воспоминаний председателя и свидетельства современников.

родину, где стал председателем сельпо, в 1936 г. стал седьмым председателем колхоза «Крестьянин» Богородского района Горьковской области, в 1939 г. вступил в ВКП(б). В 1941 г. ушел на фронт, был ранен, после чего продолжил службу по линии НКВД и в 1942 г. принимал участие в спецоперации по переселению немцев Поволжья. В том же году возобновил работу председателем. В 1948 г. стал членом Богородского горкома партии. Главный карьерный взлет председателя пришелся на вторую половину 1950-х гг. Отмечая его успехи, Н. С. Хрущев удостоил Н. А. Кузнецова персональной похвалы: «...человек дело знает, людей организовывать умеет»¹. В 1958 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, в 1959 г. он был делегатом XXI съезда КПСС. С 1972 г. – на пенсии. Как можно судить по доступным материалам, причинами успешной деятельности Н. А. Кузнецова были его несомненные организаторские способности, знание сельского хозяйства, определенная смелость в проведении собственной линии в диалоге с вышестоящими инстанциями.

Родившийся в 1927 г. в Мглинском районе Брянской области И. И. Бортулёв до войны успел окончить семь классов средней школы, в 1941 г. оказался на оккупированной территории, после освобождения Брянщины в 1943 г. был призван в армию и до 1951 г. служил в составе СМЕРШ сначала в Румынии, а затем в Грузинской ССР. Видимо, тогда же вступил в партию (в мемуарах этот сюжет не акцентируется) и учился в дивизионной партшколе. После демобилизации окончил курсы бухгалтеров, впоследствии – курсы при сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Некоторое время работал счетоводом в колхозе, затем переехал в райцентр Клинцы, где до 1955 г. последовательно трудился счетоводом, заведующим клубом и завскладом. С началом движения «тридцатитысячников» (март 1955 г.) после долгих уговоров, в том числе на уровне обкома партии, согласился выехать в свою деревню. Первоначально стал работать колхозным счетоводом, а в 1958 г., фактически опять против собственной воли, был избран одиннадцатым председателем колхоза им. Ворошилова (после объединения в 1959 г. – колхоза им. Щорса). Одной из важных причин назначения стало хорошее знание И. И. Бортулёвым колхозного делопроизводства. В этой должности он трудился до 1980 г., а потом до выхода на пенсию еще семь лет работал председателем Семковского сельсовета.

Несмотря на разную «весовую категорию» председателей, в их биографиях много общего.

Оба имели невысокий уровень образования (у представителя более позднего поколения И. И. Бортулёва образовательный уровень несколько выше). И тот, и другой работали в своих селах, были членами партии, обладали фронтовым опытом и опытом работы в небольшом городе. Существенно, что оба председателя были знакомы с хозяйственным делопроизводством (потребкооперация и бухгалтерия) и оставались на своем посту достаточно долго. Оба колхоза были сильными (они стали центрами укрупненных хозяйств), многопрофильными (в первом случае, в соответствии со спецификой региона, доминировало животноводство, во втором – растениеводство). Наконец, немаловажно, что предшественники обоих председателей часто менялись по причине вредных привычек, сами же они вели трезвый образ жизни.

Итак, вехи биографии председателей в основном демонстрируют соответствие характеристикам предложенного нами «идеального типа». Для полноты картины попробуем понять, каким образом они принимали управленческие решения, как выстраивали взаимоотношения с властью и рядовыми колхозниками.

Благодаря достигнутым в хозяйстве результатам в животноводстве (уже в 1930-е гг. в колхозе «Крестьянин» были коровы-рекордистки) Н. А. Кузнецов мог себе позволить слегка отстраненно реагировать на очередные инициативы государства в сельском хозяйстве. В 1958 г. на вопрос секретаря Горьковского обкома КПСС Н. Н. Смелякова о состоянии птицеводства в колхозе он ответил шуткой: «Птицефермы у нас нет, да и самих кур тоже. Мы занимаемся откормом свиней... Как нас учили, надо сначала тяжелую промышленность развивать, а потом уж браться за легкую. Почитаю свиноводство за тяжелую промышленность» [11, с. 270]. И. И. Бортулёв новшества не приветствовал, но повиновался: «Трудно было работать по птицеводству, для колхоза эта отрасль была глубоко убыточна, но нас обязывали свыше иметь у себя птицу. Плохо конечно влияло это многообразие в животноводстве, хорошо бы было иметь специализированное животноводство, да нет, самостоятельно вести хозяйство свое не давали право свыше»².

Схожим образом председатели принимали решения об обязательных посевах кукурузы. По свидетельству одного из работников колхоза «Крестьянин», Н. А. Кузнецов «в середине кукурузного поля, там, где со стороны не видно, распорядился сеять викоовсяную смесь, возделывать которую считал для хозяйства делом

¹ Здесь и далее цитаты из рукописи статьи А. А. Кузнецова.

² Здесь и далее цитируется по рукописи воспоминаний И. И. Бортулёва.

выгодным»... «Два года подряд при рядовом посеве <кукурузы> мы собирали зеленой массы столько, что себе хватало, да еще и соседу займы давали». У И. И. Бортулева дела обстояли гораздо хуже: «Один год был благоприятный для возделывания кукурузы... Она выросла высотой более 2-х метров с початками, но початки к началу уборки хорошо не созрели, ее убирали так же вручную, початками заложили все свободные места хранения и по совету специалистов района оставшиеся початки заскирдовали послойно с соломой и эти початки к весне погнили и их нельзя было использовать для скота на корм. Вот что значит безрассудное руководство сверху».

Приведенные цитаты уже дают информацию о взаимоотношениях обоих председателей с представителями власти. Дополним ее другими фрагментами из воспоминаний. Н. А. Кузнецов сообщает: «На "Победах" приехали какие-то сердитые мужики, в кожаных пальто, и требуют председателя. Оказалось, что нагрянул первый секретарь Горьковского обкома КПСС Николай Григорьевич Игнатов¹». Визит был обусловлен заметностью Н. А. Кузнецова в областном масштабе. И. И. Бортулёв тоже не был обделен вниманием со стороны власти: «За строительство дорог руководство района вручило нам похвальную грамоту». В другом месте: «Нашу работу по мелиорации оценили хорошо. И вот результат – в следующем году приезжал посмотреть наши луга даже первый секретарь обкома КПСС тов. Крахмалёв Михаил Константинович². За наш почин, которого не было нигде такого в области, он выделил срочно кирпич нам для строительства хмелесушилки».

В то же время И. И. Бортулёв позволяет себе гораздо более жесткие оценки власти, чем Н. А. Кузнецов: «Надоедали уполномоченные в РК КПСС, приезжали в колхозы, ходили по пятам руководителей, смотрели, ябедничали в район»... «А вообще мы ежегодно выполняли доведенные до колхоза планы перед государством. И ежегодно выполнишь план, потом приказывают сдать еще сверх плана, а потом нужно говорят сдать за других хозяйств поддержать выполнение всего плана района... Женщины готовили зерно для выдачи колхозникам по ведомостям и он (Я. П. Левченко, 2-й секретарь Мглинского РК КПСС. – Авт.) допек меня до того, что женщины обрушились на него и говорят: "Иван Иванович, отправь зерно чтобы они тебя не мучили, пусть он Левченко им удавится"»... «Меня как председателя колхоза вызвали на бюро РК КПСС, издевательски внесли выговор в учетную

карточку» (чуть ли не единственное упоминание о членстве в партии. – Авт.).

У Бортулёва – отстраненно настроенное к власти, но ее представители в восприятии автора очевидно отделяются от справедливого советского социального строя.

Судя по воспоминаниям, у обоих председателей сложились хорошие отношения с колхозниками. Н. А. Кузнецов предстает в качестве сурового, но заботливого руководителя. «Для того чтобы заработать трудодни в колхозе, надо было хорошо поработать, но и выдавали больше, чем у других»... «Попробуй в весеннюю посевную унести с поля хоть горстку зерна в кармане! Но о людях заботился. Даже в трудные военные года голода у нас не было»... «Даже в лес за грибами, орехами и ягодами нельзя было ходить самовольно. Правлением назначался определенный срок, когда вся деревня выходила в лес, числившийся за колхозом. Это позволяло соблюсти социальную справедливость и не отвлекало людей от работы».

Очевидно, что в сталинские годы главной задачей председателя по отношению к колхозникам было поддержание минимального уровня потребления, обеспечение социальной справедливости. Для следующего поколения председателей, к которому относился И. И. Бортулёв, на повестке дня было развитие колхозной инфраструктуры, улучшение общих условий жизни: «Мы добились ч/з Брянск разрешения и построили электростанцию у себя в колхозе с двумя двигателями... Причем у нас было электричество раньше во всем населении Мглинского района за исключением колхоза "Путь к коммунизму". Примерно к 1978 провели телефоны где было необходимо и даже в дома колхозников и поселки»... «И говорит, дорогой Иван Иванович, всю жизнь буду Вам благодарен за помощь в перевозке леса, что он живет в хорошем доме в благоустроенной усадьбе. И таким образом в нашем Семковском с/совете к 1970 году не осталось ни одной избы старой ветхой».

И идеологически выдержанные воспоминания Н. А. Кузнецова, и более свободные мемуары И. И. Бортулёва позволяют судить о границах возможностей председателя в осуществлении хозяйственной деятельности; ее обусловленности указаниями из центра и местными управленческими инициативами; о сложных взаимоотношениях с представителями власти; о методах формального и неформального решения многочисленных проблем; о путях улучшения жизни колхозников на разных этапах истории колхозного строя.

Оба председателя в целом соответствуют предложенному нами «идеальному типу» при том,

¹ Первый секретарь Горьковского обкома КПСС с 1955 по 1957 гг.

² Возглавлял Брянскую область с 1960 по 1977 г.

что уровень их заслуг и статус в советской системе различны. Н.А. Кузнецов предстает более авторитарным руководителем, и в силу этого более

органичным сталинскому периоду, компромиссная фигура И. И. Бортулёва хорошо вписывается в реалии позднего хрущевского – брежневского периодов.

Список литературы

1. Безнин М. А., Димони Т. М. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. // Социс. 2011. № 11. С. 90–102.
2. Безгин В. Б. Крестьянская община и сельсовет в 1920-е годы // Проблемы общества и политики. № 2. 2013. С. 119–160. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_403.html (дата обращения: 22.10.2024).
3. Глумная М. Н. К характеристике колхозного социума 1930-х годов (на материалах Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 265–285.
4. Горбачев О. В. Воспоминания председателя колхоза // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 7. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 483–489.
5. Димони Т. М. «Председатель»: судьбы послевоенной деревни в кинокартине первой половины 1960-х гг. // Отечественная история. 2003. № 6. С. 91–101.
6. Ершков Н. В. Двадцатипятидесятники // Советская историческая энциклопедия / под ред. Е. М. Жукова. М., 1973–1982. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/5173/ДВАДЦАТИПЯТИДЕСЯТНИКИ> (дата обращения: 22.10.2024).
7. Изюмова Л. В. Колхозный социум 1930–1960-х гг.: социальная трансформация, идентификация и престиж // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 59. Вып. 16. С. 103–118.
8. Кузнецов Н. А. На верном пути // Рассказывают председатели. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1967. С. 95–105.
9. Мазур Л. Н. Некоторые проблемы состояния колхозной демократии в первые послевоенные годы (на материалах Свердловской области) // Социальная активность тружеников уральской советской деревни. Свердловск, 1990. С. 72–85.
10. Мазур Л. Н. Сельская бюрократия в советской России: к постановке проблемы // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века : сб. материалов IV межвуз. науч.-практ. конф. Коломна: Моск. гос. обл. соц.-гум. ин-т, 2013. С. 561–566.
11. Смеляков Н. Н. С чего начинается Родина (Воспоминания и размышления). М.: Политиздат, 1975. 607 с.

THE CHAIRMAN OF A COLLECTIVE FARM IN RURAL SOCIETY AND IN THE SYSTEM OF POWER

The article sets the task of verifying the features of the "ideal image" of the Soviet chairman of a collective farm using sources of personal origin. Despite the fact that chairmen played an extremely important role in the life of rural society, insufficient attention has been paid to them in historiography. The analysis involves the memoirs of N. A. Kuznetsov (the "Krestyanin" collective farm, Bogorodsky District, Gorky Region) and I. I. Bortulyov (the Shchorsa collective farm, Mglinsky District, Bryansk Region). It is significant that the chairmen belonged to different generations of the Soviet rural bureaucracy. The memoirs allow us to judge the limits of the chairman's capabilities, formal and informal methods of solving current problems. It has been established that, along with the ability to build relationships with regional leaders and ordinary collective farmers, essential components of the long-term successful activity of the collective farm chairman were front-line experience, party membership, previous urban experience of economic activity, local origin, and a sober lifestyle. The content of the activities of the collective farm chairman and the methods of managing the farm in the Stalinist and Khrushchev-Brezhnev periods differed significantly; the ways of improving the lives of collective farmers at different stages of the Soviet collective farm system were also different.

Keywords: agrarian system, collective farms, Soviet rural bureaucracy, social structure, memories.

References

1. Beznin M. A., Dimoni T. M. (2011). *Sotsialnye klassy v rossiyskoy kolkhozno-sovkhonoy derevne 1930-1980-kh gg.* [Social classes in the Russian collective farm and state farm village of the 1930s-80s]. In *Socis*. No. 11. Pp. 90-102.
2. Bezgin V. B. (2013). *Krestyanskaya obshchina i selsoviet v 1920-e gody* [Peasant community and village council in the 1920s]. In *Problemy obshchestva i politiki*. No. 2. Pp. 119-160. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_403.html (accessed: 22.10. 2024).
3. Glumnaya M. N. (2005). *K kharakteristike kolkhoznogo sotsiuma 1930-kh godov (na materialakh Evropeyskogo Severa Rossii)* [On the characteristics of the collective farm society of the 1930s (based on

materials from the European North of Russia)]. In *XX vek i selskaya Rossiya. Rossiyskie i yaponskie issledovateli v proekte «Istoriya rossiyskogo krestyanstva v KhKh veke»*. Tokyo. Pp. 265-285.

4. Gorbachev O. V. (2007). Vospominaniya predsedatelya kolkhoza [Memories of the chairman of the collective farm]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost*: coll. of scientific papers. Issue 7. Ekaterinburg: Ural University Press. Pp. 483-489.

5. Dimoni T. M. (2003). «Predsedatel»: sudby poslevoennoy derevni v kinokartine pervoy poloviny 1960-kh gg. [“The Chairman”: the fate of the post-war village in the film of the first half of the 1960s]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 6. Pp. 91-101.

6. Ershkov N. V. Dvadsatipyatitysyachniki [Twenty-five thousanders]. In *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya*. Ed. by E. M. Zhukov. Moscow, 1973-1982. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/5173/ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИКИ> (accessed: 22.10.2024).

7. Izyumova L. V. (2008). Kolkhoznyy sotsium 1930-1960-kh gg.: sotsialnaya transformatsiya, identifikatsiya i prestizh [Kolkhoz society of the 1930-1960s: social transformation, identification and prestige]. In *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 59. Issue. 16. Pp. 103-118.

8. Kuznetsov N. A. (1967). Na vernom puti [On the right track]. In *The chairmen tell*. Gorky: Volgo-Vyatka book publishing house. Pp. 95-105.

9. Mazur L. N. (1990). Nekotorye problemy sostoyaniya kolkhoznoy demokratii v pervye po-slevoennye gody (na materialakh Sverdlovskoy oblasti) [Some problems of the state of collective farm democracy in the first post-war years (based on materials from the Sverdlovsk region)]. In *Sotsialnaya aktivnost truzhenikov uralskoy sovetskoy derevni*. Sverdlovsk. Pp. 72-85.

10. Mazur L. N. (2013). Selskaya byurokratiya v sovetskoy Rossii: k postanovke problem [Rural bureaucracy in Soviet Russia: towards the formulation of the problem]. In *Gosudarstvennaya vlast i krestyanstvo v XIX - nachale XXI veka*: coll. of materials of the IV inter-university scientific-practical conference. Kolomna: Moscow state regional social-humanitarian institute. Pp. 561-566.

11. Smelyakov N. N. (1975). *S chego nachinaetsya Rodina (Vospominaniya i razmyshleniya)* [Where does the Motherland begin (Memories and reflections)]. Moscow, Politizdat. 607 p.

Об авторах

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: og_06@mail.ru.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, зав. кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: Lmaz@mail.ru.

Gorbachev Oleg Vitalevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia). E-mail: og_06@mail.ru.

Mazur Lyudmila Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Documentation, Art and History of Public Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia). E-mail: Lmaz@mail.ru.

Дубровский А.М., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РАННЕГО БОЛЬШЕВИЗМА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА (1910-е-1930-е гг.)

Историческая наука пока не создала целостной картины эволюции большевистской идеологии. В любой идеологии имеется представление о желанном общественном устройстве. В статье рассматриваются главным образом воззрения В.И. Ленина и И.В. Сталина на социализм – то общество, которое создавала власть большевиков. Выясняется, что у теоретиков большевизма, чьи труды представляют две разные полосы политической практики большевиков, было ясное понимание, что именно они хотели уничтожить в современном им капиталистическом обществе и только в самых общих чертах вожди и теоретики партии представляли себе то, что должно быть создано. Ленин ориентировался главным образом на опыт Парижской коммуны. При этом Ленин отмечал и то, чего Коммуна не доделала или не сделала совсем (не национализирован банк, не узаконен 8-часовой рабочий день). Первые преобразования советской власти повторяли то, что делала в свое время Коммуна. Уже тогда приходилось корректировать представления о социалистических преобразованиях сохранение (постоянной армии). Сталин мог опереться на более богатый опыт социалистического строительства в СССР. Постепенно социальный идеал терял свои утопические черты и принимал реалистический облик общественного устройства, в частности, в области товарно-денежных отношений, заработной платы, отношений между республиками СССР, рабочего контроля, ликвидации постоянной армии.

Ключевые слова. Идеология, капитализм, социализм, коммунизм, Парижская коммуна, теория построения социализма в одной стране, кооперация, уравниловка, торговля.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-20-26

Введение. Эволюция идеологии большевизма пока еще не вполне изучена. Нет целостной картины ее развития в советский период отечественной истории. Цель настоящей работы – охарактеризовать эволюцию воззрений В.И. Ленина и И.В. Сталина на то общество, которое они хотели создать. Важность их воззрений определяется тем, что оба вождя не только теоретизировали, но и воплощали свои представления в жизнь.

Результаты и их обсуждение. По учению Маркса, после пролетарской революции и переходного периода от капитализма к новому обществу наступает пора социализма – общественного строя, в котором пока имеются, так сказать, родимые пятна капитализма: классовые различия, противоположность между городом и деревней и пр. При коммунизме уровень производства материальных благ будет настолько высоким, что наступит пора изобилия, исчезнут классовые различия, а также различия между городом и деревней. Все эти футурологические построения Маркса из его работы «Критика Готской программы» были известны далеко не всем большевикам, даже лидерам партии.

Н. Валентинов писал, что Л.Б. Каменев «в бытность редактором первых изданий сочинений Ленина правильно заметил, что ни в одном из его произведений нет описания строя, за который он боролся» [Цит. по: 2, с.61]. В юности, в пору увлечения Н.Г. Чернышевским, Ленин познакомился с идеей социализма, с новой «эпохой всемирной истории», которая, по словам Чернышевского, вела к «союзному производству и потреблению»,

«переходу земли в общинное владение, а фабричных и заводских предприятий в общинное владение всех работников на этой фабрике, на этом заводе». При этих порядках не будет нужды и горя, а только общий труд, довольство и наслаждения [2, с.61].

Позже, ещё до революции 1917 г., благодаря изучению истории Парижской коммуны у Ленина сложилось более конкретное представление о будущем обществе – социализме. В наброске под названием «План чтения о Коммуне» он отмечал следующие революционные меры, они же – черты будущего общества: «П о л и т и ч е с к и е м е р ы К о м м у н ы: (1) уничтожение постоянного войска. (2) уничтожение бюрократии а) выборность всех чиновников; б) жалованье не > 6 000 fr. (3) отделение церкви от государства. (4) введение бесплатного обучения».

Параллельно с этой записью Ленин отметил: «Программа-минимум», то есть у него были ещё какие-то соображения о необходимых политических мерах. Ниже он написал «Коммуна и крестьяне». Следовательно, он предусматривал какие-то политические шаги будущих коммунаров по отношению к крестьянам. Далее запись: «Коммуна и Интернационал». Видимо, речь должна идти об установлении связи с Интернационалом, с мировым рабочим движением, с перерастанием национальной революции в мировую. Это тоже были наброски социалистической перспективы.

Ниже он дал перечень черт иного содержания: «Э к о н о м и ч е с к и е м е р ы К о м м у н ы 1. Запрещение ночной работы булочников 2.

[запрещение] штрафов 3. Регистрация оставленных фабрик, передача в товарищества рабочих с вознаграждением по определению посреднических комиссий 4. приостановка продажи залогов. Отсрочка платежа (квартирной платы)» [17, с.328-330].

В качестве недостатка в деятельности руководства Коммуны Ленин отметил: «не взяли банка». Это, на его взгляд, должно было бы стать важной мерой в ходе социалистической революции. Далее – «не прошёл 8-часовой рабочий день». Естественно, важная мера в ходе революции.

Рассматривая политику Коммуны, Ленин, видимо, интересовался прежде всего тем, что реально было воплощено в жизнь. Коммуна не уничтожала частной собственности, денег, торговли. Между тем, именно эти идеи входили в состав важнейших черт идеально устроенного общества. Об этом писали ещё идеологи социализма домарковского периода. Если уничтожены частная собственность, товарное производство, товарное обращение, а торговля заменена планомерным распределением продуктов труда, то деньги не нужны. Ленин ясно писал об этом в другой работе: «Социализм требует уничтожения власти денег, власти капитала, уничтожения всей частной собственности на средства производства, уничтожения товарного производства. Социализм требует, чтобы земля и фабрики перешли в руки всех трудящихся, организующих по общему плану крупное (а не разрозненное мелкое) производство» [6, с.81].

В целом представления Ленина о будущем обществе больше свидетельствовали о том, что будет уничтожено, чем о том, что собственно будет создано. Главным для него было решение современных проблем. Большая часть футурологических представлений Ленина была расплывчата, абстрактна. С этим он и пришёл к 1917 г.

После свержения самодержавия, в выступлениях Ленина зазвучала идея о ликвидации постоянной армии и организация «всенародной милиции» (это было в его анализе опыта Коммуны), а также идея рабочего надзора (контроля) над капиталистами. Последнее было чем-то новым в его размышлениях о движении к социальному идеалу. Контроль, по мысли Ленина, «даст увеличение производства и удешевление продуктов» [16, с.44, 110; 12, с.120; 11, с.129; 10, с.166]. Кроме того, Ленин выдвигал идею установления контроля над банками [12, с.107]. С течением времени Ленин развивал идею «контроля, надзора, учёта, регулирования со стороны государства, установления правильного распределения рабочих сил в производстве и распределении продуктов, сбережения народных сил, устранения всякой лишней траты сил, экономия их» [7, с.156].

Размышляя над подходом к социалистической революции и, следовательно, к социализму,

Ленин шёл ощупью, изучая конкретную действительность, и подчёркивал: «Мы не претендуем на то, то Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут к нему, а конкретно, практически это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело» [9, с.116].

Примерно на таком же уровне находились представления Сталина о социализме. Он описал их в работе «Анархизм или социализм», которая публиковалась отдельными фрагментами в газетах в 1906-1907 гг. [21, с.214-372]. Как и Ленин, Сталин в большей степени формулировал то, чего не будет при социализме – классов, товарного производства, частной собственности, государства. По поводу того, что будет при социализме, он указал на социалистически организованное, высокоразвитое производство. «Понятно, что для ведения общих дел наряду с местными бюро, в которых будут сосредотачиваться различные сведения, социалистическому обществу необходимо будет центральное статистическое бюро, которое должно собирать сведения о потребностях всего общества и затем соответственно распределять различную работу между трудящимися. Необходимы будут также конференции и, в особенности, съезды, решения которых будут безусловно обязательными до следующего съезда для оставшихся в меньшинстве товарищей» [21, с.334-336].

В этой же работе Сталин, следуя за Марксом, повторял его мысли о социализме – первой ступени в становлении нового общества. В нём ещё не будет осуществлён принцип «каждому по потребностям». При социализме «производительные силы... не будут достаточно развиты и будет существовать "чёрная" и "белая" работа...., общество вынуждено будет временно стать на какой-то другой, средний путь» [21, с.336-337]. Какой? На этот вопрос у Сталина пока не было ответа.

Видимо, такие же расплывчатые, очень общие представления о перспективе борьбы большевиков были характерны для всех членов партии. То, что нужно было уничтожить, они видели и хорошо знали; это были условия их жизни. То, что нужно было создать, ясно, с деталями, не видел ещё никто.

Строй общественных отношений, которые стали насаждать большевики после завоевания власти, члены партии называли коммунизмом. Этот сравнительно короткий период коммунизма или, как его нередко называют, «военного коммунизма» (1918-1921 гг.) создал в сознании большевиков некий образ желанного общественного устройства. Бесплатные квартиры, отмена денег, равное вознаграждение за труд, контроль рабочих комитетов над производством, отсутствие интенсивного труда – всё это было связано с

первоначальным представлением партии о коммунизме. Для рабочих главным был приход легкой жизни. И когда Ленин в беседе с рабочей делегацией заговорил о своей программе восстановления промышленного производства, он услышал от пролетариев неожиданную огорчившую его фразу: «Видно, вы тоже, товарищ Ленин, взяли сторону капиталистов» [27, с.392].

Однако полоса существования коммунистических порядков была недолгой. Новая экономическая политика, которая многими воспринималась как отступление от коммунизма, возврат к капиталистическим отношениям отдала российскую жизнь от большевистского идеала. Воспоминание о коммунизме времен гражданской войны в общественном сознании надолго стал строем, к которому большевикам хотелось возвратиться.

Современник так передавал восприятие действительности коммуниста-«средняка»: «Мы осуществляли строй, намеченный Марксом в его "Критике Готской программы". Нужно было только влить в него материальное довольство, и всё стало бы сказочно прекрасным» [1, с. 65].

Как писал Н. Валентинов, «в 1921 году Ленин уже не безответственный подпольщик-демагог, а человек, переживший в четыре года грандиозный опыт социально-экономического строительства, проверивший в нём социалистические схемы, освободившийся от множества иллюзий и с высоты поста правителя-диктатора России познавший и увидевший то, чего прежде не знал, чего не понимал (не только Ленин, а все мы тогда очень многое и очень важное не знали и не понимали)» [1, с.33-34].

Гражданская война показала, что ликвидация постоянной армии и вооружение народа – утопия. Такая армия была возрождена в виде рабоче-крестьянской. Никаких аналитических рассуждений о сохранении постоянной армии у Ленина не найти. Однако практические выводы из опыта войны он сделал.

Почти семилетний опыт существования советской республики, которая отбила натиск врагов в гражданской войне, налаживала отношения с буржуазными государствами, привёл Ленина к выводу о том, что социализм можно строить и даже построить, не дожидаясь мировой революции, находясь в капиталистическом окружении. Концепция социализма в одной стране в зародыше была высказана Лениным в одной из его предсмертных статей под названием «О кооперации».

В этой работе он неоднократно подчёркивал своё новое понимание кооперации: « - При условии максимального кооперирования населения само собой достигает цели ... социализм»;

- «власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этот пролетариата со многими

миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т.д. – ... разве это не всё необходимое для построения полного социалистического общества? Это ещё не построение социалистического общества, но это всё необходимое и достаточное для этого построения»;

- «простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма» [14, с.369, 370, 373, 376].

В статье «О кооперации» Ленин выдвинул концепцию социализма, согласно которой этот строй представлял собою общество, объединённое в кооперативы: «Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма» [14, с.373].

«За год до смерти Ленин снова вернулся к вопросу, что же такое социализм, и формула, на этот счёт им данная, совершенно в духе Чернышевского: это строй цивилизованных кооператоров при общем владении средствами производства», – писал Н. Валентинов [2, с.62].

Наследники Ленина не сразу поняли смысл сказанного вождём. По наблюдениям Валентинова, Сталин в лекциях «Об основах ленинизма», которые он читал в апреле 1924 г, вскоре после смерти Ленина, совершенно не обратил внимания на новые ленинские идеи относительно строительства социализма в одной стране. Чтобы это понять, Валентинову пришлось добыть издание этих лекций, предназначенное для иностранных читателей. Это, первое, советское издание своего труда Сталин изъясил из библиотек, так как он (как и издание для иностранцев) содержал мысль о том, что без победы мировой революции социализм в СССР не построить. А такое утверждение уже не соответствовало новым взглядам Ленина и тому курсу, которое взяло новое руководство партии и государства после смерти вождя.

Теория построения социализма в одной стране начала приниматься правыми коммунистами в конце 1924 г., и под их влиянием стала официальными взглядами партии. В этот круг вождей входили Каменев, Зиновьев, Сталин, Бухарин и др.

В понимании этого идеала имелись разночтения среди сторонников официальной концепции. От общих рассуждений и оценок кооперации у Ленина вожди большевиков перешли к анализу и практическому проведению в жизнь конкретных форм кооперации: сбытовой, кредитной и пр. Особенно их интересовало кооперирование основной, подавляющей части населения страны – крестьянства. Бухарин полностью разделял ленинское понимание социализма и вовлечение крестьян в систему новых для них отношений. Отсюда проистекала его идея мирного вращивания крестьянина в

социализм, его знаменитый лозунг, обращённый к крестьянству: «Обогащайтесь». Бухарин полагал, что социалистическое преобразование крестьянской жизни должно заключаться в кооперировании более или менее зажиточных крестьян и объединении бедноты в колхозы. Ю. Ларин в противовес Бухарину выдвигал идею колхоза как главной формы приобщения крестьян к коллективному труду на социалистических основах.

Этот идеал кооперативного социализма существовал приблизительно до конца 1920-х гг., пока большевистская власть не приняла в качестве единственной формы объединения крестьянства сельскохозяйственную артель – колхоз. Это был первый практический шаг сталинского руководства к уточнению (и изменению) ленинских представлений о социализме.

Второй шаг был сделан в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Поскольку коллективизация, индустриализация, ликвидация буржуазных элементов в виде нэпманов и кулаков приближала победу социализма, началось свертывание товарно-денежных отношений. В 1928 г. вместо оптовой торговли между предприятиями стало внедряться государственное распределение денежно-материальных ценностей. В частную торговую сеть государственные органы перестали отпускать товары. В 1927-1928 гг. розничная торговая сеть сократилась на 22,7% [4, с.64]. Основная часть цен становится государственной, то есть фиксированной, не рыночной. В 1928 г. была ликвидирована значительная часть акционерных обществ. В начале 1930 г. были упразднены биржи и ликвидированы ярмарки. В самом начале 1930-х гг. профессиональная частная торговля перестала существовать. Приближался социализм – время безденежного продуктообмена, по представлениям Сталина и других людей власти.

Сворачивалась торговая сеть, ликвидировали нэпмановские лавочки, а покупать продукты народу оказалось почти негде. Грянул кризис торговой сети и обеспечения населения необходимыми продуктами. Уже в 1928 г. в провинциальных центрах очереди за хлебом насчитывали до 600 человек [20, с.41]. Летом этого же года население в городах устраивало такие очереди с вечера, чтобы утром или днём купить хлеб. В июне 1928 г. чекистские органы информировали власть о забастовках [20, с.323].

В 1928-1929 гг. была введена система торговли по карточкам. Предъявляя карточку в магазине, покупатель приобретал хлеб в соответствии с обозначенной в ней нормой. Позже карточная система была распространена на другие дефицитные продукты – сахар, мясо, масло, чай и пр. К концу 1929 г. карточная система была распространена почти на все продовольственные, и потом и на промышленные товары, особенно одежду и

обувь [31, с.20-22].

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. были переломным временем в политике партии по отношению к торговле. Стало ясно, что от торговли и товарно-денежных отношений отказываться пока нельзя. Эта мысль сложилась у Сталина на переломе 1929-1930 гг.

В это время Сталин начал совершать крутой политико-идеологический поворот. В «Ответе товарищам свердловцам» (февраль 1930 г.) он говорил о завершении нэпа, «когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через свои торговые организации» [24, с.182], то есть он уже не вёл речь об отмирании товарно-денежных отношений, говорил о них в будущем времени (получим возможность!). А в политическом отчёте XVI съезду партии (июнь 1930 г.) Сталин уже отмечал рост товарооборота как положительный показатель развития советской экономики [25, с.263].

В октябре 1931 г. пленум ЦК партии впервые поставил задачу развития советской торговли, счёл нужным «более усиленное строительство новой сети магазинов, чем это имеет место до настоящего времени». Пленум указал на необходимость «перейти с рельсов механического распределения товаров на рельсы развёртывания советской торговли» [5, с.131, 132]. В решениях XVII партийной конференции (январь-февраль 1932 г.) прямо говорилось о том, что «развёртывание товарооборота – прежде всего розницы» укрепляет «материальную базу всего социалистического строительства». Конференция призывала ко «всемерному расширению сети магазинов, лавок и всей торговой сети» [5, с.154]. Примечательно, что в начале 1932 г. был создан журнал «Советская торговля». В его первом номере, в передовой статье под названием «Наши задачи» осуждались «левацкие» заскоки в сторону продуктообмена, отрицание необходимости советской торговли, попытки подменить советскую торговлю механическим распределением [19, с.2].

7 января 1933 г. в докладе на объединённом пленуме ЦК и ЦКК Сталин посвятил один отдел своего выступления товарообороту между городом и деревней. Здесь он впервые заговорил о «развертывании советской торговли».

«Что такое советская торговля? – ставил вопрос Сталин. – Советская торговля есть торговля без капиталистов – малых и больших, торговля без спекулянтов – малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития» [22, с.203-204]. Сталин неоднократно подчёркивал, что развитие торговли не является возвратом к нэпу [22, с.203, 204; 5, с. 132].

Таким образом, в представлении о социализме, который, по мысли большевиков, был

построен в стране в 1930-е гг., было внедрено понятие о социалистической торговле, о существовании товарно-денежных отношений.

Ещё одно представление о социалистическом обществе пережило эволюцию – представление о равенстве доходов. После прихода к власти большевиков, в январе 1918 г. Совет Народных комиссаров решил приступить немедленно к общему пересмотру и выравниваю размеров жалования и заработных плат по всем профессиям и во всех местностях страны. Этот пересмотр был возложен на Комиссариат труда по соглашению со всеми остальными комиссариатами и рабочими организациями. Такая мера соответствовала тому, что когда-то делало правительство Парижской Коммуны.

«Несправедливо, если каждый городской рабочий получает больше, чем средний крестьянин, не эксплуатирующий чужого труда путём найма или спекуляции... С рабочими союзами нам приходится устраивать десятки заседаний, чтобы уравнивать плату между профессиями. И всё же установить не можем. Всякий разумный рабочий знает, что для этого необходим долгий период», – так говорил Ленин в докладе на V Всероссийском съезде советов [5, с.508].

23 июня 1931 г. на совещании хозяйственников Сталин резко выступил против «левацкой» уравниловки в заработной плате высококвалифицированных и низкоквалифицированных рабочих [23, с. 55-60]. Эта мысль противоречила ленинским представлениям. Она была полностью противоположна соответствующей идеологической догме. «Приземлиться» Сталина заставила проблема текучести рабочей силы, о чём он и говорил в указанной речи. Состав рабочих одного завода в течение года менялся на 30-40%, главная беда заключалась в том, по признанию Сталина, что с такого завода уходила квалифицированная рабочая сила, которую невозможно было заменить. Уравнительная заработная плата не создавала у малоквалифицированного рабочего заинтересованности повышать свою квалификацию.

В 1930-х гг. была составлена Конституция СССР, важную роль в этом деле играл Бухарин как теоретик партии. В ее тексте получило освещение то представление о социализме, которое сложилось у руководства большевистской партии в результате 20-летнего практического опыта. Было признано, что основу социалистических отношений составляют две формы собственности – государственная (всенародное достояние) и колхозно-кооперативная. При этом оговаривалось, что каждый колхозный двор имеет в личном пользовании приусадебный участок земли, жилой дом, продуктивный скот и мелкий сельскохозяйственный инвентарь. При социализме было признано существование «мелкого частного хозяйства единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном

труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда». Вся хозяйственная жизнь страны «определяется и направляется государственным народно-хозяйственным планом». В стране осуществлён принцип социализма «от каждого по его способности, каждому – по труду».

Социалистическое государство СССР образовано на основе добровольного объединения равноправных республик. В Конституции перечислялись полномочия центрального правительства. По сути, социалистическое государство представляло собой унитарное государство. То есть составлявшие его административно-территориальные единицы не обладали собственной государственностью. Их полномочия были очень ограниченными. А если учесть, что руководство всех советских республик и автономных областей состояло в коммунистической партии, было связано жесткой партийной дисциплиной, то унитарный характер Советского Союза станет ясным еще больше.

В Конституции перечислялись права граждан социалистического общества: на труд, на образование, на отдых, на материальное обеспечение в старости. Закон устанавливал равенство мужчин и женщин. Особая статья говорила о неприкосновенности личности – «никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению или с санкции прокурора». И вместе с тем в реальности никто не был гарантирован от ареста. В основном законе государства говорилось о свободе слова, печати, собраний, уличных демонстраций. Однако кроме коммунистической печати никакой иной в стране не было.

Церковь была отделена от государства, школа от церкви. Провозглашалась свобода совести, однако это не означало, что верующий человек не подвергался гонениям. Население это понимало.

Объявлялась свобода образования союзов. Можно было подумать о праве на образование партии. Но в обществе хорошо знали, что в стране возможны две партии при одном условии: одна у власти (коммунистическая), другая – в тюрьме.

Насколько эта картина устройства социалистического общества совпадала со взглядами Ленина? Думается, что в главном совпадала. Ленин согласился бы с двумя формами собственности как основой социализма, с правами и обязанностями граждан, прописанными свободами. Однако достойного места для кооперации – того, которое ему представлялось – он бы не увидел. Вряд ли бы он принял унитарный характер государственного устройства, урезание прав республик. Наверное, его удивило бы сохранявшееся неравенство в доходах.

Конституция СССР давала картину социалистического общества идеализированную, что понимали и сами руководители партии и государства. Они, вероятно, воспринимали эту картину так, что

в будущем провозглашенное получит более полное развитие. А пока из-за непростой внутренней и внешней обстановки между идеалом и действительностью существует заметная разница. С другой стороны, Конституция была важна как пропагандистский документ, обращенный к зарубежным пролетариям, как средство агитации.

Как-то в одной из своих работ Е.В. Тарле процитировал слова министра полиции наполеоновской Франции Фуше, сказанные по поводу современной ему конституции. Эти слова вполне применимы и к советскому документу 1936 г. «Дорогой мой, – говорил Фуше, – конституция – это красивая женщина, на которую позволяется, проходя мимо, бросать взор восхищения, но

которая не принадлежит публике» [26, с. 521].

Заключение. Большевицкая идеология пережила значительную эволюцию под влиянием прихода к власти ее носителей. До 1917 г. Ленин боролся не столько «за», сколько «против» самодержавия и других пережитков средневековья, против угнетения рабочих, против капитализма, против империалистической войны. Представления о социализме большевиков были во многом утопическими. В течение 1920-х, а особенно в 1930-х гг. эти утопические элементы изживались, черты нового общества в идеологии большевизма становились все более реалистическими, что было оформлено в трудах Сталина.

Список литературы

1. Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991 – 188 с.
2. Гуляров Е. Ленин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М., 2004 – 356 с.
3. Иванов Ю.М. В сталинском «раю». М., 2005 – 278 с.
4. Кафенгауз Б.Б. Розничная торговая сеть и перспективы её развития // Вопросы торговли. 1929. № 4. С.62-71.
5. Коммунистическая партия Советского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. III. 1930-1954. М., 1954. – 691 с.
6. Ленин В.И. Вставки в статью В. Калинина «Крестьянский съезд» // Полн. собр. соч. Т.12. С.81-82.
7. Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т.34. С.151-199.
8. Ленин В.И. Доклад Совета Народных комиссаров. Т.35. С.292-305.
9. Ленин В.И. Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие // Полн. собр. соч. Т.34. С.108-116.
10. Ленин В.И. Исчезло ли двоевластие? // Полн. собр. соч. Т.32. С.127-130.
11. Ленин В.И. Как запугивают народ капиталисты // Полн. собр. соч. Т.32. С.120-122.
12. Ленин В.И. Неминуемая катастрофа и безмерные обещания // Полн. собр. соч. Т.32. С.105-111.
13. Ленин В.И. О заработной плате. Проект постановления СНК // Полн. собр. соч. Т.35. С.315.
14. Ленин В.И. О кооперации // Полн. собр. соч. Т.45. С.369-377.
15. Ленин В.И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и её условия) // Полн. собр. соч. Т.43. С.205-245.
16. Ленин В.И. Открытое письмо к делегатам всероссийского съезда крестьянских депутатов // Полн. собр. соч. Т.32. С.43-47.
17. Ленин В.И. План чтения о Коммуне // Полн. собр. соч. Т. 9. С.328-330.
18. Ленин В.И. Проект резолюции по аграрному вопросу // Полн. собр. соч. Т.32. С.165-167.
19. Наши задачи // Советская торговля 1932. № 1. С.2-4.
20. «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.6. М., 2002 – 524 с.
21. Сталин И.В. Анархизм или социализм // Соч. Т.1. С.294-372.
22. Сталин И.В. Итоги первой пятилетки // Соч. Т.13. С.203-204
23. Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Соч. Т.13. С.161-215.
24. Сталин И.В. Ответ товарищам свердловцам. // Соч. Т.12. С.184-190.
25. Сталин И.В. Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б) // Соч. Т.12. С.235-373.
26. Тарле Е.В. Печать во Франции при Наполеоне I // Соч. Т.IV. М., 1958. С.483-544.
27. Улам А.Б. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004 – 510 с.

FUTUROLOGICAL CONCEPTS OF EARLY BOLSHEVISM AND POLITICAL PRACTICE (1910s-1930s)

Historical science has not yet created a complete picture of the evolution of Bolshevik ideology. In any ideology, there is an idea of the desired social structure. The article deals mainly with the views of V.I. Lenin and I.V. Stalin on socialism – the society that was created by the Bolshevik government. It turns out that the theorists of Bolshevism, whose works

represent two different bands of Bolshevik political practice, had a clear understanding of what they wanted to destroy in their modern capitalist society, and only in the most general terms did the leaders and theorists of the party imagine what should be created. Lenin focused mainly on the experience of the Paris Commune. At the same time, Lenin also noted what the Commune did not finish or did not do at all (the bank was not nationalized, the 8-hour working day was not legalized). The first transformations of the Soviet government repeated what the Commune had done at the time. Even then, it was necessary to adjust the ideas about the socialist transformations of the preservation (standing army). Stalin could rely on the richer experience of socialist construction in the USSR. Gradually, the social ideal lost its utopian features and assumed a realistic appearance of the social structure, in particular, in the field of commodity-money relations, wages, relations between the republics of the USSR, workers' control, and the liquidation of the standing army.

Keywords: Ideology, capitalism, socialism, communism, the Paris Commune, the theory of building socialism in one country, cooperation, equalization, trade/

References

1. Valentinov N. (N. Volsky). (1991) The new economic policy and the crisis of the Party after Lenin's death. Years of work in the Supreme Economic Council during the NEP . Memoirs. M. – 188 p.
2. Guslyarov E. (2004) Lenin in life. A systematic set of memoirs of contemporaries, documents of the era, versions of historians. M. – 356 p.
3. Ivanov Yu.M.(2005) In Stalin's "paradise". M. – 278 p.
4. Kafengauz B.B. (1929) Retail trade network and prospects for its development // Trade issues. No. 4. pp. 62-71.
5. The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. (1954) Part III. 1930-1954. M. – 691 p.
6. Lenin V.I. (1968) Inserts into V. Kalinin's article "Peasant Congress" // Full sobr. soc. Vol.12. pp.81-82.
7. Lenin V.I. (1969) The impending catastrophe and how to deal with it // Full sobr. soc. Vol. 34. pp.151-199.
8. Lenin V.I. (1974) Report of the Council of People's Commissars. Vol.35. pp.292-305.
9. Lenin (1969) V.I. From the diary of a publicist. Peasants and workers // Poln. sobr. soch. Vol.34. pp.108-116.
10. Lenin V.I. (1969) Has the dual power disappeared? // Full sobr. op. T.32. Pp. 127-130.
11. Lenin V.I. (1969) How the capitalists intimidate the people // Full sobr. op. T.32. pp.120-122.
12. Lenin V.I. (1969) The imminent catastrophe and immeasurable promises // Full sobr. op. T.32. p.105-111.
13. Lenin V.I. (1974) About wages. Draft resolution of the Council of People's Commissars // Complete collection of works. Vol.35. p.315.
14. Lenin V.I. (1970) On cooperation // Full sobr. soc. Vol.45. pp.369-377.
15. Lenin V.I. (1970) On the food tax (The meaning of the new policy and its conditions) // Full sobr. soc. Vol.43. Pp.205-245.
16. Lenin V.I. (1969) An open letter to the delegates of the All-Russian Congress of Peasant deputies // Full sobr. soc. Vol. 32. pp.43-47.
17. Lenin V.I. (1967) Plan of reading about the Commune // Full sobr. soc. Vol. 9. pp.328-330.
18. Lenin V.I. (1969) Draft resolution on the agrarian question // Full sobr. soc. Vol. 32. Pp.165-167.
19. Our tasks // Soviet trade 1932. No. 1. pp.2-4.
20. "Top secret". Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934). (2002) Vol.6. M. – 524 p.
21. Stalin I.V. (1951) Anarchism or socialism // Op. Vol.1. pp.294-372.
22. Stalin I.V. (1952) The results of the first five-year plan // Op. T13. pp.203-204
23. Stalin I.V. (1952) New situation - new tasks of economic construction. Speech at the meeting of business executives on June 23, 1931 // Op. Vol.13. pp.161-215.
24. Stalin I.V. (1949) Reply to comrades of Sverdlovsk. // Soch. Vol.12. pp.184-190.
25. Stalin I.V. (1949) Political report of the Central Committee to the XVI Congress of the CPSU(b) // Soch. Vol.12. pp.235-373.
26. Tarle E.V. (1958) Pecht in France under Napoleon I // Soch. Vol. IV. M. P.483-544.
27. Ulam A.B. (2004) Bolsheviks. The causes and consequences of the 1917 coup. M. – 510 p.

Об авторе

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия). E-mail: alexdubr48@mail.ru

Dubrovsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of National History, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia). E-mail: alexdubr48@mail.ru

УДК 355.401

Зверев В.О., доктор исторических наук, доцент, Омская академия МВД России (Россия).

Цепилов А.Е., кандидат юридических наук, Омская академия МВД России (Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДРОСТКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИНТЕРЕСАХ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Благодаря введенным в научный оборот ценным первоисточникам и их объективной интерпретации авторы удостоверились в том, что многие подростки из числа российских подданных были результативными агентами и именно им поручалось решение сложных и разнородных разведывательных задач. К таковым относились – выявление «брешей» или слабоукрепленных оборонительных позиций русских войск на линии фронта, изучение численного состава в передовых частях, их вооружений и настроений, а также фиксация количества и боеготовности кораблей военного флота России в морских гаванях, представляющих военно-стратегический интерес. Обобщение имеющихся уникальных статистических данных по задержанию подростков подвигло к мысли о значительном масштабе вовлеченности в шпионаж подростков и немалой доле их персонифицированного участия в сборе военных сведений о русской обороне на всей протяженности Северо-Западного фронта. Исследуя побуждающие к преступной деятельности факторы (на примере конкретных преступных деяний), авторы статьи пришли к убеждению о доминировании лично-корыстной мотивации или стремления спасти свою жизнь в сознании несовершеннолетних шпионов. Все остальные выявленные нами побудители – игровой, ощущения риска и опасности, «немецкие корни», симпатия к офицеру-вербовщику – играли второстепенную роль. Предпринятые меры по выявлению и удалению из действующих армий подростков-добровольцев в целях предупреждения шпионажа, ощутимого эффекта так и не принесли.

Ключевые слова: подростки-шпионы, добровольцы, линия фронта, русская армия, немецкая разведка, контрразведка.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-27-33

Введение. Ведомственная переписка русской контрразведки, датированная кануном и периодом Первой мировой войны, свидетельствует о наличии различных профессионально-поведенческих форм проявления германского шпионажа. Вербовщики «примеряли» на своих агентов разные личины (конспиративные образы) – от бродячих цирковых артистов, путешественников, рыбаков и охотников, контрабандистов, уличных торговцев (коробейников), аэронавтов, репортеров, торговых и дипломатических представителей до беженцев, бывших военнопленных, проституток, нищих (бездомных), сумасшедших, глухонемых и т.д.

По мере выявления контрразведчиками заброшенных через линию соприкосновения и внедренных в расположение русских войск и ближайший тыл врагов, совершенствовались и формы их конспирации – на лицах немецких шпионов появлялись все новые «маски». С возникновением в конце 1914 г. на Восточном фронте феномена «добровольчества» в детско-подростково-юношеской среде, германская военная разведка приступила к склонению плененных подростков-добровольцев, а также их сверстников (под видом добровольцев) в оккупированных районах к измене Родине.

В настоящее время историография проблемы использования российских подростков в целях шпионажа в пользу Германии практически не освещена. Нам удалось познакомиться с

редкими трудами, которые, в части нас интересующей, возымели лишь констатационный характер [1; 2; 3]. За рамками научных изысканий остались вопросы определения масштабности подростково-шпионской преступности и ее мотивации. Хотелось бы узнать, чему учили малолетних преступников в разведшколах и какие задачи перед ними ставили? Раскрытию этих и некоторых других научных проблем будет посвящено наше исследование.

Основная часть. Прежде всего, определимся с размером и степенью опасности военно-криминальной угрозы со стороны подростково-шпионов (а точнее, тех несовершеннолетних, кто попал в поле зрения жандармских и контрразведывательных органов) через осмысление их численности и результативности. Согласно имеющемуся у нас документу – «Сводка полученных в районе армий Северо-Западного фронта сведений о лицах, заподозренных в государственной измене и военном шпионстве с 1 января по 1 мая 1915 г.» – из 1069 подозреваемых в шпионаже лиц подростков отмечено 49 человек (13-17 лет). Среди них было и 6 девушек [4, л. 1-100].

О чем повествует приведенная статистика? С одной стороны, в сравнении с общим количеством выявленных взрослых, цифра по несовершеннолетним мизерная и не заслуживающая внимания. Тем более, что большинство детей из названного числа были только «заподозрены в

занятии военным шпионством» и лишь меньшая их часть была задержана по конкретным основаниям – «занимался сбором сведений о расположении русских войск», «находился в сношении с германскими войсками и оказывал им содействие», «пытался проникнуть в расположение германских войск», «пытался пройти в расположение русских войск», «в целях шпионажа желал поступить в русские войска добровольцем. При обыске у него оказался немецкий пропуск».

С другой стороны, как видно из переписок контрразведчиков, подростки-шпионы были потенциально более удачливыми и, как следствие, эффективными, нежели чем взрослые преступники аналогичной категории. Так, при переходе линии фронта со стороны немецких окоп зрелым человеком, его тотчас же брали под стражу и доставляли в ближайший штаб для выяснения личности. В случае с несовершеннолетним, тем более «спасавшимся бегством от ужасов войны и насилия, чинимого немецкими солдатами» (эта немецкая легенда была психологически выверенной, а потому весьма убедительной), его окутывали вниманием и заботой, давали хлеб, не прибегая к формальным процедурам. Созданные таким образом субъективно-благоприятные условия и, прежде всего идентификация подростка «как своего», позволяли ему какое-то время «законно» и безопасно пребывать в расположении русских войск и осуществлять визуальную разведку.

49 политически нелояльных подростков на широкой протяженности Северо-Западного фронта – от р. Немана до р. Буга – представляли собой серьезную силу, способную своими целенаправленными и профессиональными действиями по сбору своевременных и достоверных разведанных ослабить любой из участков русской обороны. Гипотетически, можно полагать, что отступлением русских войск в июне-июле 1915 г. из Царства Польского (Привислинский край) немцы были хоть и частично, но обязаны ранее шпионившим в нем российским подросткам.

Доказательством этой версии является вышеприведенная статистика, одним из показателей которой было количество задержанных подростков. Причем большая их часть – 42 из 49 человек были схвачены в районе ведения петроковского губернского жандармского управления (далее – ГЖУ) – 17 чел., сувалкского ГЖУ – 7 чел., плочского ГЖУ – 5 чел., варшавского ГЖУ – 4 чел., контрразведывательных отделений (далее – КРО)

штабов 1-й и 12-й армии – по 4 чел. и Калишского ГЖУ – 1 чел. [4, л. 1-100].

Вскоре, избежав уголовной ответственности и оказавшись на свободе, некоторые из подростков предпринимали попытки пересечь линию фронта. В случае спеха, немцам передавались актуальные разведсведения, например, о крепостях Згерж (Петроковская губерния), Новогеоргиевская, Варшавская (Варшавская губерния), Ивановгородская (Радомская губерния), а также мостах, железнодорожных узлах и других стратегических объектах Привислинского края.

Во второй половине 1915 г. – в 1917 г. немцы продолжили заброску своих агентов из числа российских подростков, что нашло свое отражение в ряде архивных дел. Обратимся лишь к некоторым упоминаниям: «Немцами из Вильно выслан на разведку 17-летний поляк» [5, л. 329]. «Сентябрь 1915 г. Жители Мариамполя Сувалкской губернии состоят на услугах в германской армии в качестве шпионов – Адольф Пецольт, 14 лет и гимназист 6 класса Иосиф Клем» [5, л. 15]. «31 октября 1915 г. Вскоре немцы вышлют из разведотделения штаба Южной армии под командованием генерала Феликса фон Ботмера подростка-гимназиста Курельца, ученик 6 класса, католик» [5, л. 189, 190]. «Ноябрь 1915 г. Германцы выслали из Барановичей под видом добровольцев 10 шпионов подростков, одетых в форму русских солдат» [5, л. 294]. «12 декабря 1915 г. Немцы выслали в Несвиж из Люблинской и Люблишевской германских разведшкол вместе с 12 взрослыми шпионами и подростка Михаила, 16 лет. У каждого было по пять ручных бомб. Задача – употребить бомбы для совершения покушения на ВЫСОЧАЙШЕМ смотре и, при случае, для порчи мостов» [5, л. 368, 370]. «23 июля 1916 г. на ст. Сиротино Риго-Орловской железной дороги был задержан по подозрению в шпионаже 14-15-тилетний в солдатской форме Михаил Сакович. Он производит впечатление очень развитого мальчика. По-видимому, хорошо знает местность, о которой упоминает. Свободно разбирает карту, безошибочно определяет масштаб и измеряет расстояние» [6, л. 61]. «17 мая 1917 г. на ст. Витебск был задержан Иван Слатин, 13 лет от роду... В 1916 г. он отправился с солдатами в ночную разведку, был захвачен немцами... Получил предложение от допрашивавшего немецкого офицера отправиться в разведку на русские позиции... Производит впечатление развитого ребенка» [6, л. 170].

Михаил Сакович

Иван Слатин

Об эволюции и размахе «подросткового шпионажа», стремительном расширении его географии и использовании как надежного инструмента осведомления, говорит и тот факт, что к началу 1917 г. только в частях 3-й армии

Западного фронта контрразведкой были выявлены 12 подростков-шпионов из числа добровольцев, прошедших курс обучения в иностранных разведшколах [7, л. 19].

Как долго ослаблялась боеспособность 3-й

армии и какие из интересов ее собственной безопасности пострадали, выяснить не удалось. За границами проведенного нами исследования также остался вопрос о том, как названные подростки-военнослужащие 3-й армии поддерживали связь с немцами? Вместе с тем, но уже на другом примере, авторам стали известны некоторые подробности «подросткового шпионажа» против рассредоточенных вдоль Риго-Двинской железной дороги 12-й, 5-й, 1-й и 2-й армий (Северный и Западный фронты).

1 октября 1915 г. полевым караулом 4-й роты 2-го Кавказского стрелкового полка в районе г. Якобштадта был задержан пятнадцатилетний мещанин г. Митавы Курляндской губернии Эдгар Иоганов Шмидт (при обыске у него изъяли 75 руб.). В КРО он сознался в том, что 4 августа получил задание в немецком разведывательном бюро г. Басук и спустя шесть дней был выслан в расположение русских войск, дислоцированных в районах железнодорожных станций Рингмундсгоф, Ремерсгоф, городов Рига, Двинск, Вильна и др. Вернувшись 30 августа Шмидт получил вознаграждение – 255 руб. [8, л. 49; 12, л. 4].

Из сказанного следует, что только в августе-сентябре мальчик заработал на измене Родине 330 руб. Это денежная сумма, к примеру, превышала месячное жалование начальника ГЖУ (должностной «потолок» – полковник) или равнялась четырем месячным зарплатам профессионального рабочего-мастера на Путиловском заводе г. Петрограда. Нам остается только догадываться насколько важными были добытые Шмидтом разведанные, что немцы при своей ментальной расчетливости, бережливости и аккуратности передали ему столь щедрый гонорар. Причем большую часть денег, о чем было сказано выше, агент получил по итогам успешно выполненного первого задания.

В момент расплаты, по нашему мнению, произошел моральный и психологический надлом в сознании Шмидта. Он познал «вкус легкого заработка, быстрой и крупной суммы денег». При этом нравственная сторона содеянного (предательство Родины) вряд ли отягощала его мысли. Лично-корыстный интерес, являясь преобладающим мотивом, был усилен игровым побуждением. Будучи за линией фронта Шмидт был «своим среди чужих, чужим среди своих», а удачное лицемерие и актерствование во «вражеском окружении» повышали самооценку подростка как профессионального шпиона и храброго человека. Кроме того, причинно-мотивационный комплекс псевдогероя был дополнен запомнившимся ощущением риска и опасности (балансирование на грани разоблачения), а также чувством безнаказанности за совершенное уголовно наказуемое деяние.

Возможно неочевидное, но глубокое влияние на формирование мотивации преступной деятельности, а вместе с ней и окончательный выбор стороны вооруженного противостояния (русские или все же германцы?) был предопределен не только «немецкими корнями» Шмидта, но и изящно проведенной в отношении него вербовочной работой. Ключевую роль в ней мог сыграть заведующий немецкого бюро шпионажа в г. Поневеже некто Бансвер. Этот офицер, как видно из переписки разведки/контрразведки штаба Северного фронта, выстраивал со своими агентами доверительные связи – «хорошо общался», принимал у себя на квартире, кушал за одним обеденным столом, вел непринужденные разговоры об околовоенных настроениях русского населения [8, л. 49]. Оказавшись в обществе этнического немца, офицера, утонченного знатока человеческой души и опытного агентуриста, на уровне ассоциативных связей Шмидт мог увидеть в нем собирательный образ тевтонского война-победителя, проникнуться личной симпатией и желанием быть похожим на него.

Совершенно другая мотивация шпионажа в пользу Германии была у задержанного в феврале 1916 г. бывшего ученика 3-го класса либавского реального училища Альфреда Шмединга (немец по национальности). После захвата германцами г. Либавы 24 апреля 1915 г. 15-тилетний подросток, потерявший накануне войны родителей, лишился последнего источника материальной помощи от дяди, воевавшего в русской армии на Кавказе. Оставшись без средств к существованию, мальчик, инстинктивно борясь за свою жизнь, начал поиски заработка. Через некоторое время он получил предложение содействовать немецкой морской разведке, с обещанием достойной оплаты – 10-15 тыс. марок [9, л. 330]. Этот посул и явился мощным стимулом для осознанного сотрудничества.

В течение месяца Шмединг прошел подготовку в либавской морской разведшколе. Ее заведующий обер-лейтенант фон Гейдебрек познакомил нового курсанта с некоторыми «премудростями» шпионского ремесла. К примеру, были раскрыты азы шифровального дела. Учил каким образом и в каких местах на открытках с городскими видами излагать собранную развединформацию путем нанесения наколов булавкой. Так, помета посередине говорила о том, что судно, находится в гавани. Накол в нижней части открытки свидетельствовал о наличии в ней торпедных и подводных лодок. Указанные на открытке первоначальные буквы подразумевали следующий смысл: «П» – прибывшие, «Г» – в гавани, «О» – отбывшие и т.д. Наконец, начальные и конечные слоги обозначали названия русских военных судов, а именно: «Ганут», «Полтава»,

«Севастополь», «Петропавловск», «Цесаревич», «Рюрик» [9, л. 331].

По завершению обучения в разведшколе, как видно из протокола допроса от 14 февраля 1916 г., перед Шмедингом были поставлены сложные и разнопрофильные задачи: «...по приезду в Ригу узнать какие укрепления, какие полки стоят, какие суда входят и уходят в море. Узнать в Гапсале и Пернове, где беспроволочные телеграфы на островах Эзель и Даго, где строятся подводные лодки и сколько их. Где в Риге склады масла для подводных лодок, где изготавливаются оружие, патроны, снаряды» [9, л. 331]. Кроме того, «надо было узнать, какое настроение в России. Нет ли бунтов, кто назначен адмиралом на Балтийский флот, какие цены на товары?» [9, л. 331].

Во второй половине января 1916 г. Шмединг, получив на текущие расходы 115 руб., был сопровожден через города Митава и Туккум на «последнюю немецкую позицию». Но, вскоре близ передовых окопов русских войск подростка пленили. После изобличения в причастности к шпионской деятельности, задержанный дал признательные показания.

В отличие от Шмидта и Шмединга, пошедших на контакт с военно-розыскными органами, встречались подростки с противоположными намерениями. Весной 1915 г. из Варшавского ГЖУ в неизвестном направлении убежал 15-летний Юзеф Смысловский, «пришедший со стороны неприятеля» и задержанный на передовых позициях в районе 2-й армии [10, л. 50-51]. 4 июля 1916 г. на ст. Смоленск был задержан проезжавший в воинском эшелоне одетый в солдатскую форму 12-тилетний Антон Власик. На допросе в КРО штаба Минского военного округа он давал «сбивчивые и запутанные показания» [11, л. 121]. Ориентировочно в сентябре 1917 г. в г. Себеже Витебской губернии была задержана неизвестная девушка 15-16 лет, назвавшаяся Людмилой Константиновой. Из ее опроса следует, что после взятия немцами г. Ковно, она попала в плен. О своем пребывании в России задержанная отказалась давать какие-либо сведения, «отговариваясь незнанием, где и когда она бывала» [6, л. 182].

Летом 1916 г. органы контрразведки докладывали армейскому командованию о том, что в огромной «детской массе» из беженцев, бродяг и добровольцев, заполонившей европейские пределы России, было немалое количество завербованных немецких шпионов. Реакция на выявленную угрозу последовала незамедлительно. 1 сентября 1916 г. в 12-й армии вышел приказ по войскам «...не допускать на позиции малолетних добровольцев. Если таковые где-то появятся, задерживать их и направлять в Штаб Армии» [7, л. 9]. Приказы аналогичного содержания доводились до

войск 3-й армии (12 сентября 1916 г.), 5-й армии (24 февраля 1917 г.), 1-й армии (26 марта 1917 г.) и др. [7, л. 22, 32, 49].

Полагаем, что названная мера реагирования, распространявшаяся на десятки тысяч военнослужащих, была запоздавшей и малоэффективной. Потому, что в течение 1915 г. контрразведчики не смогли дать быструю и взвешенную оценку масштабу и величине угрозы «подросткового шпионажа», спрогнозировать возможные риски для боеспособности русских армий, предпринять превентивные и комплексные (во взаимодействии с ГЖУ) усилия по их защите. Между тем, неочевидный ущерб оборонительному потенциалу переднего края был уже нанесен. Убедительным тому аргументом являются документальные свидетельства об удачных однократных и даже двукратных пересечениях малолетними шпионами линии фронта, а это, в свою очередь, говорит лишь об одном – поставленные перед подростками шпионские задачи успешно выполнялись.

Кроме того, подросток-шпион, направлявшийся к русским в очередной раз, уже шел осмысленно, был обученным, опытным, промотивированным и простимулированным рецидивистом, представлявшим гораздо большую опасность чем «первоход». К середине 1916 г. именно «матерые» несовершеннолетние (под прикрытием добровольческого статуса) и составляли профессиональное ядро немецких агентов, внедренных не только в «окопные части», но и тыловые учреждения русской армии.

Да, и к весне 1917 г., как известно, многие подразделения действующей русской армии не представляли уже высокоидейной и боеспособной силы. В передовых частях нередко царили произвол и анархия, что проявлялось не только в неподчинении офицерам, невыполнении приказов командования или несоблюдении требований Присяги, но и, в отдельных «распропагандированных» взводах/ротах, в нежелании воевать и «братании» с врагом. Моральное разложение и утрата бдительности в армии были благоприятной почвой для появления и функционирования в ней не только «революционного элемента», но и проникавших с немецкой стороны шпионов, в том числе тех из них, кто не достиг восемнадцатилетия.

Здесь же, ставя под сомнение практику повсеместного и неукоснительного соблюдения вышеназванных приказов, не следует забывать о том, что подавляющее большинство нижних чинов русской армии происходили из крестьянских многодетных семей, были отцами, наконец людьми глубоковерующими (будь-то православные, магометане или представители других конфессий), благочестивыми и милосердными. Поэтому редкий солдат, на наш взгляд, мог «трезво»

воспринимать грязного, полуголодного, перепуганного подростка-перебежчика – как потенциального вражеского агента, даже если на нем была солдатская шинель. В детях, прежде всего, видели невинных жертв, вовлеченных в вооруженный конфликт.

И, тем не менее, благодаря вышеназванным приказам из действующей армии и ближайшего тыла были удалены 600 подростков, принятых на службу в 1916 и 1917 гг. Большая их часть была отправлена в территориальные органы полиции для водворения по месту жительства, сироты – в приюты. Были ли привлечены к уголовной ответственности упомянутые нами ранее 12 добровольцев из 3-й армии Западного фронта не известно, так как статистику по наказаниям уличенных в шпионаже подростков обнаружить пока не представилось возможным. Между тем, нам встретился архивный документ – «Книга арестованных КРО Штаба главкома Армиями Северного фронта» – в котором мы увидели дальнейшую судьбу одного из героев данной статьи. Э.И. Шмидт по приговору военно-полевого суда получил наказание в виде тюремного заключения на 12 лет [12, л. 4].

Заключение (выводы). Оказавшись в обстоятельствах военного времени и критической жизненной ситуации (потеря родных и близких, утрата крова, состояние перманентного страха и деморализации, дезориентация, нарушение самоидентичности, недоедание-голод и т.д.), многие подростки становились «легкой добычей» для армейской разведки немцев. В ходе вербовочной работы они сосредотачивались на безысходности положения, психологической незрелости, обостренном инстинкте выживания и алчности (стремление к высоким заработкам) несовершеннолетних. Играя на их низменных качествах, вербовщики создавали уникальный аморально-психологический продукт – малолетнего преступника, предателя России.

Для работы за линией фронта отбирались наиболее способные кандидаты, преимущественно учащиеся гимназий, реже безграмотные – самородки. И тех, и других, нередко, объединяли такие фундаментальные характеристики,

как: хорошие физические и умственные способности, целеустремленность, надежная кратковременная и долговременная зрительная память, наблюдательность, хладнокровие, умение ситуативно лицедействовать и лицемерить.

Названные качества, усиленные курсом подготовки в разведшколах, делали новоявленных преступников совершенным оружием шпионажа. В отличие от взрослых, подростки-шпионы преодолевали большинство естественных и искусственных препятствий. Однако и контрразведка, как системный метод государственного противодействия, порой была бессильна. Если задержанный подросток не шел на психологический контакт, доверительные отношения, то не было способа или приема, который помог бы «развязать ему язык». Переписка же со спецслужбами из других армий, фронтов и военных округов, а также с жандармскими управлениями, охранными отделениями и Департаментом полиции МВД на предмет установления личности подозреваемого лица, как правило, занимала длительное время и была чаще всего бесплодной. Тем более, если шпионом был «подросток-первоход», вряд ли о нем могла наличествовать хоть какая-то информация или же его по фотокарточке опознали бы агенты контрразведки.

Не получив избобличающих вину доказательств (косвенные улики, признательные показания задержанного, взятие его с поличным), контрразведчики или жандармы отпускали подростков, а те, в свою очередь, возвращались к своим «хозяевам» и не с пустыми руками, а если быть точнее, то «не с пустой головой». В распоряжении командования передовых частей германской армии оказывались оперативно значимые военные сведения, которые, по мере заброски в русский тыл очередных кадров шпионов, регулярно уточнялись и дополнялись все новыми подробностями.

Нижние чины и их командиры, командующие русских армий, стереотипно видевшие у шпионов лишь «взрослое лицо», не смогли своевременно идентифицировать несовершеннолетних как опасных преступников, оценить проникающую и дезорганизирующую неочевидную силу «подросткового шпионажа».

Список литературы

1. Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т. 2. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914-1918 гг. М., 1931. 163 с.
2. Канаев И.Н., Щербинин П.П. Дети-шпионы и русская контрразведка в период Первой мировой войны 1914-1917 гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. № 8. С. 207-212.
3. Никитинский И., Софинов П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914-1918 гг. Тбилиси, 1942. 46 с.
4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2019. Оп. 1. Д. 812.
5. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 582.

6. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 743.
7. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1051.
8. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 361.
9. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 491.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1888.
11. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 848.
12. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 138.

THE USE OF TEENAGERS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE INTERESTS OF GERMAN INTELLIGENCE DURING THE FIRST WORLD WAR

Thanks to the valuable primary sources introduced into scientific circulation, the authors made sure that many teenagers from among Russian subjects were effective agents and it was they who were entrusted with solving complex and diverse intelligence tasks. These included the identification of “gaps” or weakly fortified defensive positions of the Russian troops on the front line, the study of the strength of the forward units, their weapons and moods, as well as fixing the number and combat readiness of the ships of the Russian navy in sea harbors of military strategic interest. A generalization of the available unique statistical data on the detention of adolescents prompted the idea of a significant scale of involvement in espionage of adolescents and a considerable share of their personified participation in the collection of military information about the Russian defense along the entire length of the North-Western Front. Exploring the factors that encourage criminal activity (on the example of specific criminal acts), the authors of the article came to the conclusion about the dominance of personal selfish motivation or the desire to save one's life in the minds of underage spies. All the other motivators that we identified – playfulness, feelings of risk and danger, “German roots,” sympathy for the recruiting officer – played a secondary role. The measures taken to identify and remove teenage volunteers from the active armies in order to prevent espionage did not bring a tangible effect.

Keywords: teenage spies, volunteers, front line, Russian army, German intelligence, counterintelligence.

References

1. Zvonarev K.K. Agenturnaja razvedka. T. 2. Germanskaja agenturnaja razvedka do i vo vremja vojny 1914-1918 gg. [Agency intelligence. Vol. 2. German undercover intelligence before and during the war of 1914-1918]. Moscow, 1931. 163 p. (In Russian).
2. Kanaev I.N., Shherbinin P.P. Spy children and Russian counterintelligence during the First World War 1914-1917. Vestnik Tambovskogo universiteta [Bulletin of Tambov University]. Ser. «Humanitarian sciences». 2008. no. 8. pp. 207-212. (In Russian).
3. Nikitinskij I., Sofinov P. Nemeckij shpionazh v Rossii vo vremja vojny 1914-1918 gg. [German espionage in Russia during the war 1914-1918]. Tbilisi, 1942. 46 p. (In Russian).
4. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (RGVIA)]. F. 2019. Op. 1. D. 812. (In Russian).
5. RGVIA. F. 2031. Op. 4. D. 582. (In Russian).
6. RGVIA. F. 2031. Op. 4. D. 743. (In Russian).
7. RGVIA. F. 2031. Op. 4. D. 1051. (In Russian).
8. RGVIA. F. 2031. Op. 4. Д. 361. (In Russian).
9. RGVIA. F. 2031. Op. 1. D. 491. (In Russian).
10. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [Russian State Historical Archive]. F. 222. Op. 1. D. 1888. (In Russian).
11. RGVIA. F. 2031. Op. 4. D. 848. (In Russian).
12. RGVIA. F. 2031. Op. 4. D. 138. (In Russian).

Об авторах

Зверев Вадим Олегович – доктор исторических наук, доцент, Омская академия МВД России (Россия), E-mail: zverevoma@mail.ru;

Цепилов Андрей Евгеньевич – кандидат юридических наук, Омская академия МВД России (Россия), E-mail: patron_andrey@bk.ru

Zverev Vadim Olegovich – Doctor of History, Associate Professor, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia), E-mail: zverevoma@mail.ru;

Tsepilov Andrey Evgenevich – Candidate of Law, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia), E-mail: patron_andrey@bk.ru

УДК 930(47+57)+930(477)-054.72

Ковеля В.В., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ДИСКУССИИ МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ СОВЕТСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК НА XI МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИКОВ¹

Статья посвящена событиям XI Международного конгресса исторических наук, проходившего в Стокгольме в 1960 г., одной из немногих площадок, где представители мировой исторической науки имели возможность встретиться, представить свои научные концепции, изложить собственную систему взглядов на ключевые вопросы истории человечества. Нередко в рамках конгресса возникали острые научные дискуссии, иногда в значительной мере политизированные. В статье особое внимание уделено как раз одному из таких споров, который разгорелся между представителями советской исторической науки, и выступающими с иных методологических и идеологических позиций историками-эмигрантами, выходцами из бывших территорий Российской империи. Некоторые участники спора были этническими украинцами, и сегодня их в полной мере признают представителями украинской историографии. Примечательно, что таковые были и в одном, и другом лагерьях, что делает предмет рассмотрения нашей статьи более интересным и заслуживающим внимания. Главными источниками для написания статьи стали воспоминания непосредственных свидетелей тех событий, что дает возможность увидеть происходившие дискуссии через призму их личностного восприятия. Также в работе привлечены научные труды, содержащие концептуальные воззрения участников спора.

Ключевые слова: историография, Международный конгресс исторических наук, Славянская комиссия, Упсала, В.А. Голобуцкий, М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, А.Л. Сидоров, М.Д. Чубатый.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-34-38

Введение. Каждые 5 лет, начиная с 1900 г., проводятся Всемирные конгрессы историков. За более чем вековую историю они стали максимально широкой дискуссионной площадкой, на которой самые яркие представители исторической науки разных стран могут продемонстрировать личные достижения в той или иной сфере исторического знания, обсудить наиболее актуальные темы и острые вопросы, обозначить дальнейшие направления развития международного научного сотрудничества. С 1926 г. для организации их деятельности существует Международный комитет исторических наук (МКИН) – неправительственная организация, включающая национальные комитеты стран-членов. Главная цель комитета – содействие развитию исторических наук посредством укрепления международного сотрудничества. И все же нередко конгрессы превращались в настоящее поле для баталий между представителями диаметрально противоположных исторических взглядов по тем или иным исторически важным проблемам. Так случилось и на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме 21 - 28 августа 1960 г., когда накануне основных обсуждений с 16 по 20 августа в соседней Упсале была организована и проведена Международная славянская комиссия [1, л. 1]. Подобные комиссии организовывались и по другим отраслям научного исторического знания и являлись составной частью самого конгресса.

Конгресс в Стокгольме после завершения Второй мировой войны стал вторым международным собранием историков, на котором присутствовала делегация ученых Советского Союза. Первый раз представители советской исторической науки приняли участие в Международном конгрессе 1955 г. в Риме. Это стало возможным только после вступления СССР в ЮНЕСКО в 1954 г. В Италию прибыло всего 24 ученых-историков во главе с академиком А.М. Панкратовой. Некоторые трудности возникли в вопросе представления возможностей для выступления советских делегатов. Дело в том, что список докладов для конгресса был утвержден еще в 1953 г., т.е. до вступления СССР в ЮНЕСКО и Академии наук СССР в МКИН, и хотя Бюро МКИН пошло навстречу представителям советской науки, возможность сделать доклад получил только директор Института истории АН СССР А.Л. Сидоров, и еще шести делегатам (В.И. Шунков, Е.А. Степанова, А.В. Арциховский, С.Д. Сказкин, В.М. Хвостов и Б.Б. Пиотровский) дали право на представление сообщений [7, с. 45].

Объект исследования. В 1960 г. количество ученых из стран социалистического лагеря заметно возросло. Присутствовало свыше 230 историков из Болгарии, Венгрии, ГДР, МНР, Польши, Румынии, СССР и ЧССР. Советскую делегацию составили 42 человека, среди которых были академики Академии наук СССР Е.М. Жуков, И.И.

© Ковеля В.В.

© Kovelya V.V.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда №23-28-00281 «Украинская историография средневековой Руси в конце XX - начале XXI в.: концепции, истоки, тенденции».

Минц, М.В. Нечкина, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, члены-корреспонденты А.А. Губер, М.П. Ким, В.М. Хвостов, доктора исторических наук А.Р. Иоаннисян, Г.А. Меликишвили, А.Ф. Миллер, А.Л. Сидоров, Н.А. Сидорова, С.Л. Тихвинский, Л.В. Черепнин и другие ученые, представлявшие научные центры и учебные заведения Советского Союза[3, с. 3]. Возможности для представления их научных взглядов и ведения дискуссий также были расширены. В 1957 г. был опубликован перечень докладов для предстоящего конгресса, в котором три из тридцати выступлений, утвержденных на заседании Бюро МКИН в Лозанне, предстояло сделать советским ученым[5, с. 221]. Также в рамках конгресса, предвзяв работу основных секций, должны были состояться обсуждения в рамках пяти комиссий, одна из которых была посвящена истории славян. Советская делегация для участия в этой комиссии включала руководителя группы члена-корреспондента АН СССР Б.А. Рыбакова, академика М.Н. Тихомирова, докторов наук А.Л. Сидорова и В.А. Голобуцкого.

Славянская комиссия была организована по инициативе ее председателя, французского историка-слависта А. Мазона, автора книги о «Слове о полку Игореве»[12]. Один из наиболее заметных представителей советской делегации, М.Н. Тихомиров, вспоминая о своем участии в комиссии, критически оценивал научный потенциал мероприятия: «Комиссия эта представляла собой явление очень странное, как и наше участие в подобной комиссии, вследствие большой хитрости и политического нахальства зарубежных славяноведов с одной стороны и низкопоклонства перед зарубежными учеными со стороны некоторых советских славистов — с другой»[2, л. 157]. Развивая мысль, он продолжал: «Попросту говоря, одурачив наших славяноведов-лингвистов, во главе с академиком Виктором Владимировичем Виноградовым, Мазон добился нашего участия в этой комиссии, находившейся под покровительством ЮНЕСКО»[2, л. 158].

На страницах своих мемуаров М.Н. Тихомиров разделил всех несоветских участников комиссии на две категории: 1) «неславянских ученых из зарубежных стран, занимающихся историей славянства», 2) «из славянских эмигрантов, изменивших славянским странам»[2, л. 158]. Симпатии историка были явно на стороне первых: «Неславянские ученые славяноведы, несомненно, представляли собой лучшую часть конгресса по сравнению со славянами, сделавшимися американцами, канадцами, немцами, французами и т.д. Эта часть славянской комиссии представляла собой крайне некрасивое зрелище, агрессивно настроенное и не скрывавшее своей ненависти к Советскому Союзу, а заодно и к русскому народу, как основному

носителю советских идей»[2, л. 158]. Среди второй группы участников было значительное количество представителей украинской эмигрантской исторической науки: Ю. Борис (Швеция), Т. Галайчук (Аргентина), Б. Кентржинский (Швеция), И. Лысяк-Рудницкий (США), Т. Мацькив (США), Я. Пеленский (США), П. Феденко (ФРГ), М. Чубатый (США)[9, с. 719].

Результаты и их обсуждение. Непосредственно с докладами выступали два представителя зарубежной украинской науки: М.Д. Чубатый («Киевская Русь и формирование трех восточнославянских народов») из США и Б. Кентржинский («Мазепа и Великая Северная война 1700 – 1721 гг.») из Швеции[11, р. 45, 48]. Главными оппонентами М. Чубатого стали М.Н. Тихомиров и Б.А. Рыбаков, которые по поводу формирования восточнославянских народов стояли на позиции концепции древнерусской народности[8]. М.Н. Тихомиров о своем участии в дискуссии вспоминал без подробностей, передавая лишь общий эмоциональный фон происходивших дебатов: «В конечном итоге вся наша троица (М.Н. Тихомиров, А.Л. Сидоров и В.А. Голобуцкий — В.К.), с прибавлением переводчицы, представляла собой типичную воинскую команду, которая поставлена была в очень опасном и тяжелом месте»[2, л. 164]. Несколько подробнее освещают характер спора воспоминания других участников обсуждения. 10 сентября 1960 г. в письме к Г.В. Вернадскому историк-эмигрант, преподававший на славистической кафедре Кембриджского университета, Н.Е. Андреев, писал: «Самым интересным были выступления сов<етских> академиков Тихомирова и Рыбакова по ужаснейшему докладу Чубатого (из Нью-Йорка из тамошней Украинской академии) о формировании трех славянских народов в Восточной Европе. Они высекали его показательно, — почувствовали им 80% присутствующих, и сами самостийники были, кажется, смущены, — может быть, впервые в жизни!»[4, с. 801]. Результатом этой обоснованной, как следует из дальнейшего решения, критики стало признание комиссией доклада М. Чубатого не состоявшимся[7, с. 61].

Однако сам автор доклада не был готов признать поражение в развернувшейся дискуссии, о чем свидетельствует тот факт, что спустя четыре года он опубликовал на украинском языке книгу с аналогичным докладу названием «Княжа Русь-Україна та виникнення трьох східнослов'янських націй»[10]. Тезисы его выступления в Упсале на английском языке были помещены в приложениях к книге. Во вступительном слове он указал, что основой для создания этой книги послужил именно тот самый доклад 1960 г. Отметил М. Чубатый и участие в обсуждениях его выступления видных советских ученых Б.А. Рыбакова и М.Н.

Тихомирова, признал ценность того, что смог познакомиться с результатами работы советских историков, но также отметил и важность осуществить издание своего труда, дабы не допустить существования «монополии российских историков Академии наук СССР» на изучение истории Киевского государства [10, с. 7]. При этом он заявлял, что несмотря на существование многочисленных «российских институтов истории» средневековая история Восточной Европы по-прежнему остается «terra incognita» [10, с. 8]. Проблема же происхождения трех восточнославянских народов, по мнению историка, и вовсе не может быть решена советскими учеными, так как «объективное исследование этого вопроса полностью исключено, ибо на окончательное решение дела имеет влияние не исторический научный мир в СССР, но ЦК коммунистической партии, следовательно, фактор сугубо политический» [10, с. 11].

Текст книги позволяет определить суть концептуальных выводов М. Чубатого, которые не претерпели серьезных изменений в сравнении с тезисами, представленными ранее широкой научно-исторической общественности. Ученый полагал, как и его предшественник М. Грушевский, что факт существования трех восточнославянских народов (российского, украинского и белорусского) является бесспорным, и также утверждал, что каждый из них имеет свою собственную историю, исходящую от самых начал исторических времен [10, с. 13]. Тем самым историк решительно отвергал идею выделения восточнославянских народов из единой древнерусской народности. Далее он уточнял, что даже географически территории формирования этих народов были неодинаковы (степные районы среднего Поднепровья – украинцы, лесные верховья Днепра и Волги – белорусы и россияне), и, как следствие, скорость протекания этого процесса была разной: «Географические условия обозначили формирование трех восточнославянских народов: ранее украинцев, а позднее россиян и белорусов» [10, с. 26]. Автор находит истоки украинской истории в трипольской археологической культуре, полагая, что именно она стала основой для формирования племен антов, которых он однозначно признает «первыми историческими предками украинского народа, и только украинского» [10, с. 31-33]. Именно «антским славянам» историк приписывает создание Киевского государства, определяя этот процесс «началом исторических времен украинского народа» [10, с. 45]. При этом он не отрицает консолидирующую роль варяжского завоевания, признавая существенный вклад варягов в объединение территорий от Новгорода до Киева почти на два века [10, с. 48]. Впрочем, ученый отказывался признавать, что «русской землей»

называлось всё созданное ими государственное образование, утверждая, что подобный топоним вплоть до смерти Ярослава Мудрого относился только к «старой части империи», т.е. территории, населенной современными украинцами [10, с. 59]. Касательно московского (российского) народа автор утверждал, что он возник позже двух других, экономически тоже отставал ввиду более позднего развития в верховьях Волги земледелия и скотоводства [10, с. 93-94]. Особое внимание М. Чубатый уделил происхождению названия «Россия», утверждая, что это греческое название Руси было незаконно присвоено Московским царством во времена Петра I, в то время как «все тогда в Европе понимали, что “Русь” и “русский” – это названия идентичные с названиями “Украина” и “украинский”... старыми названиями Русь и русский обозначали совместно народ украинский и белорусский» [10, с. 18]. Очевидно, что подобные умозаключения не могли не вызвать возражений и критики со стороны представителей советской исторической науки, что произошло в ходе конференции в Упсале.

Главным оппонентом доклада Б. Кентржинского оказался заведующий отдела истории феодализма в Институте истории АН УССР, профессор В.А. Голобуцкий, который, как утверждал украинский историк, автор статьи об участии украинских ученых в Международных конгрессах историков, академик Национальной академии наук Украины Я.Д. Исаевич, «должен был декларировать, что Мазепа проводил антинародную и антисоциальную политику» [9, с. 719]. Впрочем, автор не обвиняет историка в конъюнктурности взглядов и даже приводит в его оправдание воспоминания американского историка украинского происхождения Я.Б. Пеленского, утверждавшего, что «дискуссионные выступления и доклады проф. В. Голобуцкого, хотя и исходили из обязательных в СССР позиций, при этом удерживались в тех рамках, которые определяли научные дискуссии» [9, с. 720].

Последней каплей в переполнившейся чаше терпения представителей советской исторической науки стало выступление немецкого историка И. Вейдлейна из ФРГ с докладом «Мадьярский национализм и изгнание немцев из Венгрии», который большинство участников комиссии признали ненаучным и политически ангажированным. Возмущение от доклада этого историка было столь велико, что его даже изъяли из итогового протокола комиссии, а советская делегация демонстративно покинула зал заседания [7, с. 61]. Впрочем, в своих мемуарах М.Н. Тихомиров указывал иную причину преждевременного отъезда советских историков из Упсалы, утверждая, что виной тому было ухудшение здоровья его и А.Л. Сидорова ввиду

чрезмерного эмоционального и нервного напряжения в ходе дискуссий [2, л. 164].

События в Упсале явились интересным фактом в отношениях официальной советской исторической науки с представителями ученых-эмигрантов, выходцев из территорий бывшей Российской империи. Происходившая между ними полемика очень часто приобретала характер идеологического противостояния, вызывала непримиримое желание доказать свою «правду», не всегда опираясь на собственно научные методы и приемы аргументации, отстаивания собственной концептуальной позиции, нередко она перерастала в откровенные конфликты и стремление максимально очернить оппонентов. В то же время не стоит думать, что подобные международные встречи были лишены конструктивной составляющей. Даже, пожалуй, с большей частотой участие советских историков во всемирных конференциях расширяло методологические и тематические горизонты отечественной науки, помогало устанавливать контакты с представителями науки других стран, в попытках защитить собственные исторические концепции, представляемые на суд широкой мировой общественности, уточнялась и дополнялась исследуемая картина прошлого, выявлялись новые и детализировались прежние причины и движущие силы изучаемых исторических событий и явлений.

Межличностные отношения с представителями эмигрантской науки тоже были неоднородны. Если политизированные, лишённые научной составляющей выступления и поведение иностранных коллег вызвали критику и осуждение, то совершенно иначе складывались отношения с теми из них, кто столь же увлеченно искренне занимался наукой, в том числе средневековой российской историей. Среди таковых можно выделить сообщение английского историка русского происхождения Д.Д.

Оболенского «Новгородское общество в раннее Средневековье», которое хотя и не содержало принципиально новых фактов, но способствовало зарождению научно оправданной дискуссии с участием других крупных специалистов в этом вопросе, каковым, несомненно, являлся профессор Л.В. Черепнин. Об этом эпизоде вспоминал член советской делегации Ю.А. Поляков, который писал, что это выступление содержало «глубокие и основательные соображения о социально-экономической и политической истории Новгородской боярской республики» [6, с. 276]. Весьма положительно отзывался о Д.Д. Оболенском и М.Н. Тихомиров: «Дмитрий Дмитриевич Оболенский — фигура очень интересная. Хотя он и называется мистером, это самый настоящий князь Оболенский, прекрасно говорящий на русском языке, ярый патриот России, конечно, прошлого времени, и православный деятель» [2, л. 171].

Заключение. Очевидно, что конструктивная составляющая в рамках Международного конгресса была значительно больше, диалог между историками-профессионалами был возможен, несмотря на методологические и идейные противоречия, и вопрос гражданства или этнической принадлежности ученых был вторичен. Те же, кто пытался превратить конгресс в политико-идеологическое поле боя, были обречены оказаться вне научного диалога. Позиция представителей украинской историографии на этой конференции весьма показательна. Часть из них в лице В.А. Голобуцкого, несмотря на скованность относительно жесткими рамками марксистской методологии, сохранила научный подход в работе, что было отмечено и признано научным сообществом середины XX века и более поздними исследователями. Другие же, в лице М. Чубатого и Б. Кентржинского, не смогли разделить науку и личные политические убеждения, чем вызвали критику даже со стороны лояльно настроенных к ним современников.

Список литературы

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 693. Оп. 3. Д. 223. Программа пребывания участников XI Международного конгресса историков (Международной комиссии славяноведения) в Упсале (Швеция).
2. РАН. Ф. 693. Оп.6. Д. 11. Воспоминания М.Н. Тихомирова.
3. XI Международный конгресс исторических наук в Стокгольме // Вопросы истории. 1960. № 12. С. 3-29.
4. Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб, 2011. 926 с.
5. Научные доклады на XI конгрессе историков (1957 г.) // Вопросы истории. 1957. № 7. С. 221.
6. Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. 453 с.
7. Российские историки на международных конгрессах исторических наук (1900–2000 гг.). ист. обзор / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Нац. ком. рос. историков; [сост. Н. М. Меньшова]. М., 2005. 202с.
8. Юсов С.Л. Историографические наблюдения в связи с письмом британо-русского слависта Н. Андреева к В. Голобуцкому. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cossackdom.com/personal/usov_istoriograf02033.htm/ (дата обращения 8.07.2023)
9. Ісаєвич Я.Д. Міжнародні конгреси істориків // Енциклопедія історії України. Т. 6. Ла - Мі / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ, 2009. С. 714-726.

10. Чубатий М. Княжа Русь-Україна та виникнення трьох східнослов'янських націй. Нью-Йорк, 1964. 159 с.
11. XI Congrès International des Sciences historiques. Stockholm 21-28 VIII 1960. Supplément. List des Membres. Stockholm, 1960. 76p.
12. Mazon A. Le Slovo D'Igor. Paris, 1940. 182p.

DISPUTES BETWEEN REPRESENTATIVES OF SOVIET AND UKRAINIAN EMIGRANT HISTORICAL SCIENCES AT THE XI INTERNATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS IN SWEDEN

The article is devoted to the events of the XI International Congress of Historical Sciences, held in Stockholm in 1960, one of the few sites where representatives of world historical science had the opportunity to meet, present their scientific concepts, and present their own system of views on key issues of human history. Often, sharp scientific discussions arose within the framework of the congress, sometimes largely politicized. The article pays special attention to just one of these disputes that erupted between representatives of Soviet historical science, and emigrant historians from other methodological and ideological positions, immigrants from the former territories of the Russian Empire. Some of the participants in the dispute were ethnic Ukrainians, and today they are fully recognized as representatives of Ukrainian historiography. It is noteworthy that there were both in one and the other camps, which makes the subject of our article more interesting and noteworthy. The main sources for writing the article were the memories of direct witnesses of those events, which makes it possible to see the discussions that took place through the prism of their personal perception. Also involved in the work are scientific works containing conceptual views of the participants in the dispute.

Keywords: historiography, International Congress of Historical Sciences, Slavic Commission, Uppsala, V.A. Golobutsky, M.N. Tikhomirov, B.A. Rybakov, A.L. Sidorov, M.D. Chubaty.

References

1. Arxiv Rossijskoj akademii nauk (ARAN) [Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN)]. F. 693. Op. 3. D. 223. Programma prebyvaniya uchastnikov XI Mezhdunarodnogo kongressa istorikov (Mezhdunarodnoj komissii slavyanovedeniya) v Upsale (Shveciya). [Program of stay of participants of the XI International Congress of Historians (International Commission of Slavic Studies) in Uppsala (Sweden)].
2. ARAN. F. 693. Op.6. D. 11. Vospominaniya M.N. Tixomirova [Memoirs of M.N. Tikhomirov].
3. XI Mezhdunarodnyj kongress istoricheskix nauk v Stokgol'me [XI International Congress of Historical Sciences in Stockholm]// Voprosy istorii [Questions of history]. 1960. № 12. P. 3-29.
4. Vovina-Lebedeva, V.G. (2011). Shkoly issledovaniya russkix letopisej: XIX–XX vv [Schools of research of Russian annals: XIX-XX centuries]. St. Petersburg. 926 p.
5. Nauchny'e doklady na XI kongresse istorikov (1957 g.) [Scientific reports at the XI Congress of Historians (1957)]// Voprosy istorii [Questions of History]. № 7. P. 221.
6. Polyakov, Yu.A. (1999). Istoricheskaya nauka: lyudi i problemy [Historical science: people and problems]. Moskva. 453 p.
7. Rossijskie istoriki na mezhdunarodnyx kongressax istoricheskix nauk (1900-2000 gg.) [Russian historians at international congresses of historical sciences (1900-2000)]. Moskva, 2005. 202p.
8. Yusov, S.L. Istoriograficheskie nablyudeniya v svyazi s pis'mom britano-russkogo slavista N. Andreeva k V. Golobuczkomu [Historiographic observations in connection with the letter of the British-Russian Slavist N. Andreev to V. Golobutsky]. [Electronic resource]. URL: http://www.cossackdom.com/personal/usov_istoriograf02033.htm/ (accessed on 8.07.2023)
9. Isaevich, J.D. (2009). Mizhnarodni kongresi istorikov [International Congresses of Historians] // Enciklopediya istorii Ukraïni [Encyclopedia of History of Ukraine]. T. 6. Kyiv. P. 714-726.
10. Chubatiy, M. (1964). Knyazha Rus'-Ukraïna ta viniknennya tr'ox sxidn'oslov'yans'kix naczij [Prince Rusy - Ukraïna that viniknennya three schidnosts of the Yan nationalities]. New York. 159 p.
11. XI Congrès International des Sciences historiques. Stockholm 21-28 VIII 1960. Supplément. List des Membres. Stockholm. (1960). 76p.
12. Mazon, A. (1940). Le Slovo D'Igor. Paris. 182p.

Об авторе

Ковеля Валерий Валерьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kovelya@yandex.ru

Kovelya Valery Valerievich - Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: kovelya@yandex.ru

УДК 94:327.811

Комлякова Ю.Ю., кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ ОПЕРАЦИИ PROVIDE HOPE В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В статье рассматриваются проблемы осуществления американской гуманитарной миссии Provide Hope в государствах Центральной Азии после распада Советского Союза. Новые независимые государства, безусловно, нуждались во внешней помощи, так как с распадом плановой экономики Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан находились в состоянии кризиса во всех сферах жизнедеятельности государства и общества. Для Соединенных Штатов, как для победителя в «холодной войне» важно было установить и закрепить свое влияние в новых независимых государствах в целом и с странами Центральной Азии в частности. Для реализации данной стратегической задачи США предприняли ряд мер, одной из которых является операция Provide Hope как одного из элементов реализации Акта о поддержке свободы, принятого Конгрессом США в 1992 году. Американская помощь заключалась в поставках продовольствия медикаментов, медицинского оборудования и др. Официально данная помощь предоставлялась на абсолютно безвозмездной основе как жест доброй воли американского правительства новым независимым государствам. Однако, анализируя содержание и условия двусторонних соглашений, а также материалы рассекреченных переговоров лидеров центральноазиатских государств с руководством Соединенных Штатов можно сделать вывод об ответных гарантиях, которые страны-получатели помощи предоставляли американскому правительству для реализации их внешнеполитических интересов в регионе.

Ключевые слова: операция Provide Hope, гуманитарная политика, США, Центральная Азия, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-39-46

Введение. Окончание «холодной войны» и распад Советского Союза обозначили необходимость реализации стратегической политики США по обеспечению стабильности и государственного строительства (как это позиционировалось американским политическим истеблишментом) на территории 15 новых независимых государств (ННГ) бывшего СССР. Актуальность данной проблемы заключается в том, что центральноазиатский регион был и остается важным для Соединенных Штатов важным с точки зрения геополитических и геостратегических интересов. Особую значимость для исследования представляют средства, используемые Соединенными Штатами для переориентации не только правительственных кругов, но и населения государств посредством реализации различных гуманитарных программ, особенно в условиях новых витков конфронтации с Российской Федерацией в том числе и за влияние в центральноазиатском регионе.

Объект и методы исследования. Объектом настоящего исследования выступает проведение Соединенными Штатами Операции Provide Hope в государствах Центральной Азии. Предметом исследования являются применяемые средства и поставленные цели, реализуемые США посредством Операции Provide Hope. Главным аспектом анализа являются особенности реализации Операции в каждом отдельном государстве центральноазиатского региона, а также

социальная и политическая значимость осуществления Операции как для Соединенных Штатов так и для стран Центральной Азии.

Результаты и их обсуждение. После распада Советского Союза экономика новых независимых государств находилась в состоянии глубокого кризиса и, согласно официальной риторике, западные страны организовали комплекс мер, чтобы облегчить их положение.

Данный вектор внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии изначально был связан со стремлением США воспрепятствовать реинтеграционным усилиям России на постсоветском пространстве и всячески ограничивал ее влияние в Центральной Азии. По мере роста экономической и военной мощи и внешнеполитического влияния Китая перед США также встала задача недопущения возрастания влияния КНР в этом регионе, ставшего все более значимым и многогранным с точки зрения взаимной торговли и китайских инвестиций.

Не смотря на то, что после распада Советского Союза Россия утратила свое влияние в регионе как по причине наличия у нее комплекса собственных политических и экономических проблем, так и по причине наметившейся тогда тенденции у новых независимых государств на поиски иного нового отличного от Москвы партнера.

Однако интересы России в Центральной Азии сохранились, и они во многом схожи с

интересами США. Центральная Азия потеряла свое прежнее значение для России как военная буферная зона — сначала между Российской и Британской империей, а затем между СССР и государствами-сателлитами США в Афганистане и Пакистане, а также между СССР и Китаем. После распада Советского Союза российские войска были выведены из всех государств Центральной Азии, за исключением Таджикистана и некоторых символических сил на границах Казахстана и Кыргызстана с Китаем.

Однако имея целый комплекс геополитических интересов в регионе Россия в первое десятилетие после распада Советского Союза не имела никакой возможности восстановить прежнее влияние в странах региона. В то время как для Соединенных Штатов государства Центральной Азии стали первыми из постсоветских республик на сотрудничество с которыми был направлен целый комплекс мер, для установления своего доминантного влияния и нивелирования влияния Москвы. В тоже время американцы признавали, что российские возможности в Центральной Азии весьма существенны. Историческое наследие, географическое положение и логика силовой борьбы фактически гарантировали преимущество России в регионе.

С целью реализации долгосрочных планов в регионе в октябре 1992 года по инициативе президента США Дж. Буша Конгресс принял знаменитый Акт о поддержке свободы и открытых рынков в России и новых демократиях Евразии (Freedom for Russia and Emerging Eurasian Democracies and Open Markets Support Act), более известный как Акт о поддержке свободы (FREEDOM Support Act) [3].

23 января 1992 года государственный секретарь Джеймс Бэйкер представил конгрессу операцию Provide Hope («Подари надежду»). Данная операция стала первой программой правительства США, запущенной в рамках имплементации Акта о поддержке свободы и первой, которая оказала прямую и ощутимую помощь нуждавшимся распада Советского Союза и краха экономической системы [9].

Операция представляла собой межведомственное сотрудничество Государственного департамента и Министерства обороны США. На первоначальном этапе Конгресс выделил 100 млн. долл. США на помощь постсоветским государствам. Однако большинство продовольствия было получено из запасов, оставшихся после конфликта в Персидском заливе в 1991 году [4].

Соединенные Штаты считают данную программу началом реализации усилий по государственному строительству, мероприятия по реализации которого продолжались в течение

следующих двадцати лет. Помощь, предоставленная правительствам новых независимых государств, позволила им удовлетворить одну из основных на тот момент времени потребностей граждан – потребность в продовольствии и здравоохранении. Операция Provide Hope позиционируется Соединенными Штатами как одна из самых продолжительных, успешных и наиболее экономически эффективных программ по обеспечению мира, стабильности, безопасности и растущего партнерства с новыми независимыми государствами на территории постсоветского пространства.

Государственный департамент США при участии других государственных и частных организаций предоставил гуманитарную помощь на сумму более 5 миллиардов долларов США для стабилизации уязвимых и конфликтных районов бывших советских республик. Акт о поддержке свобод позволил Госдепу использовать пожертвования частного сектора в сочетании с профицитом бюджета министерства обороны в размере 363 миллионов долларов США [8].

Таблица 1.
Суммы излишков Министерства обороны США, распределяемые в рамках Операции Provide Hope государствам Центральной Азии [10, с. 10]

№	Страна	Сумма ассигнований	Кол-во миссий (временные рамки)
1	Республика Казахстан	\$ 17,700,000	4 (1994 -2001)
2	Республика Киргизстан	\$ 56,527,423	12 (1993 – 2012)
3	Республика Таджикистан	\$ 21,968,413	12 (2004-2012)
4	Республика Узбекистан	\$ 34,278,652	4 (1997,2000,2002,2012)

Из пяти государств центральноазиатского региона только четыре принимали американскую помощь в рамках Операции: Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан.

За 20 лет реализации Операции в Казахстане Соединенными Штатами была предоставлена техническая помощь в сфере здравоохранения, образования, поддержки малого и среднего бизнеса и торговли на сумму порядка 9 млн. долл. США. Также в 2012 году Соединенные Штаты предоставили Казахстану помощь на сумму в 4.5 млн. долл. США.

После 2002 года Соединенные Штаты испытывали определенные затруднения, связанные с предоставлением гуманитарной помощи Казахстану. Следует подчеркнуть, что преобладающее участие в предоставлении гуманитарной помощи играл именно частный, а не государственный сектор. В 2002 году в Казахстане вступил в силу

новый таможенный кодекс, который предусматривал, что товары, поставки и другая собственность, предоставляемая и используемая в связи с программами содействия США, может ввозиться в Казахстан, вывозиться, использоваться без обложения какими-либо тарифами, сборами, таможенными пошлинами, налогами на импорт и другими налогами, установленными казахстанским законодательством; передвижение самолетов, водных судов, задействованных правительством США, по программам содействия, в Казахстане освобождались от уплаты аэродромных и портовых сборов, навигационных платежей [1]. Однако, в случае, если частные организации США осуществляли иную деятельность, не предусмотренную данным соглашением, то эти организации облагались налогами согласно законодательству Казахстана.

Операция Provide Hope стала крупнейшим проектом по оказанию помощи США Кыргызстану с момента провозглашения независимости и представляла собой гуманитарную медицинскую программу, координируемую Государственным департаментом и частными донорами. Проект состоял из наземной доставки медицинских расходных материалов для распределения в кыргызских больницах на сумму 8,6 млн. долл. США, а также доставки медицинского оборудования и материалов для больниц в Бишкеке воздушным транспортом на сумму 15 млн. долл. США. Общая стоимость данного проекта по оказанию гуманитарной помощи, включая расходы на доставку, распределение и расходы на персонал, составила около 30 миллионов долларов.

Примерно 190 контейнеров с гуманитарным грузом было отправлено в Кыргызстан в рамках реализации Операции. Еще 65 контейнеров с медицинским оборудованием прибыли в 2004 г. для использования в отдельных больницах в Бишкеке. Проект Provide Hope должен был быть завершен в августе 2005 года. Помимо наземной перевозки контейнеров, 23 сентября прибыл самолет C-17 с лекарствами на сумму порядка 15 миллионов долларов США, включая антибиотики и онкологические препараты. Их распространение координировалось неправительственной организацией США City Hope при содействии неправительственных организаций «Сердце к сердцу», Counterpart International и Project Hope [7].

Для полноценного и беспрепятственного осуществления Операции Кыргызстан в 1993 году подписал в Вашингтоне Соглашение с Соединенными Штатами относительно сотрудничества по облегчению оказания содействия. Данный документ предусматривал беспошлинный импорт товаров, предназначенных для реализации различных американских программ. Он также

предоставлял дипломатический иммунитет людям, участвовавшим в этих программах, и полностью освобождал их от всех налогов и других сборов на территории Кыргызстана [2]. Однако в 2014 году Премьер-министр Кыргызстана Темир Сариев подписал постановление правительства Республики Казахстан о денонсации выше упомянутого соглашения. Причиной для такой инициативы послужило решение Государственного департамента США предоставить помощь по программе защиты прав человека кыргызскому политическому активисту Азимжону Аскарору. Аскарор был приговорен к пожизненному заключению за организацию и участие в массовых беспорядках на юге Кыргызстана в июне 2010 года. Всего за несколько дней столкновений погибли 442 человека и около 1000 получили ранения. Власти Кыргызстана квалифицировали действия американских дипломатов как «недружественные» и денонсировали соглашение о помощи.

В августе 2002 года в рамках операции Provide Hope начался крупнейший в США медицинский проект гуманитарной помощи для Узбекистана. Проект состоял из двух основных поставок. Первая в размере 17 миллионов долларов США представляла собой излишки медицинского оборудования и расходных материалов Министерства обороны США, а вторая в размере 35,5 млн. долларов - пожертвованные лекарства от частных организаций [5, с. 4].

Критически важным аспектом данной миссии было то, что в ее рамках предоставлялось оборудование и материалы, необходимые правительству Узбекистана чтобы запустить программу реформ по развитию системы первичной медицинской помощи. Всего по больницам в регионе Ферганской долины были распределены 170 контейнеров с медицинским оборудованием и расходными материалами (оборудование для операционных, рентгеновских кабинетов, лабораторий, централизованной стерилизации и др.) [11].

Военно-медицинские эксперты из Европейского командования вооруженных сил США координировали прием, распределение и установку пожертвованного медицинского оборудования и расходных материалов в каждом медицинском учреждении и предоставляли необходимую техническую помощь и инструктаж для персонала больниц.

Ответными действиями Узбекистана стало предоставление правительству США неограниченного доступа к своим главным авиабазам на начальном этапе операции «Несокрушимая свобода».

20 августа 2003 года Государственный департамент США сделал еще один шаг в своей программе предоставления гуманитарной помощи в Центральную Азию, доставив американские партии жизненно важных лекарств в

Республику Таджикистан на сумму 17 миллионов долларов США. Миссия символизирует непрерывность доставки гуманитарных грузов в рамках операции «Обеспечить надежду», осуществляемой с 1992 года с целью оказания чрезвычайной гуманитарной медицинской помощи Центральной Азии. На официальной церемонии и пресс-конференции посол США в Таджикистане Франклин П. Хаддл и премьер-министр Таджикистана О. Окилов приветствовали доставляющий самолет ВВС США C-17 Globemaster. Лекарства были распределены между детской больницей в Душанбе и больницам и медицинским центрам по всей стране [12].

Туркменистан, ввиду комплексной закрытости политики Сапармурата Ниязова и нежелании оказывать услуги по военному базированию на своей территории в ответ на американскую гуманитарную помощь, в данной программе участвовал незначительно. По сравнению с остальными государствами региона американская помощь Туркменистану за 20 лет составила всего 200 млн. долл. США.

Не взирая на то, что данная помощь позиционировалась как правительственная, тем не менее никаких фактических расходов государственный департамент не понес, а медикаменты для данных нужд были пожертвованы частными американскими фармацевтическими компаниями.

В 2011 году Госдеп США принял решение о прекращении финансирования Операции по истечении 2014 финансового года [8].

Решение Государственного департамента США о прекращении финансирования операции Provide Hope в 2014 финансовом году из-за бюджетных ограничений оказало существенное влияние на системы здравоохранения в центральноазиатских республиках. Многие из этих стран все еще оставались зависимыми от США, в особенности в рамках сегмента помощи, предоставляемого для ликвидации последствий стихийных бедствий.

Ответным аспектом американской гуманитарной помощи явилось предоставление государствами Центральной Азии права США на использование своего воздушного пространства, Узбекистан и Кыргызстан подписали базовые соглашения, а Таджикистан предоставил разрешение на пролеты, высадки и базирование американских войск. В пользование США были предоставлены аэропорты Таджикистана (Душанбе и Курган-Тюбэ) и Казахстана (Луговой). У США появилось военное присутствие в регионе, связанное с размещением американских контингентов в Афганистане и Пакистане.

Майор Роберт Грей и экипаж 7-й воздушной эскадрильи совершили первую миссию «Обеспечить надежду» в СНГ на 60-м авиакрыле

C-141, чтобы доставить 17 тонн продовольствия и медикаментов в Бишкек, Кыргызстан. Грей прокомментировал, что он ожидал, что когда-нибудь полетит в эту часть мира, но в боевых условиях, а не в рамках гуманитарной воздушной перевозки: «я столкнулся со своей долей проблем. Некоторые рейсы покрывали расстояния более 3000 миль. У одного C-141 спустило колесо основного шасси при приземлении в Москве 21 февраля. C-5, приземлившийся в Казахстане, не мог механически «встать на колени», как это было спроектировано для разгрузки скатывания. Из-за отсутствия в некоторых местах погрузочно-разгрузочного оборудования на некоторых C-141 пришлось перевозить дополнительный персонал для разгрузки самолета, а на C-5 пришлось нести вилочные погрузчики. На некоторых отдаленных аэродромах отсутствовали средства ночной навигации, поэтому посадку и взлет можно было планировать только в светлое время суток. Протекающие шланги, отсутствие средств пожаротушения и курение персонала иногда ставили под угрозу дозаправку на земле. Отсутствие противообледенительного оборудования в некоторых городах также угрожало безопасности операции. В районе некоторых рулежных дорожек на пути самолета присутствовали люди и животные» [4].

Американское военное присутствие в регионе было интенсифицировано после террористического акта 11 сентября 2001 года. Правительства центральноазиатских республик, с одной стороны, проявляли солидарность в борьбе с общемировой угрозой терроризма, а с другой имели более прагматичные соображения, связанные с непосредственной угрозой терроризма, возникшей у границ стран региона и невозможностью самостоятельно обеспечить свою безопасность.

В 2005 году министр обороны США Дональд Рамсфельд совершил визит в государства центральноазиатского региона, в ходе которого был заключен ряд договоренностей с правительствами стран Центральной Азии. Визит Д. Рамсфельда в Кыргызстан был связан с несогласием Пентагона с требованием Шанхайской организации сотрудничества ограничить военное присутствие США в Кыргызстане и других государствах Центральной Азии. На базе ВВС Ганчи в бишкекском международном аэропорту «Манас», с осени 2001 года, дислоцировалось около 950 американских военнослужащих. Узбекистан также предоставил аэропорт, а Таджикистан предоставлял средства для заправки самолетов США. По словам Д. Рамсфельда, эти аэропорты были полезны в войне США с терроризмом, и теперь они необходимы как для гуманитарных, так и для военных миссий в Афганистане [6].

Подводя итоги реализации данного

гуманитарной программы следует отметить, что они достаточно неоднозначны. С одной стороны, наблюдается интенсификация американского военного присутствия в государствах Центральной Азии, а с другой стороны операция Provide Hope стала средством оказания неотложной помощи государствам стратегически важного региона в период, когда те оказались на грани политической, экономической и социальной катастроф. Операция превратилась в устойчивую модель межведомственного, совместного государственного строительства путем предоставления необходимого медицинского оборудования и материалов для поддержки реформы здравоохранения во всех новых независимых государствах на территории бывшего Советского Союза.

Помимо медикаментов и медицинского оборудования также осуществлялись поставки продовольствия, однако зачастую это были товары, которые не пользовались спросом в США, например, куриные голени, в которых в процессе выращивания курицы скапливается больше всего антибиотиков, гормонов, хлора и т.д., и американцы воспринимают их как отходы производства. В связи с этим продукты питания, поставляемые в рамках операции Provide Hope в странах-получателях помощи получили название «ножки Буша», хотя фактически договор о поставках замороженной курятины был подписан между Президентом России Б. Ельциным и Президентом США Дж. Бушем-ст. еще в 1990 г., однако через Россию осуществлялся транзит данного вида продовольствия в страны Центральной Азии.

Соединенные Штаты официально позиционировали Операцию Provide Hope как средство реализации цели национальной американской политики по обеспечению стабильности и безопасности в государствах региона, который согласно американской риторике имеет жизненно важное значение для глобального мирового порядка, посредством демонстрации сочувствия и заботы нуждающимся людям. Также реализация этой операции продемонстрировала преданность Соединенных Штатов людям, которые успешно свергли правительство, которое на протяжении десятилетий было главным врагом Соединенных Штатов. Помогая народам бывших советских республик «оправиться от коммунизма», операция Provide Hope продвигала интересы Соединенных Штатов.

Весь комплекс помощи, которую Соединенные Штаты оказывали поставлялась абсолютно безвозмездно, как жест доброй воли победителей в «холодной войне» поверженной стороне. Не существует ни одного официального документа, который бы подтверждал обратное. Однако, если посмотреть на характер и содержание двусторонних соглашений, подписанных в этот период

между Соединенными Штатами и центрально-азиатскими республиками, то можно сделать вывод, что последние подписывая договоры на заведомо невыгодных условиях и таким образом расплачивались с Соединенными Штатами за их безвозмездную помощь.

Так через две недели после начала Операции 3 февраля 1992 г. Государственный департамент США открывает первое посольство в данном регионе в г. Алматы. Президент Казахстана Н. Назарбаев первым получает приглашение от Дж. Буша старшего посетить Соединенные Штаты. Такой визит был осуществлен в мае 1992 г. В ходе этого визита завершились начатые еще в 1990 г. переговоры по сотрудничеству Казахстана с корпорацией «Chevron Corporation». Перспективы данного сотрудничества Н. Назарбаев рассматривал еще до распада Советского Союза. В своих мемуарах он пишет: «В 1990 году я посетил США, где искал пути, по которым Казахстан пойдет в своей новой истории. Я побывал на всех важнейших предприятиях корпорации «Шеврон», расположенных в том числе и в Мексиканском заливе и ознакомился с ее экологическими и технологическими возможностями. В момент начала партнерства у нас не было законов о защите инвестиций, о недрах, о налогах и другой правовой базы». Сам Дж. Буш старший активно лоббировал интересы компании Chevron, так как еще до прихода в политику Буш был связан с добычей нефти, и именно компания Chevron позже профинансировала предвыборную кампанию Дж. Буша мл., а советником по национальной безопасности и обороне стала Кондолиза Райс - экс-член совета директоров Chevron.

Из рассекреченных после смерти Дж. Буша старшего стенограмм переговоров с президентом Казахстана Н. Назарбаевым, состоявшихся в 1992 году при участии госсекретаря США Дж. Бэйкера известно, что Соединенные Штаты пообещали Казахстану помощь в появлении собственной валюты раньше, чем таковая появится у других постсоветских республик в обмен на часть золотого запаса Казахстана, который Н. Назарбаев обязуется передать в Федеральный Резервный Банк США. Также в 1992 году США выдали Казахстану кредит на сумму \$500 млн. США в обмен на отказ государства от ядерного оружия.

Киргизстан стал представлять стратегический интерес для США несколько позднее. Данное, преимущественно аграрное, государство в силу своего географического положения на границе с Китаем и Афганистаном будет использоваться Соединенными Штатами как плацдарм для размещения американских вооруженных сил после терактов 11 сентября 2001 года. Ответной мерой Киргизии на предоставление американской гуманитарной

помощи стало предоставление аэропорта Манас для размещения военной авиабазы США.

Что касается американского влияния в Таджикистане было гораздо менее значительным чем в богатом природными ресурсами Казахстане. Основной целью США здесь было уравновесить все еще сохраняющееся влияние Москвы. Политическая трансформация Таджикистана усложнялась гражданской войной в республике. После ее завершения в 1997 году США стремились расширить свои отношения с Таджикистаном посредством политических, культурных и незначительных экономических соглашений.

Значительный интерес для реализации американских целей в регионе имел Узбекистан. Государство, имеющее наиболее значительные, в сравнении с остальными государствами региона, энергоресурсы, а также расположенное в центре региональных торговых и транспортных сетей. После террористических атак 11 сентября 2001 года Узбекистан предложил США и коалиционным силам права на пролеты и базирование военно-воздушных судов. Однако права США на базирование в Карши-Ханабаде были прекращены в 2005 году после критики со стороны США действий, связанных с жестоким подавлением правительством президента Каримова беспорядков в южном городе Андижан. С 2003 финансового года Конгресс запретил иностранную помощь правительству Узбекистана, если не будет сформулирован вывод государственного департамента, о действительных успехах Узбекистана в выполнении обязательств по уважению прав и свобод человека, установлению многопартийной системы, обеспечению свободных и справедливых выборов, свободе выражения мнений и независимости средств массовой информации.

Заключение (выводы). Таким образом Соединенные Штаты оказывали гуманитарную

помощь странам бывшего Советского Союза прежде всего из опасения реставрации коммунизма и стремлению не допустить возможного объединения новых независимых государств вокруг России. Изначально американская помощь была исключительно гуманитарной. Ее целью было создать прочный институциональный базис для осуществления рыночных реформ. Однако, через некоторое время Государственный департамент США заявил, что бывшие советские республики, вопреки американским ожиданиям, не имели успеха на этом пути. Это побудило правительство США переориентировать финансовую поддержку и предоставить ее преимущественно общественным и негосударственным организациям, избегая непосредственного контакта с государственными структурами.

Также следует констатировать, что США оказались в затруднительном положении между стремлением к строго двусторонним отношениям со странами Центральной Азии, с одной стороны, и своей однополярной тенденцией, которая препятствует развитию сотрудничества между государствами региона, с другой стороны. Поэтому главной целью Операции было не декларативное спасение населения республик от голода, а окончательное закрепление за Соединенными Штатами статуса победителя в «холодной войне» путем укоренения в сознании граждан бывших советских республик контраста между экономическим коллапсом, произошедшим после распада Советского Союза и помощью, которую поспешили предоставить США, а также разницы между идеологической пропагандой Москвы, которая все годы «холодной войны» позиционировала Соединенные Штаты как врага и агрессора, который отныне стал единственным государством предоставившим помощь.

Список литературы

1. Кодекс Республики Казахстан от 12 июня 2001 года № 209-П «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) [Электронный ресурс]: Параграф. - URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023502#pos=4;-245 (дата обращения: 24.11.2023).
2. Соглашение между Правительством Соединенных Штатов Америки и Правительством Кыргызской Республики относительно сотрудничества по облегчению оказания содействия [Электронный ресурс]: Информационно-аналитический портал Sayasat.kg. – URL: <https://www.sayasat.kg/policy/41100-the-text-of-the-agreement-between-the-cd-and-the-united-states-which-intends-to-denonce-the-kyrgyzstan.html> (дата обращения: 20.11.2023).
3. Freedom Support Act 20th Anniversary [Электронный ресурс]: Philadelphia News. - URL: <https://thephilanews.com/freedom-support-act-20th-anniversary-34494.htm> (дата обращения: 04.12.2023).
4. Haulman D. L. Provide Hope [Электронный ресурс]: Air Mobility Command Museum. URL: <https://web.archive.org/web/20200815202630/https://amcmuseum.org/history/provide-hope/> (дата обращения: 28.11.2023).
5. Leland J. W. The chronological history of the C-5 Galaxy / Office of History, Military Airlift Command, 2003. – 203 p.
6. Marat E. Rumsfeld in Kyrgyzstan: Halting America's Faltering Position in Central Asia

[Электронный ресурс]: The Central Asia-Caucasus Analyst. - URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/10138-analytical-articles-caci-ana-lyst-2005-7-27-art-10138.html> (дата обращения: 29.11.2023).

7. Operation Provide Hope: Donated Medical Assistance for Kyrgyzstan [Электронный ресурс]: U.S. Department of State. Office of the Spokesman. Washington, DC. August 21, 2003. – URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ei/pix/b/sa/kz/38098.htm> (дата обращения: 20.11.2023).

8. Rosenblum D. Decision to Phase Out Operation Provide Hope / USAMMCE, Washington, DC, November 15, 2011 – 18 p.

9. Rosenblum D. The FREEDOM Support Act: 20th Anniversary [Электронный ресурс]: Bureau of European and Eurasian Affairs. - URL: <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2012/198152.htm> (дата обращения: 17.11.2023).

10. Stubbs C. W. M. Operation Provide Hope: Nation-Building Through Healthcare // U.S. Army War College. - Carlisle Barracks. - Pennsylvania. – 26 p.

11. U.S. Humanitarian Assistance Project Operation Provide Hope [Электронный ресурс]: Embassy of the United States in Uzbekistan. – URL: <http://uzbekistan.usembassy.gov/index.html> (дата обращения: 04.11.2023).

12. U.S.-Tajikistan: Operation Provide Hope - Delivery of Humanitarian Medical Assistance [Электронный ресурс]: U.S. Department of State. **Office of the Spokesman**. Washington, DC. August 21, 2003. – URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2003/23468.htm> (дата обращения: 17.11.2023).

UNITED STATES IMPLEMENTATION OF OPERATION PROVIDE HOPE IN COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

The subject of the research is the problem of implementing the American humanitarian mission Provide Hope in the states of Central Asia after the collapse of the Soviet Union. The new independent states needed external assistance, since with the collapse of the planned economy, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan were in crisis in all spheres of the life of the state and society. For the United States, as for the the winner of the Cold War, it was important to establish and consolidate its influence in the newly independent states in general and the countries of Central Asia in particular. To implement this strategic objective, the United States has taken a number of measures, one of which is Operation Provide Hope as one of the elements of the implementation of the Freedom Support Act adopted by the US Congress in 1992. American assistance consisted of the supply of food, medicine, medical equipment, etc. Officially, this assistance was provided absolutely free of charge as a gesture of goodwill by the American government to the newly independent states. However, by analyzing the content and terms of bilateral agreements, as well as materials from declassified negotiations between the leaders of Central Asian states and the leadership of the United States, one can draw a conclusion about the reciprocal guarantees that the recipient countries provided to the American government to realize their foreign policy interests in the region.

Keywords: Operation Provide Hope, humanitarian policy, USA, Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan.

References

1. Kodeks Respubliki Kazaxstan ot 12 iyunya 2001 goda № 209-II «O nalogax i drugix obyazatel'ny`x platezhax v byudzhete» (Nalogovy`j kodeks) (2001)[Code of the Republic of Kazakhstan dated June 12, 2001 No. 209-II “On taxes and other obligatory payments to the budget”] [E`lektronny`j resurs]: Paragraf. - URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023502#pos=4;-245 (access date: 24.11.2023).

2. Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Soedinenny`x Shtatov Ameriki i Pravitel'stvom Ky`rgy`zskoj Respubliki otnositel'no sotrudnichestva po oblegcheniyu okazaniya sodejstviya (1993) [Agreement between the Government of the United States of America and the Government of the Kyrgyz Republic regarding cooperation to facilitate assistance] [E`lektronny`j resurs]: Informacionno-analiticheskij portal Sayasat.kg. – URL: <https://www.sayasat.kg/policy/41100-the-text-of-the-agreement-between-the-cd-and-the-united-states-which-intends-to-denounce-the-kyrgyzstan.html> (access date: 20.11.2023).

3. Freedom Support Act 20th Anniversary (2012) [E`lektronny`j resurs]: Philadelphia News. - URL: <https://thephilanews.com/freedom-support-act-20th-anniversary-34494.htm> (access date: 04.12.2023).

4. Haulman D. L. Provide Hope (1994) [E`lektronny`j resurs]: Air Mobility Command Museum <https://web.archive.org/web/20200815202630/https://amcmuseum.org/history/provide-hope/> (access date: 28.11.2023).

5. Leland J. W. The chronological history of the C-5 Galaxy (2003) / Office of History, Military Airlift Command, 2003. – 203 p.

6. Marat E. Rumsfeld in Kyrgyzstan: Halting America's Faltering Position in Central Asia (2005) [E`lektronny`j resurs]: The Central Asia-Caucasus Analyst. - URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/10138-analytical-articles-caci-ana-lyst-2005-7-27-art-10138.html>

org/publications/analytical-articles/item/10138-analytical-articles-caci-ana-lyst-2005-7-27-art-10138.html (access date: 29.11.2023).

7. Operation Provide Hope: Donated Medical Assistance for Kyrgyzstan (2004) [E`lektronny`j resurs]: U.S. Department of State. Office of the Spokesman. Washington, DC. August 21, 2003. – URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ei/pix/b/sa/kz/38098.htm> (access date: 20.11.2023).

8. Rosenblum D. The FREEDOM Support Act: 20th Anniversary (2012) [E`lektronny`j resurs]: Bureau of European and Eurasian Affairs. - URL: <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2012/198152.htm> (access date: 17.11.2023).

9. Rosenblum D. Decision to Phase Out Operation Provide Hope (2011) / USAMMCE, Washington, DC– 18 p.

10. Stubbs C. W. M. Operation Provide Hope: Nation-Building Through Healthcare (2013) // U.S. Army War College. - Carlisle Barracks. - Pennsylvania. – - 26 p.

11. U.S. Humanitarian Assistance Project Operation Provide Hope (2003) [E`lektronny`j resurs]: Embassy of the United States in Uzbekistan. – URL: <http://uzbekistan.usembassy.gov/index.html> (access date: 04.11.2023).

12. U.S.-Tajikistan: Operation Provide Hope - Delivery of Humanitarian Medical Assistance (2003) [E`lektronny`j resurs]: U.S. Department of State. Office of the Spokesman. Washington, DC. August 21, 2003. – URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2003/23468.htm> (access date: 17.11.2023).

Об авторе

Комлякова Юлия Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия), E-mail: komlyakova@bsu.edu.ru

Komlyakova Julia Urievna - PhD in history, Associate Professor of the chair of World History, Belgorod State National Research University (Russia), E-mail: komlyakova@bsu.edu.ru

Красноперов А.А., кандидат исторических наук, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Россия)

ПРИВОЗНЫЕ ФИБУЛЫ ПРИКАМЬЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э.: МЕХАНИЗМЫ И ПУТИ ПОСТУПЛЕНИЯ

Статья подводит итог изучению «привозных» фибул в Прикамье, раннего («сарматского») периода их распространения. В задачу этой публикации входит обсуждение путей и механизмов появления фибул в Прикамье. Типологический спектр фибул позволяет выделить 3 этапа их распространения, отличающихся также территориально. 1-й – фибулы групп Амброз-5 – Авциссы, Амброз-11 – сильнопрофилированные, Амброз-12 – с кнопкой, или I-II вв. н.э.; 2-й – фибулы группы Амброз-15 – лучковые и Амброз-8 – фибулы-броши, или 1 пол. III в.; 3-й – фибулы группы Амброз-13 – с завитком, или 2 пол. III – нач.(?) IV вв. Типы фибул третьего периода полностью ориентированы на сарматские группы южного Урала. Второй период, представленный лучковыми фибулами 4-го варианта, фибулами с эмалью, отражает время формирования мазунинской и азелинской культур. Картография фибул «1-го периода обращения»: Авцисс, фибул с кнопкой и сильнопрофилированных, не позволяет считать «сармат» степной зоны источником или каналом их распространения. В этом случае вероятен «западный путь», о котором свидетельствуют и другие обстоятельства. Вектор поступления фибул выглядит следующим образом: Прикамье ← Ока (Сура) ← верхнее и среднее Подонье ← «Причерноморье». По времени события не однородны, и связаны с (а) распадом зарубинецкой культуры, (б) формированием 1 горизонта (Рахны-Лютеж-Почеп) позднезарубинецких памятников, (в) продвижением зарубинецких и позднезарубинецких групп на восток и север (до дяковского ареала), (г) «войнами I в.». Именно с этой волной (а не напрямую с сарматами) – зарубинецкой / позднезарубинецкой / андреевско-писеральской, в смешении с верхнедонской пост-позднескифской – связано появление части «сарматских» элементов в пьяноборских памятниках. В том числе и распространение фибул групп Амброз-5 – Авциссы, Амброз-11 – сильнопрофилированных, Амброз-12 – с кнопкой.

Ключевые слова: Прикамье, Среднее Поочье, Верхнее Подонье, хронология, фибулы, пьяноборская культура, мазунинская культура, азелинская культура, андреевско-писеральские памятники, сарматское время.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-47-58

Введение. Статья подводит некоторый итог изучению «привозных» фибул в Прикамье, раннего («сарматского») периода их распространения. Ранее были рассмотрены как отдельные группы: лучковые [26], сильнопрофилированные [27], с кнопкой [28], так и общая динамика их бытования в культурах региона [30]. В задачу этой публикации входит обсуждение путей и механизмов появления фибул в Прикамье³.

Объекты и методы исследования. В первые века нашей эры, в I-III вв. н.э., в регионе Прикамье-Приуралья бытовали памятники пьяноборской, мазунинской, азелинской, ранней и развитой кара-абызской, средней и развитой гляденовской культур [45]. По распространению фибул в отдельных культурах имеются существенные отличия. В наиболее ранний период (I-II вв.) фибулы поступают практически исключительно к пьяноборскому населению, в синхронных памятниках ранней кара-абызской культуры они единичны и типологический набор отличается. В поздний период (III в.) фибулы (всех групп) поступают преимущественно к мазунинскому населению (в центральной части региона), лучковые

одночленные также широко представлены у азелинских групп (в западной части региона). У позднего кара-абызского населения (южная часть региона), занимающего промежуточное территориальное положение между лесной зоной и «сарматскими степями», фибул практически нет. Гляденовские группы (восточная часть региона) являются дальней периферией, практически лишенной фибул. Создается ощущение, что тесных контактов между синхронными группами не было [30].

Проблема хронологии комплексов и картографии находок важна для определения как этапов взаимодействия, так и векторов связей и обстоятельств поступления. В частности, динамика сильнопрофилированных и лучковых фибул принципиальна для разделения стыка между пьяноборской и мазунинской культурами, начальной даты азелинской культуры, и хронологии развития того периода пьяноборской культуры.

Результаты и их обсуждение. Типологический спектр фибул позволяет выделить 3 этапа их распространения, отличающихся также территориально. 1-й – фибулы групп Амброз-5 – Авциссы,

© Красноперов А.А.

© Красноперов А.А.

² Фибулы позднего («черняховского») периода будут рассмотрены отдельно.

³ Непосредственно находки, комплексы, типологические определения и хронология обсуждены в предыдущих публикациях со всеми ссылками и иллюстрациями. Среди находок из области азелинской культуры нашелся неучтенный ранее пружинный аппарат с подъемного материала 1983 г. на Усть-Брыскинском могильнике, вероятно относящийся к группе Амброз-15.

Амброз-11 – сильнопрофилированные, Амброз-12 – с кнопкой, или I-II вв. н.э.; 2-й – фибулы группы Амброз-15 – лучковые и Амброз-8 – фибулы-броши, или 1 пол. III в.; 3-й – фибулы группы Амброз-13 – с завитком, или 2 пол. III – нач.(?) IV вв.

С учетом картографии и типологии наиболее понятен 3-й период (рис. 1). Фибулы с завитком, тем более с ромбической спинкой, являются специфической особенностью южноуральских памятников позднесарматского времени [36]. Их появление в Прикамье связано именно с сарматскими группами, и маркирует соответствующий хронологический горизонт [37, с. 60-63, рис. 210, 211]. Аналогично распределены лучковые фибулы с расширенной ножкой¹. Для мазунинской культуры это дает основания для выделения синхронизированного с сарматским этапом.

Второй период (рис. 2), представленный лучковыми фибулами 4-го варианта, фибулами с эмалью, отражает время формирования мазунинской и азелинской культур.

Хронология начала азелинской культуры не ясна. Находок и комплексов до рубежа эр в бассейнах Вятки и на нижней Каме нет. Попытки подогнать даты чисто декларативны (о том же: [34, с. 201; 19, с. 282]) и реальным археологическим материалом не обоснованы. Типологические ряды самых ранних азелинских находок демонстрируют развитие пьяноборских форм. В связи с чем возникают два вопроса: время появления пьяноборских находок на нижней Каме, и период (интервал) формирования непосредственно азелинской культуры. Пьяноборские находки в устье Камы картографировал Д.Г. Бугров [34, рис. 6-22]. Все они представлены самыми характерными пьяноборскими типами: сапожковыми пронизками, полупронизками, височными подвесками, застежками с неподвижным крючком [21, рис. 69: 1,7,8; 39, табл. 93: 1-3,11,12; 34, рис. 6-24: А: 3-5, Б: 1,2-5-10]. Ни одна из категорий не имеет на сегодняшний день обоснованной даты. Очевидно только, что это период расцвета пьяноборской культуры, который приходится на II в. н.э. Но насколько он «заходит» в I в. н.э. – не ясно. Сопровождающий инвентарь, там, где это возможно, не позволяет датировать «классический этап» пьяноборской культуры до рубежа эр, а вероятно, и I пол. I в. н.э.

К ранним комплексам на памятниках уже азелинской культуры относятся погребения на Ошкинском, Первомайском, Худяковском (см.: [33]), вероятно, Городищенском и Кошкинском, могильниках. Эти находки устойчиво сочетаются с лучковыми фибулами 4-го варианта, т.е. не могут

датироваться ранее I пол. III в. н.э. Другим репером является достаточно широкое распространение сарматских типов поясной гарнитуры: пряжек Малашев-II-1,2,4, наконечников Малашев-II-1,6,7 (см.: [35]), и находок, связанных с контекстом «всаднического горизонта» по С.И. Безуглову.

В широких рамках это горизонт датируется 2 пол. II – I пол. III вв. (подробно: [8]). Вероятно, и по находкам, и, в т.ч. с точки зрения теоретической модели «горизонтов» [18], «всаднический горизонт» неоднороден, и на основании фибул может быть разделен на два этапа: с сильнопрофилированными фибулами и с лучковыми фибулами.

Такую же динамику образуют комплексы «всаднического горизонта» в Прикамье (он широко представлен в мазунинской и азелинской культурах) – элементов комплекса [31] первого периода, с сильнопрофилированными фибулами, в Прикамье нет (исключение – Сасыкуль, п.260 [25] но без фибулы), а с лучковыми фибулами встречаются регулярно. Соответственно, и в этом случае можно синхронизировать этапы местных и сарматских культур на уровне «горизонтов».

Наибольший интерес представляет вопрос обстоятельств появления фибул «1-го периода обращения» (рис. 3): Авцисс, фибул с кнопкой и сильнопрофилированных. Картография не позволяет считать «сармат» степной зоны источником или каналом их распространения. В этом случае вероятен «западный путь», о котором свидетельствуют и другие обстоятельства.

В литературе неоднократно поднимался вопрос о взаимодействии прикамского и окско-сурского населения. Но аргументированно он рассмотрен, видимо, только И.Р. Ахмедовым и И.В. Белоцерковской в связи с ранними комплексами рязано-окской культуры [5]. Судя по всему, в этом вопросе смешано несколько эпизодов, которые необходимо разделить и рассматривать отдельно. Один из них (проникновение андреевско-писеральских компонентов в пьяноборскую культуру) повлиял на сложение комплекса «классической» пьяноборской культуры, другой (распад пьяноборской культуры) – на становление памятников типа Сендимирино-Таутово [22] и кошибеевского этапа рязано-окской культуры [5, с. 36; 6; 7, с. 135].

В контексте этой работы интерес представляет первый эпизод².

Результаты. Вектор поступления фибул выглядит следующим образом: Прикамье ← Ока (Сура) ← верхнее и среднее Подонье ← «Причерноморье». По времени события не однородны, и связаны с (а) распадом зарубинецкой культуры, (б) формированием I горизонта (Рахны-Лютееж-

¹ Появление одной такой фибулы на Волге (Усатово, к.F16; хронологическая позиция комплекса странная из-за наличия сильнопрофилированной фибулы) связано с продвижением с востока на запад.

² Далее обсуждение касается только фибул, остальные проблемы надо рассматривать шире.

Почеп) позднезарубинецких памятников, (в) продвижением зарубинецких и позднезарубинецких групп на восток и север (до дяковского ареала), (г) «войнами I в.». Это, определенно, не одномоментный процесс, а серия событий, которые хронологически укладываются в I горизонт позднезарубинецких памятников, т.е. в периоды В1 и В2, – до распространения вещей круга эмалей, маркирующих начало 2-го горизонта (Картамышево-Грини), т.е. до В2/С1. А насколько рано начинаются события, затрагивают ли они период А3, только на фибульном материале решить невозможно ввиду отсутствия находок самих фибул этого времени.

Пока можно наметить следующую схему. «Кризис зарубинецкой культуры» на протяжении I пол. I в. н.э. (подробно: [40, с. 5, 13, 14, 38, 98, 101]) привел к перегруппировкам населения и формированием шлейфа позднезарубинецких групп с разной степенью сохранения зарубинецких черт и разными «внешними» компонентами (подробно: [40, с. 43, 51-52, 100-103]). Большая часть передвижений 3 четв. I в. направлена на восток. Ранний горизонт¹ позднезарубинецких памятников маркируется глазчатыми фибулами прусской серии, многочисленными «сарматскими» находками: бусами из египетского фаянса, сильнопрофилированными, лучковыми фибулами, с кнопкой, кольцами с шишечками, витыми гривны, пластинчатыми вещами круга эмалей [16; 18, с. 33, 126-127; 23, с. 76, 79], соответствует периодам В1 и В2 (подробно: [40, с. 101]).

Поздний горизонт маркируется отсутствием «сарматской составляющей», появлением вещей круга эмалей [17, с. 136; 18, с. 125-126], соответствует периоду В2/С1 (подробно: [40, с. 30; 9, с. 153, 157, 161; 12, с. 171, 173, 181, 185; 23, с. 79]). В ходе движения, в Подонье, позднезарубинецкие группы вступают во взаимодействие с пост-позднескифским [38, с. 113; 10; 11; 14, с. 67-68], среднесарматским и среднесарматским позднесарматского времени [38, с. 22, 28, 103; 44, с. 289] населением. Результатом стало появление зарубинецких элементов вплоть до дяковской культуры [40, с. 6; 32, с. 263-265; 4, с. 36, 39; 14, 15], «войны I в.» на Оке [15; 4, с. 41], и распространение пост-позднескифских (типа Алексеевского городища и Царев Курган (подробно: [11, с. 395; 1, с. 107])) и собственно позднезарубинецких (подробно: [43, с. 124]) непосредственно до Волги. Видимо, исходя из комплекса находок (см: [41; 42]) и особенностей обряда (подробно: [13]), именно эти события (периоды А3(?), В1, В2) стали основой формирования памятников андреевско-писеральского типа [24, с. 59; 29, с. 319]. И именно с этой волной (а не напрямую с сарматами) – зарубинецкой / позднезарубинецкой / андреевско-писеральской, в смешении с верхнедонской пост-позднескифской – связано появление части «сарматских» элементов в пьяноборских памятниках. В том числе и распространение фибул групп Амброз-5 – Авциссы, Амброз-11 – сильнопрофилированные, Амброз-12 – с кнопкой².

Список литературы

1. Андреев С. И., Бирюков И. Е. Материалы сарматского времени (I-II вв. н.э.) с Давыдовского городища в Тамбовской области // Археологическое наследие. 2022. № 1(5). С.105-115.
2. Ахмедов И.Р. «Свев» из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н.э. // РА. 2010. № 2. С.26-37.
3. Ахмедов И.Р. Восточноевропейские эмали на Волге и Оке // Profesorowi Adrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę rodzin. T.1 / Redakcja B. Nieabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiwicz, S. Saowski, M. Stasiak-Cygan, M. Erdrich. Lubin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2018. С.648-669.
4. Ахмедов И.Р. Фибулы «AVCISSA» в Посурье и Поочье // История вещей – история и вещи / РСМ. Вып.20 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2020. С.36-48. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-325-1.36-48>
5. Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник / Тр. ГИМ. Вып. 96. М., 1998. С.32-42.
6. Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез.докл. М., 1999. С.56-58.
7. Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., Румянцева О.С. Глава 3. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / РСМ. Вып. 9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. ИА РАН, 2007. С.133-275.

¹ Я не вижу принципиальных противоречий между мнениями А.М. Обломского и С.В. Воронятова. Обе точки зрения дополняют друг друга. А.М. Обломский говорит о самостоятельности территориальных групп Картамышево и Грини, но отмечает, что памятники запаздывают по отношению к прочим. С.В. Воронятов поддерживает аргументы В.М. Горюновой, и выделяет более поздний горизонт.

² Волна импортов периода В2/С1 относится к другому времени (подробно: [2, с. 34; 20, с. 609-610]) и другим культурным контекстам [3, с. 656, 663, 665].

Так же надо отметить, что «западная волна» хоть и связана с одним блоком событий, хронологически неоднородна. Непосредственно в андреевско-писеральских памятниках, и только в поздней их группе, представлены только фибулы группы «Авцисса».

8. Безуглов С.И. Позднесарматский курган у станции Камышевской на Дону // Вестник Танаиса. Вып. 4/ Научн. ред. С.М. Ильяшенко. Недвиговка, 2017. С.84-147.
9. Белевец В. Г., Возняк М. Погребение из Лайск: к вопросу о связях населения пшеворской культуры и восточноевропейско-прибалтийской лесной зоны // КСИА. Вып. 254. М.: ЯСК, 2019. С.153-170. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.153-170>
10. Бирюков И.Е. Постскифские памятники в верхнем Подонье // Тр. VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Т. II. Самара: СГСПУ, 2020а. С.30-32.
11. Бирюков И. Е. Позднескифский горизонт в лесостепи от Днепра до Волги // Археологическое наследие. 2020б. № 1(3). С.393-403.
12. Битнер-Врублевска А. Хронология восточноевропейских изделий с выемчатыми эмальями в Прибалтике и на территории вельбарской и пшеворской культур // КСИА. Вып. 254. М.: ЯСК, 2019. С.171-190. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.171-190>
13. Бугров Д.Г., Мясников Н.С. Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд // ПА. 2018. № 3. С.314-335.
14. Воронцов А.М. Культурно-хронологические горизонты памятников II-V вв. на территории Окско-Донского водораздела. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2013. 173 с.
15. Воронцов А.М., Столяров Е.В. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // Stratum plus. 2019. № 4: Меч Марса. С.51-74.
16. Воронятов С.В. Постзарубинецкие памятники типа Рахны и их соотношение ссарматскими древностями бассейнов Южного Буга и Днестра // РА. 2012. № 1. С.69-81.
17. Воронятов С.В. Постзарубинецкие хронологические горизонты (постановка вопроса) // Записки ИИМК. № 9. СПб., 2014. С.132-140.
18. Воронятов С.В. Сарматский и южно-балтийский культурные импульсы в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I – нач. II вв. н. э.) / Дис. канд. ист. наук.: 07.00.06. СПб., 2018д. 309 с.
19. Гавритухин И.О. Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / Под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. Р. Д. Голдина. Казань: изд-во АН РТ, 2022. С.272-316.
20. Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Узкие ремешки с щелью для крепления, бывавшие во 2–3 веках на востоке Европы // Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę rodzin. T.1 / Redakcja B. Nieabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiwicz, S. Saowski, M. Stasiak-Cyan, M. Erdrich. Lubin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2018. S.592-617.
21. Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // ВАУ. Вып.5 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ, УГУ, 1963. С.5-144, 158-160, 24 табл.
22. Гришаков В. В., Мясников Н. С. Волго-Сурское междуречье в III-V вв. н. э. Памятники Нижнего Посурья (Сендимиркино-Таутово) // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / Под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. Р. Д. Голдина. Казань: изд-во АН РТ, 2022. С.241-250.
23. Егорейченко А.А. Белорусское Полесье в 1 пол. I тыс. н.э. // Славянский мир Полесья в древности и средневековье / Гл.ред. О.А. Макушников. Гомель, 2004. С.76-82.
24. Красноперов А.А. Об «угорском следе» в пьяноборской культуре // Камский торговый путь: Материалы Всеросс. науч.-практич. конф. Елабуга: изд-во ЕГПУ, 2008. С.54-63.
25. Красноперов А.А. К атрибуции находки из раскопок Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье // Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі: Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 20 жылдығына және ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 20 жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары / Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Марғұлана КН МОН РК. Т.2. Алматы, 2011. С.228-238.
26. Красноперов А.А. Значение лучковых фибул в хронологии памятников среднего Прикамья // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4. С.59-66. DOI: <http://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-59-66>
27. Красноперов А.А. Сильнопрофилированные фибулы с территории Прикамья и их контекст // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2022. Т. 22, № 4. С.42-50. DOI:

<https://doi.org/10.14529/ssh220405>.

28. Красноперов А.А. Фибулы с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника в Прикамье и вероятные пути их поступления // Вестник Брянского государственного университета. 2023а. № 1. С.72-83. DOI: <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2023-07-01-72-83>
29. Красноперов А.А. К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 4-2: бронзовые наколенники стрел // АЕС. 2023б. № 2. С.310-325. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.310.325>
30. Красноперов А.А. Привозные фибулы Прикамья первых веков н.э.: динамика распространения // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 2 (50). С.230-258. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.50.14>
31. Красноперов А.А. Контекст сбруйного набора из погребения 14 Ошкинского могильника на Вятке // В печати
32. Кренке Н.А. Позднелужицкая культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V-VII вв.) / РСМ. Вып. 16 / Отв.ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016. С.261-332.
33. Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I-V вв. н.э.) / МИ КВАЭ. Т.27. Ижевск, 2014. 427 с.
34. Лыганов А.В., Бугров Д.Г. Находки раннего железного века. Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение // АЕС. 2019. № 4. С.201-232.
35. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / МИАД. Вып. 1 / Отв.ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону, 2000. С.194-217.
36. Малашев В. Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир: материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12-15 мая 2014 г. / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Н. С. Савельев / Уфимский археологический вестник. Вып. 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С.130-140.
37. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: ВЛ, 2008. 366 с.
38. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
39. Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм / Материалы охранных исследований. Т.13. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.
40. Позднесарматские памятники на территории Украины (2 пол. I–II вв. н.э. РСМ. Вып.12 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2010. 330 с.
41. Ставицкий В.В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 3(27). С.126-141.
42. Ставицкий В.В. Западный и восточный импульсы в формировании культуры андреевско-писеральского населения // *Filo Ariadne*. 2017. № 1(5). [Электронный ресурс]. URL: <http://filoariadne.esrae.ru/pdf/2017/1/132.pdf>
43. Хреков А.А. Периодизация и хронология постзарубинецких памятников лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып.11 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: би., 2013а. С.117-139.
44. Хреков А.А. Опыт реконструкции этно-исторических процессов первых веков н. э. на территории лесостепного Прихоперья // Археология Восточноевропейской степи. Вып.10 / Под ред. В.А. Лопатина. Саратов, 2013б. С.288-304.
45. Syrovatko A., Mikhaylova E., Krasnoperov A., 2024. The Western Forest Zone During the Transition from the Roman Times to the Early Middle Ages // *Encyclopedia of Archaeology*, 2nd Edition, vol. 4 / Eds. T. Rehren, E. Nikita. London: Academic Press. P.712-732.

Список сокращений

- АЕС – Археология Евразийских степей / *Arheologiya Evrazijskih stepej* [Archeology of the Eurasian steppes]. Казань.
- ВАУ – Вопросы археологии Урала / *Voprosy arheologii Urala* [Questions of archeology of the Urals]. Свердловск; Ижевск; Екатеринбург.
- КСИА – Краткие сообщения института археологии / *Kratkie soobshhenija instituta arheologii* [Brief communications from the Institute of Archeology]. М.; Л.
- ПА – Поволжская археология / *Povolzhskaja arheologija* [The Volga River Region Archaeology]. Казань.
- РА – Российская археология / *Rossijskaja arheologija* [Russian archeology].
- РСМ – Раннеславянский мир / *Ranneslavjanskij mir* [Early Slavic world]. М.; Вологда.

Подписи к рисункам

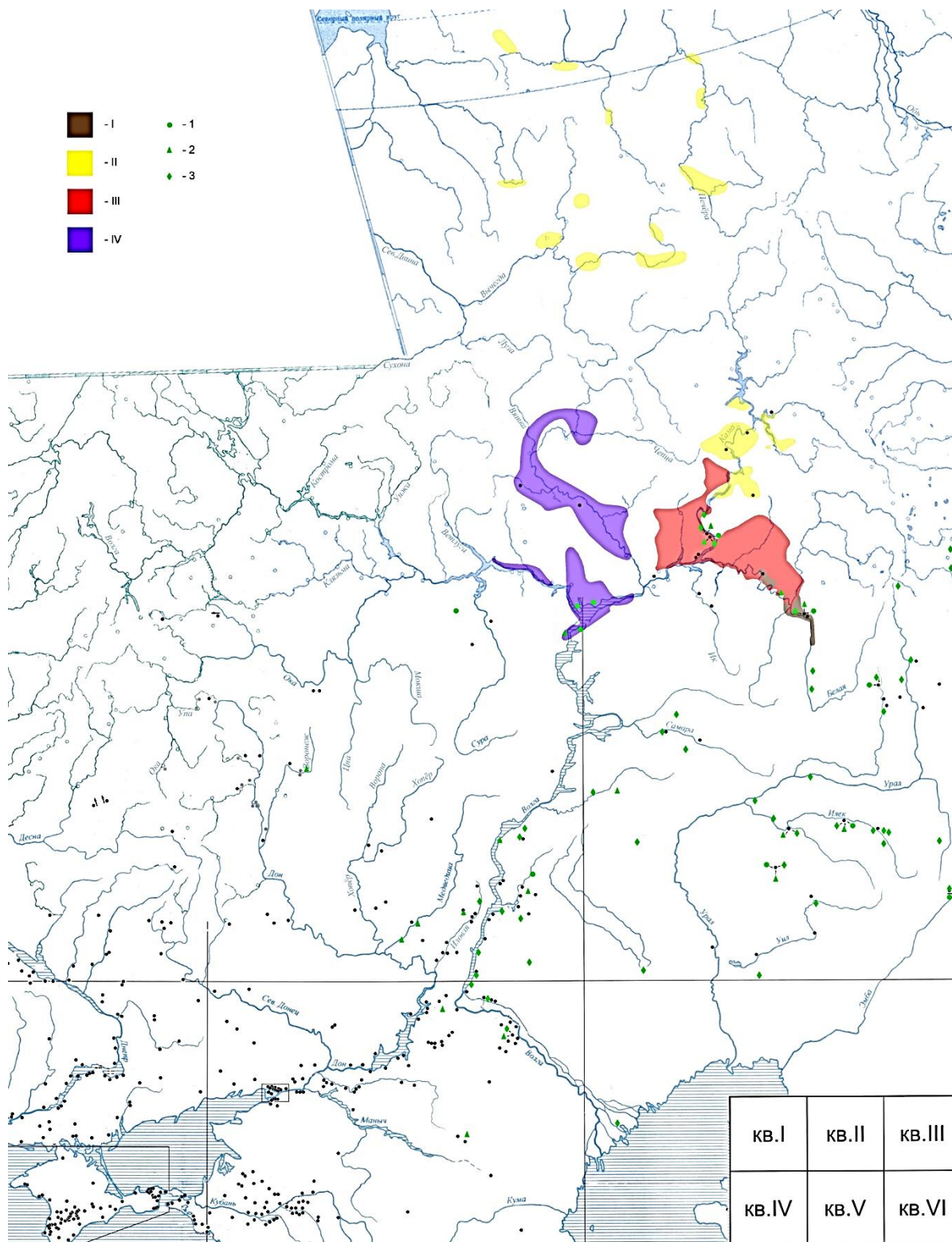

Рис. 1. Распространение фибул третьего периода (2 пол. III – нач. IV в.). Ареалы: I – кара-абызская, II – гляденовская, III – мазунинская, IV – азелинская культуры. 1 – лучковые с широкой ножкой, 2 – фибулы с завитком с узкой спинкой, 3 – с завитком с ромбической спинкой.

Здесь и далее: топооснова – В.В. Кропотов; дополнения по А.М. Обломскому, А.В. Воронцову, И.Р. Ахмедову, Н.С. Мясникову, И.В. Ислановой, данным автора. Учитывая масштаб карт и задачи статьи ареалы даны без детализации.

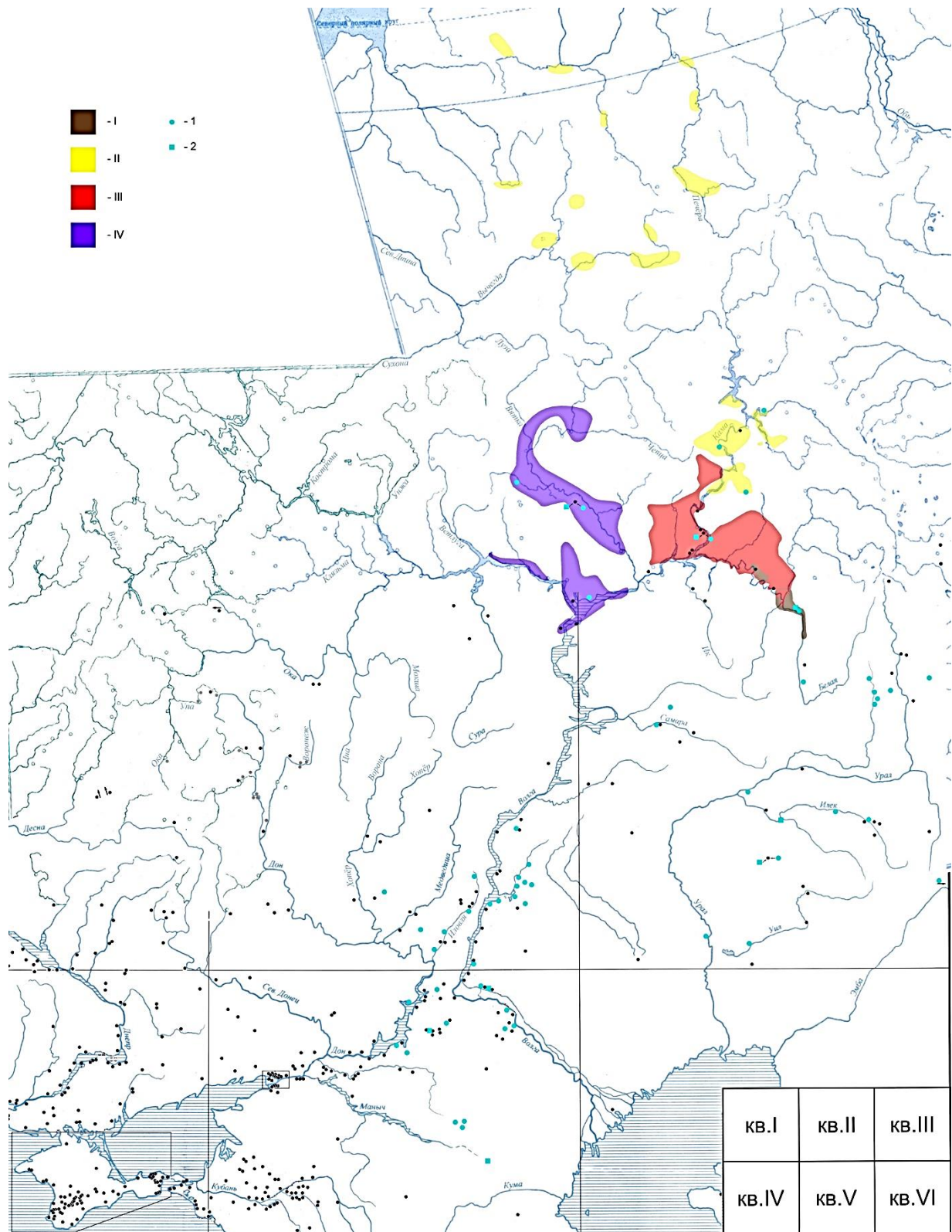

Рис. 2. Распространение фибул второго периода (1 пол. III в.). Ареалы: I – кара-абызская, II – гляденская, III – мазунинская, IV – азелинская культуры. 1 – лучковые вариантов 4 и 5, 2 – фибулы-броши.

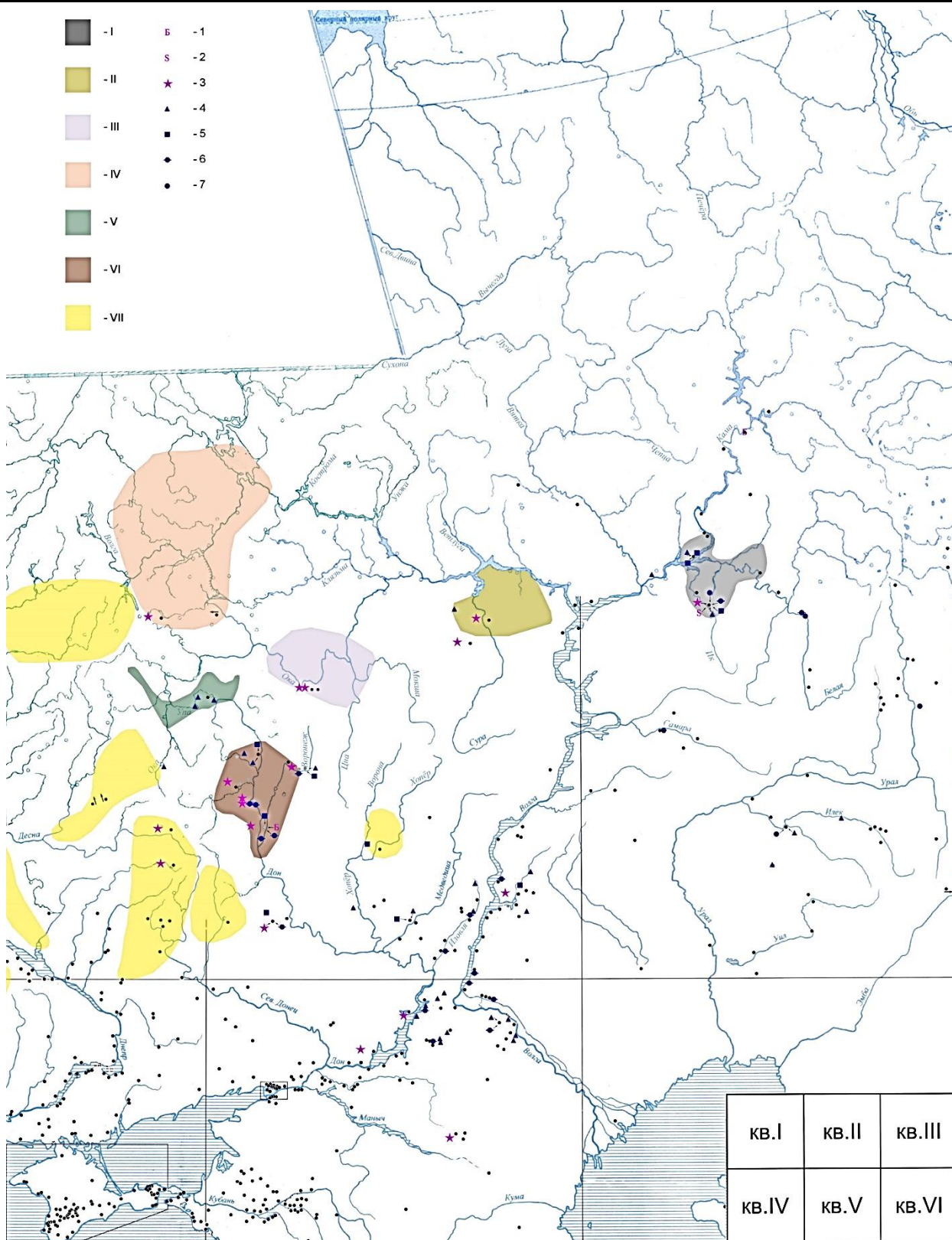

Рис. 3. Распространение фибул первого периода (I-II вв.). Ареалы: I – пьяноборская, III – рязаноокская, IV – позднедьяковская культуры, II – андреевско-писеральские, V – ново-клеяменово, VI – пост-позднескифские, VII – позднезарубинецкие памятники. 1 – фибулы-броши, 2 – фибулы с S-образным завитком на конце приемника, 3 – Авциссы, 4 – сильнопрофилированные, 5 – с кнопкой, 6 – лучковые варианта 2, 7 – лучковые варианта 3. 1-3 – первый подпериод, 4-7 – второй подпериод.

**IMPORTED FIBULAE FROM THE KAMA REGION OF THE FIRST CENTURIES AD:
MECHANISMS AND ROUTES OF RECEIPT**

The article summarizes the study of “imported” fibulae in the Kama region, the early («Sarmatian») period of their distribution. The purpose of this publication is to discuss the ways and mechanisms of the appearance of fibulae in the Kama region. The typological spectrum of fibulae allows us to distinguish 3 stages of their distribution, which also differ geographically. 1st – fibulae of groups Almgren-242, Almgren-87, Almgren-204, or I-II centuries. AD; 2nd – fibulae of the group Almgren-156 and enameled brooches, or 1 half of the 3rd century; 3rd – fibulae of the Almgren-192, or 2 half of the III – beginning (?) IV centuries. The types of fibulae of the third period are completely oriented towards the Sarmatian groups of the southern Urals. The second period reflects the time of formation of the Mazunino and Azelino cultures. Cartography of fibulae of the «1st period of circulation» does not allow us to consider the «Sarmatian» steppe zone as the source or channel of their distribution. In this case, the «Western path» is likely, as evidenced by other circumstances. The vector of influx of fibulae is as follows: Kama region ← Oka (Sura) ← upper and middle Don region ← «Black Sea region». The events are not homogeneous in time, and are associated with (a) the collapse of the Zarubintsy culture, (b) the formation of 1 horizon (Rakhny-Lyutezh-Pochep) of the late Zarubintsy monuments, (c) the advance of the Zarubintsy and late Zarubintsy groups to the east and north (to the Dyakovo area), (d) «wars of the 1st century». It is with this wave (and not directly with the Sarmatians) – «the Zarubintsy» / «Late Zarubintsy» / «Andreevka-Piseraly», mixed with the Upper Don post-Late Scythian – that the appearance of part of the «Sarmatian» elements in the Pyany Bor monuments is associated. Including the distribution of fibulae of the groups Almgren-242, Almgren-87, Almgren-204.

Keywords: the Kama region, Middle Oka region, Upper Don, chronology, fibulae, Pyany Bor archaeological culture, Mazunino archaeological culture, Azelino archaeological culture, Andreevka-Piseraly monuments, Sarmatian time

References

1. Andreev S. I., Biryukov I. E. (2022). Materialy sarmatskogo vremeni (I-II vv. n.e.) s Davydovskogo gorodishcha v Tambovskoj oblasti [Materials of the Sarmatian period (I-EE centuries AD) from the Davydov settlement in the Tambov region] // Arheologicheskoe nasledie [Archaeological Heritage]. № 1(5). P.105-115.
2. Ahmedov I.R. (2010). «Svev» iz Mordovii. K izucheniyu kul'turnyh kontaktov povolzhskih finnov v III v. n.e. ["Sueb" from Mordovia. To the study of cultural contacts of the Volga Finns in the 3rd century AD.] // Rossijskaja arheologija [Russian archeology]. № 2. P.26-37.
3. Ahmedov I.R. (2018). Vostochnoevropskie emali na Volge i Oke [Eastern European enamels on the Volga and Oka] // Profesorowi Adrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę rodzin [For Professor Andrzej Kokowski on His 65 birthday]. T. 1 / Red. B. Nieabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiewicz, S. Saowski, M. Stasiak-Cyan, M. Erdrich. Lubin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. P.648-669.
4. Ahmedov I.R. (2020). Fibuly «AVCISSA» v Posur'e i Pooch'e [Fibulae «AVCISSA» in the Sura and Oka River Areas] // Istorija veshhej – istorija i veshhi. K 60-letnemu jubileju I.O. Gavrituhina [The History of Things – the History and Things] / Ranneslavjanskij mir [Early Slavic world]. Iss. 20 / Ed. A.M. Oblomskij. M.: IA RAN. P.36-48. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-325-1.36-48>
5. Ahmedov I.R., Belocerkovskaya I.V. (1998). O nachal'noj date ryazano-okskih mogil'nikov [On the initial date of the Ryazan-Oka burial grounds] // Arheologicheskij sbornik [Archaeological collection] / Trudy GIM [Proceeding of SHM]. Iss. 96. M. P.32-42.
6. Ahmedov I.R., Belocerkovskaya I.V. (1999). Hronologiya Koshibeevskogo mogil'nika [Chronology of the Koshibeevsky burial ground] // Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arheologii Volgo-Kam'ya [Scientific heritage of A.P. Smirnova and modern problems of archeology of Volga-Kama]. M. P.56-58.
7. Ahmedov I.R., Belocerkovskaya I.V., Rumyanceva O.S. (2007). Glava 3. Kul'tura ryazano-okskih mogil'nikov [Chapter 3. Culture of the Ryazan-Oka burial grounds] // Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e. [Eastern Europe in the middle of the millennium AD.] / Ranneslavjanskij mir [Early Slavic world]. Iss. 9 / Eds. I.O. Gavrituhin, A.M. Oblomskij. M.: IA RAN. P.133-275.
8. Bezuglov S.I. (2017). Pozdnesarmatskij kurgan u stanicy Kamyshevskoj na Donu [Late Sarmatian mound near the village of Kamyshevskaya on the Don] // Vestnik Tanaisa [Bulletin of Tanais]. Iss. 4 / Ed. S.M. Il'yashenko. Nedvigovka. P.84-147.
9. Belevic V. G., Voznyak M. (2019). Pogrebenie iz Lajsk: k voprosu o svyazyah naseleniya pshevorskoj kul'tury i vostochnoevropsko-pribaltijskoj lesnoj zony [Burial from Lajsk: on the issue of connections between the population of the Przeworsk culture and the Eastern European-Baltic forest zone] // Kratkie soobshhenija instituta arheologii [Brief communications from the Institute of Archeology]. Iss. 254. M. P.153-170. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.153-170>
10. Birjukov I.E. (2020a). Postskifskie pamjatniki v Verhnem Podon'e [Post-Scythian monuments in the Upper Don] // Trudy VI (XXII) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Samare [Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara]. T. II. Samara: SGSPU. P.30-32.
11. Biryukov I. E. (2020b). Pozdneskifskij gorizont v lesostepi ot Dnepra do Volgi [Late Scythian

horizon in the forest-steppe from the Dnieper to the Volga] // *Arheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage]. № 1(3). P.393-403.

12. Bitner-Vrublevska A. (2019). Hronologiya vostochnoevropejskih izdelij s vyemchatymi emalyami v Pribaltike i na territorii vel'barskoj i pshevorskoj kul'tur [Chronology of Eastern European items with champ-levé enamels in the Baltics and on the territory of the Wielbar and Przeworsk cultures] // *Kratkie soobshhenija instituta arheologii* [Brief communications from the Institute of Archeology]. Iss. 254. M. P.171-190. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.171-190>

13. Bugrov D.G., Mjasnikov N.S. (2018). Nekotorye problemy vydelenija «jetnokul'turnyh komponentov» pamjatnikov andreevsko-piseral'skogo tipa: pogrebal'nyj obrjad [Some Issues in Defining «Ethnic and Cultural Components» of the Andreevka-Piseraly Type of sites: burial rite] // *Povolzhskaja arheologija* [The Volga River Region Archaeology]. № 3. P.314-335. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.314.335>

14. Voroncov A.M. (2013). Kul'turno-hronologicheskie gorizonty pamjatnikov II-V vv. na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Cultural-chronological Horizons of Sites of II-V cent. in Territory of Oka-Don Watershed]. Tula: GMZ «Kulikovo pole». 173 p.

15. Voroncov A.M., Stoljarov E.V. (2019). Vojna I veka na granice lesnoj zony: Oksko-Donskoj vodorazdel [The I cent. War of on the Border of Forest Zone: Oka-Don Interfluve] // *Stratum plus*. №4. P.51-74.

16. Voronyatov S.V. (2012). Postzarubineckie pamyatniki tipa Rahny i ih sootnoshenie ssarmatskimi drevnostyami bassejnov YUzhnogo Buga i Dnestra [Post-Zarubinec monuments of the Ranna type and their relationship with Sarmatian antiquities of the Southern Bug and Dniester basins] // *Rossijskaja arheologija* [Russian archeology]. № 1. P.69-81.

17. Voronyatov S.V. (2014). Postzarubineckie hronologicheskie gorizonty (postanovka voprosa) [Post-Zarubinec chronological horizons (posing the question)] // *Zapiski IIMK* [Notes IHMC]. № 9. SPb. P.132-140.

18. Voronyatov S.V. (2018d). Sarmatskij i yuzhno-baltijskij kul'turnye impul'sy v postzarubineckih drevnostyah gorizonta Rahny-Pochep (vtor. pol. I – nach. II vv. n. e.) [Sarmatian and South Baltic cultural impulses in post-Zarubinty antiquities of the Rakhny-Pochep horizon (second half of the 1st – beginning of the 2nd centuries AD)] / PhD Thessis. SPb. 309 p.

19. Gavrituhin I.O. (2022). Hronologiya i dinamika kul'tur v konce pozdnesarmatskogo vremeni i nachale epohi Velikogo pereseleniya narodov [Chronology and dynamics of culture at the end of the late Sarmatian time and the early era of the Great Migration of Peoples] // *Arheologiya Volgo-Ural'ya: v 7 t. T. 4. Epoha Velikogo pereseleniya narodov* [Archeology of the Volga-Urals: in 7 volumes. T. 4. The era of the Great Migration of Peoples] / Eds. A. G. Sitdikov, R. D. Goldina. Kazan': izd-vo AN RT. P.272-316.

20. Gavrituhin I.O., Voroncov A.M. (2018). Uzkie remennye nakonechinki s shhel'ju dlja kreplenija, bytovavshie vo 2–3 vekah na vostoce Evropy [Narrow strap-ends with a slit for fastening used in the 2nd-3rd centuries in the East of Europe] // *Profesorowi Adrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę rodzin* [For Professor Andrzej Kokowski on His 65 birthday]. T. 1 / Red. B. Nieabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiwicz, S. Saowski, M. Stasiak-Cyan, M. Erdrich. Lubin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. P.592-617.

21. Gening V.F. (1963). Azelinskaya kul'tura III-V vv. Oчерки istorii Vyatskogo kraja v epohu pereseleniya narodov [Azelino culture III-V centuries. Essays on the history of the Vyatka region during the era of migration of peoples] // *Voprosy arheologii Urala* [Questions of archeology of the Urals]. Iss. 5 / Ed. A.F. Medvedev. Izhevsk, Sverdlovsk: URKM, UGU. P.5-144, 158-160, 24 tabl.

22. Grishakov V.V., Myasnikov N.S. (2022). Volgo-Surskoe mezhdurech'e v III-V vv. n. e. Pamyatniki Nizhnego Posur'ya (Sendimirkino-Tautovo) [Volga-Sura interfluve in the III-V centuries. n. e. Monuments of the Lower Subsur'ye (Sendimirkino-Tautovo)] // *Arheologiya Volgo-Ural'ya: v 7 t. T. 4. Epoha Velikogo pereseleniya narodov* [Archeology of the Volga-Urals: in 7 volumes. T. 4. The era of the Great Migration of Peoples] / Eds. A. G. Sitdikov, R. D. Goldina. Kazan': izd-vo AN RT. P.241-250.

23. Egorejchenko A.A. (2004). Belorusskoe Poles'e v 1 pol. I tys. n.e. [Belarusian Polesie in the 1st half. I thousand N.E.] // *Slavyanskij mir Poles'ya v drevnosti i srednevekov'e* [Slavic world of Polesie in antiquity and the Middle Ages] / Ed. O.A. Makushnikov. Gornel'. P.76-82.

24. Krasnoperov A.A. (2008). Ob «ugorskom slede» v p'janoborskoj kul'ture [On the «Ugric trace» in the Pyanobor culture] // *Kamskij torgovyj put'* [Kama trade route]. Elabuga: izd-vo EGPU. P.54-63.

25. Krasnoperov A.A. (2011). K atribucii nahodki iz raskopok Tarasovskogo mogil'nika pozdnesarmatskogo vremeni v Prikam'e [On the attributes of finds from excavations of the Tarasovsky burial ground of the late Sarmatian period in the Kama region] // *Arheologiya Kazahstana v epohu nezavisimosti: itogi, perspektivy: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Archeology of Kazakhstan in the era of independence: results, prospects: materials of the international scientific conference]. T.2. Almaty. P.228-238.

26. Krasnoperov A.A. (2021). Znachenie luchkovykh fibul v hronologii pamyatnikov srednego Prikam'ya [The significance of archery fibulae in the chronology of monuments of the middle Kama region] // *Vestnik*

- Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Bryansk State University. № 4. P.59-66. DOI: <http://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-59-66>
27. Krasnoperov A.A. (2022). Sil'noprofilirovannye fibuly s territorii Prikam'ya i ih kontekst [Highly profiled brooches from the territory of the Kama region and their context] // Vestnik YUUrGU. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki» [Bulletin of Yuurgu. Series «Social Sciences and Humanities»]. T. 22, № 4. P.42-50. DOI: <https://doi.org/10.14529/ssh220405>.
28. Krasnoperov A.A. (2023a). Fibuly s knopkoj na konce sploshnogo plastinchatogo priemnika v Prikam'e i veroyatnye puti ih postupleniya [Fibulae with a button at the end of a solid plate receiver in the Kama region and probable routes of their arrival] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Bryansk State University]. № 1. P.72-83. DOI: <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2023-07-01-72-83>
29. Krasnoperov A.A. (2023b). K voprosu o rannej date p'yanoborskih pamyatnikov. CH. 4-2: bronzovye nakonechniki strel [On the question of the early date of the Pyanobor monuments. Part 4-2: bronze arrowheads] // Arheologiya Evrazijskih stepej [Archeology of the Eurasian steppes]. № 2. P.310-325. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.310.325>
30. Krasnoperov A.A. (2024). Privoznye fibuly Prikam'ya pervyh vekov n.e.: dinamika rasprostraneniya [Imported brooches of the Kama region of the first centuries AD: dynamics of distribution] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University]. № 2 (50). P.230-258. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.50.14>
31. Krasnoperov A.A. (In print). Kontekst sbrujnogo nabora iz pogrebeniya 14 Oshkinskogo mogil'nika na Vyatke Context of a harness set from burial 14 of the Oshkinsky burial ground on Vyatka
32. Krenke N.A. (2016). Pozdned'yakovskaya kul'tura na territorii bassejna Moskvyy-reki [Pozdned'yakovskaya culture in the Moscow River basin] // Rannesrednevekovye drevnosti lesnoj zony Vostochnoj Evropy (V-VII vv.) / Ranneslavjanskij mir [Early Slavic world]. Iss. 16 / Eds. A.M. Oblomskij, I.V. Islanova. M.: IA RAN, 2016. P.261-332.
33. Leshchinskaya N.A. (2014). Vyatskij kraj v p'yanoborskuyu epohu (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov I-V vv. n.e.) [Vyatka region in the Pyanyj Bor era (based on materials from funerary monuments of the 4th-8th centuries AD)] / MI KVAE. T.27. Izhevsk. 427 p.
34. Lyganov A.V., Bugrov D.G. (2019). Nahodki rannego zheleznoogo veka. Pestrechinskie stoyanki epohi rannego metalla i rannego zheleza v Nizhnem Prikam'e i ih prirodnoe okruzhenie [Finds of the Early Iron Age. Pestrechinsky sites of the Early Metal and Early Iron Ages in the Lower Kama region and their natural environment] // Arheologiya Evrazijskih stepej [Archeology of the Eurasian steppes]. № 4. P.201-232.
35. Malashev V.YU. (2000). Periodizaciya remennyh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of belt sets of the late Sarmatian period] // Sarmaty i ih sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbors on the Don] / Ed. YU.K. Guguev. Rostov-na-Donu. P.194-217.
36. Malashev V. YU. (2014). Nekotorye aspekty kontaktov nositelej pozdnesarmatskoj kul'tury yuzhnoural'skih stepej s naseleniem lesnoj i lesostepnoj polosy Povolzh'ya i Priural'ya [Some aspects of contacts of the carriers of the Late Sarmatian culture of the South Ural steppes with the population of the forest and forest-steppe zone of the Volga and Urals] // Sarmaty i vneshnij mir [Sarmatians and the outside world] / Eds. L. T. YAblo'skij, N. S. Savel'ev / Ufinskij arheologicheskij vestnik [Ufa Archaeological Bulletin]. Iss. 14. Ufa: IYAL UNC RAN, Centr «Nasledie». P.130-140.
37. Malashev V.YU., YAblo'skij L.T. (2008). Stepnoe naselenie YUzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 [Steppe population of the Southern Urals in the late Sarmatian period: based on materials from the Pokrovka 10 burial ground]. M.: VL. 366 p.
38. Medvedev A.P. (2008). Sarmaty v verhov'jakh Tanaisa [Sarmatians in the Upper Tanais]. M.: Taus. 252 p.
39. Oshibkina S.V. (2010). Vyatskie drevnosti: mogil'nik Tyum-Tyum [Vyatka antiquities: Tyum-Tyum burial ground] / Materialy ohrannyh issledovanij [Materials of security research]. T.13. M.: IA RAN. 212 p.
40. Pozdnezarubineckie pamjatniki na territorii Ukrainy (2 pol. I-II vv. n.je. (2010). [Late Zarubintsy sites on the territory of Ukraine (second half of the 1st–2nd cent. AD)] / Ed. A.M. Oblomskij / Ranneslavjanskij mir [Early Slavic world]. Iss. 12. M.: IA RAN. 330 p.
41. Stavickij V.V. (2013). Zapadnyj komponent v materialah Andreevskogo kurgana [Western component in the materials of Andreevka Kurgan] // Vestnik NIIGN pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bulletin of NIIGN under the Government of the Republic of Mordovia]. № 3(27). P.126-141.
42. Stavickij V.V. (2017). Zapadnyj i vostochnyj impul'sy v formirovanii kul'tury andreevskopiseral'skogo naseleniya [Western and Eastern impulses in the formation of the culture of the Andreevskopiseral'sky population] // Filo Ariadne. № 1(5). [Elektronnyj resurs]. URL: <http://filoariadne.esrae.ru/pdf/2017/1/132.pdf>

43. KHrekov A.A. (2013a). Periodizaciya i hronologiya postzarubineckih pamyatnikov lesostepnogo Prihoper'ya [Periodization and chronology of post-Zarubineck monuments of the forest-steppe Khover-River region] // *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja* [Archaeological heritage of the Saratov region]. Iss. 11 / Ed. A.I. YUdin. Saratov. P.117-139.

44. KHrekov A.A. (2013b), Opyt rekonstrukcii etno-istoricheskikh processov pervyh vekov n. e. na territorii lesostepnogo Prihoper'ya [Experience in reconstructing ethno-historical processes of the first centuries AD. e. on the territory of the forest-steppe Khover-River] // *Arheologiya Vostochnovropejskoj stepi* [Archeology of the East European steppe]. Iss. 10 / Es. V.A. Lopatin. Saratov. P.288-304.

45. Syrovatko A., Mikhaylova E., Krasnoperov A. (2024). The Western Forest Zone During the Transition from the Roman Times to the Early Middle Ages // *Encyclopedia of Archaeology, 2nd Edition, vol. 4* / Eds. T. Rehren, E. Nikita. London: Academic Press. P.712-732.

Об авторе

Красноперов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Россия), E-mail: alexander.kaa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7931-4536>

Krasnoperov Alexander Anatolevich – Candidate of Historical Sciences, Researcher. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS (Izhevsk, Russia), E-mail: alexander.kaa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7931-4536>

Кудланов К.Б., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Курская академия государственной и муниципальной службы (Россия)

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕСТОРОННИХ ЗАХВАТОВ ЗЕМЕЛЬ С УЧАСТИЕМ ОДНОДВОРЦЕВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ XVII – XIX ВЕКАХ

В настоящей статье систематизировано отношение авторов советской эпохи к одному из самых изученных вопросов в истории однодворческого сословия – захвату земель с их участием. Главная причина этой изученности, помимо реального наличия такого явления, крылась в том, что этот вопрос использовался для обоснования теории «классовой борьбы». Цель статьи заключается в изучении советской историографии всесторонних захватов земель с участием однодворцев в XVII–XIX веках. Задачи исследования состоят в выявлении разницы интерпретаций различных авторов относительно вопросов завладения землёй однодворцев, а также захвата ими земельных угодий других сословий. На примере этих сравнений, автор пытается определить реально ли существовала «борьба классов» или же она являлась идеологической утопией марксизма. В процессе работы над исследованием использовались аналитико-синтетический и сравнительно-исторические методы, а также ретроспективный и историографический анализы. Автором описаны все ключевые работы, где упоминался вопрос захвата земель с участием однодворческого сословия. Все исследования распределены на две группы: политизированные и более объективное. В ходе рассмотрения объявленной темы автор приходит к выводу, что фундаментальное отличие советской эпохи в интерпретации вопроса захвата земель состоит «негативизме», который резко отличается от методов описания аналогичных явлений в дореволюционную и постсоветскую эпохи. Исследователь заключает, что вся многогранность процесса захватов земель с участием однодворческого сословия не вписывается в марксистские рамки «борьбы классов». По его мнению, эта методология не только сужает рассматриваемую историческую действительность, но и искажает её.

Ключевые слова: однодворцы, помещики, захваты, завладение землёй, землевладение, Центральное Черноземье.
DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-59-65

Введение. Традиционно в историографии захват земель находится в компетенции землепользования, а последний – в сфере крестьянского вопроса. В советский период все эти разделы историографии использовались для обоснования теории «классовой борьбы». В данной статье мы попробуем установить, насколько этот марксистский метод правдоподобен, в сравнении с имеющейся широтой материала. В этом историографическом обзоре мы упомянем только ключевых исследователей, затрагивавших эту узкоспециализированную проблему.

Методы. Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при выявлении общего хода мысли разных историографических эпох; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (конкретных авторов и их труды) в широкий историографический контекст.

Сравнительно-исторические методы мы использовали для сопоставления хода мысли авторов по отношению к захвату однодворческих земель. Соединение общих и уникальных явлений позволило выявить особенности оценки к завладению земельных угодий в каждом рассматриваемом нами исследовании. Проблемно-хронологический метод был использован в порядке рассмотрения трудов, отражающих вопрос

завладения земельных угодий. Историко-генетический метод раскрывал изменения хода интерпретации разных авторов в трёх историографических эпохах. Историко-типологический метод позволил рассмотреть место разносторонних захватов земель с участием однодворцев в ретроспективе всей истории этого сословия, а также в марксистской теории «борьбы классов».

Результаты и их обсуждение. Характер освещения земельных захватов в советской историографии строго руководствовался теорией «борьбы классов». Эта концепция хорошо описана в научном социализме. Коротко ее можно охарактеризовать так, что классовая борьба является основной движущей силой истории разделённого на слои общества [16]. Все выводы о захвате земель послереволюционная историография фильтровала этой методологией. Следовательно, историки советского периода являлись либо заложниками марксистского учения, либо его адептами. Одни, относятся к категории объективных историков, а другие – политизированных. Индикатор этой непредвзятости состоял в том числе, в отношении разных авторов к вопросу захвата земли.

К политизированным исследователям в основном относились те, кто посвятил себя изучению феномена «классовой борьбы» в исторической действительности или авторы неких докторских диссертаций. Большое внимание они уделяли

идеологической обработке информации. Некоторые из них, кстати, не брезговали оставлять в стороне, то что этой обработке не подходило. Вопросы, явно не касающиеся завладения земли, ревнители системы интерпретировали в духе «угнетений трудящихся масс однодворцев», относя их к разновидностям захватов. Например, в эту тематическую орбиту включался материал не только по торговле землёй, но и по всем видам злоупотреблений во всех областях (налогообложения, рекрутской повинности, межевания, личных взаимоотношений, перехода в другие сословия и т.д.). При всём этом, в большинстве своём, политизированная часть советской историографии изображала однодворцев потерпевшей стороной, умалчивая о фактах их агрессии по отношению к другим сословиям. Если последняя тема изредка и освещалась, то аргументировалось, как «противостояние трудящихся масс своим угнетателям».

К категории «ревнителей» стоит отнести такого знаменитого автора, как В.И. Недосекин. В его статье разработан вопрос захвата земель в Воронежской губернии XVIII века. В целом, он связывал обострение борьбы однодворцев и помещиков в середине XVIII в. с развитием капиталистических отношений в деревне ЦЧ. В аренде своей же земли, некогда захваченной помещиками, автор рассмотрел факт «развития капиталистических отношений» и «распада однодворческой общины». По мнению В.И. Недосекина, в результате усиленных захватов появились однодворцы, «живущие исключительно продажей рабочих рук» [11, с. 151]. Докторскую диссертацию этого автора можно по праву назвать серьёзным историко-идеологическим исследованием. На наш взгляд, нет работы, в которой было бы лучше приспособлено марксистское учение к истории ЦЧ втор. пол. XVIII века [12].

Благодаря выбору темы исследования, к категории политизированных можно отнести и труд П.К. Алефиренко. В общих чертах описав проблему, автор уделил 5 страниц своей работы захвату однодворческих земель помещиками. При этом изучаемая нами местность не затрагивалась. В целом, П.К. Алефиренко всё своё исследование сводит к классовой борьбе трудящихся масс с их эксплуататорами [1, с. 217–221].

Первоначальные взгляды Л.В. Милова также относили этого автора к категории «ревнителей марксизма». В своём исследовании он указал некоторые методы завладения землёй и [9, с. 32–33] и «видимость» борьбы правительства с этим явлением. На наш взгляд, неправдоподобна гипотеза Л.В. Милова, относительно длительности хода проведения генерального межевания по всей Российской империи. Автор предполагал, что массовые захваты земель помещиками

породили бунт 1773–1775 гг., который выявил необходимость в генеральном межевании. Его проведение Л.В. Милов тоже олицетворял с узаконением захваченных угодий и возможностью новых массовых прирезок земли помещикам. Учитывая прежний опыт, «господствующий класс» преднамеренно замедлял ход межевания для умаления как единовременных объёмов захватов, так и возможности масштабных возмущений в народе [9, с. 35]. Прямо противоречат данной гипотезе исторические факты, которые мы находим у Н.М. Дружинина. Последний констатировал нехватку специалистов межевого дела и чиновников этого департамента даже в 1833 года. Ещё Н.М. Дружинин указывал на нежелание проведения размежевания в среде некоторых государственных крестьян, часть которых даже сопротивлялась принудительным действиям министерства в этом направлении [5, с. 190]. Стоит отметить, что Л.В. Милов не перенёс нарративы своей молодости из одной историографической эпохи в другую. В его легендарном труде постсоветского периода «Великорусский пахарь», выполненный в конструктивном духе, автор уже не касался вопроса классовой борьбы [10].

Много пишет о «тяжёлом угнетении крестьян и диком произволе помещиков» в своём диссертационном исследовании А.П. Умрихина. Она пишет о захватах однодворческой земли не только дворянами [18, с. 90], чиновниками [14, с. 180], но и монастырями, и якобы даже самим царским домом, посредством их дворцовых крестьян [18, с. 74]. Автором описывается и процесс социального расслоения, при котором верхушка однодворцев скупала земли у своих собратьев по словию [18, с. 91]. Как и упоминалось ранее, в советский период этот вопрос традиционно относился к захвату земель. Более того, А.П. Умрихина не скрывала наличие фактов завладения помещичьих угодий однодворцами, сопровождающиеся порой нападениями и даже убийствами [18, с. 143–145; 190; 194]. Аналогичная агрессия прослеживалась и по отношению к некоторым чиновникам [18, с. 181]. Однако, автор в марксистском духе оправдывала «невиновных» однодворцев, мол: «довели бедных, окаянные».

Интересна представленная автором в приложении её труда «хроника классовой борьбы... в Белгородском крае» [18, с. 233–238]. Там коротко описаны некоторые виды агрессии по отношению к помещикам, в том числе со стороны однодворцев. На основе описей РГАДА статистически у неё отражена острота «межклассовой борьбы». Захват земель и разгром имений помещиков между 1765–1775 гг. составляли незначительные 13 случаев из всех 184 обнаруженных автором. При этом однодворцы только 4 раза

фигурировали в упомянутых конфликтах (два случая неповиновения властям, захват ими мельницы помещика и ссылка на их наказания). Из этого можно заключить, что борьба дворян и однодворцев не была частым явлением в Белгородском крае.

В целом нужно отметить, что диссертационное исследование А.П. Умрихиной выполнено добросовестно. В её труде отражена широта человеческих взаимоотношений, но выводы, базирующиеся на теории «борьбы классов», не всегда правдоподобно сочетаются с представленным материалом.

Труд профессора МГУ, д.и.н. М.Т. Белявского нужно отнести к категории политизированных. Однако, в нём есть и значительные достоинства. Например, стоит отметить обилие использованного им материала. Так если, в Сборнике РИО было опубликовано лишь 5 наказов однодворцев в Уложенную комиссию 1767 г. [15, с. 296–322], то в книге М.Т. Белявского – уже 26 наказов однодворцев ЦЧ из всех 78 [2, с. 144]. По своей сути его исследование – это разносторонний анализ упомянутого источника. Другим достоинством труда профессора является наличие оригиналов наказов в конце его работы. Однако, стоит отметить, что при их внимательном рассмотрении, чётко прослеживается утопия теории классовой борьбы.

Цель исследования М.Т. Белявского состояла в выявлении агрессии помещиков по отношению к однодворцам, всячески обостряя обиды и противоречия между ними, порой притягивая «за уши» фактический материал к методологии марксистского учения. Например, автор ни слова не пишет о том, что однодворцы очень часто обвиняли самих помещичьих крестьян, прятаящихся за своих владельцев. Вряд ли столь опытный исследователь не замечал подобных деталей в их наказах. Скорее всего, материал был оставлен, т.к. противоречил идеологической установке монографии.

Нужно отметить и то, что между М.Т. Белявским и В.И. Недосекиным имел место небольшой историографический спор. В своей работе первый упомянутый профессор критиковал своего оппонента так: «Трактовка материалов наказов и выводы, которые на них строит В.И. Недосекин, выглядят необоснованными» [2, с. 141]. Сущность критики состояла в том, что примеры В.И. Недосекина взятые из наказов однодворцев, свидетельствовали не о развитии капиталистической формации, а о прямо противоположном – распространении и укреплении крепостнических отношений в ЦЧ. Кстати, в последующих работах В.И. Недосекин несколько смягчил оценку этих процессов [2, с. 142].

Фундаментальный труд потомка курских однодворцев Н.М. Дружинина «Государственные

крестьяне и реформа П.Д. Киселёва» – не менее политизирован. Однако, к вопросу захвата однодворческих земель помещиками, как ни странно, автор подошёл с правильным расстоянием абстракции исследования [4, с. 12–13], что помогло ему сохранить трезвое отношение к действительности. От этого Н.М. Дружинина мы отнесём к первому советскому автору, у которого, на наш взгляд, получилось объективно рассмотреть вопрос завладения однодворческой земли.

В первом томе его труда целый параграф посвящён: «наступлению дворянства на казённую деревню». О захвате однодворческих земель там говорится мало, но автор в беспристрастном академическом стиле правильно представил механизмы захватов. Ценность данной работы состоит в том, что в ней Н.М. Дружинин перечисляет систему государственных мер по противодействию захватам [5, с. 546]. Правда, вывод к этому ценному материалу автор представил в чистом марксистском духе. А именно, что все охранительные меры предпринимались не ради крестьянских интересов, а для укрепления государственной феодальной собственности [4, с. 303]. Критический подход не позволил Н.М. Дружинину заключить то, что благо крестьян являлось и государственной пользой.

Другая важная черта исследования состояла в разностороннем рассмотрении вопроса захвата земель. Там перечисляются факты не только хищения угодий помещиками, но в качестве агрессоров нередко фигурируют и государственные крестьяне, в том числе у своих собратьев по сословию, а также государства. Последнее явление автор называет «захватно-переложным земледелием» или «захватно-общинным землепользованием» [5, с. 420]. В целом же труд Н.М. Дружинина нужно назвать основательным, однако, с общими марксистскими идеологическими перекосами.

Кандидаты наук В.И. Проторчина и особенно Ф.И. Лаппо объективно относились к региональной истории. Не известно, произошло это по их личным убеждениям или по неглубокому изучению классиков марксизма-ленинизма. Однако, в исследованиях этих авторов между строками часто можно заметить не состыковки исторических реалий с выводами, привязанными к идеологии.

Несомненно, что для Отечественной истории эта «не сглаженность углов» является благом. Приведём некоторые примеры из их исследований. Так, В.И. Проторчина чётко указывает на то, что однодворцы часто сами захватывали земли у подобных себе [13, с. 131], а Ф.И. Лаппо замечал наличие такого же явления среди дворян [6, с. 245]. Озвученная внутри сословная конфронтация значительно разбавляет ту вражду между помещиками и однодворцами, на которой

акцентировали своё внимание В.И. Недосекин и М.Т. Белявский. Кстати, последний очень мало использует указы дворян в Уложенную комиссию, которые пестрят внутренними противоречиями между помещиками. В.И. Недосекин в своей статье хоть и использует эти указы, но вопрос их внутрисловных притеснений обходит стороной, уделяя внимание только отрицательным взаимоотношениям дворян с однодворцами.

Ф.И. Лаппо, конечно, тоже интерпретировал события в духе «классовой борьбы», но он слишком подробно описывал архивный материал. От этого факты, противоречившие марксистской идеологии, у него не скрываются, а происходящее рассматривается с различных сторон. Эта объективность является достоинством историка. Например, он увидел настоящие религиозные причины бунта однодворцев в с. Стаканово Орловской губернии [7, с. 317]. За что, кстати, на него обрушился с критикой В.И. Недосекин [12, с. 609]. Другое интересное замечание Ф.И. Лаппо состояло в том, что во время нападений однодворцев на помещиков, крестьяне последних искренне принимали сторону своих владельцев [7, с. 310]. Зачем владельческим крестьянам нужно было воевать против таких же по материальному положению однодворцев и защищать своих господ, которые их якобы всячески угнетали? Эта историческая закономерность изнутри подрывает теорию «борьбы классов», основанную на противостоянии угнетаемых и их обидчиков.

Н.Л. Рубинштейн тоже в своём добротном исследовании не смог обойти стороной вопрос завладения однодворческих земель во всём ЦЧ. Комплексной системы помещичьих захватов у автора нет, но он указывает на некоторые их методы. Во-первых, скупку однодворческих дворов внутри дач потомков мелких служилых людей и свода на эти земли своих крепостных крестьян. Во-вторых, приобретение пустошей и аналогичное их заселение [14, с. 55]. Ценен вывод Н.Л. Рубинштейна относительно очередности мер помещиков для захватов однодворческих земель с помощью черкасской колонизации.

Ещё у Н.Л. Рубинштейна встречается материал по захвату однодворческих угодий купечеством [14, с. 35], а также сведения по завладению земли среди самих помещичьих крестьян. Более того, автор даже похвалил князя Голицина за противодействие переходу части наделов от своих бедных крестьян к богатым [14, с. 142]. Таким образом, основополагающая особенность монографии состоит в том, что у её автора, входящего в число немногих советских исследователей, получилось сохранить историческую объективность при описании захватнической деятельности помещиков [14, с. 51–58].

Не менее объективен и В.М. Важинский, который в своём труде подтверждает попытки захватов земли крепостниками у мелких служилых людей, описывая их механизмы. Однако, автор отмечает, что это явление не было в XVII в. острым и массовым по причине ещё достаточного количества пустых земель, а также функционирования политики заказных городов в ЦЧ [3, с. 81]. В целом, труд В.М. Важинского очень ценен не только для всей истории мелкого служилого сословия, но и их землевладения в частности.

Заканчивая послереволюционный историографический обзор относительно вопроса завладения однодворческих земель, необходимо отметить, что советских авторов нельзя упрекнуть в добросовестности их работ. К тому же среди них имелось множество объективных исследователей. Политизированные же авторы «перегнули палку», не найдя золотой середины в манере интерпретации повествования исторических фактов. В целом, вся советская историография, на наш взгляд, являлась лишь жертвой системы, не позволяющей никакие идеологические отклонения от общепринятых марксистских норм.

Возможно и то, что остроту обсуждения проблемы обуславливала сама работа с источниками. Ведь больше всего вопросы «классовой борьбы» поднимались авторами, изучавшими захваты земель во время своего апогея во втор. пол. XVIII века. И это не удивительно, ведь именно в однодворческих «наказах в Уложенную комиссию 1767 г.» отразилась вся боль некогда привилегированного сословия, потерявшего своё исключительное положение. От этого даже Екатерина II, после ознакомления с жалобами однодворцев, назвала их: «людьми, весьма к ябеде привыкшими» [17, с. 723]. Некоторые же историки, работавшие с первоисточниками наказов, непроизвольно могли заразиться этим «криком однодворческой души». Тем более в подобном архивном материале находили себе благоприятную почву те, кто целесообразно искал исторические примеры для подтверждения теории «борьбы классов».

Итак, мы перечислили множество работ, где тем или иным образом фигурировал или рассматривался изучаемый нами вопрос. Отметим, что мы указали не все работы подобного характера, но для осмысления общих тенденций и их интерпретаций описанных исследований вполне достаточно. В данном историографическом обзоре, посвящённом одному из самой распространённой проблеме истории однодворцев, продемонстрирована вся многогранность захватов земель с участием изучаемого нами сословия. Очевидно, что вся озвученная широта процесса не вписывается в материалистические марксистские рамки. Эта методология не только сужала рассматриваемую историческую

действительность, но и искажала, разбавляя её негативом, очерняя целые слои общества.

Заключение. Подводя итог по советской историографии, посвящённой захвату земель с участием однодворческого сословия, отметим, что после революции 1917 г. данной теме было уделено особое внимание. Это обстоятельство вытекало из общей траектории движения исторической методологии, руководствовавшейся грубым материализмом. Поэтому в послереволюционный период приоритетным направлением становится социально-экономическая история. Политической тоже уделяется внимание, однако под сугубо критическим углом. В пределах государства духовная составляющая истории игнорируется и обходится стороной. Продолжает она изучаться, в основном эмиграцией. Появляется больше узкоспециализированных и региональных исследований, особенно в послевоенное время.

В целом всю советскую историографическую традицию можно подразделить на две составляющие. Одна из них имела политизированный характер, а другая – более беспристрастный. Однако, оба этих направления обязаны были стоять на догмах материализма, т.к. пропускались через строгую цензуру. Политизированность отражалась в яром использовании марксистского методологического аппарата, который зачастую искажал или обходил стороной факты, не подходившие под его шаблон.

Объяснение всей многогранности взаимоотношений между сословиями сводилась к учению о «классовой борьбе». Идеология, опиравшаяся на крестьян и рабочих, направлялась против высших слоёв общества. Заслуги дворянства, их польза государству, личные достоинства и справедливость её некоторых представителей – категорически игнорировались. Нестандартные случаи захватов с участием однодворцев, в

основном умалчивались, а уделялось внимание именно завладению их землёй помещиками. Большинство положительных тенденций обходились стороной, а читателю преподносилось исключительно различные злоупотребления, согласующиеся с марксистской теорией «борьбы классов». Скрытая цель подобных исследований состояла в доказательстве водворения социализма в России через революцию естественным путём, а не искусственным. Другими словами, требовалось историко-теоретическое оправдание ненависти между людьми.

Стоит отметить и добросовестность многих исследователей советского периода. Одни указывали на реальное наличие духовного фактора в исторических процессах, за что подвергались шквалу критики в свой адрес. Другие не могли обойти стороной многогранности взаимоотношений как внутри-сословий, так и между ними, что ставило под сомнение правдивость узкоспециализированного материализма. Третьи занимались чистой наукой, приспособивали свои труды под советскую цензуру. Насколько это было возможно, они беспристрастно описывали ход исторических событий, сглаживая углы марксистской теории. Четвёртые были слабо с ней знакомы, отчего их исследования имели реалистично-описательный характер. В целом вся упомянутая выше научная деятельность, в своей совокупности, разрушала стройность и правдивость материалистической методологии.

Нужно заметить и то, что пользу для Отечественной истории приносили и политизированные авторы. Ведь они реально верили в светлость коммунистического будущего и ради этого писали свои фундаментальные исследования. Общей же чертой всей советской историографии является масштабная системная обработка разрозненного материала, пусть не всегда и в верном ключе.

Список литературы

1. Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1958. 421 с.
2. Белявский М. Т. Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767 – 1768 гг.). М.: Изд-во Московского университета, 1984. 268 с.
3. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). Учебное пособие к спецкурсу для студентов исторических факультетов педагогических институтов. Воронеж: Липецк облтипография, 1974. 237 с.
4. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1946. 633 с.
5. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. 680 с.
6. Лаппо Ф. И. Наказы однодворцев как исторический источник. Исторические записки. Т. 35. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. С. 239–259.
7. Лаппо Ф. И. Восстание однодворцев села Стаканово в 1776 г. // Исторические записки. Т. 44. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1953. С. 306–319.
8. Лев Гумилев. Энциклопедия. / Гл. ред. Е. Б. Садыков, сост. Т. К. Шанбай, М., 2013, с. 12–13.

9. Милов Л. В. Исследование об «экономических примечаниях» к генеральному межеванию (К истории русского крестьянства сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1965. 314 с.
10. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 573 с.
11. Недосекин В. И. Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губернии в середине XVIII в. Известия Воронежского пединститута. Т. XIX. Воронеж: 1-я тип-я Воронежского Облуправления культуры, 1955. с. 133–154.
12. Недосекин В. И. Социально-экономическое развитие Черноземного Центра России во второй половине XVIII века. Дис. ... докт. наук. М., 1967. 680 с.
13. Проторчина В. М. К истории воронежских однодворцев в XVIII веке. Известия Воронежского пединститута. Т. XIX. Воронеж: 1-я тип-я Воронежского Облуправления культуры, 1955. с. 131.
14. Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). М.: Госполитиздат, 1957. 495 с.
15. Русское историческое общество. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. CX–LIV. СПб., 1914. С. 296–322.
16. Семёнов Ю.И. Французские историки эпохи реставрации: открытие общественных классов и классовой борьбы // Философия истории. «Современные тетради», 2003. URL: <https:// Wayback Machine> (дата обращения 1.11.2022 г.)
17. Четвертные крестьяне // Энциклопедический словарь. Т. XXXVIII / Изд. Ф. А. Брокгауз, Е. А. Ефрон. СПб., 1903. С. 720–733.
18. Умрихина А. П. Положение крестьян и их борьба против крепостного строя в белгородской губернии во второй половине XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1973. 243 с.

SOVIET HISTORIOGRAPHY OF COMPREHENSIVE LAND CAPTURES WITH THE PARTICIPATION OF THE SMALLHOLDERS ESTATE

This article systematizes the attitude of the authors of the Soviet era to one of the most studied issues in the history of the one-courtyard estate – the seizure of land with their participation. The main reason for this study, in addition to the real existence of such a phenomenon, lay in the fact that this issue was used to substantiate the theory of «class struggle». The purpose of the article is to study the Soviet historiography of comprehensive land seizures with the participation of one-courtyard people in the XVII-th – XIX-th centuries. The objectives of the study are to identify the difference in the interpretations of various authors regarding the issues of taking possession of the land of smallholders, as well as the seizure of land by them of other estates. Using these comparisons as an example, the author tries to determine whether the «class struggle» really existed or whether it was an ideological utopia of Marxism. In the research process, the author used analytical-synthetic and comparative-historical methods, as well as retrospective and historiographies analysis. The author describes all the key works where the issue of land seizure with the participation of the one-courtyard estate was mentioned. All studies are divided into two groups: politicized and more objective. In the course of considering the announced topic, the author comes to the conclusion that the fundamental difference of the Soviet era in the interpretation of the issue of land seizure is «negative approach», which differs sharply from the methods of describing similar phenomena in the pre-revolutionary and post-soviet eras. The researcher concludes that the whole versatility of the process of land seizures with the participation of the smallholders estate does not fit into the Marxist framework of the «class struggle». In his opinion, this methodology not only narrows the historical reality under consideration, but also distorts it.

Keywords: one-courtyard people; smallholders; landlords; grips; land possession; land ownership; Central Chernozem region.

References

1. Alefirenko P. K. (1958). *Krest'yanskoye dvizheniye i krest'yanskiy vopros v Rossii v 30–50-kh godakh XVIII veka* [Peasant movement and the peasant question in Russia in the 30-50s of the XVIII century]. Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSSR. 421 p.
2. Belyavskiy M. T. (1984). *Odnodvortsy Chernozem'ya (po ikh nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767 – 1768 gg.)* [One-courtyard people from the Central Chernozem region (according to their orders to the Legislative Commission 1767 – 1768)]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 268 p.
3. Vazhinskij V. M. (1974). *Zemlevladieniye i sklady'vaniye obshhiny' odnodvorcev v XVII veke (Po materialam yuzhny'x uezdov Rossii)*. Uchebnoe posobie k speczkursu dlya studentov istoricheskix fakul'tetov pedagogicheskix institutov [Land ownership and the formation of the smallholders community in the XVII-th century (According to the materials of the southern counties of Russia). Textbook for a special course for students of historical faculties of pedagogical institutes]. Voronezh: Lipezsk obltipografiya. 237 p.
4. Druzhinin N. M. (1946). *Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva* [State peasants and the P.D. Kiselevs reform]. Vol. 1. Moscow, Publ. House Academy of Sciences USSR. 633 p.

5. Druzhinin N. M. (1950). Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva [State peasants and the P.D. Kiselevs reform]. Vol. 2. Moscow, Publ. House Academy of Sciences USSR. 680 p.
6. Lappo F. I. (1950). Nakazy odnodvortsev kak istoricheskiy istochnik [The Orders of the one-court-yard people as a Historical Source]. *Istoricheskiye zapiski = Historical notes*. Vol. 35. Moscow, Publ. House Academy of Sciences USSR. pp. 239–259.
7. Lappo F. I. (1953). Vosstaniye odnodvortsev sela Stakanovo v 1776 g. [The uprising of the one-court-yard people of the Stakanovo village in 1776]. *Istoricheskiye zapiski = Historical notes*. Moscow, Publ. House Academy of Sciences USSR, 1950, Vol. 44. pp. 306–319.
8. Lev Gumilev. Entsiklopediya [Lev Gumilev. Encyclopedia] (2013) / Gl. red. Ye.B. Sadykov, sost. T.K. Shanbay, Moscow. pp. 12–13.
9. Milov L. V. (2001). Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa [Great Russian plowman and features of the Russian historical process]. Moscow: ROSSPEN. 573 p.
10. Milov L. V. (1965). Issledovaniye ob «ekonomicheskikh primechaniyakh» k general'nomu mezhvaniyu (K istorii russkogo krest'yanstva sel'skogo khozyaystva vtoroy poloviny XVIII v.) [Research on «economic notes» to the general land survey (On the history of the Russian peasantry of agriculture in the second half of the XVIII-th century)]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta. 314 p.
11. Nedosekin V. I. (1955). Obostreniye bor'by za zemlyu mezhdru pomeshchikami i odnodvortsami Voronezhskoy gubernii v seredine XVIII v. [The aggravation of the struggle for land between the landowners and one-court-yard people of the Voronezh province in the middle of the XVIII-th century] // *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta = Proceedings of the Voronezh Pedagogical Institute*, Vol. XIX. Voronezh, 1-st Print. house of the Voronezh Regional Directorate of Culture. pp. 133–154.
12. Nedosekin V. I. (1967). Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Chernozemnogo Tsentra Rossii vo vtoroy polovine XVIII veka. [Socio-economic development of the Black Earth Center of Russia in the second half of the XVIII-th century]. Diss. ... dokt. nauk. Moscow. 680 p.
13. Protorchina V. M. (1955) K istorii voronezhskikh odnodvortsev v XVIII veke [On the history of Voronezh one-court-yard people in the XVIII-th century]. *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta = Proceedings of the Voronezh Pedagogical Institute*, Vol. XIX. Voronezh, 1-st Print. house of the Voronezh Regional Directorate of Culture. pp. 107–133.
14. Rubinshteyn H. L. (1957). Sel'skoye khozyaystvo Rossii vo vtoroy polovine XVIII v. (Istoriko-ekonomicheskoye ocherk) [Agriculture in Russia in the second half of the XVIII-th century. (Historical and economic essay)]. Moscow: Gospolitizdat. 495 p.
15. *Russkoye istoricheskoye obshchestvo. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva = Russian Historical Society. Collection of the Imperial Russian Historical Society (1914)*. Vol. CX – LIV. St. Petersburg. pp. 296–322.
16. Semonov YU. I. (2003). Frantsuzskiy istoriki epokhi restavratsii: otkrytiye obshchestvennykh klassov i klassovoy bor'by [French Historians of the Restoration Era: Discovery of Social Classes and Class Struggle] // *Filosofiya istorii. «Sovremennyye tetradi» = Philosophy of History. «Modern notebooks»*. URL: <https:// Wayback Machine> (accessed 11/1/2022)
17. Chetvertnyye krest'yane [Quarter peasants]. *Entsiklopedicheskiy slovar' = Encyclopedic Dictionary* (1903). Vol. XXXVIII / Izd. F.A. Brokgauz, Ye.A. Yefron, St. Petersburg. pp. 720–733.
18. Umrikhina A. P. (1973). Polozheniye krest'yan i ikh bor'ba protiv krepostnogo stroya v belgorodskoy gubernii vo vtoroy polovine XVIII veka. [The situation of the peasants and their struggle against the serfdom in the Belgorod province in the second half of the XVIII-th century]. Dis. ... kand. ist. nauk. Khar'kov. 243 p.

Об авторе

Кудланов Константин Борисович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, социально-правовых и естественно-научных дисциплин Курской академии государственной и муниципальной службы (Россия), E-mail: kudlanov777@mail.ru

Kudlanov Konstantin Borisovich – PhD (History), senior lecturer at the Department of Philosophy, Social, Legal and Natural Sciences, Kursk Academy of State and Municipal Administration (Russia), E-mail: kudlanov777@mail.ru

УДК 07.00.00

Кулаков В.И., доктор исторических наук, Институт археологии РАН, Москва (Россия)

ЗАЩИТНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ПРУССОВ

Представленные в статье свидетельства археологических и изобразительных источников свидетельствуют о том, что кроме щитов, эстии и их потомки пруссы не пользовались иным оборонительным снаряжением ни в римское время, ни на заре средневековья. Лишь на пороге крестоносной экспансии на земли Балтии пруссы пытаются сформировать комплекс защиты для своих воинов с учётом нарастания интенсивности конфликтов с польскими княжествами по результатам прусских набегов на Мазовию. Судя по отсутствию находок этого комплекса в археологическом материале (единый комплекс щит+шлем+доспех) данная задача пруссами до конца решена не была. Лишь капитель из замка Marienburg/Malbork показывает полный комплекс упомянутого снаряжения. Причём прусские воины являются явно спешенными всадниками, пользующимися метательными дротиками, неудобными для пешего боя в тяжелом вооружении. Так в процессе полувековой борьбы западных балтов с Тевтонским Орденом формировался комплекс оборонительного снаряжения пруссов, павших первой жертвой крестоносной агрессии.

Ключевые слова: юго-восточная Балтия, Янтарный берег, эстии, пруссы, воинское снаряжение.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-66-70

Основным видом памятников археологии раннесредневековых пруссов в погребальных памятниках (наиболее полно изученный раздел памятников юго-восточной Балтии) междуречья рек Немана и Вислы являлось воинское снаряжение. Исторически сложилось так, что защитное (оборонительное) снаряжение в составе погребального инвентаря было представлено в незначительном количестве. Тем не менее отдельные представители прусской археологической школы в предвоенное время уделили ему достаточное внимание. Талантливый археолог из Кёнигсберга, перед войной работавший в местном Департаменте древностей Вольфганг Ла Бом опубликовал информацию о находке свёрнутого рулоном (?) куска кольчужной рубахи – единственном инвентаре в трупосожжении (погр. 12а), обнаруженном в 1939 г. в ногах труположения (погр. 12, XI в. – 5, с. 199) с золочёным шлемом и салтовским складным серпом на грунтовом могильнике Ekritten/Ветрово (Зеленоградский р-н) [12, S. 85]. Через год после выхода этой публикации автор издаёт монографическую статью, посвящённую обзору находок щитов в юго-восточной Балтии в I тысячелетии н.э. и в предорденское время. В. Ла Бом находит аналогии между щитами эстиев и германцев, имевших овальную форму [13, S. 11, 12]. Именно такую форму щитов в процессе Маркоманских войн приняли римские легионеры, отказавшись от традиционных щитов прямоугольной формы (scutum). Примечательно, что такие римские щиты известны в древностях I в. н.э. на Самбии [13, Abb. 4b]. Автор статьи с заметным недоверием относится к изображениям щитов пруссов на Гнезненских вратах, не исключая проявления здесь творческой фантазии мастера врат [13, S. 12].

В своей последней статье, посвящённой прусскому снаряжению и одежде, В. Ла Бом особое внимание обращает на щиты, представленные в сценах X, XII Гнезненских врат (рис. 1) [14, Abb. 8]. Особого внимания заслуживает обнаружение автором аналогии прусским щитам Гнезненских врат на Новгородских (Магдебургских) воротах, как и Гнезненские, датирующихся XII в. В обоих случаях изображены небольшие, закрывающие не более 1/3 фигуры воина щиты миндалевидной формы [14, Abb. 10,11]. При этом некоторые из прусских щитов снабжены круглыми плоскими умбоном и все эти щиты имеют вертикальное ребро, аналог которому В. Ла Бом нашёл в одном из рельефов на территории Франции [14, Abb. 8, 9]. Такое же ребро видно на щите, закрывающем левую руку прусского тяжело вооружённого воина на капители из замка Marienburg/Malbork (рис. 2). Данный изгиб поверхности деревянной основы щита был, очевидно, создан для удобства расположения с её тыльной стороны руки воина. Подобного рода специфическая черта представлена у орденского щита типа Prusche Schilde [15, S. 103], известного в Европе как *paveza* и распространённого среди пехотинцев до XVI в.

В послевоенное время археологи, работавшие с древностями западных балтов, не обращали внимание на проблему щитов раннесредневековых пруссов. Лишь 15 лет тому назад в одном малотиражном сборнике появилась статья, посвящённая щитам эстиев римского времени, где довольно убедительно доказывается связь обычая ношения щитов жителями Янтарного края с традициями пшеворской культуры [10, с. 130]. Правда, к теме предлагаемой статьи эта публикация прямого отношения не имеет.

Шлемы представлены в древностях пруссов в количестве 3 экз. Два из них были случайно найдены Отто Тишлером в 1879 г. в слое остатков погребального костра на вершине холма Dollkeimer-Berg и были отнесены к материалу могильника Dollkeim/Коврово. По своей конструкции (составлен из нескольких железных вертикальных полос, скреплённых заклёпками) один из шлемов был мною отнесён к типу Spangenhelm и датирован IV в. н.э. [3, с. 239]. Новейшая находка обломков такого шлема (рис. 3) на могильнике Klein Heyde (Гурьевский р-н) в комплексе со стремениами вар. Gofler SPI,3 (кон. XI в. и позже) [2, с. 220] позволила датировать такие шлемы, известные как у пруссов, так и у куршей, XII-XIII вв. [11, с. 211].

Итак, выяснено, что элементы защитного снаряжения (шлемы, щиты и доспехи) воинов, обитавших в раннем средневековье (точнее – в пред- и раннеорденское время) между устьями рек Ногаты и Немана, представлены в местных погребальных древностях буквально единично и никогда не встречаются в одних погребальных комплексах. Для эпохи викингов находки предметов оборонительного снаряжения на могильниках пруссов отсутствуют. Лишь отдельные конские оголовья, обильно украшенные железными накладками [8, с. 42], представленные в некоторых могильниках Самбии, Скандинавии и Эстонии, могут эвентуально претендовать на прообраз детали конского доспеха. Для Балтии происхождение такой версии оголовья связано, скорее всего, со Скандинавией.

Основным видом военной активности пруссов в XI-XIII вв. были военные походы [4, с. 36], не предполагавшие использования тяжёлого оборонительного снаряжения, которое могло тормозить скорость передвижения войска в тяжёлых условиях лесного и болотного бездорожья. Довольно многочисленные наконечники стрел, оставшиеся в телах убитых прусских воинов и купцов [6, с. 126], проходивших в XI-XII вв. Неманским торговым путём и подвергавшихся нападениям местных племён, косвенно подтверждают отсутствие у воинов Янтарного края доспехов в предорденское время. Более того,

археологический материал прусской культуры не содержит свидетельств использования западными балтами метательного оружия и, соответственно, защиты от него.

Единственным случаем в материальной культуре исторической Пруссии орденского времени, когда все элементы оборонительного снаряжения представлены совокупно, является фриз на знаменитой капители колонны из замка Marienburg/Malbork. Дата этой архитектурной детали – предпочтительней XIV в. На ней изображена схватка орденских рыцарей с некими тяжелооружёнными воинами, традиционно относимыми к пруссам [1, с. 184]. Они представлены здесь тремя комбатантами в конических (?) шлемах, в армиллярных доспехах, имеющих на левой руке небольшой щит типа Prusche Schilde. У одного из воинов на таком щите видна оковка полосами из мягкого металла (бронза?), как и у пруссов с Гнезненских врат (рис. 1). Примечателен факт соответствия вида оборонительного снаряжения с капители из Malbork древностям Полоцкого княжества кон. XII-XIII вв. [9, рис. 4].

Итак, следует признать, что кроме щитов, эстии и их потомки пруссы не пользовались иным оборонительным снаряжением ни в римское время, ни на заре средневековья. Лишь на пороге крестоносной экспансии на земли Балтии пруссы пытаются сформировать комплекс защиты для своих воинов с учётом усиления конфликтов с польскими княжествами [11, с. 21] по результатам прусских набегов на Мазовию. Судя по отсутствию находок этого комплекса в местных погребальных древностях (щит+шлем+доспех) данная задача пруссами до конца решена не была.

Лишь не совсем надёжно датируемая капитель из замка Marienburg/Malbork показывает полный комплекс упомянутого снаряжения. Причём прусские (?) воины являются явно спешными всадниками, пользующимися метательными дротиками, неудобными для пешего боя в тяжёлом вооружении. Так в процессе полувековой борьбы западных балтов с Тевтонским Орденем формировался комплекс оборонительного снаряжения пруссов, павших первой жертвой крестоносной агрессии.

Список литература

1. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г., М.: «Индрик», 2003 - 364 С.
2. Кулаков В.И. Прусы эпохи викингов. Жизнь и быт общины Каупа, М.: «Книжный мир», 2016 - 351 С.
3. Кулаков В.И. Импорты в вооружении и конском снаряжении эстиев // Гістарычна-археалагічны зборнік, вып. 32, Мінск: «Беларуская навука», 2017 - С. 234-244.
4. Кулаков В.И. Тактика и приёмы боя пруссов // Stratum plus, Nr 5, Кишинёв-СПб-Бухарест-Одесса: «Высшая Антропологическая школа, 2019 - С. 29-38.
5. Кулаков В.И. Находка складного серпа салтовского типа на Самбии // Проблемы истории, филологии, культуры, М.-Магнитогорск-Новосибирск: Институт археологии РАН, 2020 - С. 195-204.

6. Кулаков В.И. Стрелы Каупа // Вестник Московского Университета, сер. 8. История, № 3, 2021а - С. 148-158.
7. Кулаков В.И., Археологические признаки социальных групп в прусском обществе раннеорденского времени // Проблемы межрегиональных связей, вып. 16, М. – Калининград – Клайпеда: «Аксиос», 2021б - С. 6-11.
8. Кулаков В.И., Калашников Е.А. Оголовья коней Долькайма // КСИА, вып. 213, М.: «Наука», 2002 - С. 38-49.
9. Ласкавы Г.В. Узбраенне воінаў XII-XIII ст.ст. з феодальных сядзіб-замкаў паўночнага захаду Полацкай зямлі (на матэрыялах раскопак гарадзішча Пруднікі Маскавічы) // Старонкі гісторыі Беларусі, Мінск: «Навука і тэхніка», 1992 - С. 47-56.
10. Радюш О.А., Скворцов К.Н. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов, Калининград: «Янтарный сказ», 2008 - С. 122-157.
11. Скворцов К.Н. Средневековый шлем из могильника Кляйнхайде // КСИА, вып. 232, М.: «Языки славянской культуры», 2014 - С. 203-213.
12. La Baume W. Ein spätpreussische Reitergrab mit Helm und verzierten Lanze aus Ekritten // Alt-Preussen. H. 4. Königsberg: Ostdeutsche Verlaganstalt, 1940 - S. 84-86.
13. La Baume W. Der altpreussische Schild // Alt-Preussen. H. 1. Königsberg: Ostdeutsche Verlaganstalt, 1941 - S. 5-12.
14. La Baume W. Bewaffnung und Tracht der Prussen auf den Relief der Gnesener Domtür // Alt-Preussen. H. 3. Königsberg: Ostdeutsche Verlaganstalt, 1942 - S. 34-43.
15. Nowakowski A. Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV i na początku XV w. // Acta Archaeologica Lodziensia nr 29, Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980 - S. 7-159.

Подписи к рисункам

Рис. 1. Прусы на рельефах Гнезненских врат: 1 – Сцена 10. Прибытие Св. Войцеха в Пруссию; 2 – Сцена 13. Богослужение перед алтарём [7, рис. 2].

1

2

Marienburg/Malbork

0 2 см

Рис. 2. Развёртка (1) и деталь (2) капители из замка Marienburg/Malbork [7, рис. 8].

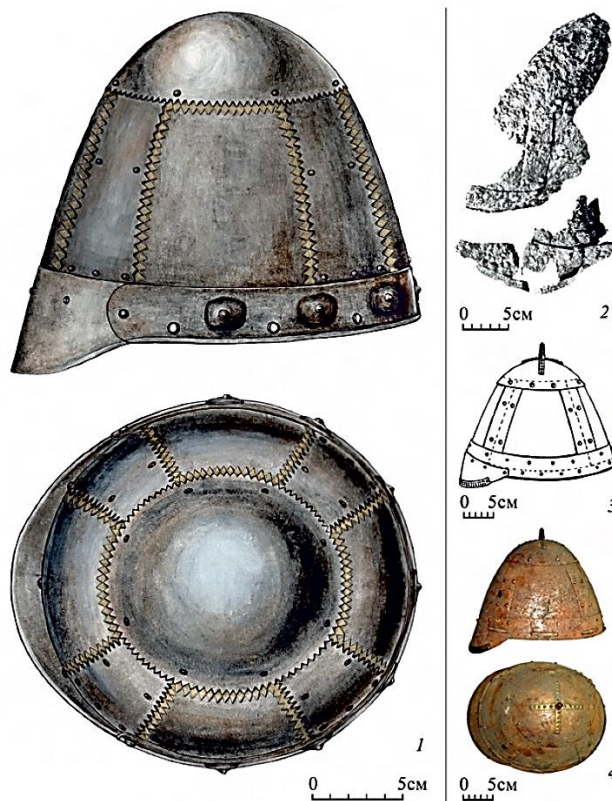

Рис. 3. Шлем из погр. 12 могильника Klein Heyde (Гурьевский р-н): 1 – реконструкция шлема; 2 – детали шлема после реставрации; 3, 4 – рисунок и фото копии шлема из могильника Dollkeim/Коврово [11, рис. XXIII].

PRUSSIAN PROTECTIVE EQUIPMENT

The evidence of archaeological and visual sources presented in the article testifies that, apart from shields, the Aestii and their descendants, the Prussians did not use any other defensive equipment either in Roman times or at the dawn of the Middle Ages. Only on the verge of crusading expansion into the Baltic lands, the Prussians are trying to form a defense complex for their soldiers, taking into account the growing intensity of conflicts with the Polish principalities as a result of the Prussian raids on Mazovia. Judging by the lack of finds of this complex in the archaeological material (a single complex shield + helmet + armor), this task was not completely solved by the Prussians. Only the capital from the Marienburg/Malbork castle shows the full range of the mentioned equipment. Moreover, the Prussian (?) Warriors are clearly dismounted riders using throwing darts, which are inconvenient for foot combat in heavy weapons. Thus, in the process of half a century of struggle between the Western Balts and the Teutonic Order, a complex of defensive equipment of the Prussians, who fell the first victim of the Crusader aggression, was formed.

Keywords: southeastern Baltic, Amber Coast, Aestii, Prussians, military equipment.

References

1. Kulakov V.I. History of Prussia until 1283, M.: "Indrik", 2003 - 364 P.
2. Kulakov V.I. Prussians of the Viking Age. Life and life of the Kaup community, M.: "Knizhny Mir", 2016 - 351 P.
3. Kulakov V.I. Imports in the armament and horse equipment of the Aestians // *Historichna-archaeologic collection*, vol. 32, Minsk: "Belarusian science", 2017 – PP. 234-244.
4. Kulakov V.I. Prussian tactics and techniques // *Stratum plus*, Nr 5, Chisinau-St. Petersburg-Bucharest-Odessa: "Higher Anthropological School, 2019 - P. 29-38.
5. Kulakov V.I. Finding a folding sickle of the Saltov type in Sambia // *Problems of history, philology, culture*, M.-Magnitogorsk-Novosibirsk: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2020 - P. 195-204.
6. Kulakov V.I. Arrows of Kaup // *Bulletin of Moscow University*, ser. 8. History, No. 3, 2021a - PP. 148-158.
7. Kulakov V.I., Archaeological signs of social groups in the Prussian society of the early order time // *Problems of interregional relations*, vol. 16, M. - Kaliningrad - Klaipeda: "Axios", 2021b - PP. 6-11.
8. Kulakov V.I., Kalashnikov E.A. Headbands of Dolkaim's horses // *KSIA*, vol. 213, M.: "Nauka", 2002 - PP. 38-49.
9. Laskavy G.V. Uzbraenny military XII-XIII Art. from the feudal syadzib-castle of the Paunochnaga Zahadu of the Polatsk Land (excavated on the materials of the Garadzishchau Prudniki Maskavichy) // *Staronki History of Belarus*, Minsk: "Science and Technology", 1992 - PP. 47-56.
10. Radyush O.A., Skvortsov K.N. Findings of shield parts in the area of the Sambian-Natangian culture // *Germania-Sarmatia. Antiquities of Central and Eastern Europe of the era of Roman influence and migration of peoples*, Kaliningrad: "Amber Tale", 2008 - PP. 122-157.
11. Skvortsov K.N. Medieval helmet from the Klien Heyde burial ground // *KSIA*, vol. 232, M.: "Languages of Slavic culture", 2014 - PP. 203-213.
12. La Baume W. Ein spätprussische Reitergrab mit Helm und verzierten Lanze aus Ekritten // *Alt-Preussen. H. 4. Königsberg: Ostdeutsche Verlaganstalt*, 1940 - S. 84-86.
13. La Baume W. Der altpreussische Schild // *Alt-Preussen. H. 1. Königsberg: Ostdeutsche Verlaganstalt*, 1941 - S. 5-12.
14. La Baume W. Bewaffnung und Tracht der Prussen auf den Relief der Gnesener Domtür // *Alt-Preussen. H. 3. Königsberg: Ostdeutsche Verlaganstalt*, 1942 - S. 34-43.
15. Nowakowski A. Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV i na początku XV w. // *Acta Archaeologica Lodziensia nr 29*, Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980 - S. 7-159.

Список сокращений

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

М. – Москва

РАН – Российская академия наук

СПб – Санкт-Петербург

Об авторе

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Россия). E-mail: drkulakov@mail.ru

Kulakov Vladimir Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia). E-mail: drkulakov@mail.ru

Лохов А.Ю., кандидат исторических наук, Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского (Россия)

Еремин Е.И., доктор технических наук, профессор, Амурский государственный университет (Россия)

Нацвин А.В., Амурский государственный университет (Россия)

ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕРВОЙ ОСАДЫ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА 1685 г. I

Данная работа открывает серию статей, и является её первой частью, описывающей первую осаду государственного Албазинского острога произошедшей в июне 1685 года. Хотя по продолжительности сама осада длилась не долго, но имеющиеся данные указанного события значительно позволяют расширить границы исторических исследований. В работе рассматриваются ключевые архитектурные объекты, формирующие место действия столь известного исторического события. Особую важность имеет представленный алгоритм действий, заключающийся в сборе фрагментированной и не редко противоречащей исторической информации об исследуемом объекте, ее систематизации и воплощении в виде готовой трехмерной репликации или иного объекта требуемого в рамках поставленной задачи. Первостепенным в данном исследовании остается вопрос нахождения местоположения русла реки «Мельничная», обозначенной на гравюре Н. Витсена составленной в 1687 году. В свою очередь, прояснить данный вопрос позволяет сопоставление данной гравюры с современной топографической картой исследуемой местности. Ключевой особенностью представленного исследования является активное применение технологий трехмерного моделирования, а также геоинформационных систем, что позволяет по-новому взглянуть на исторические события героического противостояния русских первопроходцев и многократно превосходящего противника.

Ключевые слова: Албазинский острог, Албазинский Спасский монастырь, осада, гравюра, реконструкция, топографический план, трёхмерная модель, архитектурный объект.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-71-82

Введение. Популяризация информационных технологий в среде гуманитарных исследований привела к формированию такого направления как «Digital Humanities» так же называемого «Цифровыми гуманитарными науками». В свою очередь, современный уровень вычислительной техники и свободная доступность специализированного программного обеспечения существенно расширили возможности различных гуманитарных наук, в том числе и истории поспособствовал созданию такого направления как историческая информатика.

В соответствии с представленным направлением в данном исследовании планируется провести реконструкцию осады Албазинского острога 1685 года. Тем самым авторами планируется опубликовать приквел, предшествующий ранее опубликованным работам про осаду деревянной крепости Албазина 1686 года. В рамках поставленной задачи необходимо восстановить следующие основные компоненты, а именно, место действия включающую как саму крепость, так и Спасский монастырь, вооружение обеих сторон конфликта, количество и состав военных формирований, а также непосредственный ход событий осады. В данной части будут представлены изыскания, направленные на восстановление облика архитектурных объектов, непосредственно задействованных в рассматриваемом историческом эпизоде.

Объекты и методы исследования.

Исследования Албазинского острога начались еще во времена первого амурского сплава, а именно в 1854 году остатки крепости посетил губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. Так же, Албазино исследовал известный ботаник Р.К. Маак в 1855 году, который составил примерную схему ее местности [24]. Кроме того, в 1899 году была составлена карта Албазинской станицы, включающая практически всю территорию современного поселка Албазино. Однако уже на этой карте западная часть крепости отсутствует, так как была смыта рекой Амур [8], этот факт подтверждает и карта 1953 года [25, с. 28-51].

В 1949 году первичное обследование остатков крепости проводил Г.С. Новиков-Давурский, однако полноценные археологические исследования были начаты только в 70-е гг. отрядом Северо-Азиатской экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Раскопки проводились в 1974-1976 гг. и 1979-1980 гг., под руководством В.В. Сухих и С.Г. Глинского [7, с. 17-25].

Дальнейшее изучение крепости проводилось Амурским археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока ДВО РАН в 1988-2002 гг. (с перерывами в 1985 и 1998 гг.). А после изучения острога были возобновлены в 2011 г. Албазинской археологической экспедицией под руководством А.Н. Черкасова, организованной фондом «Петропавловск» при поддержке Центра по сохранению историко-

культурного наследия Амурской области.

Благодаря археологическим исследованиям удалось обнаружить местоположение нескольких важных архитектурных объектов относящихся к Албазинскому острогу 1685 года, а именно, северо-восточную угловую башню, южную проездную башню колокольню и Воскресенскую церковь.

Помимо археологических данных об остроге известно из множества текстовых источников, важнейшее место среди которых занимает

роспись, составленная А. Толбузиным в 1674 году, описывающая линейные размеры стен и башен как лежавшего в основе малого Черниговского острога так Албазинского острога. Также множество характеристик крепости становятся доступными благодаря рисунку осады Албазинского острога, представленному в китайском атласе «Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu», хранящемся в Библиотеке Конгресса США (рис. 1) [5].

Рис. 1. Рисунок «Luosha» из атласа XVII века, изображающий осаду острога в 1685 г.

Благодаря представленной справочной информации были созданы несколько репликаций крепости, а именно графические эскизы за авторством А.Р. Артемьева (рис. 2) [2] макеты, располагаемые в Амурском краеведческом музее и в Албазинском музее (рис. 3), а также планы

крепости за авторством В.И. Трухина и Е.А. Багрина [31, с. 385-431]. Главным недостатком представленных работ является применение неполного перечня доступной архивной информации, а также археологических данных, значительно расширившихся за последнее десятилетие.

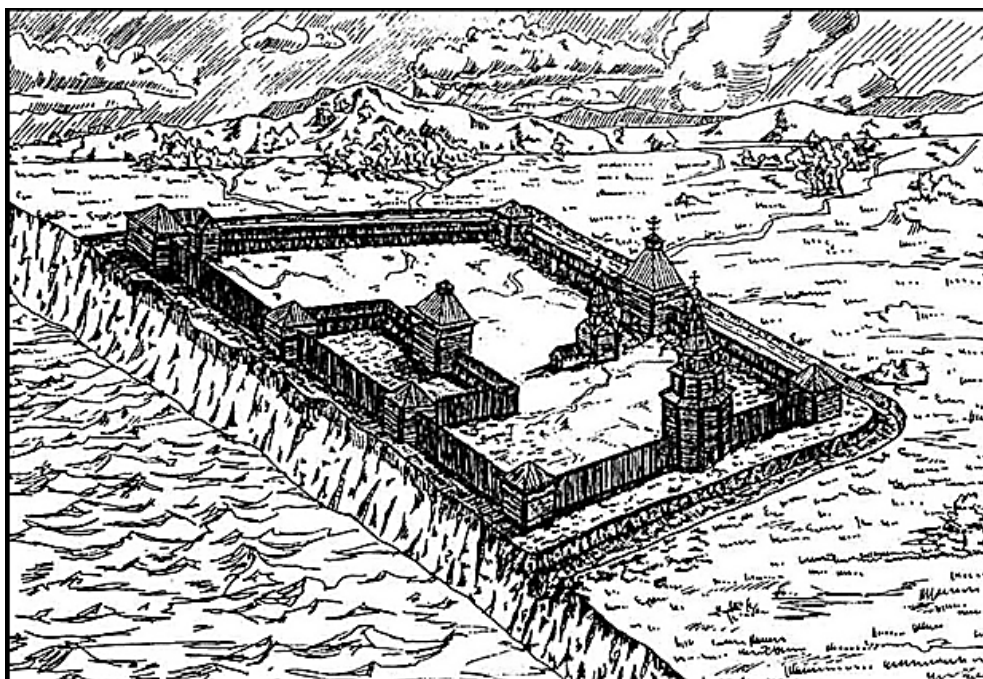

Рис. 2. Эскиз реконструкции острога, разработанный Артемьевым.

Рис. 3. Классический макет острога, хранящийся в Албазинском музее.

Результаты и их обсуждение. Представленное авторами исследование преследовало цель создания достоверной и обоснованной реконструкции, учитывающей недостатки предшественников путем использования всех доступных архивных и археологических данных, а также современных информационных технологий для их обработки.

Первым шагом в решении поставленной задачи является сбор всех доступных археологических данных и размещение их на одном топографическом плане. За базу был взят топографический план, составленный экспедицией под руководством А.Н. Черкасова, так как его составление проводилось профессиональными маркшейдерами с использованием наиболее современного геодезического оборудования [34, с. 59-63]. Полученный топографический план лег в основу схемы расположения крепостных построек основного периметра.

В рамках второго шага было необходимо составить чертеж крепостных стен, башен острога и церкви, размеры которых в большинстве своем воспроизведены по росписи 1684 г. [3] В свою очередь, при разработке чертежа Воскресенской церкви помимо размеров фундамента [35, с. 222-230] принималось во внимание устройство архитектурных аналогов того времени [13, с. 21-30; 27, с. 16-19].

Третий шаг реконструкции заключался в наполнении крепости различными постройками. Как известно, предназначение фортификационных сооружений рассматриваемого типа заключалось не только в военных функциях, но и подразумевало обеспечение ими хозяйственной деятельности регионального государственного аппарата. В первую очередь в крепости должна была иметь место воеводская усадьба с необходимыми хозяйственными постройками – амбаром, поварней и мыльней, а также приказная изба, оснащенная караульными помещениями, конюшнями, оружейным складом, пороховым погребом. Также в крепостях обычно устраивали торговый двор, образованный лавками и амбарами. И наконец, вполне вероятно, в Албазинском остроге могли располагаться таможенная изба и ясачные амбары, предназначенные для сбора дани. Стоит отметить, что облик всех построек внутреннего периметра, ввиду полного отсутствия каких-либо данных, был воссоздан с применением информации об архитектурных аналогах [14-18; 26]. Стоит отметить, что наличие некоторых зданий подтверждается документами Албазинского воеводства, например, помимо ранее указанной приказной избы было сказано, что в малом остроге Никифора черниговского располагались амбар и житница. Приведенные архитектурные комплексы также можно увидеть и на рисунке «Luosha» (рис. 4).

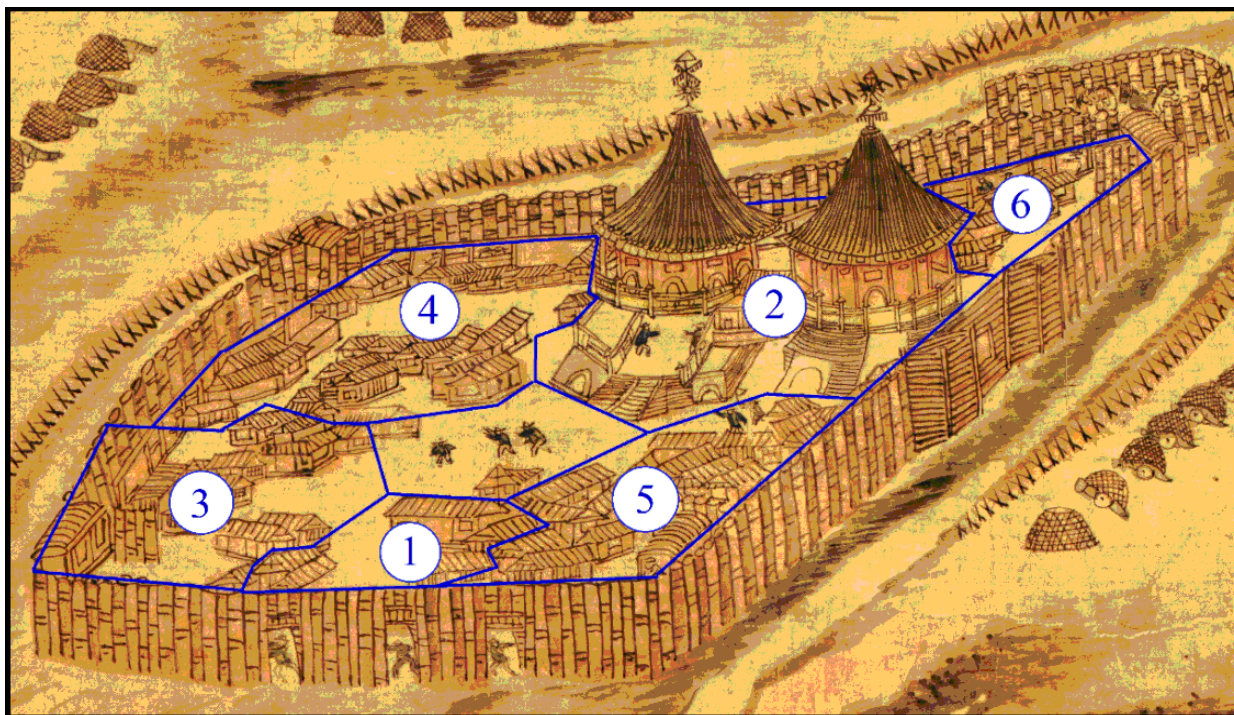

Рис. 4. Дефрагментация исторической зарисовки острога в 1685 г.:
1) малый Черниговский острог; 2) комплекс Воскресенской церкви;
3) территория воеводской усадьбы; 4) строения новой приказной избы;
5) гостиный (торговый) двор; 6) таможенная изба и ясачные амбары.

Четвертый шаг реконструкции заключался в создании трехмерной модели крепости и построек внутри ее периметра. Первоначально, поверх чертежа, была создана упрощенная модель, отражающая лишь общие размеры и контуры сооружений. Предназначение такой модели заключается в проверке ранее принятых решений и их

корреляции с рисунком «Luosha». Далее по аналогии с настоящим строительством из простых примитивов как цилиндр и прямоугольный параллелепипед, интерпретируемые как бревна, доски и брус каждое сооружение было выстроено отдельно и после собрано в единую модель крепости (рис. 5).

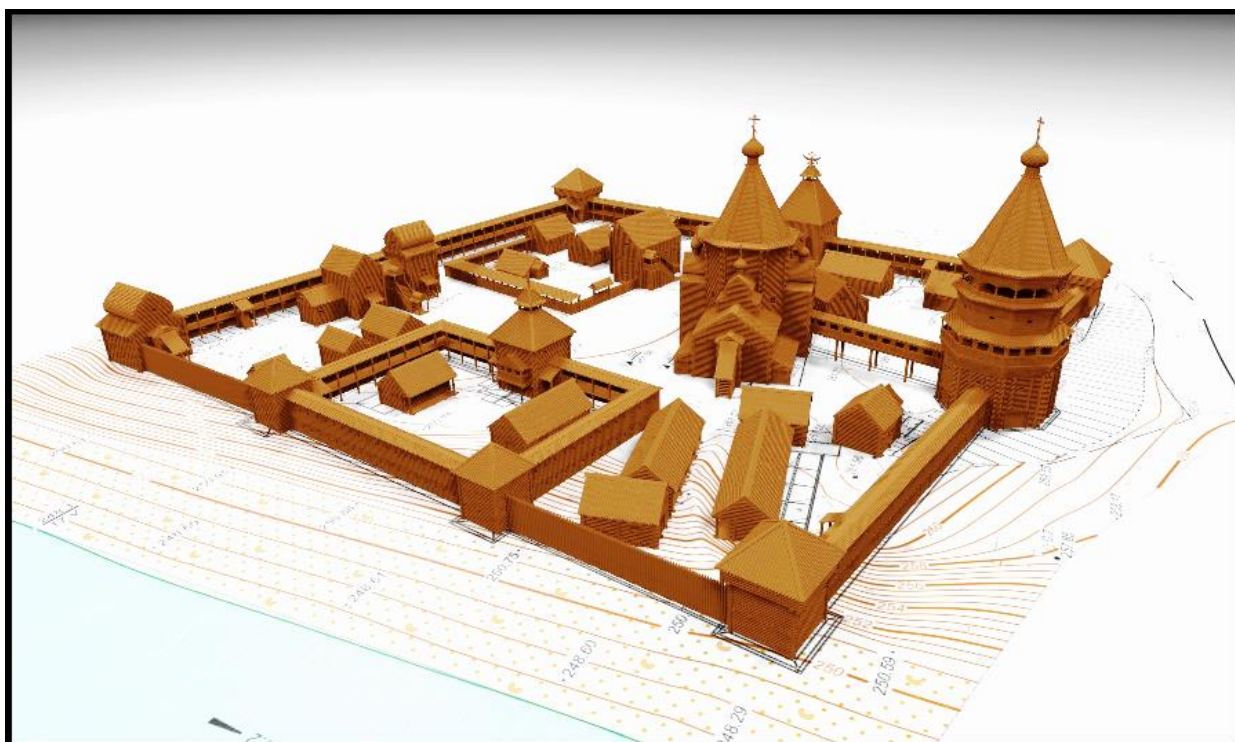

Рис. 5. Детальная 3D-модель острога, реализованная на основе топоплана.

Последний этап заключался в адаптации подробной модели к трехмерной печати. А именно, потребовалась разбивка больших моделей на составные части и увеличение малых деталей до размера удовлетворяющему разрешающей способности 3D-принтера. Трехмерная репликация крепости в масштабе 1:72 стала основой экспозиции посвященной Алабзинскому острогу, располагаемой в Научном музее Амурского государственного университета (рис. 6).

В заключение раздела стоит отметить, что доступная информация и современные информационные технологии позволили достаточно точно воссоздать облик утраченного архитектурного

объекта не противоречащему единственному графическому представлению крепости, а именно, рисунку «Luosha». Кроме того представленный алгоритм был апробирован при реконструкции отдельных частей Алабзинского острога 1685 года [10, с. 13-29; 33, с. 123-131], Алабзинской деревоземляной крепости 1686 года [9, с. 3-24; 19, с. 70-81; 20, с. 110-118; 21, с. 56-65], а также при реконструкции Нерчинского острога [23, с. 119-131; 30, с. 139-145]. Обращаясь к рисунку, стоит отметить, что помимо крепости на нем обозначен еще один не менее важный для истории крепости архитектурный объект, а именно, Спасский монастырь.

Рис. 6. Макет острога, экспонируемый в Научном музее Амурского госуниверситета.

Второй по важности объект, поиски которого являются актуальными для исследователей и по сей день, является Алабзинский Спасский монастырь. Проблемы поиска сооружения связаны в первую очередь с тем, что существующие архивные источники XVII века скупо описывают сооружение и его расположение, а также допускают существенные разночтения [1]. Анализ источников выявил следующие факты, а именно, монастырь располагался в урочище «Брусняной камень» на удалении примерно одной версты вверх по Амуру, кроме того, монастырю принадлежал табун лошадей, пашня и водяные мельницы [4, с. 28-43; 11, с. 34-50; 29, с. 53-58].

В свою очередь, решение рассматриваемой проблемы потребовало привлечения геоинформационных систем, которые могут обеспечить информацией о рельефе местности вокруг крепости и дать возможность сопоставить факты, описанные в архивных источниках [6, 28, с. 10-16].

Стоит отметить, что первые исследования в

данном направлении были начаты Р.К. Мааком в середине XIX века, и продолжались до середины XX века краеведами, изучавшими территории, прилегающие к острогу. В 70-е годы в ходе археологических раскопок Алабзинского острога В.В. Сухих, С.Г. Глинский и Б.С. Сапунов провели разведку в устье впадающей в Амур реки Ульдугичи, с нижним течением которой местные жители издавна связывали местоположение монастыря [6]. При этом были обнаружены характерные западины, располагаемые на расстоянии пяти километров от крепости. Однако исследование, проведенное сотрудниками Алабзинской археологической экспедиции, установило, что данная находка не принадлежала исследуемому временному периоду. И наконец, исследование, проведенное в 80-90-е годы А.Р. Артемьевым, выявило на расстоянии четырех километров от крепости несколько новых западин, однако после было доказано, что находка принадлежала остаткам поселения нерусского происхождения [3].

На текущий момент наиболее перспективным местом расположения монастыря считается территория, связанная с устаревшим названием урочища «Брусняной камень», а именно возвышенный скалистый участок берега Амура, который сейчас занят пограничной заставой [5]. Достаточно очевидно, что основное противоречие данного решения заключается в заметном превышении расстояния от крепости до предполагаемого места, а именно, согласно источникам, расстояние от монастыря до острога не должно было превышать одной версты, т.е. около одного километра.

Стоит отметить, что первостепенным в

данном исследовании остается вопрос нахождения местоположения русла реки «Мельничная», обозначенной на гравюре Н. Витсена составленной в 1687 году. В свою очередь, прояснить данный вопрос позволяет сопоставление данной гравюры с современной топографической картой исследуемой местности. А именно, сопоставление позволяет выдвинуть предположение, что рассматриваемая река является эквивалентом ныне почти пересохшей реки Шептурка, огибающей территорию Албазинского городища и берущее свое начало в ущелье образованном двумя ближайшими возвышенностями (рис. 7).

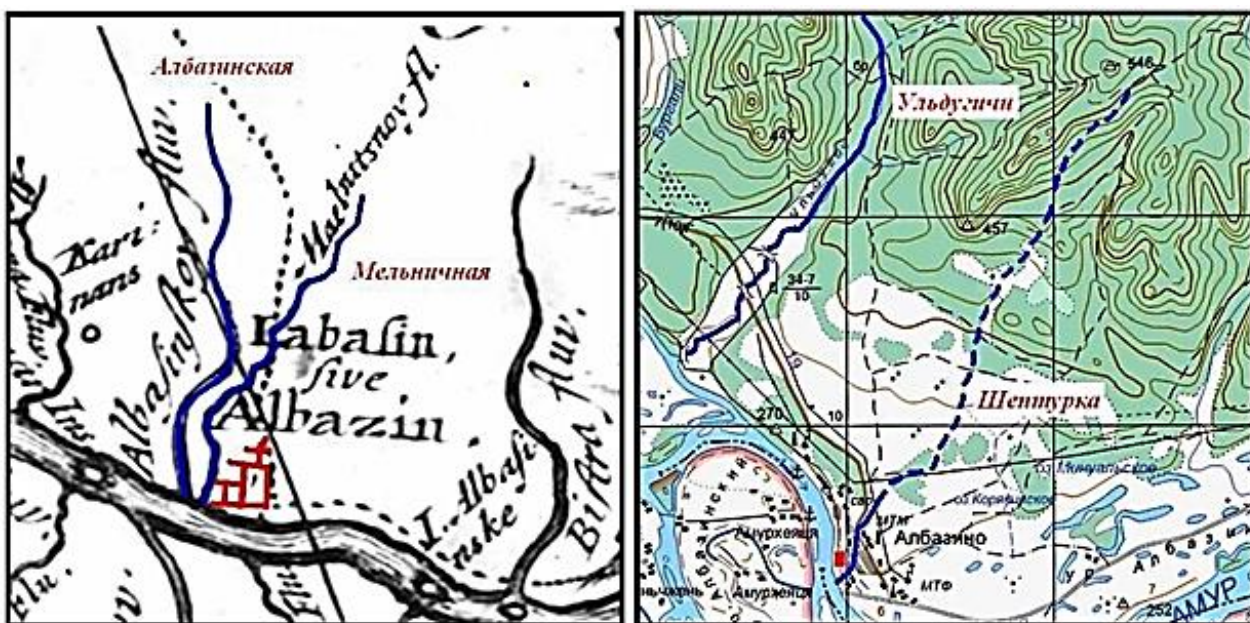

Рис. 7. Историко-географическое сопоставление устаревших и текущих названий рек: фрагмент карты 1687 года (слева); современная топографическая карта (справа).

Данное решение имеет следующее обоснование. Во-первых, схематические обозначения нижних течений рек на карте Витсена, отмеченных как Албазинская и Мельничная достаточно похоже повторяют таковые у реки Ульдугичи и высохшего русла Шептурки. Во-вторых, позиция Албазинской крепости оказывается в устье Шептурки, что соответствует архивным и современным данным. В-третьих, учитывая определение термина «урочище», совокупность исторического русла Шептурки а также двух возвышенностей может быть идентифицировано как урочище «Брусняной камень». Также стоит отметить, что исследуемая речка также была обозначена в виде безымянной реки еще на одной более поздней карте Витсена (рис. 8).

Анализ данного графического источника выявляет достаточно интересные для исследования факторы, а именно, на карте можно

достаточно просто выявить искомое урочище, подходящее под составленное авторами определение. Кроме того, на гравюре представлено обозначение «Белой горы» (п. 10), который можно ассоциировать с соответствующим обозначением на упомянутой выше карте осады Албазинского острога XVII века (рис. 9).

В свою очередь, поиск названного топографического ориентира на современном спутниковом снимке окрестностей села Албазино выявил интересный результат. Предположительно, Белая гора – это скальная возвышенность, занятая пограничной заставой. При этом китайский рисунок указывает на то, что Белая гора и монастырь находились на достаточном удалении друг от друга. Названные обстоятельства вызывают вполне обоснованные сомнения в традиционной теории местонахождения Спасского монастыря.

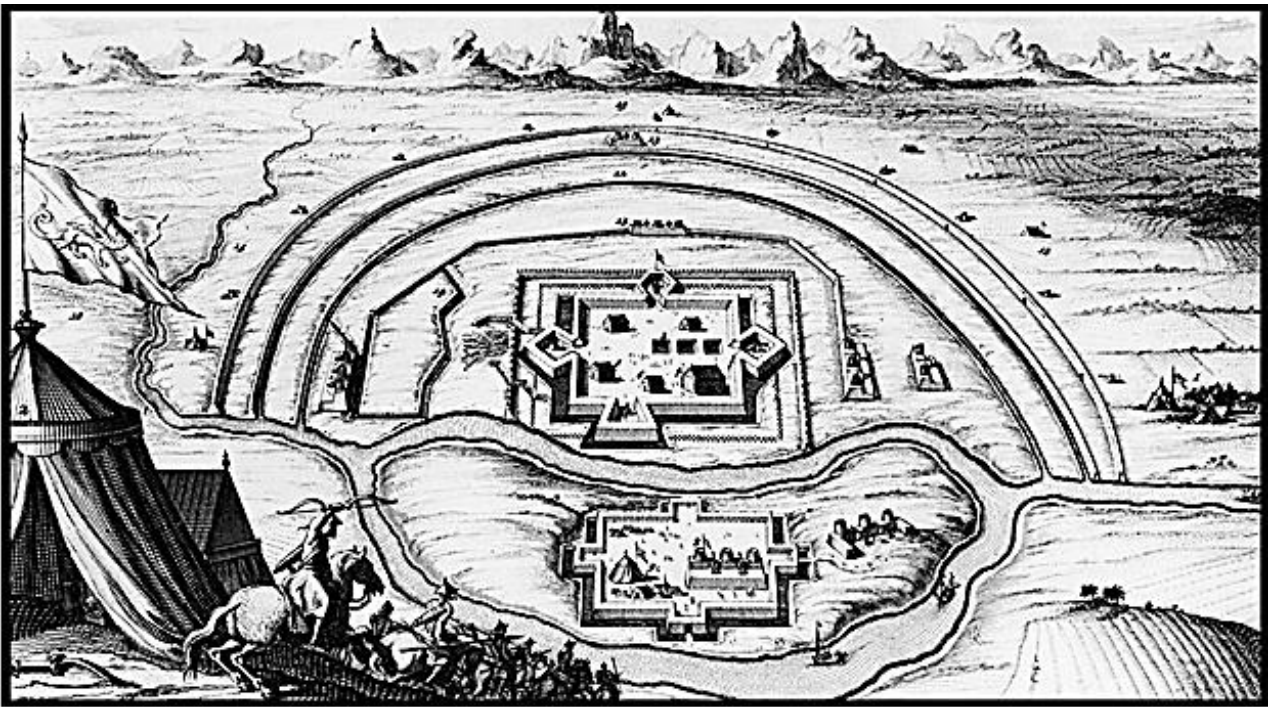

Рис. 8. Гравюра «Осада синцами русского города Албазина, стоящего на притоке реки Амур».

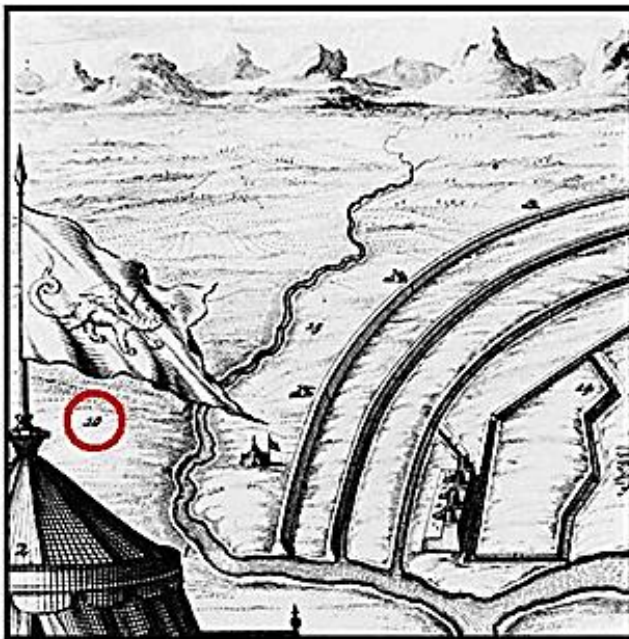

Рис. 9. Идентификация ориентира «Белая гора» на исторических картах: фрагмент карты Витсена (слева); фрагмент рисунка «Luosha» (справа).

Для исправления сложившейся ситуации можно использовать следующий алгоритм. В первую очередь, на современном спутниковом снимке окрестностей острога необходимо очертить круг радиусом в 1 км с центром в Албазинском остроге. Далее, необходимо отметить контур существующего ручья Шептурка и дополнить его остатками контура реки Мельничной. Для сужения круга поиска на полученном плане необходимо воспользоваться следующими тезисами, а

именно, предполагаемая область должна находиться в пределах границы круга и располагаться вблизи русла реки Мельничная. Объективный выбор наиболее эффективного варианта решения данной задачи дает возможность вполне обоснованно утверждать, что монастырь располагался в районе, отмеченным коричневым цветом, то есть на месте современной общеобразовательной школы села Албазино (рис. 10) [22, с. 144-149].

Рис. 10. Авторская интерпретация наиболее вероятного местоположения монастыря: детализация «верстового радиуса» (слева); общий ситуационный план (справа).

Заключение. Применение современных информационных технологий и, в частности, ГИС, а также детализации архивных источников позволяет кардинально изменить смысл исходной исторической информации [12, с. 21–30]. Представленное исследование в очередной подтверждает практическую эффективность ранее использованного алгоритма реконструкции.

В свою очередь, комплексная интеграция всех промежуточных результатов описываемого

исследования позволяет сформировать достаточно полную картину описания места действия. В дальнейшем авторами планируется описать используемое вооружение и корабли, на которых прибыла часть Цинской армии к острогу. Таким образом, с помощью описываемой технологии ожидается получить наиболее детальную картину первой осады Албазина 1985 года, которая может послужить основой для соответствующей виртуальной визуализации исследуемого исторического события.

Список литературы

1. Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2019.
2. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток: Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999.
3. Артемьев А.Р. Отчет о работах Амурского археологического отряда в 1993 году. – Владивосток, 1994.
4. Беляков А.О., Вальчак С.Б., Степанов Д.Ю., Черкасов А.Н., Чхаидзе В.Н. Православное миссионерство на Дальнем Востоке и Албазинская Спасская пустынь // Религиоведение. 2014. № 1. С. 28–43.
5. Вдовина В.Р. Отчет об археологических разведках в селе Албазино Сковородинского района Амурской области в 2022 году. Москва, 2024.
6. Владимиров В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 192 с.
7. Глинский С.В., Сухих В.В. Реконструкция крепостных сооружений Албазинской крепости по археологическим источникам и опубликованным материалам // Записки Амурского обл. краеведческого музея и общества краеведов. Благовещенск, 1992. Вып. 7. С. 17–25.
8. Голубцов Н.З. История древнего города Албазина. – Благовещенск: Тов. Д.О. Мокин и Ко, 1902. 28 с.
9. Еремин И.Е., Коробий Е.Б., Нацвин А.В., Трухин В.И., Лохов А.Ю. Высокотехнологичный макет Албазинского острога // Информатика и системы управления. 2021. № 3(69). С. 3–24.
10. Еремин И.Е., Нацвин А.В., Лохов А.Ю. Онтологическая модель острога Никифора Черниговского // Информатика и системы управления. 2021. № 4(70). С. 13–29.
11. Забияко А.П., Трухин В.И. Албазинский Спасский монастырь: основные вехи истории и результаты исследований // Религиоведение. 2021. № 1. С. 34–50.
12. Ивакин Я.А. Digital Humanities: Междисциплинарный характер применения

геоинформационных технологий в исторических исследованиях // Научный результат. Сер. Информационные технологии. 2016. № 2. С. 21-30.

13. *Козлова Т., Талапов В.* Технология BIM в России: Зашиверская церковь // CADmaster. 2011. № 6. Р. 90-95.

14. *Кочедымов В.И.* Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978.

15. *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988.

16. *Красовский М.В.* Энциклопедия русской архитектуры. Деревянное зодчество. СПб.: Сатисъ, 2002.

17. *Красовский М.В.* Курс истории русской архитектуры. Часть I. Деревянное зодчество. Петроград: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1916. 408 с.

18. *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. – Ч. I. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. – СПб.: Императорская академия наук, 1858.

19. *Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В.* Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. I // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 3. С. 70-81.

20. *Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В.* Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. II // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 1. С. 110-118.

21. *Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В.* Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. III // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 1. С. 56-65.

22. *Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В.* Фактологическое обоснование местонахождения Албазинского Спасского монастыря // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 4. С. 144-149.

23. *Лохов А.Ю., Трухин В.И., Зайцев И.В.* Нерчинский острог 1689 года // Известия лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 119-131.

24. *Маак Р.К.* Атлас к «Путешествию на Амур, совершенному по распоряжению Сибирского отдела Императорского русского географического общества в 1855 году». – СПб., 1859.

25. *Новиков-Даурский Г.С.* Открытие Амура русскими и начало освоения края // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. 1953. Т. 2. С. 28-51.

26. *Носов К.С.* Русские средневековые крепости. – М.: Эксмо, 2013.

27. *Обертас В.Л.* Православные храмы Дальнего востока в эпоху землепроходцев / В.Л. Обертас // Вологодские чтения: материалы научной конференции. – Владивосток, 2004. – Вып. 46–1. – С. 16–19.

28. *Саблин И.В.* Историческая геоинформатика: от визуализации к пострепрезентативному анализу // Историческая информатика. – 2013. – № 1. – С. 10-16.

29. *Степанов Д.* Албазин в XVII веке: военная и духовная крепость Приамурья // Родина. – 2011. – № 12. – С. 53–58.

30. *Трухин В.И., Лохов А.Ю.* Первая православная церковь Нерчинского острога // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2022. – № 1. – С. 139-145.

31. *Трухин В.И., Багрин Е.А.* Албазинский острог в 1665/1666-1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции // История военного дела: исследования и источники. – 2019. – Т. X. – С. 385-431.

32. *Трухин В.И., Крюков В.В.* Албазинское воеводство (сборник документов). – Хабаровск: Библиотека Дальневосточного казачества, 2016.

33. *Трухин В.И., Нацвин А.В.* Реконструкция внешнего облика Воскресенской церкви Албазинского острога // Религиоведение. – 2020. – № 1. – С. 123-131.

34. *Черкасов А., Зайцев Н., Онищук В., Сухоруков Н.* Албазинская экспедиция. Современные геофизические методы в исследовании Албазинского острога // Родина. – 2011. – № 12. – С. 59-63.

35. *Черкасов А.Н., Беляков А.О., Вальчак С.Б., Чхаидзе В.Н.* Исследования Албазинской археологической экспедиции в 2011-2012 годах // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2014. Вып. 7. С. 222-230.

36. Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu. [Between 1697 and 1722, 1697] Map. [Library of Congress] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.loc.gov/item/gm71005078/> (дата обращения 06.06.2024) (in English).

HISTORICAL AND TOPOGRAPHIC MODELING OF THE FIRST SIEGE OF THE ALBAZINSKY PRISON IN 1685. I

This work opens a series of articles, and is its first part, describing the first siege of the state Albazinsky prison that took place in June 1685. Although the siege itself did not last long in terms of duration, the available data from this event significantly allow us to expand the boundaries of historical research. The paper examines the key architectural objects that form

the scene of such a famous historical event. Of particular importance is the presented algorithm of actions, which consists in collecting fragmented and often contradictory historical information about the object under study, systematizing it and embodying it in the form of a ready-made three-dimensional replication or other object required within the framework of the task. The primary issue in this study remains the question of finding the location of the riverbed "Melnichnaya", indicated in an engraving by N. Witsen compiled in 1687. In turn, the comparison of this engraving with a modern topographic map of the area under study makes it possible to clarify this issue. The key feature of the presented research is the active use of three-dimensional modeling technologies, as well as geoinformation systems, which allows us to take a fresh look at the historical events of the heroic confrontation between the Russian pioneers and the many times superior enemy.

Keywords: Albazinsky prison, Albazinsky Spassky Monastery, siege, engraving, reconstruction, topographic plan, three-dimensional model, architectural object.

References

1. Albazinsky ostrog: Istoriya, arkhologiya, antropologiya narodov Priamur'ya [History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region] (2019) / ed. by A.P. Zabayako, A.N. Cherkasov. – Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.
2. Artemyev A.R. (1999) Goroda i ostrogi Zabaykal'ya i Priamur'ya vo vtoroy polovine XVII– XVIII vv. [Cities and prisons of Transbaikalia and Amur region in the second half of the XVII– XVIII centuries]. Vladivostok: Izd-vo Instituta istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN.
3. Artemyev A.R. (1994) Otchet o rabotakh Amurskogo arkhologicheskogo otryada v 1993 godu. [Report on the works of the Amur archaeological team in 1993]. – Vladivostok.
4. Belyakov A.O., Valchak S.B., Stepanov D.Yu., Cherkasov A.N., Chkhaidze V.N. (2014) Pravoslavnoye missiонерство na Dal'nem Vostoke i Albazinskaya Spasskaya pustyn' [Orthodox missionary work in the Far East and the Albazinskaya Spasskaya deserts] // Religious Studies. № 1. pp. 28-43.
5. Vdovina V.R. (2024) Otchet ob arkhologicheskikh razvedkakh v sele Albazino Skovorodinskogo rayona Amurskoy oblasti v 2022 godu [Report on archaeological exploration in the village of Albazino in the Skovorodinsky district of the Amur region in 2022]. Moscow.
6. Vladimirov V.N. (2005) Istoricheskaya geoinformatika: geoinformatsionnyye sistemy v istoricheskikh issledovaniyakh [Historical geoinformatics: geoinformation systems in historical research]. Barnaul: AltSU Publishing House. 192 p.
7. Glinsky S.V., Sukhoy V.V. (1992) Rekonstruktsiya krepostnykh sooruzheniy Albazinskoy kreposti po arkhologicheskim istochnikam i opublikovannym materialam [Reconstruction of the fortifications of the Albazinsky fortress according to archaeological sources and published materials] // Notes of the Amur Region Museum of Local Lore and the Society of Local Historians. Blagoveshchensk. Issue 7. pp. 17-25.
8. Golubtsov N.Z. (1902) Istoriya drevnego goroda Albazina [The history of the ancient city of Albazina]. Blagoveshchensk: Comrade D.O. Mokin and Co. 28 p.
9. Eremin I.E., Korobiy E.B., Natsvin A.V., Trukhin V.I., Lokhov A.Yu. (2021) Vysokotekhnologichnyy maket Albazinskogo ostroga [High-tech layout of the Albazinsky prison] // Informatika i sistemy upravleniya. № 3(69). pp. 3-24.
10. Eremin I.E., Natsvin A.V., Lokhov A.Yu. (2021) Ontologicheskaya model' ostroga Nikifora Chernigovskogo [Ontological model of Nikifor Chernihiv's prison] // Informatika i sistemy upravleniya. № 4 (70). pp. 13-29.
11. Zabayako A.P., Trukhin V.I. (2021) Albazinskiy Spasskiy monastyr': osnovnyye vekhi istorii i rezul'taty issledovaniy [Albazinsky Spassky Monastery: the main milestones of history and research results] // Religiovedeniye. № 1. pp. 34-50.
12. Ivakin Ya.A. (2016) Mezhdistsiplinarnyy kharakter primeneniya geoinformatsionnykh tekhnologiy v istoricheskikh issledovaniyakh Tekhnologiya [Digital Humanities: The interdisciplinary nature of the application of geoinformation technologies in historical research] // Scientific result. Ser. Information technology. № 2. pp. 21-30.
13. Kozlova T., Talapov V. (2011) BIM v Rossii: Zashiverskaya tserkov' [BIM technology in Russia: Russian Church] // CADmaster. № 6. pp. 90-95.
14. Kochedamov V.I. (1978) Pervyye russkiye goroda Sibiri [The first Russian cities of Siberia]. M.: Stroyizdat.
15. Kradin N.P. (1988) Russkoye derevyannoye oboronnoye zodchestvo [Russian wooden defense architecture]. M.: Iskusstvo.
16. Krasovsky M.V. (2002) Entsiklopediya russkoy arkhitektury. Derevyannoye zodchestvo [Encyclopedia of Russian Architecture. Wooden architecture]. St. Petersburg: Satis.
17. Krassovsky M.V. (1916) Kurs istorii russkoy arkhitektury. Chast' I. Derevyannoye zodchestvo [Course of the history of Russian architecture. Part I. Wooden architecture]. Petrograd: The Partnership of R. Golike and A. Vilborg. 408 p.

18. Laskovsky F.F. (1858) *Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii*. – CH. I. Opyt issledovaniya inzhenernogo dela v Rossii do XVIII stoletiya [Materials for the history of engineering in Russia. Part I. The experience of engineering research in Russia before the XVIII century]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
19. Lokhov A. Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2022) *Istoriko-arkheologicheskoye modelirovaniye Albazinskogo ostroga perioda vtoroy osady. I* [Historical and archaeological modeling of the Albazinsky prison during the second siege. I] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 3. pp. 70-81.
20. Lokhov A. Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2023) *Istoriko-arkheologicheskoye modelirovaniye Albazinskogo ostroga perioda vtoroy osady. II* [Historical and archaeological modeling of the Albazinsky prison during the second siege. II] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 1. pp. 110-118.
21. Lokhov A. Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2024) *Istoriko-arkheologicheskoye modelirovaniye Albazinskogo ostroga perioda vtoroy osady. III* [Historical and archaeological modeling of the Albazinsky prison during the second siege. III] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 1. pp. 56-65.
22. Lokhov A. Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2022) *Faktologicheskoye obosnovaniye mestonakhzhdeniya Albazinskogo Spasskogo monastyrya* [Factual substantiation of the location of the Albazinsky Spassky monastery] // *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. № 4. pp. 144-149.
23. Lokhov A. Yu., Trukhin V.I., Zaitsev I.V. (2021) *Nerchinskiy ostrog 1689 goda* [Nerchinsky ostrog of 1689] // *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*. Vol. 17. № 4. pp. 119-131.
24. Maak R.K. (1859) *Atlas k «Puteshestviyu na Amur, sovershennomu po rasporyazheniyu Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva v 1855 godu»* [Atlas to "A trip to the Amur River, made by order of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1855."]. St. Petersburg.
25. Novikov-Daursky G.S. (1953) *Otkrytiye Amura russkimi i nachalo osvoyeniya kraya* [The discovery of Amur by Russians and the beginning of the development of the region] // *Notes of the Amur Regional Museum of Local Lore and the Society of Local Lore*. Vol. 2. pp. 28-51.
26. Nosov K.S. (2013) *Russkiye srednevekovyye kreposti* [Russian medieval fortresses]. Moscow: Eksmo.
27. Obertas, V.L. (2004) *Pravoslavnyye khramy Dal'nego vostoka v epokhu zemleprokhdotsev* [Orthodox churches of the Far East in the era of explorers] / V.L. Obertas // *Vologda readings: materials of a scientific conference*. – Vladivostok. Issue 46-1. pp. 16-19.
28. Sablin I.V. (2013) *Istoricheskaya geoinformatika: ot vizualizatsii k postrepresentativnomu analizu* [Historical geoinformatics: from visualization to post-representative analysis] // *Historical computer science*. № 1. pp. 10-16.
29. Stepanov D. (2011) *Albazin v XVII veke: voyennaya i dukhovnaya krepost' Priamur'ya* [Albazin in the XVII century: military and spiritual fortress of the Amur region] // *Rodina*. № 12. pp. 53-58.
30. Trukhin V.I., Lokhov A. Yu. (2022) *Pervaya pravoslavnaya tserkov' Nerchinskogo ostroga* [The first Orthodox Church of the Nerchinsk prison] // *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. № 1. pp. 139-145.
31. Trukhin V.I., Bagrin E.A. (2019) *Albazinskiy ostrog v 1665/1666-1689 gg.: fortifikatsiya i zashchitniki – opyt istoricheskoy rekonstruktsii* [Albazinsky prison in 1665/1666-1689: fortification and defenders – the experience of historical reconstruction] // *History of military affairs: research and sources*. Vol. X. pp. 385-431.
32. Trukhin V.I., Kryukov V.V. (2016) *Albazinskoye voyevodstvo (sbornik dokumentov)* [Albazin voivodship (collection of documents)]. Khabarovsk: Library of the Far Eastern Cossacks.
33. Trukhin V.I., Natsvin A.V. (2020) *Rekonstruktsiya vneshnego oblika Voskresenskoy tserkvi Albazinskogo ostroga* [Reconstruction of the external appearance of the Resurrection Church of the Albazinsky ostrog] // *Religiovedeniye*. № 1. pp. 123-131.
34. Cherkasov A., Zaitsev N., Onishchuk V., Sukhorukov N. (2011) *Albazinskaya ekspeditsiya. Sovremennyye geofizicheskiye metody v issledovanii Albazinskogo ostroga* [Albazin expedition. Modern geophysical methods in the study of the Albazinsky prison] // *Rodina*. № 12. pp. 59-63.
35. Cherkasov A.N., Belyakov A.O., Valchak S.B., Chkhaidze V.N. (2014) *Issledovaniya Albazinskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2011-2012 godakh* [Studies of the Albaza archaeological expedition in 2011-2012] // *Traditional culture of the East of Asia*. Blagoveshchensk: Publishing House of the Amur State University. Issue 7. pp. 222-230.
36. Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu. [Between 1697 and 1722, 1697] Map. [Library of Congress] [Electronic resource]. – URL: <https://www.loc.gov/item/gm71005078> / (accessed 06.06.2024) (in English).

Об авторах

Лохов Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры тактики, Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, Благовещенск, (Россия), e-mail: kluger999@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Еремин Илья Евгеньевич – доктор технических наук, профессор, профессор Кафедры информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет (Россия), e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Нацвин Алексей Викторович – аспирант Кафедры информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет (Россия), e-mail: natsvin1998@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Lokhov Alexey Yuryevich – Candidate of historical sciences, associate professor of the Department of tactics Far Eastern higher combined arms command of the order of Zhukov, Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky school, Blagoveshchensk, (Russia), e-mail: kluger999@inbox.ru ; <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Eremin Ilya Evgenievich – Doctor of technical sciences, Professor, professor of the Department of information and control systems, Amur state university (Russia), e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru ; <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Natsvin Alexey Viktorovich – Postgraduate student of the Department of Information and control systems, Amur state university (Russia), e-mail: natsvin1998@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Макаров Я.Ф., аспирант, старший преподаватель, Смоленская православная духовная семинария (Россия)

ПРОЦЕСС ОБЪЕДИНЕНИЯ СМОЛЕНСКИХ ОБЩИН БАПТИСТОВ И ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН (ПАШКОВЦЕВ) В 1919-1925 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКИХ АРХИВОВ)

Статья посвящена изучению слияния двух близких по духу церквей в Смоленске, - «евангельских христиан» и «евангельских христиан баптистов». Начавшийся в 1919 г. в Смоленской общине баптистов, через присоединение к ней членов группы евангельских христиан, этот процесс продолжался вплоть до 1923 г. В нем участвовали не только представители местных городских общин, но и посредники, такие как Всероссийский союз евангельских христиан баптистов, и губернские общины Смоленщины – такие как Тростянская община. Однако быстро произошедшее интеграция, без четко выработанной системы вступления, привело к тому, что общины баптистов и евангельских христиан не только не смогли объединиться в единую структуру, но и фактически остановили всякое общение. По окончании межцерковного диалога, евангельские христиане численно выросли за счет миссионерской деятельности в общинах баптистов, к которым присоединились, а баптисты в свою очередь теряли своих членов, переходящих к евангельским христианам. Автор статьи делает предположение, что значительное увеличение евангельских христиан по сравнению с баптистами к 1925 г., было, в том числе связано с этим процессом.

Ключевые слова: евангельские христиане и баптисты, Смоленский баптизм, протестантизм на Смоленщине в 20-е гг. XX века, начало объединения евангельских христиан и баптистов.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-83-89

Введение. На территории России во второй половине XIX века протестантская деноминация — баптизм — быстро завоевала популярность среди местных жителей, ответив на духовные поиски времени. Корни российского баптизма можно было обнаружить как среди европейских колонизаторов, приехавших осваивать южные территории страны, так и среди коренного населения. Ввиду различных истоков своего появления, связанных в первую очередь с социально-религиозным расслоением людей, принимавших учение баптизма, и географической разбросанностью его очагов, — баптизм на протяжении своего становления в России был многосоставным. В широкое понятие «баптизм» входили ответвления различного толка — «штундисты», «пашковцы», «евангельские христиане баптисты» и др. По своему внутреннему и догматическому учению они, за редким исключением, были идентичны, с одной только оговоркой, что одних можно было отнести к «общим» баптистам, а других — к «частным»¹. Сознывая свою малочисленность по сравнению с государственной религией - православием, терпя определенные стеснения со стороны властей, а главное, ощущая чувство братской близости, разрозненные группы баптистов с конца XIX в. формировали совместные союзы, конференции и собрания, на которых ставился вопрос о слиянии.

В 1884 г. лидер одного из ответвлений В.А. Пашков пытался объединить различные

баптистские деноминации, но ему этого не удалось [10, с.51-57]. Последующие лидеры, продолжили многочисленные попытки межцерковного диалога, которые, впрочем, часто встречали оппозицию, ввиду сохранившегося соперничества между религиозными группами за паству. Подобная тенденция, в конце концов, привела к тому, что к 1905 г. после издания Манифеста «о веротерпимости», «евангельские христиане» (в основе своей «пашковцы» и «штундисты») и «евангельские христиане баптисты» стали наиболее оформленными административно и догматически, позволив довольно быстро легализоваться в условиях относительной религиозной свободы. Постепенно эти две группы вытеснили из религиозного поля, или как минимум впитали в себя более мелкие баптистские «формирования», укрепив свои позиции и ознаменовав новый этап в экуменическом «узкобаптистском» диалоге, происходящем отныне между ними [11, с.162].

К 1917 г. состоялось 22 всероссийских съезда «евангельских христиан баптистов», 4 всероссийских съезда «евангельских христиан» и на их основе 2 объединённых съезда баптистов и евангельских христиан [14, с.134]. С учетом того, что объединение двух деноминаций станет возможным только к 1944 г., многие баптистские и евангельские общины в регионах либо начали процесс сближения намного раньше, постепенно сливаясь в единую организацию, либо наоборот -

© Макаров Я.Ф.

© Makarov Ya.F.

¹ Частные баптисты, являющиеся сторонниками Кальвинизма в вопросах предопределения, верили, что Распятие Иисуса Христа спасло не все человечество, а только избранных Богом, которых Он своей благой волей предопределил к спасению. Общие баптисты, напротив, отвергали этот постулат, веря, что искупительная жертва Иисуса Христа спасла всех без исключения, следовательно, дальнейшая судьба верующего зависела прямо от его свободной воли и жизни во Христе.

ему противились, укореня межцерковные противоречия. Особенно заметным это явление станет после совместного постановления двух течений в Петрограде в сентябре 1919 г., которое было разослано всем общинам в виде обращения «о единстве». В нем говорилось, что «помимо общих основ веры и молитвенного общения между ними [евангельскими христианами и баптистами]... [церкви] решили: — обмениваться проповедниками и объявлениями в собраниях; — оповещать друг друга о принятии новых членов церкви и об отлучении; — устраивать совместные собрания, в том числе и с Хлебопреломлением... К такому единству мы приглашаем все общины евангельских христиан и баптистов России» [9, с.192-193]. Подобное постановление, наряду с постановлением Всероссийского союза баптистов в г. Москве (1921 г.), принявшим решение о создании совместного «комитета по объединению», ввиду недостоверной информации или неправильного понимания, часто воспринималось отдаленными общинами как совершившийся факт, а не первые шаги в длительном процессе объединения, порождая путаницу. Это путаница усиливалась слухами относительно создания двух новых единых центров «баптистско-евангельского союза», - Москвы и Петербурга, спровоцировав серию двухстороннего диалога по всей России [13, с.37]. Так после полученных известий еще в 1919 г. прошли окружные собрания ЕХ с ЕХБ в Оренбурге, Самаре, Пензе и других городов, продолжавшиеся в течение всех 20-х г. Не исключением стала и Смоленщина, что могло обуславливаться не только внешними условиями, но и внутренними.

В Смоленской губернии общины ЕХБ и ЕХ часто находились не только в одном городе или районе, но и на одной улице [8, Л. 1-2, 36-37]. Поддерживая чистоту своей веры, в том числе, через тесные семейные связи, члены обеих групп, вступали между собой в эндогамные браки, а при конфликтах внутри своих церквей открыто переходили из одной общины в другую, размывая межцерковные границы. Тесное соприкосновение Смоленских общин и станет катализатором для первых попыток к взаимному диалогу ЕХБ и ЕХ.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования выступает межцерковной диалог между ЕХ Смоленщины и Смоленской общиной ЕХБ. Методологическую основу исследования составляет историко-генетический и типологический методы.

Результаты и их обсуждение. В смоленской губернии ЕХ («Пашковцы») и ЕХБ появились в конце XIX в. С момента своего основания, общины динамично развивались, вызывая опасение со стороны государственных властей. Против них организовывались компании, выpusкались

постановления, готовились специальные миссионеры. Борьба, однако, не давала существенных плодов и баптизм, в первой четверти XX в. стал самой многочисленной группой среди всех прочих «сектантов» Смоленщины. К 1925 г. в губернии насчитывалось 27 общин и 2 группы ЕХ общей численностью 1911 человек и 9 общин ЕХБ общей численности более 400 человек [6, Л. 55]. Впрочем, важно отметить, долгое время церковные и местные власти воспринимали их как единое движение, называя все группы – «штундистами», поэтому проследить развитие баптистских общин, на протяжении первых десятилетий своего существования отдельно друг от друга представляется трудным или вовсе невозможным, что затрудняет исследование [1, с. 19-20; 16, с.495].

Начало межденоминационного процесса между ЕХ и ЕХБ в Смоленске можно довольно точно определить. Он начался в 1919 г. и окончился в 1922 г., продлившись 3 года. В это время Смоленская церковь насчитывала не менее 25 активных членов и являлась центром баптизма губернии. Вероятно, именно поэтому слияние происходило именно на ее основе через присоединение членов ЕХ к общине ЕХБ. Став формально частью ЕХБ, более тесного единения с ЕХ, однако, не произошло, вследствие возникающих между двумя группами конфликтов [4, Л. 2]. Суть конфликтов, как и условия вхождения в общину, нам доподлинно не известны. Исходя из анализа споров других баптистских церквей, и при учете однородности догматического учения, можно предположить, что разногласия были в связи с условиями вступления ЕХ. По мысли лидеров евангельских христиан, слияние должно было произойти постепенно и на федеративных началах, объединяя во взаимопомощи два течения, но сохраняя при этом независимость двух союзов баптистов и евангельских христиан. Следовательно, проецируя эту мысль на общину, при совместных богослужениях, братской взаимовыручке, деятельность каждой из групп должна была быть независимой и отдельной друг от друга, хотя и согласованной. Баптисты, в свою очередь, на ранних этапах, хотели, полного объединения, через создание единого союза и единых общин [14, с.133-136]. Могли укоренять разногласия также и вопросы политической жизни страны. Хотя и баптисты, и евангельские христиане, исходя из своего понимания роли церкви в обществе, были аполитичны, их отношение к вопросам государства на практике существенно разнились. Если баптисты старались рассматривать будущее России с точки зрения дальнейшего ее развития, примыкая к политической дискуссии времени, то евангельские христиане старались избегать публичных рассуждений, исполняя

главный постулат своего учения – отделения церкви от государства. Это, предположительно и послужило главными причинами последующего размежевания [15, с.405].

Конфликт между братскими церквями дошел до такой точки кипения в Смоленской «объединенной» церкви ЕХБ, что стал общеизвестным в масштабе страны. На Всероссийском съезде Евангельских Христиан Баптистов («ВСЕХБ»), прошедшем в Москве в мае-июне 1920 г. участвовали баптистские общины со всей страны, - включая Смоленскую. На повестке дня были как насущные проблемы, связанные с внутренней жизнью общин, миссионерской деятельностью и др., так и давно возникший вопрос объединения с ЕХ. В ходе докладов о жизни и деятельности баптистов в регионах, особо выделялся – зачитанный делегатами Смоленщины 31 мая¹. В нем говорилось о плачевном «положение Смоленской общины баптистов», ставшей одной из тем собрания, и очередной вехой в экуменическом движении [12, с.10]. Несмотря на то, что на самом съезде не каких решений выработано не было, на очередном заседании коллегии совета ВСЕХБ (при участии кандидатов и членов наблюдательного совета), - 20 сентября 1920 г. - было заслушано «заявление Смоленской Общины о присылке брата для упорядочения внутренней жизни Смоленской общины и устранения трений между баптистами и евангельскими христианами» [3, Л. 18]. В ответ коллегия совета для урегулирования противоречий направила брата В.С. Бурмистрова [Там же, Л. 19]. Продолжившийся двухсторонний диалог при посредничестве Всероссийского союза в Смоленске, однако, не дал существенных результатов, в связи расколом Евдокимова [Там же, Л. 18].

В 1921 г. некто С.И. Евдокимов, один из присоединившихся евангельских христиан, во время своей миссионерской деятельности по привлечению новых членов в общину, ходил и «вербовал членов в свой союз по квартирам», а «когда собрал достаточную группу», которая превышала числом членов ЕХБ, «захватил собрание, [и] помещение которое несколько лет принадлежало Баптистам», образовав на месте собрания, по сути, новую общину ЕХ [4, Л. 2]. Лишенная своего недвижимого имущества (Покровская гора №12), община ЕХБ была вынуждена в срочном порядке просить жилищную комиссию губернии о новом здании для отправления богослужений. 3 февраля 1921 г. общине предоставили

«помещение №5 на Покровской горе» [5, Л. 9]. Таким образом, на одной улице появились две враждующие, но в тоже время – баптистские церкви. Данные обстоятельства хорошо вписываются в упомянутые разногласия, когда община ЕХ, формально присоединившись, продолжала свою деятельность автономно в рамках своей деноминации, а ЕХБ, стремившаяся к полному объединению, - наоборот - воспринимала это как раскол, направленный на укоренения в пастырской зоне ответственности ЕХ, в обход ЕХБ. Об этом может говорить и некоторые упоминания в докладе члена Смоленской общины А.И. Бруева на первом губернском съезде баптистов, где указывалось, что ЕХ не только поступили «не по-христиански», но и делали акцент «в пользу разделения работ Евангельской проповеди» [4, Л. 2]².

В это же время, Смоленская община, ввиду нехватки пасторов, просила Петроградскую общину прислать ей священнослужителей. 5 февраля 1921 г. Петроградская община ответила, что не может прислать духовенство т.к. «сейчас в этом имеется большая нужда. Братья-работники не успевают обслуживать свой район... Недостаток в проповедников ощущается большой, а посему сообщаем вам, что в Петрограде произошло слияние Общин Евангельск. и Бапт. Хорошо было бы и вам, объединившись вместе с Евангелистами, работать вместе» [5, Л. 12]. Этот ответ, явно контрастировал с постановлениями Всероссийского съезда ЕХБ в Москве, где на заседаниях 1920-1921 г. говорились про невозможность совместного объединения с ЕХ по независимым от ЕХБ причинам. Получалось что в одном центре баптизма, - Петрограде процесс объединения завершился, а в другом - Москве, ввиду неутихающих споров, - затягивался, приводя к сопротивлению среди братьев. Несмотря на то, что каждая баптистская церковь являлась самостоятельным автономным образованием, которая свободно могла проводить независимую от всех союзов и организаций политику, - Смоленская община была тесно связана с Москвой и Петроградом, о чем свидетельствует активная переписка, многочисленные просьбы, и взносы, отправляемые из Смоленска в эти баптистские центры. Связь с двумя столичными общинами, указывает на определённый вектор развития Смоленской общины ЕХБ, часто равнявшийся на своих «старших» собратьев. Принимая постановления Москвы и Петрограда, Смоленская община, находившаяся под их влиянием, могла свободно выбирать, исходя из обстоятельств, по какому пути им необходимо двигаться в политике

¹ От Смоленской губернии приехало 3 делегата: Смоленская община - И.А. Бруев, Ключовская община В.Я. Харченко, Тростянская община И. Е. Гаврилин. [12, с.1].

² В протоколе Смоленского съезда ЕХ в 1927 г. - С.И. Евдокимов обсуждался в контексте общин ЕХ. Это может указывать на то, что Евдокимов не смотря на свою деятельность по отношению к ЕХБ, продолжал оставаться видным членом ЕХ. Подобное положение, безусловно, могло стать – причиной усиления недовольства ЕХБ к ЕХ.

объединения. Страдая от нехватки духовенства, миссионерской конкуренции с евангельскими христианами, нехватки средств и географической растянутости между своими приходами в губернии, Смоленская община ЕХБ при удачном слиянии с ЕХ могла если не решить все необходимые проблемы, то, во всяком случае, сузить их масштаб и принести несоизмеримую пользу, делая подобный союз взаимовыгодным. Поэтому принимая во внимание местные проблемы, Смоленская община ЕХБ, несмотря на раскол Евдокимова, пошла по пути Петроградской и Московской общин, продолжив политику «сближения». В этом ей помогли и местные общины ЕХБ.

21-22 апреля 1922 г. по предложению Тростянской общины баптистов в деревне Тростянки, Смоленская губерния, состоялся объединённый съезд ЕХ и ЕХБ, где присутствовали представители Смоленских и Мстиславских общин. Примечательным является то обстоятельство, что Смоленская община долгое время колебалась в отношении того, послать ли своего представителя на съезд, или нет. На это указывает несколько обстоятельств. 1. Смоленские делегаты не участвовали в первом дне съезда 2. 22 апреля в день закрытия съезда, по инициативе приехавшего из Москвы в Смоленск представителя ВСЕХБ М.И. Евдокимова, посланного для помощи в создании Смоленского губернского союза Баптистов, было организовано собрание Смоленской общины. На нем, вероятно под влиянием М.И. Евдокимова (в Москве в это время ВСЕХБ вела очередные переговоры об объединении с ЕХ) было принято решение послать от общины брата И.М. Морозова «снабдив его всеми вопросами» [5, Л. 23]. Морозов, исходя из времени решения отправки его на «тростянский» съезд, приехал в конце заседания, пропустив все основные обсуждавшиеся темы. К ним относились: 1. Вопросы миссии (Евангельская проповедь) 2) «Об организации общин и групп» 3) «Возникшие на съезде вопросы» [Там же, Л. 19-20]. Последний пункт, обсуждался в завершении съезда, когда приехал Морозов. С учетом того, что протоколы собрания, не дают подробного описания принятых на съезде решений, последующие упоминание ЕХ свидетельствует об отсутствии примирения с ЕХБ и укоренение противоречий.

6 октября 1922 г. на совещании представителей общин ЕХБ Смоленской губернии, обсуждался численный спад баптистов. По докладу Смоленской, Печерской, Тростянской, Клюковской, Трисвятской общин и Зиньковской и Липковской групп за 1922 г. рост баптистов составил всего 20 человека в Трисвятской общине. Представители указанных общин связали подобные показатели с евангельскими христианами [4, Л.

5]. «В большинстве случаев, говорилось в докладе, причина неуспеха в деле духовного роста общин служило то, что в общины баптистов влиялись Ев. Хр. сеющие смуту, разделения и тем, причиняя вред духовному возрастанию общин», чем «сильно портили... и мешали общей работе» [Там же, Л. 5-6]. Следовательно, из доклада можно сделать вывод, что процесс объединения происходил не только в Смоленской общине, но и по всей губернии затрагивая главные очаги губернского баптизма. Более того - часто находясь в непосредственной географической близости, формально объединившись, общины ЕХ и ЕХБ не только конкурировали за паству, но и в условиях идентичной догматической системы переманивали членов общин друг друга. Само по себе это явление не было новым и узко региональным. Еще в 1917 г. во Владивостоке, а затем 1919 г. в Петрограде на совместных совещаниях ЕХ и ЕХБ были предложения, связанные с отлучением из общин членов «неправильно» принятых в баптистские церкви. Прежде всего, эти предложения, касались укоренившейся практики перехода в соседнюю деноминацию. Получалось так, что верующие, отлучённые за проступок в одной общине (например, ЕХБ), свободно переходили в другую (например, ЕХ) нарушая канонические правила [9, с. 192]. Хотя в ряде постановлений съездов ЕХ и ЕХБ в Петрограде и Москве порицали подобную практику, принимая ряд решений - против, до определенного времени она продолжала существовать вследствие частого неприятия на местах. На Смоленщине это ощущалось наиболее остро, т.к. местные ЕХ наполнявшие свои церкви членами ЕХБ, поощряли или, во всяком случае, допускали подобную практику, а ЕХБ, терявшие часть паствы, в свою очередь - ее порицали, создав еще одну проблему для объединения. Впоследствии, это приведет к тому, что ЕХБ пойдут по такому же пути, став принимать «отпавших» в результате канонических «прещений», которые ЕХ допускали в отношении своих членов. На 7 Смоленском Губернском съезде ЕХ в 1927 г. при рассмотрении вопроса об «отношении Евангельских Христиан к другим Религиозным течениям», съезд в отношении к ЕХБ решил, истинно «братски относиться к тем из баптистских общин, которые являются чистыми, т.е. не держащими у себя отлученных и непримиренных с Евангельскими общинами лиц» [7, Л. 83].

В архивах Смоленской общины ЕХБ и Смоленского губернского союза ЕХБ, изъятых в 1925 г. (хранящихся в данный момент в ГАНИСО) до 1925 г., нет ни одного последующего упоминания о диалоге, обсуждениях или сотрудничестве двух баптистских церквей (за исключением циркулярных информационных посланий Всероссийского

съезда по этому вопросу), что позволяет осторожно предположить, что процесс по объединению на Смоленщине после 1922 г. и до 1925 г. полностью остановился, и не дал существенных плодов. В пользу этого предположение, например, также говорят и сохранившиеся в 1925 г. постановление Смоленского союза ЕХ, где нет, не одного пункта с упоминанием общины ЕХБ. Не смотря на остановку межцерковного диалога, в широком смысле слова, небольшие очаги локальных, межличностных конфликтов между членами деноминаций продолжались, существенно, правда, не изменяя положение местных общин [2, Л. 73-74, 82,85,89, 90-92; 3, Л. 78].

Заключение. Начавшийся во всей губернии в 1919 г. экуменический диалог между двумя братскими церквями ЕХ и ЕХБ на Смоленщине, активно продолжался до 1922 г. ЕХ формально вливались в общины ЕХБ, но внутренне оставались обособленными, продолжая свою миссионерскую деятельность как внутри приходов ЕХБ, так и за их пределами. Подобное положение приводило к тому, что многие вновь вступившие в ЕХБ члены, переходили к ЕХ, а количество членов губернских приходов ЕХБ существенно подало. Всероссийский союз ЕХБ как один из крупнейших организаций баптистов, ввиду своей политики, направленной на

соединение двух деноминаций, пытался примирить стороны, отправляя для урегулирования своих представителей в Смоленск, но это не дало результатов. Тогда, вероятно, к объединительному процессу добавилась Тростянская община, пытавшаяся организовать совместный съезд ЕХ и ЕХБ, не давших также положительных результатов. Кроме того, по официальным статистическим данным к 1912 г. ЕХ по всей Смоленщине насчитывалось 86 членов, а к 1925 г. уже порядка 2000. В отчетах Союза Безбожников за этот период указывался рост ЕХ, связанный, по мнению составителей, с гражданской войной, и отказом молодежи служить в армии т.к. в первые годы советской власти действовал декрет об альтернативной службе по религиозным мотивам, позволявший членам «сектантских» церквей заменять прямую воинскую повинность, больничным или иным служением. Ввиду перехода многих членов ЕХБ в общины ЕХ, автор статьи предполагает, что этот скачок, помимо военного истока, имел и общеконфессиональный, идущий от общин ЕХБ, терявших за счет «объединения» и миссионерской деятельности ЕХ свою паству. Как итог произошедшего, Смоленская община, как и общины губернии ЕХБ, остановили межденоминационный диалог с ЕХ вплоть до 1925 г.

Список литературы

1. Гавриленков А.Ф. (2019) Отношение государственной власти к секте Пашковцев на территории Смоленской Губернии в начале XX века // История. Общество. Политика. 2019 №3(11). Брянск, с. 19-20.
2. ГАНИСО. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 1. Личный состав общины (анкеты, удостоверения личности членов). Протоколы Собраний.
3. ГАНИСО. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 2. Переписка с Всероссийским союзом, циркуляры, доклад, сообщения кружков молодежи при общинах о деятельности, послания и др. переписка.
4. ГАНИСО. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 3. Переписка со Смоленским губернским (управлением).
5. ГАНИСО. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 5. Переписка общая с лицами и учреждениями (Смоленским губисполкомом).
6. ГАНИСО. Ф.2814. Оп.1. Д.103. Протоколы конференций заседания президиума, орг. Комиссии Смоленского Губернского Союза Безбожников.
7. ГАСО Ф. 161. Оп. 1. Д. 2185. Материалы (протоколы, списки, сведения) об организации и деятельности Смоленского губернского отдела Всероссийского союза ЕХ за 1924-1928 г.
8. ГАСО. Ф. 161. Оп.1. Д. 2190. Книга Административного надзора по регистрации религиозных общин.
9. История Евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: Всесоюзный совет Евангельских христиан-баптистов, 1989, с.192-193.
10. Логвиненко В.Е. (1984) 100-летие первого объединенного съезда представителей евангельских течений в Санкт-Петербурге // Братский вестник №4 СПб. с. 51-57.
11. Никольская Т. (2004) Русский протестантизм на этапе утверждения легализации (1905-1917 гг.)//Theological Reflections №4. с. 162.
12. Отчет всероссийского съезда евангельских христиан-баптистов, состоявшегося в Москве с 27 мая по 6 июня 1920 года. М. с. 1.
13. Потапова Н.В. (2014) Евангельское христианство и баптизм в России в 1917-1922 гг. (на материалах Дальнего Востока) в двух томах. Т.2. Южно-Сахалинск: СахГУ. с. 37.
14. Потапова Н.В. (2014) Российские баптисты и евангельские христиане: к вопросу о происхождении и единстве деноминаций//Теория и практика общественного развития №18. Краснодар: Хорс. с. 134.
15. Потапова Н.В. (2019) Евангельские христиане и баптисты России в революционном процессе

1917–1922 гг.: трансформация идентичности (по материалам конфессиональной прессы) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1-2. М. с. 405.

16. Смоленские епархиальные ведомости № 16. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914, с. 495.

Список сокращений

ГАСО – Государственный архив Смоленской области

ГАНИСО – Государственный архив новейшей истории Смоленской области

ЕХ – Евангельские Христиане

ЕХБ – Евангельские Христиане Баптисты

ВСЕХБ - Всероссийский союз евангельских христиан баптистов

THE BEGINNING OF THE UNIFICATION PROCESS BETWEEN THE SMOLENSK COMMUNITY OF EVANGELICAL BAPTISTS AND EVANGELICAL CHRISTIANS IN 1919-1925. (BASED ON THE MATERIALS OF THE SMOLENSK ARCHIVES)

The article is devoted to the study of the merger of two congenial churches in Smolensk – «Evangelical Christians» and «Evangelical Christian Baptists». This process began in 1919 in the Smolensk community through joining of members of a group of Evangelical Christians and continued until 1923. It involved not only representatives of the local urban communities, but also intermediaries, such as the All-Russian Union of Evangelical Christians Baptists, and provincial communities of the Smolensk region - such as the Trastyan community. However, the rapid integration without a well-developed entry system led to the fact that the communities of Baptists and Evangelical Christians not only failed to unite into a single structure, but actually stopped all communication. At the end of the inter-church dialogue, Evangelical Christians grew in number due to missionary activities in the Baptist communities they joined, and Baptists, in turn, lost their members who turned to Evangelical Christians. The author of the article makes a suggestion that a significant increase of Evangelical Christians in number compared to Baptists by 1925 was, among other things, related to this process.

Keywords: Evangelical Christians and Baptists, Smolensk Baptism, Protestantism in the Smolensk region in the 20s of the XX century, the beginning of the unification of Evangelical Christians and Baptists.

Referenses

1. GANISO. F. 3204. Op. 1. C. 1. The staff of the community (questionnaires, identity cards of members). Meeting Minutes
2. GANISO. F. 3204. Op. 1. C. 2. Correspondence with the All-Russian Union, circulars, report, reports of youth circles at communities on activities, messages, etc. correspondence
3. GANISO. F. 3204. Op. 1. C. 3. Correspondence with the Smolensk provincial (administration)
4. GANISO. F. 3204. Op. 1. C. 5. General correspondence with persons and institutions (Smolensk Gubernatorial Executive Committee)
5. GANISO. F. 2814. Op.1. C.103. Minutes of conferences of the Presidium meeting, org. Commissions of the Smolensk Provincial Union of Atheists
6. GASO F. 161. Op. 1. C. 2185. Materials (protocols, lists, information) on the organization and activities of the Smolensk provincial Department of the All-Russian Union of EX for 1924-1928
7. GASO. F. 161. Op.1. C. 2190. The Book of Administrative Supervision on registration of religious communities.
8. The history of Evangelical Christian Baptists in the USSR. Moscow: All-Union Council of Evangelical Christian Baptists, 1989, pp.192-193
9. Logvinenko V.E. (1984) The 100th anniversary of the first united congress of representatives of Evangelical movements in St. Petersburg // Bratsky Vestnik No. 4 St. Petersburg. pp. 51-57.
10. Nikolskaya T. (2004) Russian Protestantism at the stage of legalization approval (1905-1917)//Theological Reflections No. 4. с. 162.
11. Report of the All-Russian Congress of Evangelical Christian Baptists, held in Moscow from May 27 to June 6, 1920. М. с. 1.
12. Potapova N.V. (2019) Evangelical Christians and Baptists of Russia in the Revolutionary process of 1917-1922: transformation of identity (based on the materials of the confessional press) // State, religion, Church in Russia and abroad. No. 1-2. М. S. 405.
13. Potapova N.V. (2014) Evangelical Christianity and Baptism in Russia in 1917-1922. (based on materials from the Far East) in two volumes. Vol. 2. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhgu. p. 37
14. Potapova N.V. (2014) Russian Baptists and Evangelical Christians: on the question of the origin and unity of denominations//Theory and practice of social development No. 18. Krasnodar: Horse. с. 134.

15. Smolensk Diocesan Gazette No. 16. Smolensk: P. A. Silina Type, 1914, p. 495.

16. Gavrilentov A.F. (2019) The attitude of the state authorities to the Pashkov sect in the territory of the Smolensk Province at the beginning of the XX century // History. Society. Politics. 2019 No.3(11). Bryansk. pp. 19-20.

Об авторе

Макаров Ян Федорович – старший преподаватель кафедры богословских и церковно-исторических дисциплин, Смоленской православной духовной семинарии (г. Смоленск), E-mail: yan.makarov.2020@list.ru

Makarov Yan Fedorovich – Senior lecturer at the Department of Theological and Church Historical Disciplines, Smolensk Orthodox Theological Seminary (Smolensk), E-mail: yan.makarov.2020@list.ru

УДК 9.94

Мязин Н.А., Калужский государственный университет, доцент кафедры истории (Россия).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВА В БЕЛОРУССИИ

На протяжении веков на территории Белоруссии сосуществовали два направления христианства: православие и католицизм. В конце XIX в. стали создаваться протестантские общины, преимущественно принадлежащие к баптизму. В Западной Белоруссии в 1920-1930-е гг. благодаря миссии Густава Шмидта начала распространяться новая протестантская деноминация - пятидесятничество. В послевоенный период под давлением властей, большинство общин белорусских пятидесятников вошли в баптистский союз. В 1991 г. создана Объединенная церковь христиан веры евангельской в Белоруссии, объединившая большинство пятидесятников. В 1990-е гг. белорусские церкви отправляли миссионеров в Россию, в которой в советские годы доля пятидесятников была на порядок меньше, преобладали не зарегистрированные церкви ультраконсервативного характера, менее эффективные в условиях религиозной свободы. В настоящее время протестанты составляют 1.2 % населения Белоруссии, 60 % из них пятидесятники. Большинство пятидесятников входят в состав Объединенной церкви, она является третьей по величине деноминацией Белоруссии. Наибольшее влияние пятидесятничество получило в Брестской области. Протестантизм распространялся прежде всего за счет привлечения православных, миссия среди белорусских католиков, для многих из которых католицизм является частью культурной идентичности была менее успешной.

Ключевые слова: Белоруссия, протестантизм, пятидесятничество, католицизм, православие.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-90-98

Введение. Пятидесятничество появилось в Белоруссии сто лет назад, новой протестантской деноминации удалось добиться существенного успеха в последние три десятилетия, став третьей по числу прихожан деноминацией в стране. В статье рассмотрена история развития реформатских общин в Белоруссии, основное внимание уделено молодой протестантской деноминации пятидесятничеству. Рассмотрено появление пятидесятничества в Белоруссии в н. XX в., основное внимание уделено развитию пятидесятнических общин в Белоруссии с 1980-х гг. до настоящего времени. Проанализировано место пятидесятнических общин в религиозной жизни государства и изменение религиозной политики со временем. Рассмотрено влияние белорусских миссионеров на развитие пятидесятничества в России в конце 1980-х – 1990-е гг.

Объекты и методы исследования. Статья основана преимущественно на белорусской историографии и источниках, автор также посещал белорусские пятидесятнические церкви и российские церкви, основанные белорусскими миссионерами. Уделено внимание анализу статистических данных о конфессиональной принадлежности населения Белоруссии и его изменению. Проведен сравнительный анализ развития пятидесятнических организаций Белоруссии и России. Данная работа может быть полезна как исследователям истории религий, так и специалистам в области государственно-конфессиональных отношений.

Развитие христианства в Белоруссии. Население Белоруссии принадлежит к трем основным направлениям христианства.

Православие закрепилось во время Киевской Руси, католицизм стал активно распространяться с конца XIV в. после принятия Кривской унии - обращения великого князя Ягайло и литовской знати в католицизм. В 1596 г. в результате Брестской церковной унии часть епископов Киевской митрополии перешли в подчинение Папе - образована Русская униатская церковь. Для обычных верующих межденоминационные границы не были непреодолимыми. В Великом княжестве Литовском (далее - ВКЛ) большинство чудотворных икон одинаково почитались католиками, православными и униатами [4, с. 77]. В XVIII в. под давлением властей, большая часть православных приходов перешли в униатство. В конце XVIII в. 80 % населения являлись униатами, 15 % католиками латинского обряда [16, с. 504-506]. Белоруссия вошла в состав Российской Империи в конце XVIII в. в результате разделов Польши. По решению Полоцкого собора 1839 г. белорусские униаты присоединились к Русской церкви, некоторые перешли в католичество.

Первый раз идеи Реформации стали распространяться в Белоруссии в XVI в. Библия и богословская литература издавались на белорусском языке В 1553 г. канцлер ВКЛ Николай Радзивилл Черный перешел в кальвинизм. Были открыты более 200 протестантских церквей, при них создавались приходские школы. После заключения унии Королевства Польши и ВКЛ в 1569 г. последовала Контрреформация и протестантизм полностью исчез.

В конце XIX в Белоруссии во второй раз начали создаваться протестантские общины,

преимущественно баптистские [17, с. 10]. В 1906 г. в США возникла новая протестантская деноминация - пятидесятничество. Пятидесятничество отличает вера в возможность обретения особого духовного опыта - крещения Святым Духом и получение духовных даров, таких как говорение на иных языках (глоссолалия), пророчество и т.д. Пятидесятники и баптисты, в отличие от протестантских церквей первой волны (лютеран кальвинистов и т.д.) не крестят детей, общины имеют фиксированное членство.

Пятидесятничество начало распространяться в 1920-е гг. в Западной Белоруссии, которая входила в состав Польши. Первая пятидесятническая церковь создана в 1923 г. Степаном Ярмолуком в д. Орехово Брестского повета, уже на следующий год община выросла до 100 человек. Новое учение распространялось благодаря местным уроженцам, обращенным во время работы в США, а также «Восточноевропейской миссии Ассамблей Бога», которую возглавил Густав Шмидт. Белорусские пятидесятники входили в состав «Всепольского союза христиан веры евангельской». В Западной Белоруссии действовали около 100 поместных церквей [5, с. 18-21, 26].

В 1946 г. 83 пятидесятнические церкви с 8.9 тыс. прихожан вошли в состав баптистский союз ВСЕХБ на условии отказа от глоссолалии, 28 остались на нелегальном положении [5, с. 27]. В 1940-е гг. в Восточной Белоруссии появились пятидесятники-воронаевцы - последователи другого миссионера Ассамблей Бога - Воронаева, который в 1920-е гг. работал в советской Украине с центром в Одессе [7, с. 44-46]. Воронаевцы несколько отличались обрядовой практикой - они заимствовали обряд омовения ног перед причастием у адвентистов, а также бескомпромиссно отказывались выполнять требования советского религиозного законодательства. В 1970-1980-е гг. часть не зарегистрированных церквей шмидтовцев прошли автономную регистрацию [31, с. 66].

В 1991 г. в Белоруссии насчитывалось 136 пятидесятнических церквей, в которые входили 12.2 тыс. человек, из них 11.1 тыс. - шмидтовцы. Практически все общины шмидтовцев имели регистрацию, воронаевцы входили в состав не зарегистрированного братства [9, с. 281-283]. Наиболее многочисленными были церкви Брестской области. После начала перестройки они направляли группы миссионеров в сибирскую часть России; после открытия границ церкви потеряли часть людей из-за эмиграции, из Брестской области на Запад уехали 500 человек [31, с. 70-71].

Государственно-конфессиональные отношения

Начало 1990-х гг. в Белоруссии, как и в России было временем религиозной свободы и интереса ко всему новому. В стране действовали

миссии из США, ФРГ, Швеции, Южной Кореи и Дании. Постепенно деятельность религиозных организаций была поставлена под контроль государства. Белоруссия в большей степени, чем Россия контролирует конфессиональные отношения. В 1997 г. создан Государственный комитет по делам религий и национальностей, в 2006 г. он преобразован в аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей [21]. Регистрации подлежат общины с числом прихожан от 20 человек. Участие в деятельности религиозной организации, не прошедшей регистрацию или запрещенной решением суда, в соответствии со статьей 193¹ УК РБ (действовала в 2005-2019 гг., 2022 - н.в.) подлежит уголовной ответственности [26]. Государство выступает против участия религиозных лидеров в политической деятельности, это окончательно закреплено Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2023 г. № 334-З [25].

Выходными днями в Белоруссии являются три христианских праздника: Рождество по православному и католическому стилю и Радуница по православному стилю [14].

По мнению автора, в отношении протестантов в Белоруссии существует меньше негативных стереотипов, в сравнении с Россией, это связано в первую очередь с тем, что доля протестантов в населении существенно больше и многие общаются с ними в обычной жизни. Проблемой для евангельских христиан является получение разрешения на строительство молитвенных домов, но из-за прекращения роста большинства церквей актуальность данного вопроса уменьшилась.

Конфессиональный состав населения

По обобщенным данным социологических опросов, проходивших в 2010-е гг. 70-75 % населения Белоруссии православные, 8-10 % католики и 1.2 % протестанты [30, с. 296-299; 15, с. 84], в т.ч. 0.7 % населения - пятидесятники. По данным Всемирного опроса ценностей, доля христиан была максимальной в 2010 г. [33; 34; 35]. По результатам социологии Академии наук Белоруссии доля белорусов, заявляющих о своем участии в религиозных праздниках достигла максимума в 2015 г. и стала уменьшаться [29, с. 98].

Белорусская православная церковь входит в состав Московского патриархата на правах экзархата. Католическая церковь использует белорусский язык в качестве богослужебного. Центр католицизма - Гродненская область, доля католиков в этом регионе в 3.5 раза больше среднего по стране [1], а также самую низкую долю пятидесятнических общин [24]. Католикам присущ более высокий уровень воцерковленности в сравнении с православными [4, с. 191]. Рост пятидесятнических церквей происходил прежде всего за счет обращения православных, для белорусских

католиков, особенно поляков, католицизм является частью национальной идентичности, что уменьшало вероятность обращения [13].

За 1990-2000-е гг. доля протестантов в населении увеличилась почти в 3 раза, основной рост обеспечили пятидесятнические церкви. По оценкам автора, доля пятидесятников выросла с 50 до 60 % протестантов, доля баптистов снизилась с 40 до 30 %. Большой успех пятидесятничества является общемировым трендом, его можно объяснить более активной миссионерской работой, привлекательностью веры в возможность совершения чудес в обычной жизни, а также большей децентрализацией пятидесятничества. Разные общины существенно отличаются между собой, это приводит к большой внутриденациональной конкуренции, но способствует росту деноминации в целом.

Центром белорусского протестантизма является Брестская область, число зарегистрированных протестантских организаций на 30 % больше среднего по стране, доля пятидесятнических организаций в 2 раза больше [24]. В Брестской области имеются крупные протестантские общины: в агрогородке Олышаны с населением 8 тыс. человек строится молитвенный дом пятидесятников на 3 тыс. мест [2], по тысяче человек посещают центральные пятидесятнические церкви Бреста [32, с. 75] и Барановичей [6], баптистский молитвенный дом г. Кобриня вмещает более тысячи человек [31, с. 44]. Брестская область является частью «библейского пояса», вместе с Ровенской (5 % протестантов) и Тернопольской (3 % протестантов) областями Украины [23]. По мнению автора, доля протестантов в Брестской области составляет 2-3 % населения.

По состоянию на 2024 г. в Белоруссии зарегистрировано 599 религиозных организаций пятидесятников, абсолютное большинство из них входят в Объединенную церковь христиан веры евангельской в Республике Беларусь (далее - ОЦХВЕ в РБ) - 526, организации харизматической направленности принадлежат к Христианам полного евангелия - 61, объединение единственников - Христиане веры апостольской - 11 [24]. Ситуация, когда большинство пятидесятников из зарегистрированных церквей объединены в один союз отличает Белоруссию от России, где преобладают два союза: Российская церковь христиан веры евангельской, созданная при участии украинских и белорусских миссионеров и Российский объединенный союз христиан веры евангельской, объединивший ассоциации харизматического направления.

В Белоруссии также имеются пятидесятники, входящие в не зарегистрированное братство Объединенную церковь христиан веры евангельской (далее - ОЦХВЕ, отметим, что ОЦХВЕ и

ОЦХВЕ в РБ разные организации). В Белоруссии не зарегистрированное братство представлено в значительно меньшей мере, чем в России и Украине, так ОЦХВЕ - наследники Воронаяева, а доля воронаяевцев в 1991 г. составляла 9 % от всех пятидесятников, а также тем, что часть церквей ОЦХВЕ в РБ очень консервативны и верующим не требуется альтернатива. В конце 1990-х часть не зарегистрированных пятидесятников были канонически подчинены епископам Украины, другая часть епископам России [7, с. 70].

Объединенная церковь христиан веры евангельской в Республике Беларусь

Союз ХВЕ БССР создан в феврале 1991 г., в него вошли общины, ведущие свое происхождение от Всепольского союза ХВЕ. В 2007 г. Союз ХВЕ в Республике Беларусь был переименован в ОЦХВЕ в РБ.

В 2012 г. богослужения посещали 55 тыс. человек (из них 32 тыс. членов церкви) [11], в 2021 г. число участников богослужений выросло до 60 тыс. [5, с. 34]. Значительное число не являющихся членами церкви связано с большим числом детей.

Многие общины имеют консервативный характер - вместо современной музыки используется хоровое пение, многие женщины на богослужении одевают косынки, в молитвенном доме не звучат аплодисменты. В объединение входят и церкви с более современным служением. В г. Барановичи Брестской области (население 172 тыс.) зарегистрированы три общины ОЦХВЕ в РБ. Богослужения консервативной церкви «Спасение» посещают тысяча человек. Церкви «Вознесенье» (400 прихожан) [27] и «Новая жизнь» (250 прихожан) [19] используют современную музыку, прихожанки не покрывают голову. Среди наиболее крупных церквей Белоруссии больше консервативных, многие из них ведут свое существование с времени СССР.

Служения с современной музыкой более привлекательны для привлечения новообращенных, но интерес белорусов к переходу в пятидесятничество в последние годы не слишком велик. Преимущество получают консервативные церкви с большим числом многодетных семей, многие из детей, вырастая, остаются в церкви. Для консервативных церквей характерен определенный разрыв между поколениями. Отношения церкви и общества не установлены навсегда (как это произошло с не зарегистрированными пятидесятниками), они постоянно пересматриваются, чтобы отвечать на вызовы времени.

В состав ОЦХВЕ в РБ входят две мегацеркви: церковь «Благодать» г. Минска и церковь г. Олышаны. «Благодать» была

зарегистрирована в 1988 г. как «2-е религиозное общество ХВЕ Минска». Городская администрация в 1992 г. выделила земельный участок у станции метро Михалово, на котором в 1996 г. построено здание церкви на 2.4 тыс. мест. В начале 1990-х гг. церковь получала помощь «Международной церкви Благодать» корейско-американского происхождения. Несмотря на международное финансирование, церковь сохранила консервативный характер. В настоящее время Благодать насчитывает 2.8 тыс. крещеных членов церкви. Численность прихожан стабильна, пополнение происходит преимущественно за счет детей верующих родителей. Церковь разделена на 3 региональных отделения, для каждого из которых проводится дополнительное служение в один из будних дней. Региональное отделение состоит из 10 районных отделений, которые включают по 5-6 домашних групп. В церкви действуют 8 взрослых и 8 молодежных групп прославления. Минская церковь оказывает влияние на многие церкви Белоруссии.

В агрогородке Ольшаны с населением в 8 тыс. человек расположена одна из самых крупных протестантских церквей на постсоветском пространстве. Церковь насчитывает более 2 тыс. взрослых членов и 3 тыс. детей, в 2020 г. водное крещение приняли 121 человек, преимущественно эти дети верующих родителей [3]. Ольшанская церковь является примером максимально консервативной церкви ОЦХВЕ в РБ. Члены церкви, как и прихожане не зарегистрированного братства не носят обручальных колец, на служении используется только хоровое пение без музыкального аккомпанемента. При этом вне церкви женщины не носят косынки, на свадьбах выступают свои музыкальные группы. Основным занятием для большинства членов церкви являлось выращивание огурцов в парниках, в настоящее время - фермерство более широкого спектра.

В конце 1980-х - 1990-е гг. в Россию отправлялись группы белорусских миссионеров. Причина заключалась в том, что в советские годы пятидесятничество было значительно сильнее распространено в Белоруссии, в России доля пятидесятников была в 9 раз меньше, а также преобладали не зарегистрированные пятидесятники-воронаевцы, которые не смогли в полной мере воспользоваться появившимися возможностями для миссии. Белорусскими миссионерами открыты церкви в Тыве, Иркутске, Комсомольске-на-Амуре [32, с. 70-71] и Калуге. Общины создавались изначально как независимые российские церкви. В дальнейшем они вошли в состав Российской церкви христиан веры евангельской

(далее - РЦХВЕ), а часть миссионеров остались в России. В настоящее время 3 из 14 членов правления РЦХВЕ уроженцы Брестской области.

Руководителями ОЦХВЕ в РБ церкви являлись:
-Марчук Федор Кондратьевич, 1991-1997 гг.;
-Хомич Сергей Сергеевич, 1997-2014 гг.

Хомич последовательно критиковал деятельность президента Лукашенко А.Г., в 2013 г. он переехал в США. С 2014 г. начальствующим епископом является Цвор Сергей Павлович, в прошлом пастор брестской церкви. В настоящее время руководство ОЦХВЕ в РБ придерживается принципа невмешательства церкви в политику, это связано в т.ч. с тем, что из-за ЛГБТ-пропаганды¹ образ Запада стал значительно менее привлекателен для верующих [10].

ОЦХВЕ в РБ открыты два богословских учебных заведения. Ведется подготовка священнослужителей, регентов хоров и работников реабилитационных центров, обучение проходит в заочной форме. ОЦХВЕ в РБ содержит 18 центров реабилитации алко- и наркозависимых, первый из них был основан в Барановичах в 1995 г. [5, с. 32-33].

Большинство церквей ОЦХВЕ в РБ отличается достаточно скромный характер - к примеру, минская церковь «Благодать» имеет только 5 пасторов на освобожденной должности (получающих зарплату). Ольшанская церковь не собирает десятину, вместо этого используется целевой сбор средств на конкретные нужды. Вместе с тем, это ограничивает возможности социальной деятельности.

Объединение общин христиан полного евангелия

Церковь полного Евангелия основана в 1993 г. при участии основателя международного объединения церковью «Слово жизни» шведского евангелиста Ульфа Экмана и украинских миссионеров Вениамина и Нелли Брух. В состав объединения вошли группы церковью «Калвари», «Новая жизнь», «Новое поколение», «Слово веры», созданные при участии международных харизматических объединений из США, Швеции и Латвии, а также независимые церкви. Организатором выступил основатель церкви «Слово веры» Сакович Александр Васильевич, который стал первым епископом [11]. Объединение полного евангелия носит конфедеративный характер и не имеет общепризнанного лидера.

Основатель минской церкви «Новая жизнь» Вячеслав Гончаренко в 2006-2014 гг. являлся епископом белорусской церкви. В декабре 2023 г. решением Верховного суда Белоруссии минская церковь «Новая жизнь» была ликвидирована, этому предшествовал тянувшийся с 2005 г.

¹ Международное общественное движение ЛГБТ и его структурные подразделения признаны экстремистскими и запрещены на территории России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/>

конфликт из-за того, что власть не согласовала проведенную реконструкцию здания коровника в церковь; обострению конфликта способствовала поддержка пастором участников протестного движения в 2020 г. [28].

Действующий епископ Вороненко Л.П. родился в Латвии, он был первым лидером прославления Латвийской церкви «Новое поколение».¹ С 1992 г. Вороненко проживает в Белоруссии и возглавляет церковь «Новое поколение» в Барановичах, с 2014 г. он является епископом церкви Белоруссии [8].

Церковь полного евангелия также имеет собственную образовательную организацию - Библейский колледж, созданный в 1998 г.

Пятидесятники-единственники

Пятидесятники-единственники отрицают догмат о Троице. Это направление зародилось в дореволюционном Санкт-Петербурге. Появление пятидесятников-единственников в Западной Белоруссии связано с деятельностью Игнатия Казачьего, который принес новое учение из России. На отошедших к Польше территориях в начале 1920-х гг. проживал лидер российских единственников Смородин [20, с. 191]. В настоящее время в Брестской и Гродненской областях зарегистрированы 11 общин единственников.

Выводы. Пятидесятничество начало распространяться в 1920-е гг. в Западной Белоруссии, входящей в состав Польши в результате проповеди местных жителей, вернувшихся из США и Восточноевропейской миссии Густава Шмидта. После объединения страны большинство общин вошли в состав ВСЕХБ или были зарегистрированы позднее в качестве автономных организаций. В позднем СССР доля пятидесятников в Белоруссии в 9 раз превышала показатели России, что во многом являлось наследием лучших условий для миссионерства в Польской Республике, а также следствием большей религиозности населения западных областей.

В 1990-е гг. рост обеспечили действующие церкви, которые в первые годы независимости

получали финансирование от иностранных миссий. В настоящее время пятидесятники составляют 0.7 % населения Белоруссии большинство из них глубоко воцерковлены. Большее распространение пятидесятничества в Белоруссии чем в России является в основном следствием работы миссионеров в Западной Белоруссии в 1920-1930-е гг. Основное объединение пятидесятников - ОЦХВЕ в РБ поддерживает близкие связи с российским союзом РЦХВЕ. Большинство общин отличается консервативный характер служения. Центром белорусского пятидесятничества остается Брестская область, наиболее крупная община расположена в агрогородке Ольшаны. Пятидесятничество распространялось преимущественно среди православного населения, мало затрагивая католиков, для многих из которых католицизм является частью национальной и языковой идентичности - католические богослужения проводят на белорусском языке. В настоящее время рост пятидесятничества замедлился или прекратился. Повторение опыта Латинской Америки, когда пятидесятники за последние полвека смогли существенно потеснить позиции традиционной для макрорегиона католической церкви [18, с. 90-93] не представляется возможным.

Снижение притока новообращенных является частью общего уменьшения интереса к институциональной религии. Церкви пополняются преимущественно за счет детей верующих родителей, в этих условиях преимущественно имеют ультраконсервативные церкви с преобладанием многодетных семей и более ранним возрастом вступления в брак. Следствием цивилизационной принадлежности Белоруссии как к российской, так западной цивилизации, была поддержка оппозиции частью пятидесятников, в последнее десятилетие привлекательность Запада в глазах верующих снизилась вследствие агрессивной поддержки западным истеблишментом ЛГБТ-идеологии, которая не совместима с христианскими ценностями.

Список литературы

1. Адресы касцёлаў. Catholic.by. [Электронный ресурс]. URL: <https://catholic.by/3/kasciol/parishes> (дата обращения: 27.05.2024).
2. Верещагина А.А. Христианские праздники, обряды и таинства в Беларуси в прошлом и настоящем. Минск: Белорусская наука, 2018. 351 с.
3. В агрогородке в Брестской области появится самый большой молитвенный дом в Беларуси. Мой Брест. 24.09.2023. [Электронный ресурс]. URL: http://mybrest.by/news/obshchestvo/v_agrogorodke_v_brestskoy_oblasti_poyavitsya_samyu_bolshoy_molitvennyy_dom_v_bielarusi/ (дата обращения: 27.05.2024).
4. В Ольшанской церкви крестилось более 100 человек. Церковь Благодать ОЦХВЕ. 06.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://grace.by/news/belarus/v-olshanskoi-tserkvi-krestilos-bolee-100>

¹ Деятельность Евангельской христианской церкви «Новое Поколение» (Латвийская Республика) признана нежелательной на территории Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>

chelovek/ (дата обращения: 27.05.2024).

5. Вероучение Объединенной церкви христиан веры евангельской в Республике Беларусь. Минск: Позитив-центр, 2021. 316 с.

6. Господь Спаситель мой, к Тебе взываю я / Песня. Церковь Спасение ОЦХВЕ в РБ. YouTube. 21.11.2022. [Электронный ресурс]. URL:

https://www.youtube.com/watch?v=DrxHqNAnC5k&ab_channel=ЦерковьСпасение (дата обращения: 27.05.2024).

7. Дьяченко О.В. Пятидесятничество в Беларуси: Монография. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова. 2003. 188 с.

8. Епископ. Объединение общин христиан полного Евангелия в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <http://gospel.by/obedinenie/episcop/> (дата обращения: 27.05.2024).

9. Ефимов И. Современное харизматическое движение сектантства. М.: ТОО «Природа и человек». 1995. 319 с.

10. Интервью со старшим пастором церкви «Благодать» Акуленко О.И. Минск. 26.05.2016.

11. История пятидесятнического движения. Теологический институт ХВЕ. [Электронный ресурс]. URL: <https://theology.by/creed/history-of-the-pentecostal-movement> (дата обращения: 27.05.2024).

12. История создания объединения. Объединение общин христиан полного Евангелия в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <http://gospel.by/obedinenie/istorija/> (дата обращения: 27.05.2024).

13. Казмирук М.В. Проблема религиозного обращения белорусской католической молодежи в пятидесятничество. Сборник работ 72-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, 11-22 мая 2015. Минск. В 3 ч. Ч. 2. С. 440-443.

14. Календарь праздничных и нерабочих дней на 2024 год. Президент Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/prazdniki/kalendar-2024>. (дата обращения: 27.05.2024).

15. Карасева С.Г., Шкурова Е.В., Шатравский С.И., Доманская А.И., Казмирук М.В. Некоторые особенности религиозного населения Беларуси (по материалам исследования «Типология религиозности в современной Беларуси», 2012-2015 гг.). Философия и социальные науки. 2016. № 1. С. 82-91.

16. Католическая энциклопедия. М., Издательство францисканцев, 2002. Т. 1. 1906 с.

17. Лисовская Т.В. Зарождение позднепротестантского движения в Беларуси в конце XIX - начале XX в. Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 1 (33). С. 7-18.

18. Мязин Н.А. Распространение пятидесятничества в странах Латинской Америки. Латинская Америка. 2022. № 9. С. 83-97.

19. Новая жизнь. Церковь ОЦХВЕ в РБ. [Электронный ресурс]. URL: <https://nlife.by/> (дата обращения: 27.05.2024).

20. Одинцов М.И. Вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой. История Пятидесятнической церкви в России. XIX-XX вв. СПб. 2012. 504 с.

21. Положение об Уполномоченном и его аппарате. Уполномоченный по делам религий и национальностей Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://belarus21.by/Articles/1417433557> (дата обращения: 27.05.2024).

22. Пост и молитва 2024. Объединение общин христиан полного Евангелия в Республике Беларусь. 06.01.2024. [Электронный ресурс]. URL: <http://gospel.by/post-i-molitva-2024/> (дата обращения: 27.05.2024).

23. Релігійні вподобання населення. SOCIS, Рейтинг. Центр Разумкова. КІПС. Київ, 2015. [Электронный ресурс].

URL: https://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_religion_report_042015.pdf (дата обращения: 27.05.2024).

24. Сведения о количественном росте религиозных общин в Республике Беларусь (1996 - 2024 годы). Уполномоченный по делам религий и национальностей. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belarus21.by/Articles/svedeniya-o-kolichestvennom-roste-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-1996-2020-gody> (дата обращения: 27.05.2024).

25. Сравнительный анализ действующей и новой редакции основных положений закона о свободе совести и религиозных организациях. Law Trend. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawtrend.org/freedom-of-association/sravnitelnyj-analiz-dejstvuyushhej-i-novoj-redaktsii-osnovnyh-polozhenij-zakona-o-svobode-sovesti-i-religioznyh-organizatsiyah> (дата обращения: 27.05.2024).

26. Уголовная ответственность за организацию и участие в незарегистрированных организациях. Law Trend. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawtrend.org/freedom-of-association/ugolovnaya-otvetstvennost-za-organizatsiyu-i-uchastie-v-nezaregistrovannyh-organizatsiyah> (дата обращения: 27.05.2024).

27. Церкви «Вознесенье» г. Барановичи исполнилось 25 лет. Церковь Благодать ОЦХВЕ в РБ.

16.07.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://grace.by/news/belarus/tserkvi-vozneshenie-g.baranovichei-ispolnilos-25-let/> (дата обращения: 27.05.2024).

28. Царква і палітычны крызіс у Беларусі. 12.12.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://belarus2020.churchby.info/czerkov-novaya-zhizn-okonchatelno-likvidirovana/> (дата обращения: 27.05.2024).

29. Шкурова Е.В. Институциональные особенности вовлеченности последователей конфессий Беларуси в религию. Социологический альманах. 2022(13). С. 97-104.

30. Шкурова Е.В. Конфессиональное пространство Беларуси: характеристики и особенности взаимодействия. Социологический альманах. 2021(12). С. 292-304.

31. Языкович В.Р. Традиционные религии и церкви в современной Беларуси: масштабы влияния, направления деятельности. Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1(3). С. 40-49.

32. Ярмолюк С.А. История пятидесятнического движения на Брестчине. Дисс... магистр богословия. Минск. 2012. 110 с.

33. World Values Survey. Wave 5: 2005-2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 27.05.2024).

34. World Values Survey. Wave 6: 2010-2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 27.05.2024).

35. World Values Survey. Wave 7: 2017-2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 27.05.2024).

SPREAD OF PENTECOSTALISM IN BELARUS

For centuries, two directions of Christianity coexisted on the territory of Belarus: Orthodoxy and Catholicism. At the end of the 19th century Protestant communities, mostly belonging to Baptism, began to be established. In Western Belarus in the 1920s and 1930s, thanks to the mission of Gustav Schmidt, a new Protestant denomination, Pentecostalism, began to spread. In the post-war period, under pressure from the authorities, most of the Belarusian Pentecostal congregations joined the Baptist Union. In 1991 the United Church of Christians of Evangelical Faith in Belarus was established, uniting the majority of Pentecostals. In the 1990s Belarusian churches sent missionaries to Russia, where in the Soviet years the share of Pentecostals was much smaller, dominated by unregistered churches of ultra-conservative character, less effective in the conditions of religious freedom. At present Protestants make up 1.2 per cent of the population of Belarus, 60 per cent of them Pentecostals. Most Pentecostals are part of the United Church, which is the third largest denomination in Belarus. Pentecostalism has the greatest influence in the Brest region. Protestantism has spread primarily by attracting Orthodox Christians; mission among Belarusian Catholics, for many of whom Catholicism is part of their cultural identity, has been less successful.

Keywords: Belarus, Protestantism, Pentecostalism, Catholicism, Orthodoxy.

Referenses

1. Adrasy kascjolaŭ. [Addresses of churches]. Catholic.by. [Electronic resource]. URL: <https://catholic.by/3/kasciol/parishes> (accessed in: 27.05.2024).

2. Vereshhagina A.A. (2018). Hristianskie prazdniki, obrjady i tainstva v Belarusi v proshlom i nastojashhem. [Christian holidays, rites and sacraments in Belarus in the past and present]. Minsk. 351 s.

3. V agorodke v Brestskoj oblasti pojavitsja samyj bol'shoj molitvennyj dom v Belarusi. [The largest prayer house in Belarus will be built in an agro-town in Brest region]. Moj Brest. 24.09.2023 [My Brest. 24.09.2023]. [Electronic resource]. URL: http://mybrest.by/news/obshchestvo/v_agorodke_v_brestskoj_oblasti_poyavitsya_samyu_bolshoy_molitvennyj_dom_v_belarusi/ (accessed in: 27.05.2024).

4. V Ol'shanskoj cerkvi krestilos' bolee 100 chelovek. [More than 100 people were baptised in the Olshan church]. Cerkov' Blagodat' OCHVE. 06.07.2020. [Grace Church Belorussia. 06.07.2020]. [Electronic resource]. URL: <https://grace.by/news/belarus/v-olshanskoi-tserkvi-krestilos-bolee-100-chelovek/> (accessed in: 27.05.2024).

5. (2021). Verouchenie Ob#edinennoj cerkvi hristian very evangel'skoj v Respublike Belarus'. [Beliefs of the United Church of Christians of Evangelical Faith in the Republic of Belarus]. Minsk: Pozitiv-centr, 2021. 316 s.

6. Cerkov' Spasenie v Belarussii. [Salvation Church in Belarus]. YouTube. 21.11.2022. [Electronic resource]. URL:

https://www.youtube.com/watch?v=DrxHqNAnC5k&ab_channel=ЦерковьСпасение (accessed in: 27.05.2024).

7. D'jachenko O.V. (2003). Pjatidesjatnichestvo v Belarusi: Monografija. [Pentecostalism in Belarus: Monograph.] Mogilev: MGU im. A.A. Kuleshova. 188 s.

8. Episkop. [Bishop]. Ob#edinenie obshhin hristian polnogo Evangelija v Respublike Belarus'. [Association of congregations of Full Gospel Christians in the Republic of Belarus]. [Electronic resource]. URL:

<http://gospel.by/obedinenie/episcop/> (accessed in: 27.05.2024).

9. Efimov I. (1995) *Sovremennoe harizmaticheskoe dvizhenie sektantstva*. [The modern charismatic sectarianism movement]. M.: TOO «Priroda i chelovek». 1995. 319 s.

10. Interv'ju so starshim pastorom cerkvi «Blagodat'» Akulenko O.I. [Interview with O.I. Akulenko, Senior Pastor of Grace Church]. Minsk. 26.05.2016.

11. Istorija pjatidesjatnicheskogo dvizhenija. [History of the Pentecostal Movement]. Teologicheskij institut HVE. [Theological Institute of Christians of Evangelical Faith]. [Electronic resource]. URL: <https://theology.by/creed/history-of-the-pentecostal-movement> (accessed in: 27.05.2024).

12. Istorija sozdaniya ob#edinenija. [History of the creation of the association]. Ob#edinenie obshhin hristian polnogo Evangelija v Respublike Belarus'. [Association of the congregations of Full Gospel Christians in the Republic of Belarus]. [Electronic resource]. URL: <http://gospel.by/obedinenie/istorija/> (accessed in: 27.05.2024).

13. Kazmiruk M.V. Problema religioznogo obrashhenija belorusskoj katolicheskoj molodezhi v pjatidesjatnichestvo. [The Problem of Religious Conversion of Belarusian Catholic Youth to Pentecostalism]. Sbornik rabot 72-j nauchnoj konferencii studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. [Proceedings of the 72nd Scientific Conference of Students and Postgraduates of the Belarusian State University] 11-22 May. 2015. Minsk. Part 2, 440-443.

14. Kalendar' prazdnichnyh i nerabochih dnei na 2024 god. [Calendar of public holidays and non-working days for 2024]. [Electronic resource]. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/prazdniki/kalendar-2024> (accessed in: 27.05.2024).

15. Karaseva S.G., Shkurova E.V., Shatravskij S.I., Domanskaja A.I., Kazmiruk M.V. (2016). Nekotorye osobennosti religioznogo naselenija Belarusi (po materialam issledovanija «Tipologija religioznosti v sovremennoj Belarusi», 2012-2015 gg.). [Some features of the religious population of Belarus (based on the study 'Typology of religiosity in modern Belarus', 2012-2015)]. *Filosofija i social'nye nauki* [Philosophy and social sciences], 1, 82-91.

16. Katolicheskaja jenciklopedija (2002). [Catholic Encyclopaedia]. Moskva, Izdatel'stvo franciskancev, 1, 1906 s.

17. Lisovskaja T.V. (2022). Zarozhdenie pozdneprotestantskogo dvizhenija v Belarusi v konce 19 - nachale 20 v. [The emergence of the late Protestant movement in Belarus in the late 19th - early 20th centuries] *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»*, 1(33), 7-18.

18. Miazin N.A. (2022). Rasprostranenie pjatidesjatnichestva v stranah Latinskoj Ameriki. [The spread of Pentecostalism in Latin America] *Latinskaja Amerika* [Latin America], 9, 83-97.

19. Novaja zhizn'. [New Life]. Cerkov' OCHVE v RB. [Church OCHVE v RB]. [Electronic resource]. URL: <https://nlife.by/> (accessed in: 27.05.2024).

20. Odincov M.I. (2012). Vy primete silu, kogda sojdjot na vas Duh Svjatoj. Istorija Pjatidesjatnicheskoj cerkvi v Rossii XIX-XX vv. [You will receive power when the Holy Spirit comes upon you. History of the Pentecostal Church in Russia. 19th-20th Century]. SPb, 504 s.

21. Polozhenie ob Upolnomochennom i ego apparate. [Regulations on the Commissioner and his apparatus]. Upolnomochennyj po delam religij i nacional'nostej Respubliki Belarus'. [Commissioner for Religious and Ethnic Affairs of the Republic of Belarus]. [Electronic resource]. URL: <https://belarus21.by/Articles/1417433557> (accessed in: 27.05.2024).

22. Post i molitva 2024. [Fasting and Prayer 2024]. Ob#edinenie obshhin hristian polnogo Evangelija v Respublike Belarus'. 06.01.2024. [Unification of congregations of Full Gospel Christians in the Republic of Belarus. 06.01.2024]. [Electronic resource]. URL: <http://gospel.by/post-i-molitva-2024/> (accessed in: 27.05.2024).

23. Religijni vpodobannja naselennja [Religious preferences of the population]. SOCIS, Rejting. Centr Razumkova. KIIS. Kiïv, 2015. [Electronic resource]. URL: https://ratinggroup.ua/files/rating-group/reg_files/rg_religion_report_042015.pdf (accessed in: 27.05.2024).

24. Svedenija o kolichestvennom roste religioznyh obshhin v Respublike Belarus' (1996 - 2024 gody). [Information on the quantitative growth of religious communities in the Republic of Belarus (1996 - 2024).] Upolnomochennyj po delam religij i nacional'nostej. [Commissioner for Religions and Nationalities of the Republic of Belarus]. [Electronic resource]. URL: <https://www.belarus21.by/Articles/svedeniya-o-kolichestvennom-roste-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-1996-2020-gody> (accessed in: 27.05.2024).

25. Sravnitel'nyj analiz dejstvujushhej i novoj redakcii osnovnyh polozhenij zakona o svobode sovesti i religioznyh organizacijah. [Comparative analysis of the current and new edition of the main provisions of the law on freedom of conscience and religious organizations]. *Law Trend*. [Electronic resource]. URL: <https://www.lawtrend.org/freedom-of-association/sravnitelnyj-analiz-dejstvuyushhej-i-novoj-redaktsii-osnovnyh-polozhenij-zakona-o-svobode-sovesti-i-religioznyh-organizatsiyah> (accessed in: 27.05.2024).

26. Ugolovnaja otvetstvennost' za organizaciju i uchastie v nezaregistririrovannyh organizacijah.

[Criminal liability for organising and participating in unregistered organisations]. Law Trend. [Electronic resource]. URL: <https://www.lawtrend.org/freedom-of-association/ugolovnaya-otvetstvennost-za-organizatsiyu-i-uchastie-v-nezaregistrovannyh-organizatsiyah> (accessed in: 27.05.2024).

27. Cerkvi «Voznesen'e» g. Baranovichi ispolnilos' 25 let. [Voznesenie Church in Baranovichi celebrated its 25th anniversary]. Cerkov' Blagodat' v RB. 16.07.2018. [Grace Church in the RB. 16.07.2018]. [Electronic resource]. URL: <https://grace.by/news/belarus/tserkvi-vozneseenie-g.baranovichei-ispolnilos-25-let/> (accessed in: 27.05.2024).

28. Cerkov' «Novaja zhizn'» okonchatel'no likvidirovana. [The New Life Church has been finally liquidated]. Cerkva i palitychny kryzis u Belarusi. 12.12.2023. [The Church and the political crisis in Belarus. 12.12.2023]. [Electronic resource]. URL: <https://belarus2020.churchby.info/czerkov-novaya-zhizn-okonchatelno-likvidirovana/> (accessed in: 27.05.2024).

29. Shkurova E.V. (2022). Institucional'nye osobennosti вовлеченности последователей конфессий Беларуси в религию. [Institutional peculiarities of involvement of followers of confessions of Belarus in religion]. Sociologicheskij al'manah [Sociological Almanac], 13, 97-104.

30. Shkurova E.V. (2021). Konfessional'noe prostranstvo Belarusi: harakteristiki i osobennosti vzaimodejstvija. [Confessional space of Belarus: characteristics and peculiarities of interaction]. Sociologicheskij al'manah. [Sociological Almanac], 12, 292-304.

31. Jazykovich V.R. (2019). Tradicionnye religii i cerkvi v sovremennoj Belarusi: masshtaby vlijaniya, napravleniya dejatel'nosti. [Traditional religions and churches in modern Belarus: scales of influence, directions of activity]. Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii [Culture in the Eurasian space: traditions and innovations], 1(3), 40-49.

32. Jarmoljuk S.A. (2012). Istorija pjatidesjatinicheskogo dvizhenija na Brestchine. [History of Pentecostal movement in Brestchina]. Diss... magistr bogoslovija [Master Thesis]. Minsk, 110 s.

33. World Values Survey. Wave 5: 2005-2009. [Electronic resource]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (accessed in: 27.05.2024).

34. World Values Survey. Wave 6: 2010-2014. [Electronic resource]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (accessed in: 27.05.2024).

35. World Values Survey. Wave 7: 2017-2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (accessed in: 27.05.2024).

Об авторе

Мязин Николай Александрович – доцент, Калужский государственный университет (Россия), E-mail: marknote@rambler.ru

Miazin Nikolai Aleksandrovich - Associate Professor, Department of History, Kaluga State University, E-mail: marknote@rambler.ru

Пышкало Е.Г., Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь)

ДЕТСКОЕ СИРОТСТВО В СОСЛОВИИ СЕЛЬСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВИТЕБСКОЙ И МИНСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Статья представляет собой попытку исследования такого социального явления, как детское сиротство в сословии сельских обывателей в первой половине XIX в. в Российской империи на примере Витебской и Минской губерний. Источниками послужили как отдельные указы правительства, так и кодифицированное российское законодательство. Также активно использовались ранее не опубликованные источники из собрания Национального исторического архива Беларуси. Проблема крестьянского сиротства в Российской империи в российской историографии рассматривалась достаточно фрагментарно. В белорусской историографии данная тема поднимается впервые. В ходе исследования было выявлено, что опекуновское право в отношении сословия сельских обывателей в Российской империи в первой половине XIX в. было разработано слабо и регламентировало правила опеки в зависимости от категории крестьян – удельные, государственные и частновладельческие. Было определено, что для крепостных сирот правовые нормы не разрабатывались и не создавались специализированные учреждения сословной опеки. В то же время были установлены основные механизмы опеки над крепостными детьми-сиротами – это родственно-семейный подход и ответственность владельца. Определённые обязательства государство возлагало на приказы общественного призрения. В ходе исследования было показано, как крестьянские дети, оставшиеся без опеки за пределами общины, подвергались маргинализации.

Ключевые слова: Российская империя, Витебская губерния; Минская губерния; сословие сельских обывателей; крестьяне; крепостное право; законодательство; сироты; опека; призрение; приказ общественного призрения.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-99-107

Введение. Для белорусско-литовских губерний Российской империи первой половины XIX в. была характерна высокая смертность взрослого населения и, соответственно, проблема детского сиротства была актуальна для всех слоев общества, особенно для крестьянства. По данным IX ревизии 1851 г., крестьяне составляли 80,8% от общего числа жителей мужского пола во всех пяти белорусско-литовских губерниях (Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилёвской). В 1806 г. эта цифра была ещё выше — 89,5% [3, с. 270]. Личнозависимые крестьяне составляли большинство от сословия сельских обывателей белорусско-литовских губерний – 79,8% в 1812 и 70,9% в 1858 [2, с. 104–105; 33, с. 27]. Эта самая многочисленная социальная группа, являвшаяся де-юре и де-факто собственностью помещиков, была самой «молчаливой», ещё более «молчаливыми» оказались дети-сироты. Неграмотность и специфика традиционной культуры крестьян привели к отсутствию письменных сведений об организации их частно-семейной, хозяйственной и общественной жизни вплоть до 1845 г. Только с появлением Русского географического общества (в котором был создан этнографический отдел) начались систематические этнографические исследования.

В российской историографии проблема крестьянского сиротства в Российской империи рассматривалась хронологически неравномерно. Исследователи отдавали предпочтение второй

половине XIX и началу XX вв. В этот период функции опеки над крестьянами были возложены на волостные правления и, соответственно, появились официальные документы. Однако некоторые из их выводов согласуются и с более ранним периодом. Так, учёные отметили отсутствие комплексной законодательной базы [4, с. 97] и то, что опека над крестьянскими детьми находилась в ведении сельского схода и регулировалась нормами обычного права [30, с. 54]. Помимо историков, тему сиротства в крестьянской среде поднимали антропологи и этнологи, рассматривавшие сферу традиционных представлений о сиротах, опеку над ними на основе фольклорных и этнографических материалов [21; 25; 34]. В белорусской историографии проблема сиротства в крестьянской среде не была предметом исследований.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является детское сиротство как социальное явление в жизнедеятельности общества белорусско-литовских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. Предметом исследования является детское сиротство в сословии сельских обывателей в первой половине XIX в. Методологической базой послужили общенаучные методы (описание, анализ, сравнение, синтез), а также совокупность методов и приёмов, используемых в современной исторической науке. Системный анализ позволил комплексно изучить явление сиротства в крестьянском сословии. Также использовались специальные методы:

так, формально-юридический метод (анализ правовых норм) позволил выявить и объяснить содержание законов Российской империи в первой половине XIX в. Метод «case study» (детальное изучение локальных случаев) дал возможность рассмотреть нетипичные явления, описанные в архивных документах.

Результаты и их обсуждение. Опекунство у крестьян на белорусско-литовских землях, входивших в Великое княжество Литовское до конца XVIII в., вероятно, регулировалось нормами обычного права. После присоединения к Российской империи на этой территории распространилось российское законодательство, которое в конце XVIII – первой половине XIX вв. регламентировало вопросы призрения сирот из сословия сельских обывателей в зависимости от их категории – частных, государственных или крепостных крестьян. По акту от 7 августа 1797 г. попечительство над казёнными крестьянами было поручено волостным правлениям [23, с. 647], а над удельными по акту от 5 апреля 1797 г. – приказным старостам (членам сельского приказа [22, с. 562–563] – низшего, окружного органа в системе надзора за удельными крестьянами) [22, с. 563]. Содержание этих правовых норм было перенесено в кодифицированный «Свод законов Российской империи» (1835 г.) [26, с. 48].

Положения реформы государственной деревни 1838 г. для всех губерний, кроме Киевской, Подольской, Волынской, Минской, Виленской, Гродненской и Ковенской, регулировали правила опеки над государственными крестьянами. Так, в Витебской и Могилевской губерниях по закону опека регулировалась волостными правлениями и сельскими старшинами. В 1839 г. было принято «Высшее утвержденное учреждение по управлению государственным имуществом в западных губерниях и Белостокской области» [24], согласно которому за вопросы опеки отвечали «сельские управления». Процесс установления опеки над крестьянами-сиротами был такой же, как для дворян и мещан (назначение опекунов сельским старшиной, опись имущества, отчётность опекунов и т. д. [5; 6]). Таким образом, к способам призрения сирот были отнесены: 1. поручение их воспитания ближайшим родственникам, назначение сельским сходом опекуна; 2. передача в другую семью на воспитание без оплаты; 3. передача на воспитание крестьянам той же деревни с выплатой определенного пособия; 4. помещение в богадельню. Опека продолжалась до 21 года, а над крестьянскими девушками — до замужества, независимо от возраста. Опекун должен был ежегодно отчитываться о своих действиях перед сельским сходом [27, с. 57–61].

В то же время специальных законов о

призрении частновладельческих сирот разработано не было. Государство, как можно предположить, передавало этот вопрос на решение в рамках самой крестьянской общины, где дети могли быть отданы под присмотр старших родственников или на воспитание в другую семью. Помимо этого «родственно-семейного» подхода, направленного на усыновление, государство рассчитывало на участие помещиков в опеке над своими крепостными крестьянами. Считалось, что «самое правительство и человеколюбие требует, чтобы помещики пеклись о призрении бедных своих крестьян» [15, л. 101]. Оба этих варианта опеки над сиротами почти никогда не фиксировались в официальных документах. Однако некоторые сюжеты из архивных источников позволяют выявить роль помещиков в призрении принадлежащих им крепостных детей-сирот. В условиях отсутствия официальных документов, непосредственно касающихся призрения детей-сирот, косвенные данные о сиротах в сословии сельских обывателей встречаются в материалах судебных и полицейских органов. Однако такого рода документы содержат в себе определённое искажение, поскольку основными фигурантами являются маргинализированные сироты – те, которые уже находились вне правовой социальной структуры (за рамками сословий) или дети-сироты, которые уже стали преступниками. В Российской империи, возраст уголовной ответственности менялся на протяжении XVIII – первой половины XIX в. [1, с. 54–57]. В «Своде законов Российской империи» 1832 г. издания был закреплён предельный возраст 10 лет. Согласно «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., уголовная ответственность наступала с 7 лет, а фактически с 10 [32, с. 5–7].

Так, Комитет высочайше утвержденный для разбора и презрения нищих в Санкт-Петербурге сообщал Витебскому гражданскому губернатору 15 марта 1846 г., что в Комитет были представлены задержанные местным земским судом за прошение милостыни «не имеющие письменного вида» дети – мальчик Терентий Никитин 11 лет, девочки Анна Никитина 12 лет и Настасья Гаврилова 7 лет. Дети называли себя крестьянами помещика Огинского села Кошино Себежского уезда Витебской губернии. На допросах Терентий и Анна Никитины рассказали, что они отлучились в 1845 г. вместе со своей матерью, крестьянкой Марией Григорьевой, и приехали в Петербург, где жили в Смоленской слободе. После смерти матери осенью того же года они остались без присмотра и начали скитаться и просить милостыню. Настасья Гаврилова рассказала, что она с матерью жила в одной деревне с Никитиными, а потом вместе с последними проживали в окрестностях столицы. Когда и её мать умерла, девочка стала попрошайничать

вместе с сиротами Никитиными. Комитет поместил детей в дом нищих до получения о них необходимых сведений и просил Витебского гражданского губернатора установить, действительно ли они принадлежали помещику Огинскому. В письме говорилось: «Если это правда, обязать Огинского или управляющего его имением подписанием с назначением срока, взять из дома нищих означенных принадлежащих ему крестьянских детей, для оказания им в сиротстве и малолетстве призрения», а также прислать для каждого ребёнка «надлежащие письменные виды» [9, л. 2].

Через несколько дней, 19 марта 1846 г., Комитет доложил Витебскому гражданскому губернатору и о других детях-сиротах, которые также были крестьянами помещика Огинского. Полиция Санкт-Петербурга задержала крестьянку Христину Леонову и двух ее маленьких дочерей Прасковью и Анну за попрошайничество. Вскоре мать умерла, и Комитет просил губернатора распорядиться, чтобы помещик Огинский взял девочек-сирот под свою опеку [9, л. 5 об.]. Забрал ли Огинский детей крестьянки Леоновой, в документах не упоминается, но Комитет ещё трижды напоминал Витебскому губернатору об Анне Леоновой – 30 мая 1846 г. [9, л. 8], 10 августа [9, л. 28] и 14 ноября 1847 г. [9, л. 29]. Судьба её сестры Прасковьи осталась неизвестной. Однако задержанные ранее сироты Никитины всё же вернулись к своему владельцу. Себежский земский суд доложил губернатору 13 августа 1846 г., что «взята подписка от помещицы княгини Анны Огинской о призрении крестьянских детей Никитиных» [9, л. 9].

Похожий случай обсуждался в переписке того же Комитета и Витебского гражданского губернатора от 27 февраля 1847 года. Петербургская полиция задержала за попрошайничество болезненного вида 10-летнего крестьянского мальчика Сергея Максимова, принадлежавшего помещику Невельского уезда Витебской губернии («село Тиманово, деревня Пригарино») капитану князю Романовскому-Ладыжскому. Мальчик имел при себе справку (но не заверенную должным образом) о том, что он отпущен на шесть месяцев, с 1 июня по 1 ноября 1846 г., в Царское Село Санкт-Петербургской губернии для свидания с родственниками [10, л. 1]. Поскольку Сергей был болен, его отправили в детскую больницу Санкт-Петербурга, а Комитет обратился к губернатору с просьбой «приказать кому следует внушить владельцу этого несчастного мальчика Сергея Максимова, что ему не следовало отпускать его странствовать из места детства в таком возрасте, в коем не в силах будучи трудиться, по необходимости скитаться по миру и что по указанной в законах владельцам обязанности, ему следовало иметь о нем попечение. При чем объявить князю Романовскому-Ладыжскому,

дабы он немедленно взял сего мальчика из заведения нищих. И предупредить, что если он сего не исполнит по выздоровлению, то отослан будет к нему за его счет» [10, л. 1 об.].

Помимо родственников / общинников и помещиков, определенную роль в призрении крестьянских сирот играла христианская церковь, про что свидетельствуют немногочисленные документы. В ведомстве церковей (православной, католической и униатской до 1839 г.) находились приюты, больницы и богадельни, часть которых могла принимать сирот крестьянского происхождения. Также церковь занималась опекой над крестьянами в тех имениях, которые находились в её собственности. Например, в 1813 г. Минская православная духовная консистория предложила обучать письму и чтению крестьянских детей-сирот из имений, принадлежавших Слуцкому Троицкому монастырю. Поиски учителя вызвали затруднения, но на эту должность был выдвинут настоятель храма близ села Погост Слуцкого уезда Юстин Прорвич, и ему необходимо было выбрать пятерых мальчиков-сирот из монастырских деревень для обучения русской грамоте. В свободное от учёбы время эти мальчики могли заниматься различными работами в монастыре [7, л. 1–7].

Отдельные духовные лица могли также выступать опекунами крестьянских детей. Так, 18 декабря 1845 г. Витебская палата государственных имуществ распорядилась отдать на воспитание архимандриту Махировского монастыря Иосифу 6-летнего крестьянского мальчика имения Махирово Полоцкого уезда Нестора Васильева (его отца забрали в рекруты, а мать сбежала из имения). Архимандрит согласился бесплатно воспитывать ребенка, обеспечивать его, платить за него налоги в казну и научить его грамоте для того, чтобы он смог стать писарем. Если бы мальчик не показал способностей к обучению, ему пришлось бы освоить какое-нибудь ремесло. По достижении 20-летнего возраста «при возврате его обществу» архимандрит обязан был дать Нестору новую одежду: шубу, армяк, кушак, сапоги, рукавицы и две пары белья [8, л. 1–3].

Существенная роль в опеке над сиротами принадлежала губернским приказам общественного призрения. Эти учреждения управляли приютами, богадельнями, больницами, тюрьмами, народными школами и представляли собой надсословную структуру, которая была одновременно регулятором родственно-усыновительных и помещичье-крестьянских связей, а также независимым органом опеки. По законодательству в сиротские дома приказов общественного призрения принимались только дети «свободных состояний» [28, с. 73]. В целом же приказы общественного призрения были городским явлением и городским органом опеки, но

в их воспитательные дома и богадельни всё же могли попадать дети крестьян: подкидыши, бродяги и все те дети, которые по разным причинам находились за пределами вотчины. Согласно ст. 549 «Учреждений и уставов о общественном призрении»: «Малолетные из вольноотпущенных, круглые сироты и имеющие родителей или родственников в крепостном состоянии, призрываются до совершеннолетия своего также Приказами Общественного Призрения по правилам о сиротах» [28, с. 97]. Однако, в соответствии со ст. 552, отданные обманом в воспитательные дома младенцы, рождённые крепостными женщинами, передавались помещику по его требованию. Если помещик просил вернуть крепостного ребёнка в течение года после принятия его в приют, то с него не взималась плата приказу за всё время содержание такого ребёнка [28, с. 98]. Вероятно таким способом государство стремилось перераспределить ответственность за крепостных сирот и возложить её на помещиков.

Эту двойственную функцию (участие в опеке и перенаправление частновладельческих крестьянских детей помещикам) иллюстрирует случай, который рассматривался Витебском губернском приказе общественного призрения в 1845 г. Данная инстанция разбирала дело о двухлетнем сироте Алексее, сыне умершей Пелагеи Гавриловой. Женщина, как сообщили в Витебской городской полиции, якобы скончалась от побоев, нанесённых женой жандарма Агафьей Афанасьевой, а её сын остался без опеки и без родственников. На время следствия с 1 июля 1845 г. вахтёр Витебского провиантского магазина Петр Филатов взял Алексея на воспитание, но при этом жаловался городской полиции, что больше не желает воспитывать мальчика без денежных выплат [16, л. 159–159 об.]. Лишь в декабре 1845 г. витебская городская полиция при помощи Полоцкого земского суда установила, что владелицей умершей крестьянки Гавриловой была помещица Реут. Поэтому приказ общественного призрения постановил: «Предписать Полоцкому земскому суду обязать помещицу Реуттову подпискою на взятие мальчика <...> взыскать у неё на удовлетворение Филатова за содержание <...> 1 руб. 50 коп. серебром в каждый месяц с 1 июня 1845 г.» [16, л. 646–648 об.]. Приказ общественного призрения в данном случае хоть и участвовал в устройстве судьбы сироты, но в то же время настаивал на поиске владельцев возможного крепостного крестьянина. А по результатам поиска настаивал, что ребенка опекать должна помещица, которой принадлежала умершая крестьянка Пелагея Гаврилова.

Можно предположить, что дети-сироты, которые не были приняты на воспитание родственниками или в другую крестьянскую семью и, таким образом, не были интегрированы в жёсткую

систему крестьянской общины, нередко начинали заниматься бродяжничеством и попрошайничеством. Когда полиция задерживала таких детей, их дела впоследствии рассматривались в совестных судах (судебные инстанции, которые занимались преступлениями несовершеннолетних, сумасшедших и т.п.) [31]. Бродяжничали как мальчики, так и девочки-подростки, и приговор им выносился в зависимости от их пола и возраста. Как необходимо было поступать с малолетними бродягами, прописывалось в 631 ст. 6 п. «Устава о беглых и паспортах» «Свода законов» (редакция 1857 г.): бродяг-мальчики от 8 до 17 лет отправлялись в батальоны военных кантонистов, а девочки оставались в ведомстве приказов общественного призрения до совершеннолетия, после чего приписывались к «податному обществу» [29, с. 134–135]. Приметы бродяг должны были публиковаться в «Сенатских объявлениях» и местных «Губернских ведомостях» [29, с. 132]. Данная процедура предусматривалась законом для того, чтобы отыскать возможных владельцев беглого крестьянина или слуги.

Задачей следствия было выяснить, кому принадлежали беглые крепостные сироты. Так, 22 мая 1846 г. Витебский совестный суд рассмотрел дело 17-летнего крестьянина Фёдора Трофимова, задержанного за побег и дачу ложных показаний. На первых допросах Фёдор рассказал, что не помнит, кто его родители, и что с детства занимался попрошайничеством в разных деревнях и городах. На повторном допросе он признался, что является крепостным крестьянином помещика Невельского уезда Андрея Лаского, и это подтвердилось в ходе проверки. Его наказали 10 ударами плетью, и суд обязал его вернуться «на прежнее жилище» [18, л. 39–42]. В июле 1834 г. в Минском уездном суде при рассмотрении дела 15-летнего мальчика Василия, арестованного за бродяжничество, было установлено, что он принадлежал к имению Лошица графа Прушинского, как и его покойная мать. Сам Василий рассказал на допросах, что восемь лет назад пошёл попрошайничать с матерью «во время существовавшего недостатка в продовольствии». Суд постановил вернуть мальчика Прушинскому и на следующей ревизии записать его в крепостные крестьяне [13, л. 21–21 об.].

Иной приговор выносил суд в том случае, если хозяев крестьянских детей не удавалось найти. Например, в Витебском совестном суде 9 февраля 1835 г. рассматривалось дело «о непомнящем родства» мальчике Леоне Фёдорове 14 лет, которого судили за бродяжничество и «ложное о себе показание». Мальчик был задержан двумя месяцами ранее, в декабре 1834 г. в г. Сенно Могилёвской губернии. Он сообщил городской полиции, что является крепостным крестьянином помещика Шаверновского из фольварка Кругляны

Витебского уезда Витебской губернии. Однако попытка вернуть Леона Фёдорова помещику оказалась неудачной, так как тот отрицал, что мальчик является его собственностью. При дальнейшей проверке выяснилось, что Леон не знал, «кто же его родители и к какому классу людей принадлежит». В итоге дело было перенаправлено в Витебский совестный суд, который приговорил Леона Фёдорова к церковному покаянию и зачислению в военно-сиротское отделение кантонистом [19, л. 2–2 об.]. Кроме того, было предписано опубликовать описание Леона Фёдорова в Санкт-Петербургских и Московских «Губернских ведомостях».

Похожим образом заканчивались дела других мальчиков-сирот, которые были арестованы за бродяжничество. В документах такие дети нередко фигурировали под определением «не помнящие родства» – они не знали, есть ли у них родственники или не имели их, находились без всякой опеки и не признавались в своей принадлежности ни к какому помещику. Так, в городе Невель был задержан 10-летний мальчик Иван Кондратьев. На допросе 28 января 1835 г. он рассказал, что бродил с матерью Ульяной по разным местам и просил милостыню. Когда три года назад мать его умерла, он начал ходить один «по миру», а летом зарабатывал тем, что пас скот в деревнях. Витебский совестный суд постановил – зачислить Ивана в кантонисты и опубликовать о нём информацию в «Губернских ведомостях» [19, л. 89–91]. 28 мая 1843 г. подобное решение было принято в отношении бродяги Ивана 16 лет, арестованного в Динабургском уезде [20, л. 39–42]. В мае 1846 г. витебская полиция задержала 14-летнего бродягу Базыля. Помимо бродяжничества, его обвинили в даче ложных показаний во время следствия. Сначала на допросе Базыль заявил, что он крестьянин казённого имения Езерище Городецкого уезда. Но во время расследования жители хутора Войхан, который принадлежал имению, принадлежавшем имению, под присягой заявили, что никогда не знали этого мальчика. На допросах Базыль также рассказал, что после смерти матери он скитался по Городецкому, Витебскому, Ошмянскому уездам, где «около 10 лет снискивал себе пропитание испрашиванием милостыни, но пристанища ни у кого нигде не имел». Витебский совестный суд приговорил Базыля к 7 ударам плетью и зачислению в военные кантонисты, а в случае негодности к службе – в Витебский приказ общественного призрения [18, л. 35–38 об.].

Отдавали под суд за бродяжничество и девочек-сирот. Так, 4 октября 1844 г. Витебский совестный суд рассмотрел дело 15-летней осиротевшей крестьянской девушки Пелагеи Тумашевичевой, признанной беглой крепостной помещика Рыка Люцинского уезда. Её судили за

бродяжничество, незаконный побег от помещика и покупку поддельного билета «на свободное местожительство во всех городах Российской империи сроком на 5 лет». На следствии Пелагея рассказала, что скиталась по разным местам более полугода, «пропитывая себя деревенской работой». Суд, приняв во внимание то, что «допустилась к совершению <...> поступков по простоте и легкомыслию на 14 году своего возраста», решил наказать Пелагею 30 ударами плетью и вернуть её помещику [17, л. 149–152]. 13 декабря 1846 г. в том же суде рассматривалось дело несовершеннолетней бродяги Арины, которой по данным медицинского освидетельствования было около 17 лет. В материалах дела говорилось, что родители Арины умерли, когда ей было 5 лет. С этого времени она скиталась по Невелю и другим городам, местечкам и деревням, но не смогла найти пристанища и, наконец, сама явилась в земский суд, чтобы приписаться к определённой сословию. Суд постановил, что Арина стала бродягой в бессознательном возрасте, поэтому было решено отправить её в богадельню Витебского приказа общественного призрения и опубликовать её описание в «Губернских ведомостях». Кроме того, ей было предоставлено право причислиться к любой податной социальной группе по достижении совершеннолетия [18, л. 173–175 об.].

18-летняя Розалия была арестована за бродяжничество городской полицией в Минске в октябре 1832 г. Как она рассказывала на допросах, её мать Агафья тоже была сиротой, называла себя дворянкой и служила «по разным местам» Вилейского уезда Виленской губернии. Забеременев и родив Розалию от неизвестного свободного человека, Агафья стала жить со своей сестрой Лисаветой в том же уезде, в селе Севец – собственности помещиков Ивашкевича и Высоцкого. После смерти матери Розалию до 9 лет воспитывала тётя Лисавета, которая позже стала отдавать её «на услужение» разным крестьянам. После этого девушка поехала искать работу в Минск, куда её взял с собой шляхтич Б. из города Радашковичи. Минская управа полиции и Минский уездный суд не установили настоящей сословной принадлежности и происхождения Розалии, поэтому по постановлению Минского уездного суда от 28 мая 1835 г. она была признана бродягой и приговорена к ссылке в Сибирь на поселение [12, л. 1–25].

25 февраля 1855 г. в Минском уездном суде была допрошена 12-летняя девочка Марцеля, которая с детства скиталась вместе с какой-то нищенкой, а после её смерти – одна. Девочка не помнила своих родителей и родственников, была неграмотной. В архивном деле нет информации о том, была ли Марцеля наказана, но в ходе судебного разбирательства её оставили под опекой

заславского ключовйта, который ранее доставил её в суд [14, л. 1–1 об.].

Похожий случай разбирался Минской палатой уголовного суда осенью 1859 г. Дело было направлено в Палату уголовного суда на ревизию из Пинского уездного суда по предложению губернатора. В материалах дела указано следующее: крестьянин казённого имения Купятичи Гаврило Лесовец рассказал, что «явилась к нему в дом 1-го октября 1855 года нищая девочка [Ксения] в одной рубашке, покрытая рогожей, босая и <...> едва могла войти в хату для испрошения милостыни <...> [Из сострадания] к крайнему её положению, принял её ради человеколюбия, потом <...> она постоянно занималась у него хозяйскими работами» [11, л. 6–6 об.]. Окончательный приговор по делу был вынесен только в 1861 г. В ходе следствия выяснилось, что Ксении было 14 лет и с детства, не имея родственников, она ходила попрошайничать с разными людьми. Она приехала в Пинск, а оттуда в имение Купятичи к крестьянину Лесовцу, у которого в итоге пробыла два года, а затем была отдана под опеку писаря Купятинского сельского управления. Уголовная палата признала Ксению бродягой и приговорила её к содержанию в учреждениях приказа общественного призрения до 17 лет, после чего «выпустить <...> на собственное пропитание в месте её нахождения» [11, л. 11].

В отношении тех крестьян-сирот, которые занимались бродяжничеством и попрошайничеством, можно выделить несколько тенденций. Их возраст колебался от 10 до 18 лет, то есть в основном маргинализировались подростки-сироты. Маленькие дети-сироты, как можно предположить, находились на попечении общины, у родственников или, лишенные какой-либо опеки, не доживали до подросткового возраста.

Большинство сирот-подростков на допросах не называли конкретных причин, почему и когда они начали бродяжничать, но очевидно, что они были опекаемы лучше (или имели родителей) в раннем возрасте. Лишь в 3 из 11 случаев дети начинали попрошайничать вместе с родителями или другими людьми, в остальных – либо после смерти родителей, либо самостоятельно. 4 подростка из 11 выживали за счёт найма на различные работы по дому, остальные за счёт подаяния.

Вероятно, причины, толкавшие подростков-сирот к попрошайничеству и бродяжничеству, были типичны для всего крестьянства: тяжёлые условия труда у помещика или арендатора, нежелание идти в рекруты, неурожаи и т.п. Кроме того, подростки в крестьянской среде не воспринимались детьми, занимались тяжёлым трудом наравне со взрослыми, и, скорее всего, в этот возрастной период без семьи им было труднее

социализироваться и стать полноценной частью крестьянской общины. Возможно, крестьянским семьям было экономически проще вырастить маленького ребенка, чем кормить подростка, претендовавшего на «взрослую» порцию питания.

Заключение (выводы). Таким образом, детское сиротство в условиях высокой смертности было неотъемлемым фактором жизни крестьянства белорусско-литовских губерний первой половины XIX в. В то же время опекуновское право в отношении крестьян было развито слабо. Призрение сирот из сословия сельских обывателей регулировалось законодательством фрагментарно, в зависимости от их категории – удельные, государственные и крепостные крестьяне. Приказные старосты отвечали за опеку над удельными крестьянами. Механизм опеки над государственными крестьянами был чётко разработан при подготовке реформы государственной деревни 1838–1839 гг. В зависимости от губерний ответственными были волостные или сельские управления, которые должны были назначать опекунов для сирот до 21 года. На практике сохранялось сильное влияние сельского схода и традиций обычного права, склонявшихся к передаче детей на воспитание в другие семьи внутри общины.

Специальных правовых норм по призрению частновладельческих крепостных сирот не существовало, для них не создавались специализированные учреждения сословной опеки. Ответственность за опеку над сиротами несли отдельные помещики, либо с помощью внутренних механизмов общины дети передавались на воспитание в другие семьи. Влиянием на призрение крестьянских детей-сирот обладала церковь. Представители церкви могли брать крестьянских сирот под свою опеку на воспитание, а также выполняли просветительскую функцию и способствовали интеграции сирот в общество. Под их покровительством находились богадельни и приюты, где также могли заботиться о крестьянских детях-сиротах. Определённую роль в опеке над крестьянскими сиротами могли играть губернские приказы общественного призрения (в исключительных случаях, когда ребенок находился вне вотчины), но это учреждение стремилось передать сирот на воспитание в семьи или вернуть их помещику.

Сироты, оставшиеся без попечения за пределами крестьянской общины, часто подвергались маргинализации – занимались попрошайничеством и бродяжничеством. В основном это были подростки, поскольку младенцы и малолетние дети брались на попечение крестьянскими семьями и нуждались не столько в социализации, сколько в заботе об их выживании и удовлетворении их первичных потребностей. В случае ареста сироты подвергались суду, который выносил приговор в зависимости от возраста и пола детей. Мальчиков от 8 до 17

лет отправляли на военную службу, а девочек оставляли в ведомстве учреждений приказов общественного призрения (приютах различного типа, богадельнях) до достижения ими совершеннолетия с правом отнесения к лично свободным податным категориям населения. Таким образом, государство не стремилось пополнить категорию крепостных крестьян за счёт арестованных бродячих детей

крестьянского происхождения, за исключением доказанной принадлежности определённому помещику. В последнем случае дети возвращались к владельцу и записывались в ревизионные документы как крепостные, а их наказание и дальнейшее признание (или его отсутствие) полностью перекладывались на помещика.

Список литературы

1. Анофранка Н. Злачынствы непаўналетніх і малалетніх дзяцей у 30–50-я гады XIX ст. на землях Беларусі // Беларускі гістарычны агляд. Т. 28 Сшыткі 1–2 (54–55). Снежань 2021 С. 53–93.
2. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / М.В. Біч [і інш.]; Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2005. 519 с.; іл.
3. Гісторыя сялянства Беларусі. У 3 т. Т. 1. Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. / Я.К. Анішчанка, Г.Я. Галенчанка, В.Ф. Голубеў [і інш.]; пад рэд. В.І. Мялешкі [і інш.]. Мінск : Беларуская навука, 1997. 431 с. ; іл.
4. Гордеева М.А. Правовое положение крестьянских детей-сирот в Томской губернии в конце XIX–начале XX века: формальные правила и их воплощение // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 96–104.
5. Кімбар К. Р. Заканадаўчыя асновы дзейнасці сіроцкіх судоў на беларускіх землях у канцы XVIII – першай палове XIX ст. // Пічэтаўскія чытанні – 2023: інстытуцыйнальныя змены ў гуманітарнай сферы як адлюстраванне палітычных і эканамічных працэсаў. Мат-лы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю аднаўлення работы БДУ на станцыі Сходня і 145-годдзю з дня нараджэння У.І. Пічэты. Мінск, 11 кастр. 2023 г. Мінск: БДУ, 2023. С. 267–274.
6. Кімбар К. Р. Развіццё заканадаўства аб дзейнасці дваранскіх апекаў у беларускіх губернях ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. // Мадэрнізацыя і працэсы сацыяльных трансфармацый у Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XXI стагоддзя : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 17 лістап. 2023 г. Мінск : БДУ, 2023. С. 88-96.
7. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 2993.
8. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 11910.
9. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 12440.
10. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 14421.
11. НИАБ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 618.
12. НИАБ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 176.
13. НИАБ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 215.
14. НИАБ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 315.
15. НИАБ. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 766.
16. НИАБ. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 811.
17. НИАБ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 105.
18. НИАБ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 129.
19. НИАБ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 18.
20. НИАБ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 92.
21. Петров Н. Сколотки, Богданы и любоделанные: сироты в русской деревне [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1682> (дата обращения: 18.05.2024).
22. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 24. №. 17906. С. 525–569.
23. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 24. №. 18082. С. 672–677.
24. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 14, ч. 1. №. 13035. С. 989–1150.
25. Самохіна А.М. Міфасемантыка сувязяў «сірата – слёзы – дождж» у беларускай традыцыйнай культуры // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. № 1 (118). С. 127–131.
26. Свод законов Российской империи (далее – СЗРИ) [повелением Государя императора Николая Павловича составленный]. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1835–1836. Т. 10. Свод законов гражданских и межевых: ч. 1 и 2. 1835. 1137 с.
27. СЗРИ. СПб, 1857. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские. 1857. 491 с.
28. СЗРИ. СПб, 1857. Т. 13. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении, и врачебные. Тетр. II. Учреждения и уставы о общественном призрении. 294 с.
29. СЗРИ. СПб, 1857. Т. 14. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражей, и о ссыльных. 1857. 909 с.

30. Соловьева И.В. Традиции опеки у русских крестьян в конце XIX в. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 4 (41). С. 53–59.

31. Харсеева О.В. Совестные суды в истории ювенального правосудия императорской России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. №2. С. 330–342.

32. Чапурко Т. М., Лысенко А. В. Установление возраста уголовной ответственности в истории развития российского уголовного законодательства (до 1918 года) // Научный журнал КубГАУ. 2007. №25. С. 197–216.

33. Чепко В. В. Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX века. Минск: Наука и техника, 1972. 265 с.

34. Шарая В. М. Уяўленні пра сірату ў традыцыйнай культуры беларусаў: асаблівасці вывучэння і перспектывы даследавання // Acta Albaruthenica. Katedra Białorutenistyki Uniwersytetu Warszawskiego. 2020. T. 20. С. 67–85.

CHILDREN'S ORPHANHOOD IN THE PEASANTRY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY (BASED ON MATERIALS OF VITEBSK AND MINSK PROVINCES)

The article is an attempt to study such a social phenomenon as child orphanhood among the peasantry in the first half of the 19th century in the Russian Empire using the example of Vitebsk and Minsk provinces. The sources were both a number of government decrees and codified Russian legislation. Previously unpublished sources from the collection of the National Historical Archive of Belarus were also actively used. The problem of peasant orphanhood in the Russian Empire in Russian historiography was considered quite sporadically. This topic is being raised for the first time in Belarusian historiography. The study revealed that guardianship law in relation to the class of rural dwellers in the Russian Empire in the first half of the 19th century was poorly developed. The law regulated the rules of guardianship depending on the category of peasants - court, state and privately owned. It was determined in the article that no legal norms were developed for serf orphans and no specialized class guardianship institutions were created. At the same time, the article established the basic mechanisms of guardianship over serf orphans - this is a family approach and the responsibility of the owner. The state assigned certain obligations to the Departments of Public Care. The study showed how peasant children left without care outside the community were marginalized.

Keywords: Russian Empire, Vitebsk province; Minsk province; class of rural dwellers; peasants; serfdom; legislation; orphans; guardianship; care; department of public care.

References

1. Anofranka N. (2021) Zlachynstvy niepaŭnaletnich i malaletnich dzieci u 30–50-ja hady XIX st. na ziemiach Bielarusi [Juvenile and Minor Crime from 1830s until 1850s in the lands of Belarus] // *Bielaruskij historychny ahlad*. T. 28. Sshytki 1–2 (54–55). S. 53–93.

2. *Historyja Bielarusi: U 6 t. T. 4* (2005). Bielaruś u skladzie Rasijskaj impieryi (kaniec XVIII — pachatak XIX st.) [History of Belarus: In 6 vol. Vol. 4. Belarus as a part of the Russian Empire (end of the 18th century - beginning of the 20th century)] / M.V. Bich [i insh.]; Redkal.: M. Kasciuk (hal. red.) [i insh.]. Minsk: Ekapierspiektyva. 519 s.; il.

3. *Historyja sialianstva Bielarusi. U 3 t. T. 1* (1997). Historyja sialianstva Bielarusi ad starazhytnasci da 1861 h. [History of the peasantry of Belarus. In 3 vol. Vol. 1. History of the peasantry of Belarus before 1861] / Ja.K. Anishchanka, H.Ja. Halienchanka, V.F. Holubieŭ [i insh.]; pad red. V.I. Mialieshki [i insh.]. Minsk : Bielaruskaja navuka. 431 s. ; il.

4. Gordeeva M.A. (2021) Pravovoe polozhenie krest'yanskih detej-sirot v Tomskoj gubernii v konce XIX–nachale XX veka: formal'nye pravila i ih voploshchenie [Legal Status of Peasant Orphans in the Tomsk Province in the Late 19th – Early 20th Century: Formal Rules and Their Implementation] // *Istoricheskij kur'er*. № 1 (15). S. 96–104.

5. Kimbar K. R. (2023) Zakanadaŭchyja asnovy dziejnasci sirockich sudoŭ na bielaruskich ziemliach u kancy XVIII – piershaj palovie XIX st. [Legislative base for the activity of orphan courts in the Belarusian-Lithuanian governorates at the end of the 18th - the first half of the 19th centuries] // *Pichetaŭskija chytanni – 2023: instyucyjnalnyja zmieny ŭ humanitarnaj sfery jak adliustravannje palitychnych i ekanamichnych pracesaŭ. Matly mizhnarodnaj navukovaj kanferencyi, prysviechanaj 80-hoddziu adnaŭliennia raboty BDU na stancyi Schodnia i 145-hoddziu z dnia naradzhenia U.I. Pichety. Minsk, 11 kastr. 2023 h.* Minsk: BDU. S. 267–274.

6. Kimbar K. R. (2023) Razvicio zakanadaŭstva ab dziejnasci dvaranskich apiek u bielaruskich hubierniach ŭ kancy XVIII – piershaj palovie XIX st. [Development of the law for the activities of noble guardianships in the Belarusian-Lithuanian governorates at the end of the 18th - the first half of the 19th century] // *Madernizacyja i pracesy sacyjalnych transfarmacyj u Bielarusi ŭ kancy XVIII – pachatku XXI stahoddzia : materyjaly mizhnar. navuk. kanf., Minsk, 17 listap. 2023 h.* Minsk : BDU. S. 88–96.

7. Nacional'nyj istoricheskij arhiv Bielarusi [National Historical Archive of Belarus] (NIAB). F. 136.

Op. 1. D. 2993.

8. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 11910.

9. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 12440.

10. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 14421.

11. NIAB. F. 145. Op. 2. D. 618.

12. NIAB. F. 159. Op. 1. D. 176.

13. NIAB. F. 159. Op. 1. D. 215.

14. NIAB. F. 159. Op. 1. D. 315.

15. NIAB. F. 2638. Op. 1. D. 766.

16. NIAB. F. 2638. Op. 1. D. 811.

17. NIAB. F. 2647. Op. 1. D. 105.

18. NIAB. F. 2647. Op. 1. D. 129.

19. NIAB. F. 2647. Op. 1. D. 18.

20. NIAB. F. 2647. Op. 1. D. 92.

21. Petrov N. Skolotki, Bogdany i lyubodelannye: siroty v russkoj derevne [Skolotki, Bogdany and fornicators: orphans in the Russian village]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1682> (accessed: 18.05.2024).

22. Polnyj svod zakonov Rossijskoj imperii [Complete set of laws of the Russian Empire] (PSZRI). Sobr. 1. T. 24. №. 17906. S. 525–569.

23. PSZRI. Sobr. 1. T. 24. №. 18082. S. 672–677.

24. PSZRI. Sobr. 2. T. 14, ch. 1. №. 13035. S. 989–1150.

25. Samochina A.M. (2020) Mifasiemantyka suviaziaŭ «sirata – sliozy – dozhdzh» u bielaruskaj tradycyjnaj kultury [Mythological and semantized meanings of the “orphan – tears – rain” connections in Belarusian traditional culture] // *Izviestija Homielskoho hosudarstviennoho univiersitjeta imieni F. Skoriny*. Sier.: Humanitarnyje nauki. № 1 (118). S. 127–131.

26. Svod zakonov Rossijskoj imperii (1835) [Code of Laws of the Russian Empire] (SZRI) [poveleniem Gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyj]. SPb. : Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kancelyarii. T. 10. Svod zakonov grazhdanskih i mezhevyh: ch. 1 i 2. 1137 s.

27. SZRI (1857). SPb. T. 10. CH. 1. Zakony grazhdanskije. 491 s.

28. SZRI (1857). SPb. T. 13. Ustavy o narodnom prodovol'stvii, obshchestvennom prizrenii, i vrachebnye. Tetr. II. Uchrezhdeniya i ustavy o obshchestvennom prizrenii. 294 s.

29. SZRI (1857). SPb. T. 14 : Ustavy o pasportah, o preduprezhdenii prestuplenij, o cenzure, o sodержashchih'sya pod strazhej, i o ssyl'nyh. 909 s.

30. Solov'eva I.V. (2011) Tradicii opeki u russkih krest'yan v konce XIX v. [Traditions of guardianship at Russian peasants in the end of the 19th century] // *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Ser. 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Vyp. 4 (41). S. 53–59.

31. Harseeva O.V. (2018) Sovestnye sudy v istorii juvenalnogo pravosudiya imperatorskoj Rossii [Conscientious courts in the history of juvenile justice in Imperial Russia] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernad'skogo*. Yuridicheskie nauki. №2. S. 330–342.

32. Chapurko T. M., Lysenko A. V. (2007) Ustanovlenie vozrasta ugolovnoj otvetstvennosti v istorii razvitiya rossijskogo ugolovnogo zakonodatel'stva (do 1918 goda) [Establishing the age of criminal liability in the history of the development of Russian criminal legislation (before 1918)] // *Nauchnyj zhurnal KubGAU*. №25. S. 197–216.

33. Chepko V. V. (1972) Klassovaya bor'ba v belorusskoj derevne v pervoj polovine XIX veka [Class struggle in the Belarusian village in the first half of the 19th century]. Minsk: Nauka i tekhnika. 265 s.

34. Sharaja V. M. (2020) Ujaŭlienni pra siratu ŭ tradycyjnaj kultury bielarusau: asablivasci vyvuchennia i pierspiektyvy dasliedavannia [Ideas about the orphan in Belarusian traditional culture: research particularities and prospects] // *Acta Albaruthenica*. Katedra Białorutenistyki Uniwersytetu Warszawskiego. T. 20. S. 67–85.

Об авторе

Пышкало Екатерина Григорьевна – младший научный сотрудник отдела истории Беларуси конца XVIII – начала XX веков, аспирант, Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь), E-mail: katsyaryna.kimbar@yandex.ru

Pyshkalo Katerina Grigor'evna - junior research fellow in the Department of the history of Belarus from the end of the 18th until the beginning of the 20th centuries, postgraduate student, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Belarus), E-mail: katsyaryna.kimbar@yandex.ru

УДК 93/94

Романика А.С., кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина (Россия)

ВОЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В 1907–1914 ГГ.

В статье рассматриваются теоретические построения представителей партии эсеров по военной проблематике в социально-политическом контексте и практические шаги в рядах армии в период политической реакции. Эсеровские установки и мероприятия изучаются и с учетом партийного опыта, приобретенного в годы Первой российской революции и тенденций развития отечественного революционного движения в целом. Армейские мятежи 1906-07 гг. раскрыты через анализ эсеровского влияния в рядах вооруженных сил и черты восприятия военным пространством протестных и леворадикальных идей в начале XX в. Продемонстрированы особенности отношения командного состава и нижних чинов к политической пропаганде и социалистической доктрине. Обращено внимание и на изменение социально-политического облика отечественной армии вследствие модернизационных процессов начала XX в., дана оценка их воздействию на вовлечение профессиональных военных в социально-политические конфронтации эпохи. Анализируется влияние событий и процессов Первой российской революции на оценку партией роли и места военного компонента в борьбе против царизма. Разбираются различия во взглядах представителей эсеров на методы и средства ведения агитации среди солдат и офицеров с учетом опыта революционной деятельности. Партийные пропагандистские и теоретические материалы раскрыты на предмет соответствия или отхода от традиционных установок отечественного освободительного движения. Обозначены практические шаги эсеров по привлечению военных на свою сторону накануне Первой мировой войны, раскрывающие нарастание кризисных явлений в партии.

Ключевые слова: армейские восстания, армия, общественная мысль, офицеры, Первая российская революция, политическая агитация, политическая реакция, революционное движение, солдаты, социалистическая мысль, эсеры.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-108-118

Введение. В общественно-политической конфронтации в России начала XX в. особое место отводилось армии, которая традиционно использовалась царизмом для решения внутренних задач. В день «Кровавого воскресенья» войска стреляли в народ, а в течение последующих месяцев восставшие и верные власти части неоднократно вступали в столкновения. Революционные силы вели работу по вооружению противостоящих правительству групп, а также привлечению военных на свою сторону. Несмотря на неудачу революция оставила радикалам весомый опыт, который будет использован спустя десятилетие. Деятельность в военном пространстве стала предметом рефлексии со стороны оппозиции в период реакции, что представляет научный интерес на примере партии социалистов-революционеров (эсеров), одной из крупнейших политических сил начала XX в., чье наследие менее изучено по сравнению с их оппонентами по революционному лагерю – большевиками.

Историография эсеров включает значимые работы, однако военный вопрос редко был темой специальных исследований. Видные советские историки К.В. Гусев и В.Н. Гинев рассматривали эсеровское влияние в армейской среде в контексте общих вопросов партийного строительства [6]. М.И. Леонов выделил военное направление как важную составляющую эсеровской работы в годы

Первой революции [13], что затем осветил А.А. Оксенюк [22]. Повышенное внимание к партийной деятельности в рядах армии в период реакции уделено в монографии К.Н. Морозова [16]. Эсеровская пропаганда среди солдат и офицеров накануне Первой мировой войны раскрыта в исследовании П.А. Овечкина [21].

Объект и методы исследования. Объектом исследования выступает военный вопрос в идеологии и практике социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. В методологическом комплексе ведущее место принадлежит проблемно-хронологическому методу, с помощью которого удалось выделить основные проблемы, связанные с тематикой исследования, рассмотреть их в хронологической последовательности. Историко-генетический метод позволил представить рассматриваемые события и явления в историческом движении, выявить причины их возникновения и особенности развития. Историко-типологический метод стал основой для определения ведущих тенденций общественной мысли и направлений политической активности.

Результаты и их обсуждение. В первые годы XX в. эсеры создали сеть ячеек в воинских частях центра страны и периферии [9, л. 5], что позволило «закрепиться» в военном сообществе. С.Д. Масловский (один из военных кураторов партии, впоследствии известный литератор С.

Мстиславский) отмечал, что кружки были преимущественно штатские, ограничивались контактами со знакомыми офицерами и игнорировали деятельность среди солдат. Господствовала идея, что для успеха восстания офицерам достаточно повести подчиненных «по команде», что позволит избежать длительной и рискованной агитации нижних чинов, предотвратит военное подавление выступления, а после революции сохранит армию и ее институты в рабочем и подконтрольном состоянии [18, с. 12] [17, с. 23].

Следуя данной тактике в 1905 г. был создан «Всероссийский офицерский союз». Организация отличалась обособленностью, взаимодействовала с эсерами, но была вне партийной агитации. Эта конструкция соответствовала представлениям командного состава о своей особой роли в деле народного освобождения и положению армии вне политики, что позволило привлечь весомое количество участников, открыть филиалы в провинции [18, с. 12] [17, с. 23]. По свидетельству С. Мстиславского, в 1905 г. при тщательной конспирации с «Союзом» сотрудничал А.И. Деникин, получивший в то время чин полковника [18, с. 16].

Однако бурные события, в которые оказалась вовлечена страна, показали слабые стороны организации и привели к ее скорому закрытию. «Офицерский союз» готовил выступление в столице в 1905 г., но большинство членов оказались не способны на крайние меры в борьбе против правительства по причине моральных принципов или слабой профессиональной подготовки. Сказалось и принятие октябрьского манифеста, который отражал общественно-политические настроения командного состава. «Офицерский союз» предстал наследием офицерских организаций в духе военно-революционного филиала «Народной воли», однако в начале нового века массовый компонент общественного движения в значительной степени определял характер и пути социально-политической конфронтации. Так, С. Мстиславский, анализируя деятельность «Союза», подчеркивал «низовое, стихийно развернувшееся движение рабочих и крестьян, ждавших, требовавших и так и не получивших от нас, тогдашних партийцев, делового руководства» [18, с. 13]. В свою очередь А.И. Спиридович с охранительных позиций называл причиной провала непопулярность радикальных идей среди военных: «С большим усилием удавалось иногда завлечь в организацию какого-либо молодого, неопытного офицера, из неудачливых военных; обычно же, весьма немногие, в общем, офицеры, подпадавшие под влияние социалистов-революционеров, оказывались в действительности, лишь бывшими офицерами, оставившими по тем или иным причинам ряды армии» [26, с. 370].

Одно из крупнейших событий Первой революции – декабрьское вооруженное восстание – было подавлено силами армии, которая выступила надежным инструментом монархии по подавлению общественных выступлений. Б.В. Савинков на этот счет заключал: «... сочувствие отдельных офицеров революционному движению еще ни в малой мере не доказывает, что солдаты не будут стрелять в народ, более того, что сами эти офицеры откажутся от своей военной присяги. Опыт Семеновского полка в Москве подтвердил этот вывод» [25, с. 128]. Военное направление эсеров включало и специфические, традиционные для революционного народного движения методы борьбы, в частности, террористические акты возмездия. Член партии З.В. Конопляникова застрелила 13 августа 1906 г. генерала Г.А. Мина, на суде заявив, что убила его «как командующего Семеновского полка, воспитывавшего солдат-крестьян в духе активной неприязни к народному освободительному движению» [24, л. 1-2]. В одной из прокламаций партия также объясняла террористический акт той ответственностью, которую несет начальник за деяния подчиненных: Мин «сумел обратить своих солдат в зверей, издевающихся над своими жертвами, над слезами, рыданиями и горем их родных близких» [4, л. 1].

В конце 1905 г. при помощи эсеров были организованы мятежи в ряде гарнизонов страны [13, с. 204, 214]. Это вместе с провалом декабрьского восстания, мотивирующим влиянием «Потемкина» и «Очакова» привело к усилению военного направления партийной деятельности. Увеличивалось количество армейских ячеек, в официальных постановлениях военно-социальная тематика играла первостепенную роль [13, с. 257]. В.Н. Фигнер вспоминала, что на фоне японской катастрофы и отмеченных выступлений «казалось, что военная среда наряду с рабочим классом представляет крупнейший революционный фактор, строго дисциплинированный и обладающий организованной материальной силой» [31, с. 186]. Схожие процессы наблюдались в стане социал-демократов, поэтому революционные партии объединяли усилия по подготовке выступления войск против самодержавия. Деятельность среди офицеров уступает место активизации нижних чинов. Акцент делался на агитации среди балтийских моряков по причинам роста бунтарских настроений после неудач в японской кампании и благоприятных условиях работы революционных организаций в Финляндии. Совместный план масштабного восстания на Балтийском флоте не был реализован, но его отголоском стали восстания в Свеаборге, Кронштадте и на броненосце «Память Азова» летом 1906 г. Однако выступления сопровождались несогласованностью и конфликтами между партиями, носили скорее характер стихийного бунта

низов против «господ-офицеров» [2, с. 56, 66, 69-70, 105-106, 116, 147]. Примечательно, что, по воспоминаниям очевидца событий Оттосона-Николаева, кронштадтские «матросы, в массе своей плохо разбиравшиеся в партийных программах, упорно стояли за объединенную военно-революционную организацию» [2, с. 101].

Несмотря на спад революционного движения к лету 1907 г. протестные настроения в армии еще сохранялись. А.А. Трояновский, член военной организации большевиков в Киеве, а в дальнейшем видный советский политический деятель, писал: «... в результате в 1907 г., когда по всей стране укреплялась реакция, в армии то там, то здесь вспыхивали восстания». Причину он видел в специфике распространения социально-политических настроений в военном пространстве: «Армия плохо поддается непосредственному влиянию окружающей среды, а испытывает влияние этой самой среды благодаря проникновению в армию через призывы пополнения и прочее». «Главным будирующим элементом» он видел революционно настроенных призывников из крестьян и рабочих [29, с. 181-182]. К началу XX в. модернизационные процессы меняли социально-политический облик российской армии, превращая ее из закрытого пространства в выразителя интересов масс, чем намеревались воспользоваться дальновидные представители революционного движения.

На следующий день после «третьеиюньского переворота» началось восстание киевского гарнизона. Эсер В.М. Зензинов, годом ранее путешествуя по Украине и встречаясь с киевскими военными работниками, называл местную организацию одной из лучших в партии [10, с. 337]. Активную работу среди киевских военных также вели социал-демократы, издавали газету «Голос солдата» [15, с. 184]. Восстание характеризовалось инициативностью солдат, однако и отсутствием четкого плана действий (в том числе, разногласиями между эсерами и социал-демократами о перспективах выступления) [16, с. 291-292], что привело к конечной неудаче.

Все лето 1907 г. продолжались революционные брожения в Севастополе, где были сравнительно сильны позиции эсеровской военной организации [16, с. 293-294]. Б.В. Савинков, в 1906 г. сидевший в заключении в Севастополе и после совершивший удачный побег, вспоминал: «Во всех ротах были солдаты социалисты-революционеры, социал-демократы и просто сочувствующие революции, были также и унтер-офицеры, входившие в революционные военные организации» [25, с. 182]. Листовка описывала местные настроения: «Мы, солдаты и матросы Севастопольского гарнизона, обсудив на сколько возможно это, находясь в нашем положении – при постоянном шпионстве,

ссылках в армии, карцерах и т.п., настоящее положение России находит, что жить так, как теперь дальше нельзя, что военно-полевые суды, массовые расстрелы, непрерывные голодовки крестьян и рабочих, неизбежные при том малоземелье и бесправии ... полные произвол и насилие, которые царят во всех углах нашей многострадальной родины; финансовая политика казнокрадов-чиновников довели страну до обнищания» [19, л. 1] (исходя из стилистики и грамматики автор действительно являлся представителем нижних чинов). Участник революционных выступлений Х.М. Дюльдин (старшина кочегарного отделения на броненосце «Синоп»), описывая настроения матросов, утверждал: «Лозунг «в борьбе обретишь ты правое свое», призыв к организованному восстанию – было духом времени» [7, с. 143].

Однако революционный энтузиазм военных и их подверженность радикальной пропаганде шли несколько вразрез с партийной оценкой состояния дел. В прокламации от 19 мая 1907 г., обращенной к севастопольским солдатам и матросам, говорилось, что революция находится в «моменте затишья», поэтому необходимо «заранее сговориться и сорганизоваться» (в частности, выработать устав местной военной организации) [27, л. 1]. По воспоминаниям В.Н. Фигнер, представители местного комитета эсеров выступали против восстания, считая его бесперспективным, но были вынуждены уступить напору военных [31, с. 181-182]. Примечательно, что с аналогичной проблемой столкнулся А.А. Трояновский во время работы в киевском гарнизоне [29, с. 185].

В итоге, в сентябре 1907 г. в Севастополе произошло выступление, закончившееся провалом и впоследствии многочисленными арестами. Представитель политического сыска А.И. Спиридович утверждал, что эсеры переоценили свою популярность в гарнизоне Севастополя: «По плану рисовалось нечто грандиозное, действительность же показала – сколь нелепы были их надежды на восстание войск» [1, с. 78]. Причины неудачи анализировала и партийная верхушка. В.Н. Фигнер характеризовала выступление «революционным эпизодом без связи с общим ходом революции», которое «не было вызвано необходимостью» и показало «упадок» военного компонента революционного движения [31, с. 184]. В.М. Чернов обратился к севастопольскому мятежу на Первой Общепартийной конференции 1908 г.: «Нам много раз говорили, что Севастополь наш, что эскадра наша, что массы рвутся в бой ... Оказалось, что и тут положение было сильно переоценено, и в результате получилась чувствительная неудача. Оказалось, что настроение войск – очень колеблющееся, и строить на нем расчеты чрезвычайно трудно». Однако он

подчеркивал: «Понятно, что это не может служить основанием разочарования в работе среди войск. Скорее наоборот: случай этот должен послужить стимулом к дальнейшему расширению и углублению нашей военной работы» [23, с. 104]. В.М. Чернов еще в конце 1905 г. в программном выступлении называл переход армии на сторону «народа» «заветнейшим желанием» [33, с. 253], и события революции подтвердили для партии потенциал военного направления деятельности.

Не принесло успехов и восстание во Владивостоке осенью 1907 г. Взрывном элементом еще в конце 1905 г. оказались многочисленные запасные, недовольные долгой отправкой домой. Они устраивали митинги, громили торговые лавки и дома офицеров. Несмотря на массовые аресты радикальные настроения в гарнизоне сохранялись, и эсеры через отделение в Нагасаки распространяли пропагандистские материалы. Во Владивостоке была создана эсеровская военная организация, которая собиралась «вести пропагандистскую и агитационную работу во всех частях войск гарнизона, организовывать борьбу против военной дисциплины и за общее улучшение солдатского быта, открытые митинги протеста...». Целью ставилось руководить вспышками солдатского недовольства и, в конечном счете, преобразовать их в массовое выступление [14, с. 102-104]. Наиболее успешно эсеры вели пропаганду в портовых мастерских Владивостока, в меньшей степени подверженных полицейскому надзору. Это позволяло революционизировать и местных рабочих, и матросов.

Восстание во Владивостоке началось в октябре 1907 г. (несмотря на аресты солдат после локальных конфликтов и раскрытие пропагандистской сети). Как в Киеве и Севастополе выступление характеризовалось активностью нижних чинов, которая, однако, имела скорее бытовые причины – рядовые выплеснули злобу за еще недавно пережитые ужасы войны против Японии и притеснения со стороны командиров, а также плохое материальное положение. Один из рапортов гласил: «Мятежники действовали настолько отчаянно, что некоторые подбегали вплотную к пулемету и стрелкам» [14, с. 107-109]. Владивосток был объявлен на осадном положении. К концу октября восстание было подавлено, затем разгромлена и местная эсеровская военная организация [14, с. 119-120].

Владивостокское выступление стало последним военным мятежом 1907 г., после в армейском пространстве, как и в обществе целом, наблюдается политическое затишье. Отмеченные восстания показали, что радикальной оппозиции удалось проникнуть в армейское сообщество, создать или поддержать прецеденты военно-политической

активности, которые грозили армии началом процесса «разложения» в кризисные моменты.

Для достижения целей эсеры использовали декабристскую/народовольческую тактику создания тайных офицерских обществ. Это соответствовало традиционной для отечественного освободительного движения идее о «героях толпы», способных повести угнетенные массы за собой. Командный состав армии в силу сравнительно высокого уровня образования и нарастания профессиональных проблем поддавался политической агитации, а самодержавие в их глазах теряло черты «сильной власти», способной обеспечить внутри- и внешнеполитический порядок [5]. Но выступления в годы революции продемонстрировали и потенциал солдатской массы как активного и сознательного участника антиправительственной борьбы, что стало новой и главной чертой военно-революционного направления начала XX в. Эсеры осознавали данные тенденции, поэтому наряду с созданием тайных организаций применяли и тактику массовой агитации. Сочетание конспиративной и пропагандистской, офицерской и солдатской работы давало как определенные результаты, так и вело к противоречиям, постоянным идейным исканиям и частым изменениям вектора деятельности.

В начале революции доминировала идея создания внепартийных военных организаций («Всероссийский офицерский союз», «Всероссийский союз солдат и матросов»), которую развивал С.Ф. Михалевич [1, с. 74]. Прощедший долгую сибирскую ссылку в годы революции он руководил Центральным военно-организационным бюро эсеров [16, с. 125] – конспиративной и автономной группой людей, близких к армейской среде. Оно было сформировано к 1906 г. Не являясь непосредственно армейской организацией, бюро ставило задачу координации партийной деятельности в рядах вооруженных сил [31, с. 185]. Также в годы революции С.Ф. Михалевич руководил Кронштадтской военной ячейкой (в том числе восстанием летом 1906 г.) [1, с. 75].

Несколько отличными были взгляды Н.В. Чайковского, одного из старейших партийных членов, также входившего в состав военного бюро [31, с. 187]. По его мысли, террор устарел как средство борьбы. Как и другие узкоспециализированные мероприятия, он годится лишь на подготовительной стадии, поэтому для успеха революции необходимо организовать массовое партизанское движение. Его центрами могут стать Урал, Кавказ и другие местности, где природные условия позволяли бы вести длительное и успешное вооруженное противостояние правительству. Ведущая роль отводилась военным, прежде всего, дезертирам, так как, по мысли Н.В. Чайковского,

число побегов из армии со временем будет лишь увеличиваться на фоне кризиса самодержавия и его институтов.

«Руководителем военной работы» Н.В. Чайковский намеревался сделать американца Джона Купера, участвовавшего еще в Гражданской войне на стороне южан (ранее Н.В. Чайковский ездил в США с координационными и пропагандистскими целями). Организационные задачи также должен был решать «десяток, другой обученных офицеров, которые знали бы партизанство не по наслышке, а из первых рук». Партизанское движение представлялось, как и в конструкциях С.Ф. Михалевича, беспартийным, но проникнутым «революционно-народным духом» [32, с. 232-233], что перекликается с идеями еще А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского о создании боевого союза народа, солдат и офицеров для борьбы против самодержавия. Предложение Н.В. Чайковского заставило эсеровское ЦК в 1907 г. безрезультатно рассмотреть вопрос о «партизанских выступлениях» [16, с. 289-290].

Интересной была концепция эсеровской севастопольской ячейки, которая отводила военно-крестьянскому союзу роль передовых отрядов: «Рабочих мы приглашаем организовывать советы рабочих депутатов и боевые дружины с тем, чтобы в нужный момент городской пролетариат мог бы вступить на борьбу ... начав всеобщей забастовкой пролетариат должен закончить вооруженным восстанием, когда условия к нему будут подготовлены выступлением крестьян и войска» [12, л. 1]. Во Владивостоке эсеровская организация сосредоточила свою деятельность исключительно среди солдат и матросов [14, с. 104-106]. Отчасти это объясняется наследием Японской кампании, когда в условиях военного кризиса обострился конфликт нижних чинов и командного состава, который имел не только профессиональные, но и социально-политические причины – противостояние «барина» и «крестьянина». В частности, С.Д. Масловский писал, что «мне лично не раз приходилось слышать от солдат, что офицеры «стесняют» их, что без офицеров лучше» [17, с. 29-31].

Уже в 1910 г. в «Социалисте-революционере» автор под псевдонимом «Виктор Военный» (существуют разные точки зрения на его личность [16, с. 315]) опубликовал статью, где анализировал армейские выступления. Он пришел к выводу, что по причине политической индифферентности командного состава военный переворот в России невозможен. Поэтому эсерам необходимо отказаться от ставки на офицерский заговор и создать «народно-революционную армию», где нижние чины станут частью массового компонента, а офицеры будут выполнять организаторскую роль [16, с. 315-316].

Также в 1910 г. активизировалась группа во главе с С.Ф. Михалевичем, которая стремилась обновить эсеровскую теорию и практику. В их декларации говорилось, что «сама жизнь заставила нас относиться отрицательно к прежним приемам партийной работы, практиковавшей широкий, но поверхностный захват массы путем агитации и бессистемной кружковой пропаганды. Настоящее время и пережитые неудачи диктуют необходимость углубления социалистической работы, ограничиваясь небольшими по составу, но прочными кружками, которые должны объединять наиболее сознательные элементы и служить проводниками в широкие массы социально-революционных идей». В качестве главных целей революционной пропаганды выступали крестьяне, рабочие, учащаяся интеллигенция и военные [26, с. 486-487]. Реализации планов помешал очередной арест С.Ф. Михалевича и его скорая кончина.

Разнообразие взглядов эсеров на роль армии в освободительной борьбе отмечал один из главных партийных теоретиков В.М. Чернов в 1905 г.: «...нашим заветнейшим желанием является – привлечь армию к переходу на сторону народа; если возможно целиком, с офицерами во главе; это лучшее, о чем только можно мечтать. ... партия стремится не только распропагандировать нижних чинов. Нет, она стремится создать и организации офицерские. Я [в беседе с редакционным собранием «Сына Отечества»] упомянул о традиции декабристов и народовольчества» [33, с. 254]. Широту эсеровских подходов по работе с военными, а вместе с этим и их противоречивость раскрывал и С.Д. Масловский: «...лозунгом военной работы партии на первом этапе было: искать связей в солдатской массе, стремясь вовлечь ее в движение; но, поскольку о массовой военной организации до поры до времени не приходится думать, сосредоточить особые усилия на организации офицеров» [18, с. 13].

В ноябре 1907 г. состоялось совещание представителей ЦК и военных специалистов ряда областей. Последние свели трудности работы к низкой инициативе военных, «случайному составу военных работников» и «неудовлетворенностью общепартийной организации» [16, с. 298]. Совещание показало и разногласия по поводу перспектив широкого вооруженного выступления с привлечением армии или обособленного мятежа военных. Если представители ЦК настаивали исключительно на первом варианте, то военные работники аргументировали необратимость второго: «Частичные выступления войск диктуются психологией солдат и условиями их быта. Как только разрушается под влиянием революционной пропаганды обаяние царя, смысл дисциплины, – а так гнет ее становится нестерпимым, и войско

выступает по закону своей психологии, вне связи с народом». По их мнению, даже разрозненные армейские выступления значительно воздействуют на настроения политически нейтральных сослуживцев, лишают правительство уверенности в надежности военной системы, дают радикалам надежду на успех борьбы [16, с. 299].

После революции в официальных партийных документах доминирующей становится идея массового вооруженного восстания, к которому должна присоединиться армия в качестве одного из компонентов. Военное направление в деятельности эсеров постепенно теряет самостоятельную роль.

Резолюция III Совета партии (состоявшегося в мае-июне 1907 г., когда сохранялись иллюзии о не затухании революции) отмечала способность местного выступления, локального взрыва как «естественного явления» привести к всеобщему восстанию против действующего строя. Большие надежды возлагались на армию, так как наряду с террором «наиболее дезорганизирующее влияние на правительство и развязывающее влияние на революционную энергию масс оказывают движения в войсках». Поэтому говорилось, что «если обостренное настроение солдат угрожает стихийным волнением», то необходимо «внести в него организованность и выработанный план», если это «дает серьезные шансы для хотя бы местного и временного, но широкого успеха» [23, с. 27-28].

Но IV Совет партии, состоявшийся спустя год, уже скептически отнесся к местным выступлениям, «в которых может происходить бесплодная растрата народной энергии». Отвергалась и идея создания внепартийных военных организаций. Декларируя тактику, Совет постановил «вести интенсивную работу среди войска, в смысле не только революционирования этого источника правительственной силы, но и создания в ней сознательных и надежных ядер чисто-партийного характера». Важной задачей выступала «боевая подготовка партийных масс (заготовка оружия, обучение революционно-боевой технике)», что должно было позволить избежать «преждевременных и нецелесообразных вспышек» [23, с. 294]. Подавление народных выступлений в годы революции и разгон I и II Государственных дум наводили партийных членов на мысль о необходимости организации массовой и хорошо структурированной вооруженной борьбы как единственного средства свержения самодержавия.

Согласно программным документам V Совета партии 1909 г. (последнего до 1917 г.) допускалось создание специальных крестьянских, рабочих и военных организаций с внутренней автономией, но «лишь с санкции местных организаций и [с необходимостью действовать] согласно уставам,

утвержденным общими конференциями всех местных работников» [23, с. 355]. Целесообразность военной ячейки объяснялась спецификой работы в рядах армии и ее большим размахом, что часто было не под силу локальным группам. Подразумевалось, что комиссия объединит специалистов, «соединяющих по возможности теоретическое знакомство с военным делом и практический опыт революционной работы в армии». Подчеркивалось ее единство с партией: «Совет партии, констатируя в прошлом, с одной стороны, некоторую обособленность и отчужденность военной работы от общепартийной, а с другой – не всегда достаточную оценку важности военной работы – полагает [необходимость сделать] военную работу существенной и неразрывной составной частью партийной деятельности» [23, с. 359].

V Совет партии также издал несколько отдельных постановлений по военно-социальной тематике. Задачей ставилось заручиться поддержкой солдат передовых убеждений. Подчеркивалось, что они должны принимать сознательное участие в партийной жизни и вовлекать товарищей в революционную деятельность (партия сталкивалась с трудностями вербовки по причине усиления контрмер в армии после революции). Декларировалось, что «общеполитическое затишье в стране и отсутствие широкого брожения в массах солдат и матросов делают несвоевременным образование широких беспартийных массовых военных организаций». Акцент делался на распространении пропагандисткой и просветительской литературы, которая «должна вестись с большой осторожностью во избежание таких обострений, которые могли бы привести к активным выступлениям на этой почве» [23, с. 361-362]. Тактика широкой агитации в военном сообществе отводила на второй план работу с командным составом. Было принято «преждевременным восстановление офицерской работы в ее полном объеме», предлагалось ограничиться сохранением контактов и распространением подпольной литературы. Создание «офицерской революционной организации» планировалось лишь «в момент будущего нового общественного подъема» [23, с. 362-363].

Разбор работы в рядах армии был осуществлен на Первой Общепартийной конференции в августе 1908 г. в Париже. Представители Баку, Северного Кавказа, Крыма, юга Украины, Туркестана отчитались о слабых контактах в военном сообществе или их полном отсутствии. Меткую характеристику социально-политическим настроениям нижних чинов дал Ю.М. Стеклов, курировавший в то время направление Крыма и юга Украины: «Военная организация слаба. Настроение солдат пониженное. Проявить инициативу в деле боевого выступления не

склонны, но оказать поддержку народному восстанию обещают». Согласно отчетам эсерам удалось добиться успехов в московском гарнизоне: солдаты читали революционную литературу и тщательно придерживались конспирации. Но и там возникала проблема ограниченного количества людей, имевших прочные и обширные связи в военном сообществе. Среди партийных достижений отмечались также пропаганда среди матросов на стоянках в Баку (утверждалось, что в этом направлении эсеры превзошли социал-демократов), потребность волжских матросов в чтении революционной литературы, плодотворная партийная агитация в гарнизонах Урала и Дальнего Востока [23, с. 72-74, 77, 79, 81, 84-85, 87, 94].

Эти проблемы и противоречия заставляли эсеров помимо теоретических исканий осуществлять и внутренние перестановки. Осенью 1907 г. было ликвидировано Центральное военно-организационное бюро. Формальным поводом стал провал севастопольского мятежа [16, с. 130-131]. За этим скрывались и более широкие неудачи и разногласия в работе. Успехи по пропаганде военных были вызваны деятельностью местных организаций, тогда как бюро не имело отделений. Об этом писала В.Н. Фигнер, принимавшая участие в реформировании, а в качестве обратного примера приводила военный филиал «Народной воли» с сетью местных ячеек. Также по ее свидетельству, руководство не устраивала высокая степень обособленности бюро, имелись опасения, что военная составляющая партийной работы преобладает над гражданской [31, с. 185].

Анализируя неудачи деятельности бюро и армейского направления в целом необходимо отметить и малое количество людей в партии, имеющих основательные военные познания. Характерный случай упоминал С.Д. Масловский (С. Мстиславский). Для подготовки в 1905 г. «Всероссийским офицерским союзом» вооруженного восстания в Петербурге был сформирован межпартийный боевой комитет (в том числе, был включен С.Ф. Михалевич) для решения технических вопросов, «хотя уровень именно технической военной подготовки входивших в него лиц был очень невысок. На одном из заседаний произошел жесткий спор по вопросу о том, в каком виде пироксилин представляет опасность взрыва – в сухом или влажном. Один из нас, чтобы «практически» разрешить спор, попросту вынул из кармана бывшую при нем пироксилиновую шашку и зажег ее; надо было видеть лица той части совещания, которая была уверена, что в этом виде пироксилин взрывает». По мнению С.Д. Масловского, организация выступления провалилась именно по причине низкой «технической и особенно тактической подготовки кадров» [18, с. 21, 32].

После ликвидации бюро армейская работа передавалась созданной военной комиссии и местным организациям. Комиссия по своему статусу была ниже бюро, она вынуждена вести деятельность с ведома ЦК. Члены бюро не стали исполнять решение, считая новую схему работы противоречащей партийным принципам свободы деятельности, выборности, поощрения инициативы снизу [16, с. 132]. Они продолжали вместе собираться и на встрече в ноябре 1907 г. арестованы. В.Н. Фигнер утверждала, что им удалось уничтожить основные компрометирующие документы, тогда как А.И. Спиридович – обратное, и что это помогло «почти окончательно пресечь партийную работу среди войсковых частей» [1, с. 79] [31, с. 206-207].

Приговоры оказались мягкими, вскоре члены бюро были освобождены. Большинство (например, Н.В. Чайковский) прекратило революционную деятельность. Однако часть участников отправилась в эмиграцию, где продолжила борьбу против самодержавия. Наибольшая активность исходила от В.И. Лебедева, выпускника Тифлисского пехотного училища, входившего в руководство эсеровских военных структур, впоследствии одного из организаторов Народной армии КОМУЧа. Он и жена Маргарита (в девичестве Спенглер) по инициативе М.А. Натансона вели с 1908 г. пропаганду среди матросов во время заграничных стоянок российских кораблей [31, с. 185-188].

Радикальные идеи были распространены на крейсере «Рюрик». В.Н. Фигнер со ссылкой на разговор с В.П. Костенко сообщала о наличии революционной организации на корабле: в главный комитет входило 30 человек, «а около него группировалось до 200 матросов» [31, с. 188]. В.П. Костенко был боевым офицером, членом команды «Рюрика» и параллельно входил в эсеровские военные структуры. Его раскроют только в 1910 г. С матросами «Рюрика» установили контакты Е. Азеф и Б.В. Савинков, рождается идея организации покушения на Николая II во время смотра в Кронштадте осенью 1908 г. [25, с. 215] [31, с. 188]. Стрелять в императора было поручено машинисту Г. Авдееву, также оружие было у вестового Каптеловича. Но царевубийство не состоялось. Б.В. Савинков считал, что матросы не решились на выстрел. Однако В.Н. Фигнер согласно свидетельству В.П. Костенко писала, что революционная организация на крейсере готовила выступление на Балтийском флоте, опасалась раскрытия и решила, что потенциальное восстание приоритетнее террористического акта [25, с. 216] [31, с. 189].

В эмиграции издавались партийные материалы – газеты «За народ» и «Народная армия», предназначенные исключительно для армейской аудитории. В распространении литературы

помимо В.И. Лебедева большую роль играл Ф.В. Волховский, бывший народник, в годы революции входивший в Центральное военно-организационное бюро, впоследствии – редактор ЦО [31, с. 215]. В частности, в 1911 г. он предлагал усилить военное направление в печати эсеров, но идея была отклонена [16, с. 321-322].

В эсеровских прокламациях звучали как характерные для леворадикальной мысли призывы к крушению царизма и перестроению общества на демократических и социалистических началах, так и новые требования, вызванные событиями революции. Например, одна из листовок предлагала «созвать настоящую Думу на основе всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов», так как «только такая Дума может знать все нужды трудового народа». Также в прокламации критиковалась практика военно-полевых судов [19, л. 1].

Авторов пропагандистских материалов очень беспокоили карательные функции военных: «Армия несет службу полиции, вследствие чего развращается и становится не годной для защиты от внешних врагов» [19, л. 1]; «Дожили вы до того, поставили вас вместо полицейских фараонов нести полицейскую службу» [28, л. 2]. Это объяснялось и стандартной риторикой радикалов, и влиянием случаев вооруженного подавления общественных протестов в период революции. Военных призывали к обратным действиям: «Мы обращаемся к солдатам и матросам с убеждением отказываться исполнять приказания начальства, и не только не стрелять в своих братьев – крестьян и рабочих, но немедленно переходить на сторону народа, вплоть до вооруженного восстания против народных угнетателей» [12, л. 1].

Традиционным требованием была замена регулярной армии народной милицией (идея эволюционировала еще от теоретических конструкций А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского), что позволило бы военным исполнять лишь одну роль – защиту населения от внешней угрозы. Однако на этот счет интересна точка зрения С.Д. Масловского (С. Мстиславского), что офицеры хорошо представляли свою профессиональную деятельность без института монархии, однако не разделяли концепт народной милиции – «с чисто военной точки зрения лозунг был вопиющей нелепостью». Это заставляло их сомневаться и в целом в необходимости радикальных общественных преобразований, потому что в старом мире хотя бы действует «настоящая армия» [18, с. 28-29].

Эсеровская агитация критиковала не только устаревшее устройство вооруженных сил царизма, но и делала акцент на затруднительных условиях жизни нижних чинов, что рассматривалось как фактор усиления революционной борьбы. Партия обличала бедность как недопустимое явление, под

своим знаменем стремилась улучшить материальное положение военных. Для этого действовали кассы взаимопомощи в гарнизонах. Например, устав кассы в Кронштадте гласил: «Касса для устройства побега, для покупки нечаянно испорченной или утерянной товарищами казенной вещи, за что [он] может быть наказан ... помощи при болезнях» [30, л. 1]. Это позволяло даже в условиях спада революционной активности оказывать некоторое положительное воздействие на вовлечение военных в ряды оппозиции.

Упадок армейского направления в практической деятельности эсеров помимо спада революционного движения в целом и отсутствия крупных военных конфликтов объяснялся и значительным общепартийным кризисом. А.И. Спиридович писал, что к лету 1908 г. «положение партийных организаций очень ухудшилось», наблюдались лишь некоторые очаги активной деятельности, «общее положение партии характеризовалось словом "деморализация"». Имели место частые аресты, а также постоянные слухи о провокациях [26, с. 410, 424]. К 1910 г. была в большой степени разрушена структура местных партийных отделений [16, с. 31-38]. Наблюдались финансовые трудности. В одной из нелепых прокламаций говорилось, что партии «нужны люди и деньги для успеха нашего великого дела ... людей у нас достаточно, денег же нет». Поэтому автор в жесткой форме просил денег для борьбы против «тяжелого ига коронованного вампира Николая последнего», в противном случае грозил репрессиями после прихода к власти [20, л. 1]. Большое деструктивное влияние имело и знаменитое разоблачение Е. Азефа. Тяжелое состояние заставляло некоторых членов партии совершать крайние поступки. Так, А.А. Петров, бывший учитель, фанатик, искалеченный при неудачном изготовлении бомбы, после случая с Е. Азефом решает стать двойным агентом, что помогло ему в декабре 1909 г. взорвать деятеля политического сыска полковника С.Г. Карпова [11].

Во время реакции в изданиях социалистических сил господствовала идея неизбежности нового революционного подъема. Воззвание данного периода, обращенное к солдатским массам, убеждало: «Революция, как и война, имеет свои моменты кровавых столкновений и моменты затишья, когда утомленные борцы пополняют свои ряды и собираются с новыми силами...» [27, л. 1]. Другое, написанное под влиянием младотурецкой революции, говорило: «Русская армия как будто бы спит, как будто бы смирилась с настоящим положением и в русской армии все тихо, но не благополучно». В России «виселица и жандармы являются правом и законом», изменить же ситуацию должны «сознательные крестьяне, солдаты и

рабочие» революционным путем [8, л. 1]. Неизбежность новой волны общественно-политической конфронтации понимали и представители закона. А.И. Спиридович заключал в 1914 г.: «Крестьянство, пролетариат и военная среда – вот куда направят свои усилия партийные работники [эсеров] стараясь привлечь их на свою сторону для борьбы с правительством» [26, с. 496]. Прогнозы сбылись с началом Первой мировой войны, политическим итогом которой для эсеров стал допуск к власти, затем – эмиграция и забвение.

Заключение (выводы). Эсеры представляли собой значительную организацию со сложившимися силами, способную привлечь на свою сторону различные социальные группы. Работа в

военной среде стала предметом политической дискуссии внутри партии. Представители эсеров искали разные пути пропаганды среди солдат и офицеров. Разнообразие подходов радикалов позволяло постоянно воздействовать на армейское пространство, поддерживать или организовывать протесты даже в годы реакции. В то же время эсеры оказались не способны выработать четкое и близкое солдатам представление о роли армии в освободительном движении, ибо в новом веке именно массовые участники становились решающей силой революционного процесса. Это обстоятельство позволит большевикам с их пониманием классового подхода перехватить политическую инициативу в 1917 г.

Список литературы

1. Боевые предприятия Социалистов-революционеров в освещении охраны. М.: Революционный социализм, 1918. – 112 с.
2. Восстания в Балтийском флоте в 1905-1906 гг. в Кронштадте, Свеаборге и на корабле «Память Азова»: сборник статей, воспоминаний, материалов и документов. Л.: Прибой, 1926. – 162 с.
3. Гинев В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества 1902-1914 гг. Л.: Наука, 1984. – 335 с.
4. Граждане! // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 2.
5. Гребенкин И.Н. Российское офицерство и политическая жизнь России в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. 2009. № 3 (71). – С. 220-228.
6. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. – 383 с.
7. Дюльдин Х.М. Подготовка к восстанию в Севастополе в связи с разгоном 2-й Государственной Думы // Каторга и ссылка. 1925. № 5. – С. 143-147.
8. За нами очередь! Товарищи солдаты и матросы! // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 91.
9. Запись структуры организации партии социалистов-революционеров // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. № 44.
10. Зензинов В.М. Пережитое. Воспоминания. Нью Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. – 416 с.
11. К убийству полковника Карпова // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 38.
12. Ко всем гражданам! // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 91.
13. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997 – 512 с.
14. Лившиц С. Военное восстание во Владивостоке 16-17 октября 1907 г. // Каторга и ссылка. 1925. № 7. – С. 102-122.
15. Логачева-Пилецкая М. Киевская подпольная типография 1905-1906 г. // Каторга и ссылка. 1925. № 5. – С. 174-189.
16. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. – 624 с.
17. Мстиславский С.Д. Из истории военного движения: (По личным воспоминаниям): «Офицерский» и «Боевой» союзы 1906–1908 гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 6 (55). – С. 7-31.
18. Мстиславский С.Д. Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка. 1928. № 2 (39). – С. 7-37.
19. Наказ солдат и матросов г. Севастополя группы С.-Р. и трудовиков в Государственную думу // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 91.
20. Обращение к гражданам // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 1.
21. Овечкин П.А. Деятельность партии социалистов-революционеров в войсках Московского гарнизона 1914-1917 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 2009. – 31 с.
22. Оксенюк А.А. Военные организации эсеров в 1905-1907 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2012. № 6. – С. 74-82.
23. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. II. М.: РОССПЭН, 2001. – 584 с.
24. Речь на суде З.В. Коноплянниковой // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 2.
25. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М.: Азбука, 2016. – 480 с.
26. Спиридович А.И. Партия Социалистов-Революционеров и ее предшественники. Петроград:

Военная типография, 1916. – 623 с.

27. Товарищи солдаты и матросы! // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 91.

28. Товарищи солдаты! // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 2.

29. Трояновский А. А. Восстание в Киеве в 1907 г. // Каторга и ссылка. 1922. № 3. - С. 181-188.

30. Устав кассы взаимопомощи кронштадтского гарнизона военно-революционной организации ПСР // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 96.

31. Фигнер В.Н. После Шлиссельбурга // Избранные произведения в трех томах. Т. III. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. – 400 с.

32. Чайковский Н.В. О переходе к партизанской войне // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. – С. 232-233.

33. Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. – 412 с.

MILITARY DIRECTION IN THE ACTIVITIES OF THE SOCIALIST-REVOLUTIONARY PARTY IN 1907–1914.

The article examines the theoretical constructions of representatives of the Socialist revolutionary Party on military issues in a socio-political context and practical steps in the ranks of the army during the period of political reaction. The views and activities of socialist revolutionaries are also studied taking into account the party experience gained during the First Russian Revolution and the trends in the development of the national revolutionary movement as a whole. The army riots of 1906-07 were revealed through an analysis of the influence of socialist revolutionaries in the ranks of the armed forces and the peculiarities of the perception of protest and left-wing radical ideas by the military community at the beginning of the twentieth century. The peculiarities of the attitude of the command staff and lower ranks to political propaganda and socialist doctrine are shown. Attention is also drawn to the change in the socio-political appearance of the national army as a result of the modernization processes of the early twentieth century and their impact on the involvement of professional servicemen in the socio-political confrontations of that era is assessed. The influence of the events and processes of the First Russian Revolution on the party's assessment of the role and place of the military component in the fight against tsarism is analyzed. The differences in the views of representatives of the Socialist revolutionary Party on the methods and means of campaigning among soldiers and officers are analyzed, taking into account the experience of revolutionary activity. Party propaganda and theoretical materials are revealed for compliance or departure from the traditional attitudes of the national liberation movement. The practical steps of the socialist revolutionaries to attract the military to their side on the eve of the First World War are outlined, revealing the growing crisis phenomena in the party.

Keywords: army uprisings, army, public thought, officers, the First Russian Revolution, political agitation, political reaction, revolutionary movement, soldiers, socialist thought, social revolutionaries.

References

1. Boevy`e predpriyatiya Soczialistov-revoljucionerov v osveshhenii okhranki [Combat enterprises of the Socialist Revolutionaries in the coverage of the Okhrana] (1918). M. : Revolutionary Socialism. – 112 s.

2. Vosstaniya v Baltijskom flote v 1905-1906 gg. v Kronshtadte, Sveaborge i na korable «Pamyat` Azova»: sbornik statej, vospominanij, materialov i dokumentov [Uprisings in the Baltic Fleet in 1905-1906 in Kronstadt, Sveaborg and on the ship "Memory of Azov": collection of articles, memoirs, materials and documents] (1926). L.: Priboy. – 162 s.

3. Ginev V.N. (1984) Bor`ba za krest`yanstvo i krizis russkogo neonarodnichestva [The struggle for the peasantry and the crisis of Russian neo-populism 1902-1914]. L.: Nauka. - 335 s.

4. Grazhdane! [Citizens!]. *Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv soczial`no-politicheskoj istorii* (hereinafter – *RGASPI*). F. 274. Op. 1. Ed. hr. 2.

5. Grebenkin I.N. (2009) Rossijskoe oficzerstvo i politicheskaya zhizn` Rossii v nachale XX v. [Russian officers and the political life of Russia at the beginning of the XX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. No. 3 (71). – S. 220-228.

6. Gusev K.V. (1975) Partiya e`serov: ot melkoburzhuznogo revoljucionarizma k kontrrevoljuczii [The Socialist Revolutionary Party: from petty-bourgeois revolutionism to counterrevolution]. M.: Mysl. – 383 s.

7. Dyuldin H.M. (1925) Podgotovka k vosstaniyu v Sevastopole v svyazi s razgonom 2-j Gosudarstvennoj Dumy` [Preparation for the uprising in Sevastopol in connection with the dispersal of the 2nd State Duma]. *Katorga i ssy`lka*. No. 5. – S. 143-147.

8. Za nami ochered`! Tovarishhi soldaty` i matrosy`! [There's a queue behind us! Fellow soldiers and sailors!]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 91.

9. Zapis` struktury` organizaczii partii soczialistov-revoljucionerov [Recording of the organization structure of the Socialist Revolutionary Party]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. chr. No. 44.

10. Zenzinov V.M. (1953) Perezhitoe. Vospominaniya [The experience. Memories]. New York: Chekhov Publishing House. – 416 s.

11. K ubijstvu polkovnika Karpova [To the murder of Colonel Karpov]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 38.
12. Ko vsem grazhdanam! [To all citizens!]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 91.
13. Leonov M.I. (1997) Partiya soczialistov-revoljucionerov v 1905-1907 gg. [The Party of Socialist Revolutionaries in 1905-1907]. M.: ROSSPAN. – 512 s.
14. Livshits S. (1925) Voennoe vosstanie vo Vladivostoke 16-17 oktyabrya 1907 gg. [The military uprising in Vladivostok on October 16-17, 1907]. *Katorga i ssy'lka*. No. 7. – S. 102-122.
15. Logacheva-Piletskaya M. (1925) Kievskaya podpol'naya tipografiya 1905-1906 g. [Kiev underground printing house 1905-1906]. *Katorga i ssy'lka*. No. 5. – S. 174-189.
16. Morozov K.N. (1998) Partiya soczialistov-revoljucionerov v 1907-1914 gg. [The Party of Socialist Revolutionaries in 1907-1914]. M.: ROSSPAN. – 624 s.
17. Mstislavsky S.D. (1929) Iz istorii voennogo dvizheniya: (Po lichny'm vospominaniyam): «Oficzer-skij» i «Boevoj» soyuzy` 1906–1908 gg. [From the history of the military movement: (According to personal memoirs): "Officer" and "Combat" unions of 1906-1908]. *Katorga i ssy'lka*. No. 6 (55). – S. 7-31.
18. Mstislavsky S.D. (1928) Otry`vki o pyatom gode [Excerpts about the fifth year]. *Katorga i ssy'lka*. No. 2 (39). – S. 7-37.
19. Nakaz soldat i matrosov g. Sevastopolya gruppy` S.-R. i trudovikov v Gosudarstvennyu dumu [The punishment of soldiers and sailors of Sevastopol of the group of S.-R. and trudoviks in the State Duma]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 91.
20. Obrashhenie k grazhdanam [Appeal to citizens]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 93. L. 1.
21. Ovechkin P.A. (2009) Deyatel'nost' partii soczialistov-revoljucionerov v vojskakh Moskovskogo garnizona 1914-1917 gg. [Activity of the Socialist Revolutionary Party in the troops of the Moscow garrison 1914-1917]. Dis... kandidata istoricheskikh nauk. M., 2009. – 31 p.
22. Oxenyuk A.A. (2012) Voenny'e organizaczii e`serov v 1905-1907 gg. [Military organizations of the Socialist Revolutionaries in 1905-1907]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 8: Istorija. No. 6. – S. 74-82.
23. Partiya soczialistov-revoljucionerov. Dokumenty` i materialy` [The Party of Socialist Revolutionaries. Documents and materials] (2001). Vol. II. M.: ROSSPAN. – 584 s.
24. Rech` na sude Z.V. Konoplyannikovej [Speech at the trial of Z.V. Konoplyannikova]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 2.
25. Savinkov B.V. (2016) Vospominaniya terrorista [Memoirs of a terrorist]. M.: Azbuka. – 480 s.
26. Spiridovich A.I. (1916) Partiya Soczialistov-Revoljucionerov i ee predshestvenniki [The Party of Socialist Revolutionaries and its predecessors]. Petrograd: Military Printing House. – 623 s.
27. Tovarishhi soldaty` i matrosy`! [Fellow soldiers and sailors!]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 91.
28. Tovarishhi soldaty`! [Fellow soldiers!]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 91. L. 2.
29. Troyanovsky A. A. (1922) Vosstanie v Kieve v 1907 g. [The Uprising in Kiev in 1907]. *Katorga i ssy'lka*. No. 3. - S. 181-188.
30. Ustav kassy` vzaimopomoshhi kronshtadtskogo garnizona voenno-revoljucionnoj organizaczii PSR [The charter of the mutual assistance fund of the Kronstadt garrison of the military revolutionary organization of the AKP]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 96.
31. Figner V.N. (1933) Posle Shlissel`burga [After Shlisselburg]. *Izbranny'e proizvedeniya v trekh tomakh*. T. III. M.: Izdatel'stvo vsesoyuznogo obshhestva politkatorzhan i ssy'l'no-poselenczev. - 400 s.
32. Tchaikovsky N.V. (1996) O perekhode k partizanskoj vojne [On the transition to a guerrilla war]. *Istorija terrorizma v Rossii v dokumentakh, biografyakh, issledovaniyakh*. Rostov-on-Don. – S. 232-233.
33. Chernov V.M. (1953) Pered burej [Before the storm]. New York: Chekhov Publishing House. – 412 s.

Об авторе

Романика Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», Россия, a.romanika@365.rsu.edu.ru

Romanika Alexander Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History and Methods of Teaching History and Social Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Russia, a.romanika@365.rsu.edu.ru

УДК 94(438)

Рыбин Д.В., кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский институт ВГУЮ (РПА Минюста) (Россия)

ЛЕГАЛИСТСКИЕ ИДЕИ О НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.

В нашей статье раскрывается вопрос о противоречивом отношении российских либеральных юристов (легалистов) к польской проблеме. Одни основываясь на необходимости сохранения государства были готовы пойти на ограничение польской автономии, другие (Б.Н. Чичерин) исходя из примата прав человека требовали расширения прав Царства Польского, вплоть до предоставления этой стране независимости. Целью работы является выявление позиции лидеров общественного мнения среди либеральных юристов (легалистов) во второй половине XIX века по польскому вопросу. Определить границы раскола между умеренными либералами по вопросу о степени самостоятельности Привислинского края. Актуальность работы состоит в том, что впервые показана сложная позиция легалистов о характере взаимоотношений русского и польского народа, о попытках сконструировать духовное единство двух народов недружелюбно настроенных друг по отношению к другу. В ходе исследования применялись проблемно-хронологический, сравнительный и структурный методы. Исследование по данной теме проводится впервые. Архивные материалы по теме состоят, в основном из переписки легалистов, в которой выражались мнения о Польше. Также источник информации можно подчеркнуть в опубликованных трудах легалистов.

Ключевые слова: Д.А. Милютин, Н.А. Милютин, Б.Н. Чичерин, консервативные либералы, легалисты, русификация, Царство Польское, Привислинский край.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-119-125

Введение. Проблема Польши и мнения либералов о ее статусе в империи относительно редко обсуждались учеными в XX веке. В качестве примера можно привести работы В. Булата о политических партиях и польском вопросе. Советские историки, в целом, оценивали либеральные идеи по национальному вопросу очень критично. Считали, что либералы стремились обмануть народы. В их числе В.С. Гусакова и Т.Ю. Бурмистрова [2].

История столкновения по вопросу о национальных меньшинствах с участием Чичерина, Ренненкампа и Милютина в конце XIX века не получила подробного освещения в научной литературе. Исключение составляет только работа В.А. Китаева [11, с.116-123]. Существует много работ о взаимодействии государства с поляками, которые только косвенно относятся к заявленной теме. Среди них можно выделить труд К.А. Соловьева о политической системе России в которой он передает глубокий скептицизм Б.Н. Чичерина, отраженный в переписке с Милютиным [24]. В ряде работ В.В. Шелохаева подробно освещается национальный дискурс в программах либеральных партий начала XX века [28].

Большое внимание польской проблеме в либеральном дискурсе уделила исследовательница Н.В. Дмитриева. В своем диссертационном исследовании она подробно проанализировала некоторые дискуссии, возникающие между разными либеральными группами о будущем Польши [4; 5]. В своем исследовании Н.В. Дмитриева подробно проанализировала дискуссии о польском вопросе, активно проходившие в последние 20 лет империи.

Но она, упустила из виду дискуссию развернувшуюся между Ренненкампом, Милютиным и Чичериным в 1898-1900 гг., польский вопрос в ее изложении превратился только в реализацию кадетского проекта, в то время как были другие либеральные партии. Также исследовательница, наряду с А.Н. Егоровым [7] представляет подробную историографию по проблеме национальных групп в России на рубеже веков.

Наряду с Дмитриевой сходные работы по национально-государственному устройству империи выполняет Н.Г. Карнишина [8; 9; 10] В.Н. Кудряшев [13; 14; 15], Д.П. Кондратенко [12]. Отдельно стоит выделить работу посвященную территориальному управлению Царства Польского на рубеже веков [1].

Объекты и методы исследования. В нашей работе мы использовали ряд методов. В том числе диахронический метод – использовали при изложении фактов и событий в хронологической последовательности. Сравнительно - исторический метод мы использовали при сравнении позиций консервативных либералов и либеральных консерваторов. Применялся также структурно - функциональный метод, который позволил разделять объект исследования на составные части и выявлении внутренней связи и соотношений между ними.

Результаты и их обсуждение. Польша была на “особом счету” после второго восстания (1860-х годов). Государственная политика в отношении царства не отличалась последовательностью. Большинство чиновников консервативных

и либеральных относились к полякам с предубеждением. Либеральные реформы использовались как инструмент преобразования для ослабления влияния польской элиты. Например, в 1864–1866 гг. возник конфликт о характере реформы в Польше. Н.А. Милютин (статс-секретарь по делам Польши) “схлестнулся” с В.А. Арцимовичем (вице-президент Государственного Совета Польши). Первый проводил реформы радикально, быстро, второй требовал соблюдения законности, настаивал на постепенном ходе преобразований. При этом оба принадлежали к либеральному лагерю.

До 1869 года польский язык оставался основным языком в Царстве. С того года началась русификация края (Милютин скептически оценивал возможность русификации Польши). Сначала коренной язык удалили из всех образовательных учреждений. С 1876 года (судебная реформа) русский язык стал языком судопроизводства. В итоге все судебные заседания проходили с переводчиками! Затем русский вводят в язык гминного (волостного) делопроизводства. Почти все должностные посты (не выборные) замещали российские чиновники. Эти и прочие меры по русификации продолжались 40 лет и полностью провалилась [6, с.24–25].

Легалисты испытывали двойные чувства к польской государственности. Многие осуждали ее за попытки выйти из состава России, но, в то же время, переживали дискомфорт понимая, что родственный народ стал объектом колониального завоевания.

Свои идеи в отношении к Польши высказывал лидер легалистов Б.Н. Чичерин. Уже в 1866 году он уверенно считал, что пользы от присоединения к России польских земель не будет. Обрушение Польши — это мечта. В лучшем случае, за счет вытеснения местной элиты, можно было русифицировать Белоруссию и Украину, и то это тяжелая задача [26, с.192,382]. Легалисты польского происхождения поддерживали отделение Польши от России (например, В.Д. Спасович) [25, с.22–24] или предоставление ей максимально широкой автономии, по образцу Финляндии (В.А. Арцимович). Правда, позже, Спасович выступал за сближение русских и поляков, вплоть до слияния.

Исследователь В.Н. Кудряшев отмечал, что либеральные лидеры России во второй половине XIX века так или иначе поддерживали Польшу. Умеренный легалист А.Д. Градовский призывал русских и поляков найти точки соприкосновения и постепенно сближаться, так как “только в славянском мире” поляки могли выжить. К.Д. Кавелин, напротив, полагал, как и Чичерин, что расширение польских прав и восстановление Польши, вплоть до ее отделения приведет к сближению с Россией. Это отражало невиданный

идеализм образованного интеллигента [14].

В 1877 году вышла статья Н.И. Костомарова “Поляки-миротворцы”. Прочитав ее А.Д. Градовский немедленно написал историку письмо. Соглашаясь с либеральным славянофилом, он иначе расставлял акценты. Поляки пока не готовы присоединиться к панславизму (но в будущем могут присоединиться). Мы сами не являемся образцом славянства, утверждал Градовский [16, с.213–219]. Примером постоянных рассуждений юристов об отношениях с Польшей может служить письмо от 27 февраля 1879 года А.Ф. Кони к другу С.Ф. Морошкину. Судья писал, что Польше надо дать автономию и заключить личную унию, не предоставив ей дипломатию и армию. То есть, это означало приравнивание статуса Польши к статусу Финляндии (23, л.39).

На рубеже веков национальный вопрос активно обсуждался русской интеллигенцией. Обсуждение сопровождалось острыми дискуссиями, вело к конфликтам и разрывам между старыми друзьями. Старт дискуссии дала полемика Н.Б. Чичерина с консервативным профессором из Киевского университета Николаем Карловичем Ренненкампом.

Как отмечает Н.В. Дмитриева Чичерин отчетливо понимал, что слить поляков и русских не получится. Соответственно, необходимо вернуть полякам их отечество [4, с.60]. Ряд либеральных деятелей опубликовали свои возражения на идеи Чичерина. Так, по данным Н.В. Дмитриевой, А.Д. Градовский, считал, что, несмотря на отчуждение поляков от других славян, они не смогли бы создать свое государство и должны были жить в составе России [4, с.62–63].

В 1898 году Борис Николаевич выпустил в свет третий том курса Государственная наука (Политика). В нем кроме прочего ученый разбирал правовое положение национальных групп в Российской империи. Прочитав сей труд, бывший ректор Киевского университета Н.К. Ренненкампф решил высказать свою позицию по идеям Чичерина. В №№ 158–165 журнала “Киевлянин” вышло два письма Ренненкампа, в которых он изложил свою точку зрения.

Собрав все высказывания отшельника из деревни Караул Ренненкампа подчеркивал, что по словам Чичерина Россия воспользовалась слабостью Польши и поделила ее с немцами. При этом уровень политико-культурного развития Польши был относительно высоким. Так что включение ее в состав России было ошибкой. Внешне киевский профессор соглашался с автором курса “с высшей точки зрения, руководимой принципами справедливости и законности” [22, с.3–13]. Но, далее он критиковал московского коллегу.

Он указывал, что Польша пала жертвой собственной анархии. Россия вернула себе свои

земли. В гибели своего государства, в том числе были виноваты поляки. В последнее столетие они не смогли приобрести политической самостоятельности и вели себя, по-прежнему, не как зрелая нация. Подавляли русинов в Галиции, поднимали безумные восстания 1832 и 1863 гг., несмотря на дарованные им свободы. При этом Россия сохраняла благожелательное отношение к полякам. Обеспечивала им стабильность, не русифицировала исконно польские земли (здесь профессор соврал), освободила крестьян. В ответ католическая церковь занималась своей пропагандой, дворянство сохраняло высокомерие.

По мнению киевлянина сближение двух народов было бы очень желательным и возможным. Но, поляки, в итоге, оказались двуличными, фанатичными, нетерпимыми и все сближение разрушили в 1863 году. В настоящее время образованное польское общество по-прежнему, не было готово к объединению и жило затаенной злобой [22, с.13-43].

До того, как Чичерин ответил на письмо киевского профессора, некие либералы, проживающие в Европе, подготовили и в 1898 году опубликовали памфлет с нападками на Ренненкампа. На агрессивную критику консерватора выделялись разумные возражения: превалирование личных замечаний над научными, игнорирование военного характера захвата Польши в XVIII веке, отрицание русификации [19].

Чичерин готовивший ответ почтенному оппоненту не мог давать категоричные оценки его позиции. В 1898 году он подготовил книгу, которая была опубликована в Берлине в следующем году. Выпустить книгу в России он не мог. Нам неизвестно, успел ли Ренненкампа прочитать этот ответ, так как он скончался 10 мая 1899 года.

В ответе Борис Николаевич поднимал глубокие и сложные этические вопросы. Так, он различал нравственный и безнравственный патриотизм. К последнему ведет так называемая практическая политика, которой проникнуты “так называемые практические государственные люди”, “масса пошлых людей”, журналисты-пропагандисты. Нас должно вести нравственное чувство - протяни руку павшему под нашими ударами брату - говорил доктор права.

Далее Чичерин разбивал доводы Ренненкампа. Соседи поддерживали нестабильность Польского государства. Разделы Польши были безнравственным действием, в отличие от политики Алексея Михайловича и Петра I. Был нарушен Вечный мир. Екатерина воспользовалась слабостью поляков. Польские восстания надо было подавлять. Но, после этого государство ликвидировало Царство Польское и принудительно включило его в Россию. Отрицание Ренненкампом русификации вводило Чичерина в ступор. Он

приводил множество примеров этой самой русификации (“располячивание” по Каткову). Язык вытеснялся, униатов принудительно загнали в православие. Чичерин подчеркивал, что, занимаясь панславянством общество и правительство как бы исключили “плохих славян” - поляков из прекрасной славянской семьи. “Освобождая одних братьев...держать других в цепях” [27, с.30]. Занимаясь двуличием, мы привлечем к себе только таких же двуличных людей, утверждал ученый.

Требование Ренненкампа чтобы католическая церковь не занималась миссионерством казалось Чичерину крайне странным — ведь это же предназначение религиозной организации! Нельзя принуждать человека относиться к определенной вере [27, с.13].

Необходимо: отменить все исключительные меры, уравнивать русских и поляков, польский язык восстановить во всей полноте, предоставить Польше местное самоуправление. В конечном счете надо дать Польше суверенитет. А как иначе? Либо исполнение нравственного долга, либо братоубийство. Унижая поляков, мы унижаем себя. Даже с практической стороны обладание Польшей невыгодно. Мы тратим на нее больше, чем получаем. Освобождение Польши привлечет к России симпатии всех славян и составит фатальную угрозу для Германии. Так считал Чичерин [27, с.1-37].

Либеральная общественность стала активно обсуждала публичную переписку Чичерина и Ренненкампа. По этому вопросу между Чичериным и Миллютиным также завязалась важная для политической истории России переписка, но уже частного характера.

Отвечая 19 сентября 1899 года на новое письмо от бывшего профессора, экс-министр сообщал, что “всякие иллюзии потеряны, наступило общее разочарование...в обществе, даже в молодежи отброшены всякие идеалы и взяли верх узкие эгоистические инстинкты. То же и в Европе... Во всем проявляется полное разрушение основных понятий права, справедливости, общественной этики, всего, что прежде признавалось и в науке, и в жизни, основой цивилизации и общественного строя” (21, л.25-30). Спасти ситуацию, по мнению Миллютина могла только наука и печать, но они переживают упадок. Расхваливая Чичерина Миллютин подчеркивал, что его курс государственной науки - был бы идеальной книгой для чиновников.

В ответ 13 ноября Миллютин давая оценку полемике двух профессоров, отмечал, что в польском вопросе Чичерин полностью прав, с этической точки зрения. Но, этика противостоит политике. Применение этики приведет к развалу государств и переделу границ! (21, л.33-34)

Чичерин в ответном письме 22 ноября переживал, что Миллютин не принял его ответ к

Ренненкампу. Он соглашался, что политика и нравственность разделены. Но надо их соединить! - возглашал Чичерин. Рассуждения ученого рисуют нам образ либерального идеалиста. "Мы перед поляками в неоплатном долгу, отнявши у них то, что есть самого святого на земле". Мы должны подняться на нравственную высоту! - восклицал Чичерин (20, л.11-14).

В ответ на эмоциональное письмо ученого Милютин 3 декабря подготовил ответ, где корректно пытался остудить старого друга. Он подчеркивал, что между их этическими позициями нет противоречий. Но, политик не может "всегда идти по прямой линии, напролом, а должен применяться к обстоятельствам". Нельзя переделять историю. Нельзя применять научные принципы к давно минувшим событиям. "Польша не должна давать независимость" - категорически утверждал Милютин. Как к этому отнесутся Австро-Венгрия и Германия? Что скажет русский народ? "Ваша мечта полностью неосуществима" - констатировал Милютин (21, л.35-38).

Получив письмо, Чичерин, 14 декабря подготовил новый ответ Милютину. "Я не могу встать на Вашу точку зрения" - возглашал ученый. "Мы должны снять с себя пятно братоубийства", применить гуманизм и справедливость к славянам. "Освобождение Польши я не только считаю безусловным нравственным требованием, но и единственным практическим исходом". Проявляя невиданный идеализм, Чичерин утверждал, что, освободив поляков мы сможем возродить славянское движение против немцев. Иначе говоря, ученый сразу же закладывал под освобождение Польши войну с немцами. И далее Чичерин пускался в рассуждения о "практической нравственности" (20, л.15-18).

20 декабря 1899 года Милютин сделал запись в своем дневнике о прекращении полемики с Чичериным по польскому и еврейскому вопросу.

"Полагаю бесполезным продолжать эту полемику: став твердо на теоретическую позицию, он упорно отказывается от всякой уступки практическим соображениям политики." [17, с. 535] После этого переписка временно прекратилась. Отношения двух либералов охладели и дальше они не затрагивали политических тем в письменных диалогах [3, с.189].

Мнение крупного ученого, бывшего друга, задело Милютину, и он думал о нем до самой смерти. Эти размышления, в конце концов породили его исследовательскую статью "О разноплеменности в населении государств". В ней (1911) рассуждая о национальных интересах государства с позиций централизации и консерватизма Милютин вспоминал свою переписку с Чичериным "к крайнему удивлению моему - заступника за поляков" [18]. В отличие от легалистов Милютин решительно отвергал автономию национальных групп, не говоря уже о возможном отделении (что в отношении Польши предполагал Чичерин). В конечном счете, после 1906 года Милютин стал негласным лидером октябристов, либеральных консерваторов (хотя сам он это отрицал). Для Милютину реализм в политике оказался сильнее либерализма и интересы государства оказались выше интересов прав поданных.

Заключение. Глубокое недоверие к полякам предопределило отрицательное отношение государства к польской автономии. Взгляды либералов по вопросу о статусе Польши различались от предоставления полной независимости (Б.Н. Чичерин) до культурной автономии (Д.А. Милютин). Большинство легалистов (консервативных либералов) считали, что Польша заслужила широкую автономию с местным самоуправлением. Споры о судьбе Польши стали одним из факторов размежевания либеральной интеллигенции на рубеже веков и повлияли на формирование разных либеральных направлений в империи в начале XX века: октябристов, центристов и кадетов.

Список литературы

1. Аверин М.Б. Великое княжество Финляндское и царство Польское в государственном механизме Российской Империи (середина 60-х годов XIX века-1881 год): историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004 250 с.
2. Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России 1905–1917. М., 1976.
3. Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012.
4. Дмитриева Н.В. Национально-государственное устройство России в отечественном новом либерализме конца XIX–начала XX в.: выработка политического курса: дисс... канд. ист. наук. Краснодар, 2020.
5. Дмитриева Н.В. "Русско-польский спор порешен историей": польский вопрос в либеральных проектах основного закона России начала XX в // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 2. С. 350-362.
6. Евреинов Г.А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема политической программы. СПб., 1908.
7. Егоров А.Н. Российские либералы начала XX в. и национальный вопрос: историографические оценки // Политико-правовые практики российского либерализма в начале XX в. Мат-лы межд. науч. конф. Том Часть III. Орел, 2019. С. 210-220.

8. Карнишина Н.Г. Национальный вопрос в теории российского либерализма конца XIX– начала XX в. // Сергей Андреевич Муромцев – председатель первой Государственной Думы: политик, ученый, педагог. Сборник научных статей. Орел, 2010. С. 128–138.
9. Карнишина Н.Г. Проблемы государственного устройства и решения национального вопроса в России в либеральных проектах русских государствоведов второй половины XIX–начала XX в. // Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской конституции. Сборник научных статей. Орел, 2013. С. 271–278.
10. Карнишина Н.Г. Трактровка федерализма и автономии в трудах русских конституционалистов в конце XIX–начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 78–81.
11. Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860-1880 гг.). Саратов, 2004. 380 с.
12. Кондратенко Д.П. Проблемы национальных отношений в программных документах либеральных партий России, конец XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
13. Кудряшев В.Н. Национальный вопрос в общественно-политической мысли России второй половины XIX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2013.
14. Кудряшев В.Н. "Польский вопрос" в русской либеральной публицистике 1860-1880-х гг // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 97-103.
15. Кудряшев В.Н. "Польский вопрос" в Российской социалистической публицистике 1860-1890-х гг // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 42-48.
16. Либерализм: pro et contra. Антология. СПб., 2016.
17. Милютин Д.А. Дневник. 1891 - 1899. Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2013.
18. Милютин Д.А. О разноплеменности в населении государств // Источник. 2003. № 1. С. 52–67.
19. Наука и подхалимство. Ответ профессору Ренненкампу по польскому и еврейскому вопросу в России. Лондон, 1898.
20. Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (ОР РГБ), ф.169, картон 77, д.54.
21. ОР РГБ, ф.334, картон 5, д.1.
22. Польский и еврейские вопросы (открытые письма Б.Н. Чичерину) Н.К. Ренненкампа. Киев, 1898.
23. Рукописный отдел Института Российской литературы и искусства (РО ИРЛИ), ф.134, оп.2, д.44.
24. Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018.
25. Тюленева М.А. Влияние политико-правовых взглядов В.Д. Спасовича на развитие правосудия и правозащитной деятельности в Российском государстве (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис...канд. юр. наук. 2022.
26. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. СПб., 2016.
27. Чичерин Б. Польский и еврейский вопросы. Ответ на открытые письма Н.К. Ренненкампа. Берлин, 1899.
28. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

LEGALIST IDEAS ABOUT THE INDEPENDENCE OF POLAND IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Our article reveals the question of the contradictory attitude of Russian liberal lawyers (legalists) to the Polish problem. Some, based on the need to preserve the state, were ready to limit Polish autonomy, others (B.N. Chicherin), based on the primacy of human rights, demanded the expansion of the rights of the Kingdom of Poland, up to the granting of independence to this country. The purpose of the work is to identify the position of public opinion leaders among liberal jurists (legalists) in the second half of the 19th century on the Polish issue. Determine the boundaries of the split between moderate liberals on the issue of the degree of independence of the Vistula region. The relevance of the work lies in the fact that for the first time the complex position of legalists on the nature of the relationship between the Russian and Polish people, on attempts to construct the spiritual unity of two peoples who are unfriendly towards each other is shown. During the study, problem-chronological and structural methods were used. This is the first time a study has been conducted on this topic. Archival materials on the topic consist mainly of correspondence between legalists, in which opinions were expressed about Poland. Also, the source of information can be found in the published works of legalists.

Keywords: D.A. Milyutin, N.A. Milyutin, B.N. Chicherin, conservative liberals, legalists, Russification, Kingdom of Poland, Vistula region.

References

1. Averin M.B. (2004) Velikoye knyazhestvo Finlyandskoye i tsarstvo Pol'skoye v gosudarstvennom mekhanizme Rossiyskoy Imperii (seredina 60-kh godov XIX veka-1881 god): istoriko-pravovoy analiz [The Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland in the state mechanism of the Russian Empire (mid-60s of the 19th century - 1881): historical and legal analysis]. dis. ...cand. legal sci. Moscow, 250 p.
2. Burmistrova T.Yu., Gusakova V.S. (1976) Natsional'nyy vopros v programmakh i taktike politicheskikh partiy v Rossii 1905–1917 [The national question in the programs and tactics of political parties in Russia 1905–1917]. Moscow.
3. Valitsky A. (2012) Filosofiya prava russkogo liberalizma [Philosophy of law of Russian liberalism]. Moscow.
4. Dmitrieva N.V. (2020) Natsional'no-gosudarstvennoye ustroystvo Rossii v otechestvennom novom liberalizme kontsa XIX–nachala XX v.: vyработка politicheskogo kursa [The national-state structure of Russia in the domestic new liberalism of the late XIX–early XX centuries: development of a political course]. diss... cand. ist. sci. Krasnodar.
5. Dmitrieva N.V. (2023) "Russko-pol'skiy spor poreshen istoriyey": pol'skiy vopros v liberal'nykh proyektakh osnovnogo zakona Rossii nachala XX v [“The Russian-Polish dispute is resolved by history”: the Polish question in the liberal projects of the fundamental law of Russia at the beginning of the 20th century]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. T. 13. N. 2. pp. 350-362.
6. Evreinov G.A. (1908) Natsional'nyye voprosy na inorodcheskikh okrainakh Rossii. Skhema politicheskoy programmy [National issues on the foreign outskirts of Russia. Scheme of the political program]. St. Petersburg.
7. Egorov A.N. (2019) Rossiyskiye liberaly nachala XX v. i natsional'nyy vopros: istoriograficheskiye otsenki [Russian liberals of the early twentieth century. and the national question: historiographical assessments] *Politiko-pravovyye praktiki rossiyskogo liberalizma v nachale XX v. Mat-ly mezhd. nauch. konf. Tom Chast' III. Orel*. pp. 210-220.
8. Karnishina N.G. (2010) Natsional'nyy vopros v teorii rossiyskogo liberalizma kontsa XIX– nachala XX v. [The national question in the theory of Russian liberalism at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries]. *Sergey Andreyevich Muromtsev – predsedatel' pervoy Gosudarstvennoy Dumy: politik, uchenyy, pedagog. Sbornik nauchnykh statey*. Orel. pp. 128–138.
9. Karnishina N.G. (2013) Problemy gosudarstvennogo ustroystva i resheniya natsional'nogo voprosa v Rossii v liberal'nykh proyektakh russkikh gosudarstvedov vtoroy poloviny XIX–nachala XX v. [Problems of state structure and solving the national question in Russia in the liberal projects of Russian state scientists of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Konstitutsiya 1993 goda i rossiyskiy liberalizm: k 20-letiyu rossiyskoy konstitutsii. Sbornik nauchnykh statey*. Orel. pp. 271–278.
10. Karnishina N.G. (2011) Traktovka federalizma i avtonomii v trudakh russkikh konstitutsionalistov v kontse XIX–nachale XX v. [Interpretation of federalism and autonomy in the works of Russian constitutionalists at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries]. *Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. No. 4 (10): in 3 parts. Part II. pp. 78–81.
11. Kitaev V.A. (2004) Liberal'naya mysl' v Rossii (1860-1880 gg.) [Liberal thought in Russia (1860-1880)]. Saratov. 380 p.
12. Kondratenko D.P. (1998) Problemy natsional'nykh otnosheniy v programmnykh dokumentakh liberal'nykh partiy Rossii, konets XIX v. – fevral' 1917 g. [Problems of national relations in the program documents of the liberal parties of Russia, the end of the 19th century. – February 1917]. dis. ...cand. ist. sci. Moscow.
13. Kudryashev V.N. (2013) Natsional'nyy vopros v obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii vtoroy poloviny XIX veka [The national question in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century]. abstract. dis. ... dr. ist. sci. Tomsk.
14. Kudryashev V.N. (2018) "Pol'skiy vopros" v russkoy liberal'noy publitsistike 1860-1880-kh gg [“The Polish Question” in Russian liberal journalism of the 1860-1880s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. N. 431. pp. 97-103.
15. Kudryashev V.N. (2023) "Pol'skiy vopros" v Rossiyskoy sotsialisticheskoy publitsistike 1860-1890-kh gg [“The Polish question” in Russian socialist journalism of the 1860-1890s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. N. 83. pp. 42-48.
16. (2016) Liberalizm: pro et contra. Antologiya [Liberalism: pro et contra. Anthology]. St. Petersburg.
17. Milyutin D.A. (2013) Dnevnik. 1891–1899 [Diary. 1891–1899. Ed. L.G. Zakharova]. Moscow.
18. Milyutin D.A. (2003) O raznoplemennosti v naselenii gosudarstv [On diversity in the population of states]. *Istochnik*. N. 1. pp. 52–67.

- 19.(1898) Nauka i podkhalimstvo. Otvet professoru Rennenkampfu po pol'skomu i yevreyskomu voprosu v Rossii [Science and sycophancy. Reply to Professor Rennenkampf on the Polish and Jewish question in Russia]. London.
- 20.OR RSL. F.169. cardboard 77. C.54.
- 21.OR RSL. F.334. cardboard 5. C.1.
- 22.(1898) Pol'skiy i yevreyskiye voprosy (otkrytyye pis'ma B.N. Chicherinu) N.K. Rennenkampfa [Polish and Jewish issues (open letters to B.N. Chicherin) N.K. Rennenkampf]. Kyiv.
- 23.RO IRLI. F.134. In. 2. C.44.
- 24.Soloviev K.A. (2018) Politicheskaya sistema Rossiyskoy imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva [The political system of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking]. Moscow.
- 25.Tyuleneva M.A. (2022) Vliyaniye politiko-pravovykh vzglyadov V.D. Spasovicha na razvitiye pravosudiya i pravozashchitnoy deyatel'nosti v Rossiyskom gosudarstve (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The influence of political and legal views of V.D. Spasovich on the development of justice and human rights activities in the Russian state (second half of the 19th - early 20th centuries)]. dis... cand. legal sci. Moscow, .
- 26.Chicherin B.N. (2016) O narodnom predstavitel'stve [About people's representation]. St. Petersburg.
- 27.Chicherin B. (1899) Pol'skiy i yevreyskiy voprosy. Otvet na otkrytyye pis'ma N.K. Rennenkampfa [Polish and Jewish issues. Response to open letters from N.K. Rennenkampf]. Berlin.
- 28.Shelokhaev V.V. (1996) Liberal'naya model' pereustroystva Rossii [Liberal model for the reconstruction of Russia]. Moscow.

Об авторе

Рыбин Данил Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», директор института, e-mail: balsak1@yandex.ru danilarybin@rambler.ru

Rybin Danil Vyacheslavovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), e-mail: balsak1@yandex.ru danilarybin@rambler.ru

УДК 94

Сагимбаев А.В., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

Федин А.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОДГОТОВКИ АНГЛО-ЕГИПЕТСКОГО ДОГОВОРА В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

Происходившие в межвоенные десятилетия трансформационные процессы затронули, в том числе и крупнейшую из существовавших на тот момент колониальных систем, созданную в рамках Британской империи. Столкнувшись после завершения Первой мировой войны с внутренними трудностями, а также с ростом национально-освободительного движения в колониях, британская политическая элита была вынуждена внести существенные коррективы в колониальную политику, сделав ставку на активное применение косвенных методов осуществления своего влияния в рамках обширной колониальной и полуколониальной периферии. На практике данная стратегия реализовывалась посредством ряда реформ, призванных создать в наиболее значимых британских владениях определенный «фасад» самоуправления. Одним из наиболее типичных примеров осуществления модели «завуалированного» контроля явилась эволюция в 1920-х – 1930-х гг. англо-египетских договорных отношений. На фоне массового антиколониального движения египтян, начавшегося на рубеже 1910-х – 1920-х гг., британская политическая элита была вынуждена отказаться от планов по установлению прямого протектората и пойти на признание 28 февраля 1922 г. формальной независимости Египта. Тем не менее, долгосрочная стратегия Великобритании предполагала сохранение египетского государства в сфере британского геополитического влияния в целях, в первую очередь, обеспечения контроля над Суэцким каналом. Реализация данной стратегической линии обусловила основное содержание англо-египетских дипломатических отношений на фоне существенного осложнения международной обстановки в 1930-х гг.

Ключевые слова: британская колониальная система, модель «завуалированного протектората», англо-итальянские противоречия, англо-египетский договор 1936 г.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-126-132

Введение. В 1930-е гг. сохранение контроля над Египтом продолжало входить в число приоритетных направлений британской политики. На фоне нарастания кризиса Версальско-Вашингтонского миропорядка, во много обусловленного последствиями Великой депрессии, резко возросла стратегическая значимость Суэцкого канала и других коммуникаций, проходивших через египетскую территорию.

Приоритетным направлением политики Уайтхолла, в данной связи, являлось завершение переговорного процесса, связанного с оформлением двусторонних договорных взаимоотношений, которые должны были выступить в качестве политико-правовой основой сохранения модели «завуалированного протектората». Точкой отсчета ее формирования явилась декларация британского правительства, опубликованная 28 февраля 1922 г. К началу 1930-х гг. в Великобритании сложился принципиальный консенсус ключевых политических сил относительно максимального соответствия данной модели международным обязательствам и финансово-экономическим ресурсам, которые британское правительство могло выделить на сохранение доминирующих позиций в регионе. Важнейшим его показателем стала преэминентность в политике британских кабинетов в отношении Египта на

рубеже 1920-х – 1930-х, в независимости от их партийной принадлежности.

Объект и методы исследования. Объектом исследования являются международно-политические процессы в регионе Северо-восточной Африки в первой половине-середине 1930-х гг. В центре анализа находятся международные противоречия, обусловленные активизацией экспансионистской политикой Италии и их влияние на политический курс британского руководства, связанный со стремлением сохранить контроль над стратегически значимой территорией Египта. В процессе исследования применялся системный подход, предполагающий диалектическое рассмотрение исторических событий, а также опору на принципы научности и объективности. В процессе его использования особая роль отводилась всестороннему анализу конкретно-исторических факторов, определяющих характер и специфику изучаемой проблемы, а также системную обработку доступной из исторических источников информации.

Результаты и их обсуждение. В 1929 г. О. Чемберлен, занимавший ранее пост главы Форин-офиса в кабинете Д. Ллойд-Джорджа, в своем выступлении в парламенте, подчеркнул приоритетность долгосрочного сохранения британского контроля над Египтом. «Отношения между

Египтом и нами никогда не были предметом выбора, а являлись результатом занимаемой им географической позиции, как одной из основных дорог и артерий имперских коммуникаций», - подчеркнул британский политик [9, col. 360]. Укрепление «завуалированного протектората», со стратегической точки зрения, расценивалось британским руководством, в качестве ключевого условия обеспечения всей системы геополитического господства Великобритании на Ближнем Востоке и в Северо-Восточной Африке.

Наряду с трудностями, связанными с усилением радикальных тенденций во внутривнутриполитической жизни Египта, реализация британских интересов осложнялась обострившейся по сравнению с 1920-ми гг. конкуренцией на Северо-востоке Африки. Ключевым вызовом для Великобритании, в данной связи, являлся все более агрессивный курс Италии в регионе.

Планы Б. Муссолини, связанные со стремлением захватить Эфиопию проистекали из специфики фашистской идеологии, предусматривавшей превращение Италии в геополитического гегемона в Средиземноморье. Однако, реализация агрессивных планов фашистского режима в итоге привела в середине 1930-х гг. к серьезному международному кризису, затронувшему ключевые европейские державы и потребовавшему вмешательства Лиги Наций в итоге продемонстрировавшего недееспособность ключевой международной организации.

В апреле 1935 года «фронт Стреза», состоявший из Великобритании, Франции и Италии, противостоявших растущей агрессивности нацистской Германии фактически распался. Итало-эфиопский конфликт оказался не просто проблемой в двусторонних отношениях между Италией и Абиссинией, но, превратился в один из серьезных международных кризисов 1930-х гг.

По словам министра по делам колоний генерала Эмилио Де Боно, планы завоевания и аннексии Эфиопии начали разрабатываться режимом Б. Муссолини уже осенью 1933 г. В своем письменном отчете об одном из вступлений главы фашистского режима, Де Боно утверждал, что, он окончательно пришел к необходимости захвата Эфиопии не позднее 1936 года. Тогда же, по словам итальянского генерала впервые стали обсуждаться перспективы возможного столкновения с Великобританией в борьбе за влияние в Северо-восточной Африке [13, p.259].

Исходя из этих планов, итальянцам был необходим предлог для того, чтобы начать массивную переброску войск в Эфиопию. Такая возможность представилась в декабре 1934 года, когда произошла стычка между итальянскими и

эфиопскими вооруженными формированиями в оазисе Валвала, расположенном в пределах международно-признанных границ Эфиопии.

На ранних этапах кризиса предпринимались попытки мирного урегулирования путем посредничества Лиги Наций. Попытки урегулировать спор происходили на фоне сближения Италии и Франции, формально закрепленного во франко-итальянском соглашении от 7 января 1935 г. Это соглашение было заключено Муссолини и министром иностранных дел Франции П. Лавалем во время визита последнего в Рим. Французское правительство активно выступавшее против усилившейся Германии, стремились к союзу с итальянцами, чтобы противодействовать росту германского влияния. Итальянское руководство, в то время еще настороженно настроенное к Германии, приветствовало заключение данного соглашения.

Одним из важных аспектов британской дипломатии в данный период являлась также поддержка сближения Италии и Франции дружественные отношения между которыми рассматривались в качестве серьезного противовеса ревизионистскому курсу нацистской Германии. Стремление Великобритании к тесному сотрудничеству с Италией было очевидно еще до начала кризиса в Эфиопии. В 1933 году в одном из документов Форин офиса отмечалось, что Италия «является ключом к миру в Европе, и ... все зависит от того, удастся ли нам удержать ли Италию на правильном пути...»[5, p.329].

Несмотря на протесты Эфиопии, и других стран, Б. Муссолини и другие итальянские чиновники дипломаты объясняли начало военных действий агрессивными действиями с эфиопской стороны. По итогам встречи с итальянским лидером 14 января 1935 года британский посол в Риме Э. Дрюммонд отмечал: «По итогам беседы я могу предсказать дальнейшее осложнение ситуации для Великобритании на фоне инцидента в Уолвале. Судя по словам синьора Муссолини, я чувствую, что положение дел становится все более угрожающим»[7, p.505].

Вплоть до начала 1930-х гг., большая часть британского истеблишмента не уделяла важного внимания возможным угрозам рискам, связанным с активизацией политики Италии для стратегических позиций Великобритании в Восточном Средиземноморье. Н.Чемберлен, долгое время возглавлявший внешнеполитическое ведомство в кабинете С. Болдуина, являлся последовательным сторонником курса на умиротворение режима Б.Муссолини, полагавшим, что Италии могут быть предоставлены некоторые «компенсации» за то, что не все ее интересы были в полной мере учтены в процессе послевоенного урегулирования [8, col. 194].

В 1925 г. Н.Чемберлен выступил в качестве

одного из ключевых сторонников соглашения, предусматривавшего передачу итальянской стороне части спорных пограничных территорий в Северо-Восточной Африке. К их числу относился, в том числе, пограничный пункт Джарабуб (Jarabub) на границе Египта и Ливии, переданный под итальянский контроль вопреки энергичным протестам египетского правительства, а также министерства ВВС Великобритании, представители которого полагали, что он может быть использован итальянцами в качестве воздушной базы для возможной атаки на Египет [17, р.44].

Кроме О. Чемберлена, Б. Муссолини симпатизировали и некоторые других влиятельные британские политики, к которым на том этапе относился, в том числе и У.Черчилль, сравнивавший лидера итальянских фашистов с древнеримским императором Юлием Цезарем. Благожелательности британского истеблишмента Б. Муссолини добился, во много за счет весьма прагматичного и осторожного внешнеполитического курса. После провала планов по захвату о. Корфу в 1923 г., он на долго отказался от прямой конфронтации с Великобританией в Восточном Средиземноморье и в Африке. В частных беседах Б. Муссолини, тем не менее, подчеркивал, что ключевым приоритетом Италии является «разрыв сковывающей британской цепи, охватывающей Гибралтар, Мальту, Кипр и Суэц» [4, р. 325]. Однако, в силу существенного военного превосходства Великобритании и союзной ей Франции данная цель могла быть реализована лишь в отдаленной перспективе [4, р. 338].

В 1935 г. Б. Муссолини приступил к реализации амбициозного плана по созданию колониальной империи начальным этапом которого должен был стать захват Эфиопии. В декабре 1934 г. с момента столкновения между итальянскими и эфиопскими войсками в Валвале, началось вторжение Италии на территорию Эфиопии.

В ноябре 1934 г. Великобритании удалось добиться смены правительства в Египте и формирования лояльного правительственного кабинета во главе с М.Т. Назим – пашой, в который были включены в основном политики умеренного толка, настроенные на компромисс с Лондоном. М.Т. Назим – пашой, в связи с тяжёлой болезнью короля Фуада, вскоре стал играть ключевую роль на новом этапе переговоров, начавшемся осенью 1934 г. К тому моменту, впервые за весь послевоенный период в египетском обществе стал наблюдаться рост симпатий к Великобритании. Главным фактором данных изменений явилась агрессия Италии в Эфиопии, которая встретила категорическое неприятие в Египте.

Активная подготовка Италии к вторжению в Эфиопию внесла определенные изменения в британский курс, носившие весьма противоречивый характер. По сообщению представителей

британской резидентуры в Риме переданном в конце июля 1935 г., подчёркивалось, что в итальянском руководстве все больше распространяется убежденность в слабости Великобритании и «упадке Британской империи», которые позволят Италии «безнаказанно игнорировать её интересы и добиться максимальных выгод» [4, р. 349].

В начале августа 1935 г. глава Форин офиса С. Хор, сделал официальное заявление о недопустимости аннексии Абиссинии. На этом фоне британские военно-морские силы, дислоцированные в Портленде и на Мальте, а также подразделения противовоздушной обороны военно-морских баз в бассейне Средиземного и Красного морей были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Согласно данным итальянской разведки, одним из наиболее активных сторонников ужесточения политики в британском правительстве, являлся Э. Иден, «склонявший кабинет к принятию экстремистских мер против Италии» [17, р. 44].

В специальном рапорте, подготовленном Э. Иденом, возможные итальянские действия характеризовались не только как «враждебные интересам Великобритании в Абиссинии», но и рассматривались как «составляющие потенциальную угрозу британским владениям на всём Африканском континенте» [16, р. 168]. Наибольшие опасения, в данной связи, вызывали «устремления Италии в бассейне Нила» [16, р. 168].

Мнение Э. Идена совпало с информацией Форин офиса о «документальных доказательствах» оказания помощи итальянскими спецслужбами египетским националистам «в их антибританской активности». [13, р. 285]. С точки зрения Э. Идена, Великобритания «должна быть готова к решительным действиям вне зависимости от позиции Лиги (Наций – А.С.), так как «Абиссиния может рассматриваться в качестве плацдарма для возможных действий Италии против Египта и Судана» [7, р. 503].

В ходе прошедшего вскоре специального заседания Кабинета в расширенном составе, в котором приняли участие 22 министра, Э. Иден вновь заявил о необходимости «обеспечить британские интересы и британский престиж... в Средиземном море» [14, р. 711]. Тем не менее, окончательно убедить большинство членов правительства в необходимости принятия жестких мер ему не удалось. Кабинет в итоге солидаризировался с мнением С.Хора, настаивавшего на продолжении попыток разрешения возникшего конфликта исключительно дипломатическим путем, «являющимся более предпочтительным, чем принятие сомнительных инициатив, способных вызвать негативные последствия» [10, col. 12-13]. После завершения экстренного совещания С. Болдуин и ряд министров покинули Лондон для

того, чтобы продолжить прерванные отпуски.

На следующий день комитетом по оборонной политике британского правительства принял решение об отмене мобилизации Домашнего флота, а также военно-морских сил в Средиземном море. Секретарь комитета при этом заявил о том, что «военные вмешались в сферу политических решений, с которыми обычно связывали свои неудачи» [1, p. 402].

Лорд Галифакс, возглавлявший военное ведомство, в связи с циркулировавшими в прессе слухами о возможном вторжении итальянских войск в Египет через Ливийскую пустыню заявил об отсутствии причин для паники. Военно-политическая ситуация в регионе, по его мнению, не вызвала «серьезных причин для беспокойства», а египетские вооруженные силы, в случае необходимости, «были способны сделать то, что от них требуется» [17, p. 47].

Заместитель главы Форин офиса Р. Дж. Вэнситарт, в свою очередь подчеркнул, что «военное руководство продемонстрировало благодушие и веру в возможность справиться с растущей итальянской угрозой, не прибегая к наращиванию имеющихся ресурсов» [17, p. 47]. С точки зрения британских военных экспертов преобладало мнение о том, что наступление через Ливийскую пустыню было возможно лишь весьма ограниченными силами. Данная точка зрения подтверждалась также информацией спецслужб. Британской разведке, в частности, удалось получить копию аналитической записки представителя итальянского Генерального штаба А. Парини, в которой формулировались возможные варианты действий в случае начала военного конфликта с Великобританией и закрытия Суэцкого канала для итальянского судоходства. Наиболее вероятным из них, с его точки зрения, являлась наступательная операция вдоль прибрежной полосы из Киренаики на Александрию, либо наступление через оазисы Сива и Вади Халфа в направлении Нила [1, p. 410]. В ходе англо-египетских переговоров, ряд британские представители неоднократно ставили под сомнение способность египетских властей самостоятельно защищать интересы иностранных подданных, находившихся на территории Египта. Было также обращено внимание на обеспокоенность, выраженную МИД Италии, относительно гарантий безопасности 50 тыс. итальянских граждан, проживавших в Египте [9, col. 2904-2905].

Усиление своего военного потенциала в Ливии итальянское руководство объясняло необходимостью противодействия религиозному движению синуситов, борющемуся с колониальным режимом, а также необходимостью акклиматизации военных перед их отправкой в Восточную Африку. В интервью политическому обозревателю

«Дэйли Мэйл» Дж. Уорд-Прайсу, Б. Муссолини подчеркнул, что, по его мнению, в Африке у Италии и Великобритании отсутствовали неразрешимые противоречия. С другой стороны, среди представителей британской политической элиты преобладало максимальное стремление избежать прямого столкновения. Так в послании С. Хора, адресованному Б. Муссолини, подчеркивалось нежелание британского правительства идти на эскалацию конфликта и объяснял меры, принятые Великобританией лишь «реакцией на ужесточившуюся антибританскую пропаганду в Египте и на Ближнем Востоке» [2, p. 3]. При этом он подчеркнул, меры, предпринятые британским правительством, носили «исключительно оборонительный характер» и оно не намерено «закрывать Суэцкий канал или вводить военные санкции» [2, p. 3].

В рамках проведения масштабного военного вторжения в Эфиопию, итальянское руководство уделяло особое внимание сохранению возможности использования Суэцкого канала. К лету 1935 г. итальянские перевозки достигли 20,2% от общего тоннажа судов, проходивших через канал.

В июле 1935 г. Р. Дж. Вэнситарт попросил Форин офис рассмотреть возможность изменения порядка использования Суэцкого канала, в рамках возможного принятия ограничительных мер в отношении Италии. Тем не менее, в конечном итоге, в британском внешнеполитическом ведомстве пришли к заключению о том, что санкционные меры могут быть приняты лишь с согласия Лиги Наций. Кроме того, по мнению ряда экспертов, степень эффективности данных мер являлась сомнительной, поскольку Италия могла использовать для своих грузоперевозок суда под нейтральным флагом.

В сентябре 1935 г., в ходе одного из официальных брифингов представитель Форин офиса заявил о том, что решение о введении санкций «окажется неразумным, и может подтолкнуть Рим в объятия наци» [11, col. 21]. Тем не менее, представители лейбористской оппозиции продолжали настаивать на принятии решительных мер, вытекающих из рекомендаций Лиги Наций по прекращению военного конфликта в Эфиопии.

В начале октября исполнительный комитет Лейбористской партии обнародовал заявление, в котором особо подчеркивалось, что «большая часть британцев поддерживает полное использование механизмов коллективной безопасности Лиги Наций для того, чтобы прервать коммуникации, связывающие Италию с африканскими колониями» [3, p. 223].

2 декабря 1935 г. представитель Египта в Лиге Наций заявил о полной готовности своей страны поддержать санкции против Италии как страны-агрессора. В одном из египетских

периодических изданий того периода отмечалось: «В защите интересов Великобритании, египтяне сейчас выглядят более последовательными и энергичными, чем сами британцы» [15, p. 326].

На фоне активных дискуссий относительно возможной реакции на итальянскую агрессию в Эфиопии, в декабре 1935 г. С. Болдуин заявил о том, что функции обеспечения военной безопасности Египта относятся к компетенции египетских властей вооруженных сил, «так как с 1924 г. ни один британский офицер не занимал в них какой-либо командной должности» [10, col. 885-886].

В период итальянского вторжения в Эфиопию, британское командование увеличило численность контингента на территории Египта до 20500 человек, т.е. практически вдвое. Несмотря на принятые меры, обстановка в регионе продолжала рассматриваться в Лондоне с возрастающим беспокойством. Итальянская оккупация Эфиопии создавала реальную угрозу всей системе колониальных интересов Великобритании на Северо-востоке Африки. Дополнительным осложняющим ситуацию фактором явилось арабское восстание, начавшееся в Палестине в 1936 г. Оно вынудило британское командование передислоцировать из Египта на палестинскую территорию 4 тыс. военнослужащих. Эксперты сходились во мнении крайней ограниченности британских резервов для усиления военных позиций Великобритании в регионе. На фоне подъема антиколониальной борьбы в Индии, также снизились возможности по использованию индийских войск, составлявших заметную часть размещенных в Египте британских сил [1, p. 418].

Суммируя настроения, существовавшие в британском политическом истеблишменте относительно перспектив англо-египетских отношений, С. Болдуин отмечал, что «заклучение договора призвано стать их важнейшим политическим решением, ... абсолютно необходимым при условии отсутствия ущерба нашим интересам» [6, p. 239]. В одном из британских военных отчетов в данной связи отмечалось, что «безопасность Суэцкого канала... требует создания устойчивого формата дружественных отношений с Египтом». «Неудача в вопросе оформления двустороннего договора, - подчеркивалось в одном из правительственных заявлений, - обусловит дальнейшую дезорганизацию на Ближнем Востоке в дополнение к тем трудностям, которые возникают на европейском континенте» [5, p. 359].

По мере разрастания итало-эфиопской войны и усиления международной напряженности в Северо-Восточной Африке, в британской политической элите усиливались дискуссии, относительно возможной реакции на итальянскую агрессию. 17 марта 1936 г. Великобритания поддержала

поданный в Лигу Наций протест Эфиопии по поводу применения Италией химического оружия в ходе военных действий. Лорд Сесил в британском парламенте зачитал послание дочери эфиопского негуса, содержащее обращение к международному сообществу с призывом к объединению усилий по сдерживанию итальянской агрессии [12, col. 359]. К июлю 1936 года, когда были сняты международные санкции, введенные Лигой Наций против Италии, итальянские войска захватили эфиопскую столицу Аддис-Абебу и вынудили императора Хайле Селассие бежать в изгнание.

Вторжение Италии в Эфиопию явилось важным фактором, стимулировавшим англо-египетские отношения и приведшим к активизации переговорного процесса. В сравнении с предыдущими раундами переговоров, на этом этапе основное внимание уделялось военной составляющей будущего соглашения.

Обеспечение безопасности и нейтрализация возможных угроз стратегически важному объекту коммуникаций, продолжали оставаться важнейшей военно-политической задачей Великобритании в ближневосточном регионе. Агрессивная политика Италии в Восточном Средиземноморье и Северо-Восточной Африке, в данной связи, вызывала растущее беспокойство у представителей британского истеблишмента.

В конце февраля 1938 г. предметом активной дискуссии в правительстве и парламенте Великобритании стало заявление вице-короля Эфиопии маршала Р. Грациани, потребовавшего предоставления Италии режима наибольшего благоприятствования в использовании Суэцкого канала и возможности итальянского участия в обеспечении его безопасности. Несмотря на некоторую разницу в оценках приоритетов внешней политики, к данному моменту внутри британского истеблишмента сформировался принципиальный консенсус относительно необходимости сдерживания растущей региональной активности Италии, которая воспринималось как основная угроза геополитическим позициям Великобритании [5, p. 722-723].

К осени 1938 г. режим Б. Муссолини пришел к решению о временном отказе от прямо военного противостояния с Великобританией в Средиземноморском регионе. Итальянское руководство сошло во мнении, что Италия на данном этапе не готова к масштабному военному конфликту. Рассматривая различные варианты возможных военных действий, руководство итальянского Генерального штаба сделало вывод о том, что наиболее эффективным способом ведения военной кампании являлось вторжение в Египет с территории Ливии с максимально быстрым захватом зоны Суэцкого канала. Согласно экспертным оценкам, для

осуществления данной операции требовалось бы привлечь группировку, состоящую не менее чем из шести дивизий. Кроме того, поддержание коммуникаций с наступающими войсками являлось бы крайне затруднительной ввиду полного превосходства британских военно-морских сил.

Заключение. Развитие англо-египетских взаимоотношений в межвоенный период стало важнейшим компонентом, определявшим стратегию Великобритании в ближневосточном регионе. Двусторонний договор, подписанный в 1936 г. рассматривался Уайтхоллом как новый гибкий механизм обеспечения реализации британских военно-политических и экономических интересов в Северо-Восточной Африке в долгосрочной перспективе. Кроме того, он был призван гарантировать сохранение контроля Великобритании над Суэцким

каналом, являвшимся одним из ключевых звеньев в системе международных коммуникаций. Сам факт признания де-юре независимого статуса Египта явился важным индикатором глубоких трансформаций, происходивших колониальной стратегией Великобритании. Они предполагали постепенный переход к более гибким и завуалированным формам контроля над важными со стратегической и экономической точки зрения владениями. Пересмотр традиционных форм реализации колониальной политики, в свою очередь, явился важнейшей основой для формирования принципиально новой стратегии отстаивания британских геополитических интересов. В конечном счете, данная стратегия позволила Великобритании сохранять свое присутствие в одном из стратегически значимых регионов мира еще на протяжении нескольких десятилетий.

Список литературы

1. Clayton A. The British Empire as a Superpower, 1919-1939. / Clayton A. - Athens : University of Georgia Press, 1986. – 545 p.
2. «Daily Mail».- 1935. 24th November.
3. Darwin J. Britain, Egypt and the Middle East: Imperial Policy in the Aftermath of War, 1918-1922. / Darwin J. - L., N.Y.: St. Martin's Press, 1981. – 333 p.
4. Documents on British Foreign Policy. Ser.1 (1918-1939). Vol.13.
5. Documents on British foreign policy. Ser. 1 (1918-1939). Vol. 33.
6. Documents of English History, 1832-1950. / Ed. by. Barker W. A, Aubyn G. R. St. and Ollard R. - L.: A. & C. Blac, 1954. – 86 p.
7. Eden A. The Eden memoirs: The reckoning. / Eden A. - L.: Cassell, 1962. – 623 p.
8. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929). Vol. 226.
9. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1930), Vol. 237.
10. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1935). Vol. 307.
11. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936). Vol. 318.
12. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1936). Vol. 103.
13. Lanver M. The British in Egypt: Community, Crime and Crises 1882-1922. / Lanver M. - L.: Bloomsbury Academic, 2012. - 318 p.
14. Louis W. R. Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization. / Louis W. R. - N.Y.: Bloomsbury Academic, 2006. – 1065 p.
15. Marlowe J. Arab Nationalism and British Imperialism. A Study in Power Politics. / Marlowe J. - N.Y.: Praeger, 1961. – 236 p.
16. Marlowe J. A History of Modern Egypt and Anglo-Egyptian Relations 1800-1956. / Marlowe J. - L.: Archon Books, 1965. – 468 p.
17. Morewood S. Suez: the Canal before the Crisis. / Morewood S. // History Today. Vol.56. Issue 11. - November, 2006. - P. 38-50.

THE INTERNATIONAL POLITICAL CONTEXT OF THE PREPARATION OF THE ANGLO-EGYPTIAN TREATY IN THE MID-1930s.

The transformation processes that took place in the interwar decades affected, among other things, the largest of the colonial systems that existed at that time, created within the framework of the British Empire. Faced with internal difficulties after the end of the First World War, as well as with the growth of the national liberation movement in the colonies, the British political elite was forced to make significant adjustments to colonial policy, betting on the active use of indirect methods of exercising its influence within the vast colonial and semi-colonial periphery. In practice, this strategy was implemented through a series of reforms designed to create a certain "facade" of self-government in the most important British possessions. One of the most typical examples of the implementation of the "veiled" control model was the evolution of Anglo-Egyptian contractual relations in the 1920s– 1930s. Against the background of the massive anti-colonial movement of the Egyptians, which began at the turn of the 1910s – 1920s, the British political elite was forced to abandon plans to establish a direct protectorate and accept recognition of Egypt's formal independence on February 28, 1922. Nevertheless, the UK's long-term

strategy assumed the preservation of the Egyptian state in the sphere of British geopolitical influence in order, first of all, to ensure control over the Suez Canal. The implementation of this strategic line determined the main content of Anglo-Egyptian diplomatic relations against the background of a significant complication of the international situation in the 1930s.

Keywords: the British colonial system, the "veiled protectorate" model, the Anglo-Italian contradictions, the Anglo-Egyptian Treaty of 1936.

References

1. Clayton A. (1986) *The British Empire as a Superpower, 1919-1939.* / Clayton A. - Athens : University of Georgia Press, 1986.
2. «Daily Mail» (1935). - 1935. 24th November.
3. Darwin J. (1981) *Britain, Egypt and the Middle East: Imperial Policy in the Aftermath of War, 1918-1922.* / Darwin J. - L., N.Y.: St. Martin's Press, 1981.
4. Documents on British Foreign Policy. Ser.1 (1918-1939). Vol.13.
5. Documents on British foreign policy. Ser. 1 (1918-1939). Vol. 33.
6. Documents of English History, 1832-1950. / Ed. by. Barker W. A, Aubyn G. R. St. and Ollard R. (1954) - L.: A. & C. Blac, 1954. – 86 p.
7. Eden A. (1962) *The Eden memoirs: The reckoning.* / Eden A. - L.: Cassell, 1962.
8. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929). Vol. 226.
9. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1930), Vol. 237.
10. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1935). Vol. 307.
11. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936). Vol. 318.
12. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1936). Vol. 103.
13. Lanver M. (2012) *The British in Egypt: Community, Crime and Crises 1882-1922.* / Lanver M. - L.: Bloomsbury Academic, 2012.
14. Louis W. R. (2006) *Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization.* / Louis W. R. - N.Y.: Bloomsbury Academic, 2006.
15. Marlowe J. (1961) *Arab Nationalism and British Imperialism. A Study in Power Politics.* / Marlowe J. - N.Y.: Praeger, 1961.
16. Marlowe J. (1965) *A History of Modern Egypt and Anglo-Egyptian Relations 1800-1956.* / Marlowe J. - L.: Archon Books, 1965.
17. Morewood S. (2006) *Suez: the Canal before the Crisis.* / Morewood S. // *History Today.* Vol.56. Issue 11. - November, 2006. - P. 38-50.

Об авторах

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: sagimbaev@yandex.ru.

Федин Андрей Валентинович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: avfedin@yandex.ru.

Sagimbaev Alexey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia); E-mail: sagimbaev@yandex.ru.

Fedin Andrey Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General History and International Relations Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia); E-mail: avfedin@yandex.ru.

УДК 355.231.1

Соловьев Р.А., кандидат исторических наук, преподаватель кафедры Отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ИНИЦИАТИВЫ Д.А. ПЕТРОВСКОГО ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ В РСФСР КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ (1921–1924 ГГ.)

Статья посвящена одному из самых малоизученных эпизодов в истории отечественной военной школы – работе начальника Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ) Д.А. Петровского по воссозданию в РСФСР системы кадетских корпусов. Необходимость комплектования армии и флота качественно подготовленными командными кадрами в начале 1920-х гг. сделала актуальным вопрос о целесообразности возрождения военно-подготовительных учебных заведений. Инициатором этого выступил Д.А. Петровский. В своих статьях и выступлениях он, не отрицая антинародной сущности военной подготовки подростков в дореволюционный период, но вместе с тем находил в ней и положительные стороны. В работе раскрыто содержание предложений Д.А. Петровского, показана хронология событий, мотивы, побудившие начальника ГУВУЗ обратиться к опыту кадетских корпусов. Идея Д.А. Петровского встретила активное противодействие со стороны Народного комиссариата просвещения РСФСР, контролировавшего не только деятельность образовательных учреждений, но и осуществлявшего руководство идеологической работой в республике. Именно в идеологической сфере и лежало противостояние двух ведомств в вопросе возрождения кадетского образования. Д.А. Петровский маневрировал, искал новые формы и способы реализации своей идеи. В конечном итоге военно-подготовительные учебные заведения для подростков были открыты в СССР, но случилось это уже после отставки Д.А. Петровского с должности Начальника ГУВУЗ.

Ключевые слова: Д.А. Петровский, Красная Армия, военно-подготовительные учебные заведения, кадетские корпуса, подготовка военных кадров, ГУВУЗ, Н.К. Крупская, Наркомпрос.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-133-141

Введение. Давид Александрович Петровский (при рождении Давид Фроимович Липец) – советский государственный деятель, журналист, политолог, родился 12 (24) сентября 1886 г. в семье купца второй гильдии. Рано увлекся революционной деятельностью, посещал занятия марксистского кружка. В 1902 г. вступил в Бунд. В октябре 1903 г. переехал в Париж и поступил в Русскую высшую школу общественных наук, где познакомился со многими известными революционерами: В.И. Ульяновым (Лениным), Л.Д. Троцким, А.В. Луначарским.

В 1905 г., в связи с началом Первой русской революции, вернулся в Россию. Вел агитационную деятельность среди рабочих Двинска, Белостока, Гомеля, был одним из руководителей забастовки на Либаво-Роменской железной дороге. В ходе Первой мировой войны стал исполнительным секретарем, а затем редактором по делам рабочего движения ежедневной еврейской газеты «Форвертс». В 1917 г. участвовал в международном социалистическом конгрессе в Стокгольме. Был активно вовлечен в политическую жизнь России и Украины: печатался в бундовских журналах, баллотировался в Учредительное собрание, был избран членом Украинской Центральной рады и Малой рады.

В апреле 1919 г. переехал в Киев, где встретился с М.В. Фрунзе, после чего вступил в ряды Красной Армии. В конце 1919 г. вступил в

РКП(б). Был одним из основателей и членом Комитета по борьбе с антисемитизмом в Советском правительстве. С осени 1919 г. работал в Главном управлении военно-учебных заведений (ГУВУЗ) в качестве заведующего бюро лекторов, а затем начальника политотдела. С весны 1920 г. до апреля 1924 г. был начальником ГУВУЗ.

В 1924 г. Д.А. Петровский был направлен в Коминтерн для работы представителем в Коммунистической партии США, Коммунистической партии Великобритании, Французской коммунистической партии. В феврале 1928 г. был избран кандидатом в члены Президиума Исполкома Коминтерна.

В 1929 г. был переведён в Высший совет народного хозяйства Советского Союза, избран членом Президиума и членом коллегии Наркомтяжпрома, назначен начальником Главного управления высших и средних технических учебных заведений.

В марте 1937 г. Д.А. Петровский был арестован и обвинен в контрреволюционной деятельности. Расстрелян 10 сентября 1937 г.

25 января 1958 г. Военной коллегией Верховного суда Советского Союза приговор от 10 сентября 1937 г. был отменен, а Д.А. Петровский был посмертно реабилитирован.

Д.А. Петровский внес значительный вклад в создание и развитие системы военно-учебных заведений в РСФСР. Эту систему фактически пришлось создавать заново. Особая заслуга Д.А.

Петровского состоит в попытках восстановления кадетских корпусов в молодом советском государстве в 1921–1924 гг. К сожалению, в работах, освещающих историю развития отечественного кадетского образования, этот эпизод не нашел должного отражения. Он оказался на своеобразном историческом разломе: исследователи имперского периода истории кадетского образования до него не доходили, и, за редким исключением, он выпал из поля зрения исследователей советского периода» [3; 8]. Но и в имеющихся работах инициативы Д.А. Петровского о восстановлении кадетских корпусов и дискуссии по этому поводу рассмотрены фрагментарно. Представляется актуальным рассмотреть этот вопрос более комплексно.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования выступает система военного образования в РСФСР первой половины 1920-х гг. Предметом исследования является попытки изменения структуры военно-учебных заведений, путем включения в неё учебных заведений для подготовки подростков к поступлению в военные школы.

Методологической основой исследования стали принципы историзма, объективности и системности в освещении материала. В процессе работы автор обращался к традиционным методам (историко-сравнительный, историко-системный, историко-генетический) исторического исследования

Для раскрытия исследуемой проблемы в качестве источника главным образом использовалась периодическая печать рассматриваемого периода. Именно на страницах газет и журналов проходили основные дискуссии о необходимости возрождения кадетского образования в советском государстве.

Результаты и их обсуждение. После Октябрьской революции 1917 г. советское правительство взяло курс на фактическую ликвидацию системы военно-учебных заведений. Уже в ноябре 1917 г. в соответствии с приказом №1 Главного комиссара всех военно-учебных заведений Российской республики И.Л. Гинтовт-Дзевалтовского военные училища прекратили свою работу [18]. Данный приказ не распространялся на кадетские корпуса, которые к этому времени в результате проведенной реформы были преобразованы в Гимназии военного ведомства и должны были продолжить свою работу [11, С. 10].

В отношении военно-подготовительных учебных заведений у нового военного руководства сложилось особое мнение: «нужно отказаться от вдалбливания человеку с малых лет военных идей и превратить кадетские корпуса в учебные заведения обычного общегражданского характера» [2, С. 10].

В результате объединения прежнего Управления военно-учебных заведений и института главного комиссара военно-учебных заведений

Российской республики 16 февраля 1918 г. было положено начало деятельности Главного управления военно-учебных заведений Наркомвоена РСФСР. Управление возглавил И.Л. Гинтовт-Дзевалтовский. Под его началом осуществлялась реорганизация подведомственных военно-учебных заведений.

В мае 1918 г. было утверждено «Временное положение об управлении гимназиями военного ведомства». Однако оно так и не вступило в действие, поскольку 30 мая 1918 г. был издан Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР об объединении учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств в ведомстве Наркомпроса РСФСР. В целях его исполнения приказом И.Л. Гинтовта-Дзевалтовского все гимназии военного ведомства с 15 июля 1918 г. передавались в ведение этого наркомата. В соответствии с планом Отдела единой школы Наркомата просвещения существовавшая сеть гимназий военного ведомства к началу нового учебного года была преобразована в единую трудовую, политехнического типа, бесплатную школу [22, с. 34]. На этом официальная часть почти двухвековой истории кадетских корпусов в России закончилась. Однако, на территориях, занятых белыми войсками кадетские корпуса продолжали свою деятельность. Некоторые белогвардейские правительства даже открывали новые учебные заведения для детей офицеров и создавали специальные органы для руководства ими. Впоследствии несколько кадетских было организовано русской военной эмиграцией.

Д.А. Петровский был назначен начальником Главного управления военно-учебных заведений в 1920 г., когда активная фаза Гражданской войны завершилась и встал вопрос о переходе к более планомерной и обстоятельной подготовке командных кадров Красной армии.

Принудительный принцип комплектования военных школ в условиях вступления страны в мирный период породил целый ряд проблем. Не более 1/3 поступали в военные школы и на курсы добровольно, а остальные по сути были мобилизованы. В условиях массовой демобилизации армии подобные настроения распространились и среди курсантов. Ситуация усугублялась тяжелым материальным положением и невниманием местных властей к их семьям. В тоже время голод и неблагополучие деревни превращали в «добровольцев» сотни крестьянских юношей, главной задачей которых являлось «прокормиться до теплых весенних дней», а затем вернуться домой. Одновременно постоянные чистки «классово чуждых элементов» (5–6 проверок в год), реформирования и переезды курсов из города в город (до 3–4 раз в год) создавали обстановку неуверенности даже у кристально чистых «пролетариев и беднейших крестьян». Все это породило

огромную волну дезертирства и многочисленные случаи самоубийств. Например, в 1921 г. военные школы и курсы окончили 13944 человека. При этом 4815 человек за этот год дезертировало из учебных заведений и 28188 отчислено [12, С. 6].

Кроме того, большинство обучающихся – вчерашних крестьян и неквалифицированных рабочих – приходили на военные курсы и в школы малограмотными, политически несознательными.

Для решения этой проблемы при артиллерийских курсах были организованы подготовительные отделения со сроком обучения в 6 месяцев. Во время обучения в этих отделениях курсантам давались необходимые сведения по общеобразовательным дисциплинам. После окончания подготовительного отделения курсанты переводились на второе, специальное, отделение [5, С. 127].

В Петрограде в октябре 1921 г. по инициативе комиссара военно-морских сил И.Д. Сладкова была образована Подготовительная школа моряков военного флота, учащиеся которой получали специальную и общеобразовательную подготовку необходимую для поступления в военно-морское училище. Полный курс школы был рассчитан на три года и разделен на шесть семестров. Зачисление новых воспитанников производилось перед началом каждого семестра. Продолжительность обучения в школе зависела от того, в какой семестр зачислялся поступающий, что определялось его исходным образовательным уровнем. Общее количество обучающихся было установлено в 250 человек [21, л. 5–8].

Это учебное заведение, как и подготовительные отделения при артиллерийских курсах, трудно назвать наследником кадетских корпусов дореволюционной России. Изначально оно было главным образом ориентировано на подготовку к поступлению в военно-морские училища не подростков, а матросов военно-морского флота («военморов» как их тогда называли). Максимальный возраст поступающих был ограничен 25 годами. Принятые в школу давали письменное обязательство в случае непоступления в военно-морское командное учебное заведение прослужить на действительной военно-морской службе по полтора месяца, за каждый месяц, проведенный в школе [21, л. 8].

Д.А. Петровский в своем докладе на заседании Революционного военного совета Республики (РВСР) в июне 1920 г. констатировал крайне низкий уровень соответствия курсантов предъявляемым к ним требованиям: «Военно-учебное дело переживает серьезный и глубокий кризис несоответствия красных командиров потребностям фронта. Каждый новый набор дает нам все менее подходящий материал как в физическом, так и в строевом, моральном и политическом отношениях. Замечается раздробленность и

бессистемность в деле военно-учебного строительства» [20, с. 108].

Необходимость комплектования армии и флота качественно подготовленными командными кадрами в мирное время поставила на повестку дня вопрос о целесообразности возрождения военно-подготовительных учебных заведений. Вдохновителем этой идеи выступил начальник ГУВУЗ Д.А. Петровский.

На сессии РВСР в мае 1921 г. Д.А. Петровский поднял вопрос о необходимости вернуться к подготовке детей к военной службе в условиях совмещения обучения и воспитания. Для убедительности Петровский сравнил проблему защиты революционных завоеваний в России 1920-х гг. и Франции конца XVIII века. Признал он и ошибочность поспешной ликвидации кадетских корпусов в 1917 г. [17, с. 28].

По всей видимости Д.А. Петровский осознавал, что нужно изменить общественное мнение в отношении кадетских корпусов, которые, по-прежнему, рассматривались как чуждые советской системе образования и воспитания. В феврале 1922 г. в журнале «Военный вестник» с пометкой «в дискуссионном порядке» была опубликована статья Д.А. Петровского «Нужны ли кадетские корпуса?». В ней он изложил основные доводы о необходимости восстановления системы военно-подготовительных учебных заведений: «Большинство работников военно-учебного дела склоняются к мысли о необходимости построения всего военно-учебного дела на добровольческих началах... Но нельзя заставить людей посвящать себя крайне сложной и крайне трудной профессии командира. И очевидно, что хорошим командиром будет лишь тот, кто испытывает определенное расположение к этой профессии. С этой точки зрения крайне интересен опыт прошлого... идея кадетских корпусов пользовалась весьма большим почетом. В основу организации кадетских корпусов была положена правильная мысль, что желательно уже с детского возраста развивать качества, необходимые воину, и вооружать будущего бойца соответствующими познаниями и навыками. Естественно возникает вопрос, должны ли мы теперь обратиться к созданию института кадетских корпусов, или же мы можем ограничиться надеждой на правильную постановку военного обучения в общих школах Наркомпроса первой и второй ступени. Мне представляется, что и теоретически, и практически мы упираемся, по крайней мере в настоящий момент, поставить в программу военного строительства дело организации кадетских корпусов» [14, с. 8].

В статье Д.А. Петровский уничижительно высказался о качестве образования в школах: «Широкая постановка всеобщего военного

обучения нам теперь не по силам. Смешно говорить о правильной постановке военного обучения в школах первой и второй степени, когда эти школы не справляются даже со своими элементарными задачами» [14, с. 8].

Предчувствуя отрицательную реакцию на свою инициативу Д.А. Петровский заявил: «Мне представляется, что дело военного воспитания и военного обучения сильно выиграло бы от организации новых кадетских корпусов. Найдутся, конечно, меланхолики, которые скажут: возрождаем кадетские корпуса, пахнет мол, реставрацией. Такой меланхолический взгляд был бы неправилен. Рабоче-крестьянская Россия разрушила старую царскую армию. Но она построила новую Красную армию, которая столь же похожа на старую, как съезды советов на государственные думы. Мы разрушили также старые военные училища. Но мы на их месте построили новые курсы, которые являются прекрасными колами коммунизма. И если старые кадетские корпуса воплощали в себе все отрицательные черты николаевско-распутинского режима, то новые кадетские корпуса должны быть теми кузницами, где будет выковываться мощное поколение борцов за дело социализма и братства народов» [14, с. 9].

Д.А. Петровский в качестве положительного примера восстановления системы кадетского образования сослался на опыт работы подготовительной школы в Азербайджане. Действительно, в декабре 1921 г. в Баку при поддержке секретаря ЦК Компартии Азербайджана и Наркомвоенмора А.Г. Караева была создана 1-я Азербайджанская военная школа 2-й степени. В нее зачислили 150 воспитанников в возрасте от 8 до 18 лет, родители которых погибли в гражданскую войну. Срок обучения в школе составлял 9 лет (2 подготовительных класса и 7 основных – так, как это было в старых кадетских корпусах). В 1922 г. школа была переименована в Первый Красный кадетский корпус. Программа подготовки «красных кадет» практически полностью соответствовала дореволюционной. Желающих обучаться в школе было в несколько раз больше имеющихся мест [6, с. 68].

По словам посетившего корпус Д.А. Петровского, кадеты получали «не только основательное общее образование, но и хорошую политическую подготовку», а сама школа «не встречала противодействия со стороны рабочих» [14, с. 9].

В марте 1922 г. Д.А. Петровский повторил свое предложение на съезде комсостава Украины и Крыма. В своем выступлении он заверил собравшихся, что кадетские корпуса не будут иметь ничего общего с «царскими кадетскими корпусами» [18, с. 159]. Одним из существенных отличий от старой системы стало предложение о

возрасте поступления в «новый кадетский корпус». По мнению Д.А. Петровского «возраст должен быть приурочен к тому моменту, когда кончается школа 1-й степени т.е. примерно, 14–15 лет» [18, с. 159]. Очевидно, что это обеспечило бы более сознательный выбор будущей профессии подростками (в «царских кадетских корпусах» возраст поступления был 10–12 лет).

Статья Д.А. Петровского положила начало общественной дискуссии по вопросу восстановления кадетского образования. У этого замысла нашлись как сторонники, так и противники [3]. Среди тех, кто поддержал инициативы Д.А. Петровского – Николай Михайлович Александр, в прошлом выпускник Псковского кадетского корпуса, преподаватель Александровского военного училища, полковник Российской императорской армии, автор многочисленных учебных пособий. Опытный военный педагог был востребован и новыми властями, с 1918 г. Н.М. Александр занимал должность инспектора в управлении военно-учебных заведений РККА [13, с. 54].

Вопрос о создании «красных кадетских корпусов» обсуждался летом 1922 г. на совещании командующих войсками военных округов. Итогом стало постановление следующего содержания: «в целях создания кадра для укомплектования военно-учебных заведений, создать среднюю школу, с примерной программой школы 2-й степени, – кадетские корпуса», с тем, однако, условием, чтобы эти корпуса в такой же мере отличались от старых кадетских корпусов, как наши командные курсы от старых юнкерских училищ» [16, с. 38].

Однако это решение не нашло поддержки в Народном комиссариате просвещения РСФСР. На состоявшемся практически одновременно с совещанием командующих войсками военных округов Государственном Ученом Совете Наркомпроса была принята резолюция: «Принимая во внимание, с одной стороны, что соображения, вынудившие ГУВУЗ прийти к мысли об организации красных кадетских корпусов, как-то: необходимость выработать в подрастающем поколении физическую крепость и закаленную волю, – относятся в равной мере ко всем школам Республики, а с другой – что ранняя профессионализация представляется... крайне вредной в педагогическом отношении, самое же восстановление «кадетских корпусов» в том или ином виде недопустимым педагогически и нецелесообразным политически, – предложение ГУВУЗа отклонить» [16, с. 38].

В ответ Д.А. Петровский попытался вывести «дискуссию о кадетских корпусах» на новый уровень, за пределы исключительно военного ведомства и Наркомата просвещения. В конце июня 1922 г. на первой полосе газеты «Известия» была опубликована его статья, в которой вновь были

изложены доводы в пользу создания военно-подготовительных учебных заведений (здесь они уже названы автором военными техникумами, а не кадетскими корпусами) и высказано непонимание позиции руководства Наркомпроса: «Сверх всяких ожиданий Совет с поразительным единодушием ополчился против этой, вытекающей из потребностей жизни, разумной меры обеспечения военной школы вполне соответствующим контингентом подготовленной во всех отношениях рабоче-крестьянской молодежи. Отрицательное отношение к идее подготовительной школы для будущих командиров тем менее понятно, что в отношении всех прочих специальностей Наркомпрос признал этот возраст (15–16 лет) вполне подходящим для начала специализации. Было бы, конечно, наивно думать, что в наш век военная специальность нуждается в меньшей подготовке, чем какая бы то ни было другая. Очевидно, что ГУС руководствовался другими мотивами» [15].

Ответ со стороны Наркомпроса не заставил себя ждать. Менее чем через неделю на страницах все той же газеты «Известия» была опубликована ответная статья. В открытую полемику с Д.А. Петровским вступила супруга В.И. Ленина, заместитель Народного комиссара просвещения РСФСР Н.К. Крупская. Она посчитала, что у кадетских корпусов сложилась негативная репутация: «Кадетским корпусом называется закрытое учебное заведение исключительно для мальчиков и ношей где культивируется кастовый дух, воспитывается презрение ко всему невоенному, искусственно прививается грубость, а главное где учат наукам с кондачка, для виду. Всякий понимает под кадетским корпусом то, чем корпуса были на самом деле: рассадниками разврата и невежества. Эта роль кадетских корпусов еще задолго до войны была освещена всесторонне и в общей литературе и в педагогической» [10].

Выступила Н.К. Крупская и против ранней специализации, причем не только для военной специальности, но и по любой другой, приведя в пример уже имеющуюся негативную практику многоступенчатого образования: «...Получилось только то, что в 15 лет, в критический переходный возраст, когда резко меняются в большинстве случаев характер, склонности, физический и психический склад, ребенку приходится менять школу, обстановку и, главное, определять свою жизненную карьеру, выбирать профессию. Выбор профессии происходит при таких условиях не на основе склонностей, вкусов, дарований ребенка, а в силу чисто случайных обстоятельств... Нельзя выбирать специальностью военное дело, когда еще не сложились ни организм, ни взгляды на жизнь» [10].

Но не в ошибочности подхода к обучению подростков с ранней специализацией была

главная претензия со стороны Н.К. Крупской. Идея создания военно-подготовительных учебных заведений для подростков, по ее мнению, противоречила идеологии советского государства: «Представители военного ведомства, отставившие идею кадетских корпусов, не сказали также, какие именно «специальные» знания и навыки должны дать эти техникумы-корпуса. Они говорили о грамотности, о здоровье, о силе воли, но это ведь не специальность: грамотность, здоровье, сила воли нужны решительно каждому специалисту. Остается воспитание «военного духа». Нужно-де воспитать «военную» честь... И катимся мы прямо к кастовому воспитанию, которое и есть то, ради чего военные педагоги затевают эти техникумы-корпуса... Красная армия будет тем, чем она была – рабоче-крестьянской армией, тесными узами связанной с трудящимися, а не армией, где офицеры свысока третирует солдата... Нужна связь армии с рабочей и крестьянской массой, и недопустим преждевременный отрыв будущих военных спецов от этой массы» [10].

Следует напомнить, что Н.К. Крупская была одним из самых ярких сторонников общественного воспитания детей. Она неоднократно выдвигала идеи создания сети детских домов нового типа. Детский дом Н.К. Крупская видела не пристанищем беспризорников, а «учреждением, дающим ребятам возможность всестороннего физического развития, дающим детям серьезный запас знаний, умение прилагать их к жизни, дающим привычку к труду, умение коллективно жить и работать, дающим понимание жизни и умение занять в ней место полезного члена общества» [9, с. 23]. Т.е. не в создании закрытых (или полузакрытых) интернатов, а именно в попытках восстановления особой военной касты была ее главная претензия к Д.А. Петровскому и его сторонникам.

Резюмируя своё послание Н.К. Крупская безапелляционно заявила: «Кадетские корпуса – вредная и ненужная идея» [10].

Д.А. Петровский и его сторонники оказались в непростом положении. Народный комиссариат просвещения в те годы был фактически центром идеологической работы в молодом государстве [10]. Наркомпрос объединил под своим управлением учебные заведения всех ведомств. Объединение под эгидой Наркомпроса шло в русле политики большевиков, именуемой «красногвардейской атакой на капитал»: ставилась задача взять все в одни руки, а потом уже вводить структуру управления, методики и программы. В ведении Наркомпроса находилось не только школьное дело, но и вузы, детские приюты, опека несовершеннолетних, управление Академией художеств, театры и музеи [7, с. 275]. Нельзя не

упомануть и о руководстве Наркомата просвещения. Возглавлял ведомство видный революционер А.В. Луначарский. Заместителями Народного комиссара были один из самых известных историков-марксистов М.Н. Покровский и упомянутая выше Н.К. Крупская. Противостоять таким непререкаемым авторитетам было практически невозможно. Кто-то даже поспешил сделать вывод, что «вопрос о создании кадетских корпусов исчерпан» [4, с.24].

Д.А. Петровский решительно опроверг это предположение, заверив, что будет отстаивать свою идею и дальше: «Вопрос «о кадетских корпусах» отнюдь не исчерпан. По этому вопросу велся спор между военведом и Наркомпросом. Наркомпрос высказался против «кадетских корпусов», а военвед не проявил настойчивости в проведении этого мероприятия. Но вряд ли есть основание думать, что слово Наркомпроса является решающим» [17, с. 26]. Также в очередной раз напомнил: «Мы никогда не думали о восстановлении старых корпусов, которым нет места в нашей жизни» [17, с. 26].

В 1923 г. Д.А. Петровский поддержал идею Н.М. Александра о реорганизации нескольких военных школ и курсов в «школы общего образования (военные рабфаки)» [17, с. 26]. По замыслу Н.М. Александра в этих учебных заведениях будет действовать особая программа в которой будут совмещаться общеобразовательные предметы, строевые занятия и физическая культура. Срок обучения в таких школах предполагалось установить в три-четыре года. Приниматься туда должны юноши 13–14 лет. Воспитанники окончившие такие «общие школы» в обязательном порядке должны были продолжать свое обучение по военной специальности [1, с. 46–47].

По мнению Н.М. Александра создание таких учебных заведений позволило бы сократить курс нормальных военных школ на один год, а из учебного плана исключить общеобразовательные предметы [1, с. 47].

По сути Н.М. Александр повторил предложения Д.А. Петровского заменив режущие слух наименование «кадетский корпус» на более соответствующее моменту «военный рабфак». Однако это не способствовало реализации предложения.

Д.А. Петровскому так и не удалось преодолеть противодействие со стороны Наркомпроса. В апреле 1924 г. на посту руководителя Главного управления военно-учебных заведений его сменил И.Э. Якир [12, с. 9]. Но и покидая свой пост Д.А. Петровский с оптимизмом говорил о перспективах возрождения кадетских корпусов [18, с. 243].

Уже при новом руководителе УВУЗа, хотя и в

весьма ограниченном количестве, в РККА военно-подготовительные школы все-таки были созданы и просуществовали до начала 1930-х гг. [6, с. 69–70].

Заключение. Установление в 1917 г. власти большевиков привело к слому имперской сословно-групповой структуры общества и упразднению учебных заведений, обслуживавших интересы ранее привилегированных сословных страт. Данное обстоятельство предопределило судьбу кадетских корпусов, которые даже в реформированном виде не отвечали ценностным взглядам новых властей и поэтому были упразднены.

Однако вскоре столкнувшись с проблемой комплектования на добровольной основе военно-учебных заведений и необходимостью создания командного корпуса, всецело преданного новой власти, побудило руководство военного ведомства обратиться к ценному опыту функционирования дореволюционных кадетских корпусов. Специализированный интернат с достаточно продолжительным сроком обучения позволял воспитать дисциплинированных, физически крепких и морально закаленных людей, беззаветно преданных правительству и готовых к тяготам предстоявшей им военной службы. Кроме того, он создавал прочную базу для последующих ступеней военного образования. Главным вдохновителем идеи восстановления системы кадетского образования стал начальник ГУВУЗ Д.А. Петровский

Казалось бы, здравая идея была отвергнута руководством Народного комиссариата просвещения из-за опасения формирования «военной касты» в советском обществе. «Всенародное обсуждение» вопроса, организованное Д.А. Петровским, опыт успешной работы подобных учебных заведений в некоторых советских республиках и поддержка предложений на всех уровнях в военном ведомстве практически не оказало никакого существенного влияния. Настолько велик был авторитет Наркомпроса РСФСР, который к тому времени консолидировал идеологическую работу в республике.

В течении продолжительного периода времени Д.А. Петровский отстаивал свою точку зрения, находя все новые и новые аргументы в свою пользу. Его усилия не были напрасны и в 1924 г. в системе советского военного образования были созданы первые военно-подготовительные школы.

Очевидно деятельность Д.А. Петровского на посту начальника ГУВУЗ была положительно оценена руководством страны. Ведь именно ему было поручено в начале 1930-х гг. создание системы технических средних и высших учебных заведений. И с этой задачей Д.А. Петровский успешно справился.

Список литературы

1. Александер Н. О подготовке младшего комсостава // Военный вестник. 1923. №14. С. 46–47.
2. Главное управление военно-учебных заведений (ГУВУЗ). 1917–1920. Обзор деятельности. М., 1920. 66 с.
3. Гребенкин А.Н. Дискуссия о «Красных кадетских корпусах» в РСФСР в 1920-е гг. // Человек в российской повседневности: история и современность. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией С.Д. Морозова, В.Б. Жиромской. Пенза, 2014. С. 53–58.
4. Дворжец В. Военно-политическая школа РККА // Военный вестник. 1923. №16. С. 24–26.
5. Дьяков С.И. Артиллерийское образование в годы Гражданской войны // Евразийский союз ученых. 2015. №4. С. 126–129.
6. Евланов В. К истории создания и развития специальных военно-подготовительных школ и училищ (1921–1955 гг.) // Военно-исторический журнал. 1984. №8. С. 68–70.
7. Кальсина А.А. Позиции Наркомата просвещения РСФСР и министерства народного просвещения правительства А.В. Колчака в области школьной политики в период Гражданской войны // Вопросы образования. 2009. №2. С. 269–287.
8. Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в СССР (1917–1984 гг.). Новосибирск: НВВПУ, 1991. 261 с.
9. Карасева А.А. Идея общественного воспитания в трудах Н.К. Крупской // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. №2. С. 20–27.
10. Крупская Н.К. Еще о кадетских корпусах // Известия. 1922. 5 июля. С.1.
11. Лукашевич А.М. Реформа средних военно-учебных заведений в России и ее судьба (1917–1918) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. №4. С.6–22.
12. Лушников А.М. Советская военная школа в 1921–1941 гг.: социально-политические аспекты развития: Учебное пособие. Ярославль, 1997. 88 с.
13. Михайлов А.А. Выпускники Псковского кадетского корпуса на службе Отечеству: материалы к биографическому словарю // Сборник материалов VIII Международных Александро-Невских чтений. Псков, 2017. С. 48–56.
14. Петровский Д. Нужны ли кадетские корпуса? // Военный вестник. 1922. №4. С. 8–9.
15. Петровский Д. К вопросу о кадетских корпусах // Известия. 1922. 30 июня. С. 1.
16. Петровский Д. Две резолюции (К вопросу о кадетских корпусах) // Военный вестник. 1922. №13. С. 38–39.
17. Петровский Д. Неудачные толкования // Военный вестник. 1923. №16. С. 26–27.
18. Петровский Д.А. Военная школа в годы революции 1917–1924 гг. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. 264 с.
19. Приказ Главного комиссара всех учебных заведений Российской Республики // Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. №1. С. 1.
20. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923 гг. / Сборник документов. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 440 с.
21. Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 1.
22. Самович А.Л. Военная школа России в 1914–1920 гг.: кадетские корпуса. М.: Компания «Спутник +», 2002. 50 с.

**D.A. PETROVSKY'S INITIATIVES FOR THE RESTORATION OF CADET CORPS
IN THE RSFSR (1921-1924)**

The article is devoted to one of the most poorly studied episodes in the history of the Russian military school – the work of the head of the Main Directorate of Military Educational Institutions (GUVUZ) D.A. Petrovsky on the reconstruction of the cadet corps system in the RSFSR. The need to equip the army and navy with well-trained command personnel in the early 1920s put on the agenda the question of the expediency of reviving military preparatory educational institutions. The initiator of this was D.A. Petrovsky. His articles and speeches pointed out the ideological inconsistency and the anti-national nature of military training for teenagers in the pre-revolutionary period, but at the same time he found positive sides in it. The paper reveals the content of his proposals, shows the chronology of events, the motives that prompted the head of the GUVUZ to turn to the experience of cadet corps. The idea of D.A. Petrovsky was actively opposed by the People's Commissariat of Education of the RSFSR, which controlled not only the activities of educational institutions, but also carried out the leadership of ideological work in the republic. It was in the ideological sphere that the confrontation between the two departments lay on the issue of the revival of cadet education. D.A. Petrovsky maneuvered, looked for new forms and ways to implement his idea. Eventually, military preparatory educational institutions for teenagers were opened in the USSR, but this happened after the resignation of D.A. Petrovsky from the post of Head of the GUVUZ.

Keywords: D.A. Petrovsky, Red Army, military preparatory educational institutions, cadet corps, military personnel training, GUVUZ, N.K. Krupskaya, Narkompros.

References

1. Alexander N. (1923) O podgotovke mladshogo komsostava [About the training of junior command staff] // Military bulletin. 1923. No. 14. pp. 46-47.
2. Glavnoe upravlenie voenno-uchebnih zavedeny (GUVUZ). 1917–1920. Obzor deyatelnosti (1920) [The Main Directorate of Military Educational Institutions (GUVUZ). 1917-1920. Review of activities]. M., 1920. 66 p.
3. Grebenkin A.N. (2014) Diskussiya o "Krasnih kadetskikh korpusah" v RSFSR v 1920-e gg. [Discussion about the "Red Cadet corps" in the RSFSR in the 1920s.] // Man in Russian everyday life: history and modernity. Collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of S.D. Morozov, V.B. Zhiromskaya. Penza, 2014. pp. 53-58.
4. Dvorzhets V. (1923) Voennopoliticheskaya shkola RKKA [Military-political school of the Red Army] // Military Bulletin. 1923. No.16. pp. 24-26.
5. Dyakov S.I. (2015) Artillerijskoe obrazovanie v godi Grazhdanskoj vojni [Artillery education during the Civil War] // Eurasian Union of Scientists. 2015. No.4. pp. 126-129.
6. Evlanov V. (1984) K istorii sozdaniya i razvitiya spetsialnih voenno-podgotovitel'nykh shkol i uchilishch (1921–1955 gg.) [On the history of the creation and development of special military preparatory schools and colleges (1921-1955)] // Military Historical Journal. 1984. No.8. pp. 68-70.
7. Kalsina A.A. (2009) Pozitsii Narkomata prosveshcheniya RSFSR I ministerstva narodnogo prosveshcheniya pravitelstva A.V. Kolchaka v oblasti shkolnoy politiki v period Grazhdanskoj vojni [The positions of the People's Commissariat of Education of the RSFSR and the Ministry of Public Education of the government of A.V. Kolchak in the field of school policy during the Civil War] // Questions of education. 2009. No.2. pp. 269-287.
8. Kamenev A.I. (1991) Istoriya podgotovki ofiterskikh kadrov v SSSR (1917–1984 gg.) [History of officer training in the USSR (1917-1984)]. Novosibirsk: NVVPU, 1991. 261 p.
9. Karaseva A.A. (2019) Ideya obshchestvennogo vospitaniya v trudakh N.K.Krupskoy [The idea of social education in the works of N.K. Krupskaya] // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2019. No. 2. pp. 20-27.
10. Krupskaya N.K. (1922) Eshche o kadetskikh korpusah [More about cadet corps] // Izvestia. 1922. July 5. p.1.
11. Lukashovich A.M. (2023) Reforma srednih voenno-uchebnih zavedeniy v Rossii i ee sudba (1917–1918) [Reform of secondary military educational institutions in Russia and its fate (1917-1918)] // Journal of the Belarusian State University. History. 2023. No.4. pp.6-22.
12. Lushnikov A.M. (1997) Sovetskaya voennaya shkola v 1921–1941 gg.: sotsialno-politicheskie aspekty razvitiya: Uchebnoe posobie [The Soviet military school in 1921-1941: socio-political aspects of development: A study guide]. Yaroslavl, 1997. 88 p.
13. Mikhailov A.A. (2017) Vipuskniki Pskovskogo kadetskogo korpusa na sluzhbe Otechestvu: materialy k biograficheskomu slovaryu [Graduates of the Pskov cadet corps in the service of the Fatherland: materials for a biographical dictionary] // Collection of materials of the VIII International Alexander Nevsky Readings. Pskov, 2017. pp. 48-56.
14. Petrovsky D. (1922) Nuzhny li kadetskie korpusa? [Do we need cadet corps?] // Military Bulletin. 1922. No.4. pp. 8-9.
15. Petrovsky D. (1922) K voprosu o kadetskikh korpusah [On the question of cadet corps] // Izvestia. 1922. June 30. p. 1.
16. Petrovsky D. (1922) Dve rezolyutsii (K voprosu o kadetskikh korpusah) [Two resolutions (On the issue of cadet corps)] // Military Bulletin. 1922. No. 13. pp. 38-39.
17. Petrovsky D. (1923) Neudachnye tolkovanya [Unsuccessful interpretations] // Military bulletin. 1923. No.16. pp. 26-27.
18. Petrovsky D.A. (1924) Voennaya shkola v godi revolyutsii 1917–1924 gg. [Military school during the revolution of 1917-1924]. Moscow: Supreme Military Editorial Council, 1924. 264 p.
19. Prikaz Glavnogo komissara vseh uchebnykh zavedeniy Rossiyskoy Respubliki (1917) [The order of the Chief Commissioner of all educational institutions of the Russian Republic] // Army and Navy of workers' and peasants' Russia. 1917. No. 1. p. 1.
20. Revvoensovet Respubliki. Protokoli. 1920–1923 gg. (2000) [Revolutionary Military Council of the Republic. Protocols. 1920-1923] / Collection of documents. M.: Editorial URSS, 2000. 440 p.
21. Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv voenno-morskogo flota (RGAVMF) [Russian State Archive of the

Navy]. F. R-123. Op. 1. D. 1.

22.Samovich A.L. (2002) Voennaya shkola Rossii v 1914-1920 gg.: kadetskie korpusa [Military school of Russia in 1914-1920: cadet corps]. M.: Sputnik + Company, 2002. 50 p.

Об авторе

Соловьев Рустам Арсланович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: solorus@mail.ru

Solovyev Rustam Arslanovich – Candidate of Historical Sciences, Teacher of the Department of National History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: solorus@mail.ru

УДК 329.73

Сулейман А.А., стажер Института международных исследований МГИМО МИД России (Россия)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ИРАКСКОГО И СИРИЙСКОГО КУРДИСТАНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В данной статье проведён анализ возникновения автономных от Сирии и Ирака правительств, которые представляют этнико-культурное меньшинство курдов, проживающих на данных территориях. Изучение данного вопроса затрагивает не только исторический и политический аспекты, но и идеологический фундамент обеих политических автономий. Если политические силы Иракского Курдистана придерживаются воззрений на создание национального государства, то их коллеги из Сирии смотрят совсем иначе на построение нового общества, приняв в качестве идеала взгляды Абдуллы Оджалана, лидера Рабочей Партии Курдистана. В двух политических автономиях сложились разные конфигурации партий: в Ираке курдская политическая автономия основана на основе сотрудничества и конкуренции нескольких партийных организаций, а в Сирии – сформировалась фактическая партийная монополия. В Иракском Курдистане идеологическую основу политической борьбы составляют разные формы национализма, которые подталкивают автономию к поиску путей провозглашения и закрепления независимости. Напротив, в Сирии курдская автономия основана на левых идеях сопротивления различным формам эксплуатации и потому оспаривает необходимость независимости и государства в его современной форме. В совокупности, такая конфигурация обуславливает слабую совместимость двух политических проектов и невозможность для каждого из них по отдельности добиться желаемого фиксированного статуса на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Курдистан, Рожава, курды, Ирак, государственность, Сирия, сепсессионизм.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-142-148

Введение. Курды — самая большая по численности нация без своего собственного государства, проживающая на территориях четырех различных государств. В трёх из четырех стран, на территории которых располагается «Великий Курдистан», курды являются самой крупным этническим меньшинством (в Турции, Ираке и Сирии). В этих государствах курдское меньшинство сталкивается с попытками ассимиляции и дискриминации, которые лишь обостряют существующие противоречия и создают стимулы для политической радикализации.

Попытки построить своё собственное, суверенное государство несколько раз оборачивались неудачей. Но на данный момент на территории Ближнего Востока существуют два курдских протогосударственных образования – Сирийский (Автономная Администрация Северной и Восточной Сирии или Рожава) и Иракский Курдистан. Их международно-правовой статус примерно одинаков – их не считают отдельными политическими единицами и рассматривают как часть некурдских государств. При этом, даже их текущий статус потребовал длительной вооруженной борьбы и деятельного отстаивания фактической автономии. В то же время, две эти политические единицы еще и находятся в определённой конкуренции друг с другом и представляют собой конкурирующие альтернативные проекты, вокруг которых может быть выстроена курдская государственность. Поэтому рассмотрение внутренних и идеологических особенностей Сирийского и

Иракского Курдистана представляет не только исследовательский, но и практический интерес.

Объекты и методы исследования. Объектом данного исследования являются местные правительства (фактические органы власти), представляющие курдское меньшинство на территории Сирии и Ирака в пределах контролируемых им территорий. Важно понимать, что претензии курдских автономий распространяются за пределы зоны их фактического контроля. В частности, Иракский Курдистан претендует на провинцию (мухафазу) Киркук, которую с конца 2017 года заняли лояльные иракскому правительству подразделения. Кроме того, фактические органы власти в двух автономиях часто выступают от имени курдского меньшинства не в силу каких-то современных процедур отбора представительских органов, а, скорее, в заявительном порядке. Например, в Сирийском Курдистане первые органы управления появились в 2013-2014 гг., а выборы процедуры прошли только в 2017 году.

В данной статье будет проведён сравнительный анализ работы внутренних институтов двух курдских политических единиц, также будет предпринята попытка ответить на вопрос какие возможные последствия будут при попытке отделения Рожавы и автономии курдов в Ираке от центрального правительства.

Необходимо провести идеологическое различие между двумя национальными проектами курдов в Сирии и Ираке, которые представляют две разные модели построения политического

сообщества. Модель Рожавы (т.е. Сирийского Курдистана) не имеет своей окончательной целью создание национального государства [16]. В соответствии с положениями, изложенными лидером Рабочей партии Курдистана (РПК) Абдуллою Оджаланом, создание национального государства не решит проблем, созданных «этатистской» цивилизацией, которая строится на монополии власти и угнетения [7]. Напротив, Иракский Курдистан в 2017 году провел референдум о независимости и, тем самым, задекларировал в качестве окончательной цели построение государства в его современной форме.

Результаты и их обсуждение. Иракский Курдистан занимает территорию северного Ирака, в том числе такие городские агломерации как Сулеймания, Эрбиль, и Дахук. В Иракском Курдистане сформированы собственные институты национального государства: однопалатный парламент (Национальное Собрание Курдистана), вооруженные силы («Пешмерга»), президент, конституция. Согласно Конституции автономии, официальными языками являются курдский и арабский, а столицей — город Киркук [14]. В регионе роли главных политических сил осуществляют две политические партии — Демократическая Партия Курдистана (ДПК) и Патриотический Союз Курдистана (ПСК) [1], а также относительно новая, созданная в 2009 году в результате раскола в ПСК, партия Горран [3].

В ближневосточных реалиях партийные структуры нередко не имеют ярко выраженной идеологической окраски, отстаивают интересы определенных семейно-родовых групп и связанных с ними патрон-клиентских сетей. Это ярко проявляется в Иракском Курдистане. В частности, после смерти Дж. Талабани, многолетнего лидера Патриотического Союза Курдистана, на IV съезде партии в 2019 году специально поменяли устав ПСК, чтобы ввести институт сопредседателей и избрать на одну из вакантных позиций сына покойного руководителя Б. Талабани и его двоюродного брата Л. Талабани. Аналогично, после смерти основателя партии «Горран» Н. Мустафы в 2017 году реальные рычаги управления достались его сыновьям — Нма и Чиа. Формальным лидером «Горрана» был избран О.С. Али, но братья Мустафа сохранили контроль над финансами и медийными активами, а здание штаб-квартиры партии зарегистрировали на свое имя [13].

Иракский Курдистан как полноценное политическое образование (регион Курдистан) возник 19 мая 1992 года, вследствие проведения на данной территории выборов в Национальный Совет Иракского Курдистана. Причин этому несколько. Во-первых, иракские курды стремились обезопасить себя от репрессий со стороны

режима Саддама Хусейна, а именно от политики арабизации населения, этнических чисток, ассимиляции [17]. Во-вторых, на территории Ирака сложилась удобная для курдов ситуация для отделения, так как иракские вооруженные силы потерпели сокрушительное поражение от международной коалиции во главе с США в 1991 году [1]. В то же время, проведенные выборы не привели к формированию единой курдской администрации — напротив, ДПК и ПСК сформировали свои собственные структуры управления и не проводили затем выборов до 2005 года [13].

Фактически, в новой политической единице вспыхнула гражданская война. Конфликт между лидерами ДПК и ПСК по экономическому и таможенному функционированию КАР перерос в полноценное вооруженное противостояние. Война нанесла сильный удар по политическому развитию Курдского автономного района, но по итогу конфликт удалось решить в 2002 году, когда ДПК и ПСК подписали соглашение о прекращении конфликта и подтвердили свою решимость к построению федеративного государства в Ираке [2]. Стоит отметить, что площадку для переговоров между М. Барзани и Дж. Талабани предоставили США [1].

В институциональном плане Курдский автономный район в Ираке столкнулся с целым рядом слабо разрешимых проблем. Во-первых, официально признанная конституцией столица КАР, город Киркук, находится под управлением федерального центра. Контроль на Киркуке позволил бы Иракскому Курдистану получить большую экономическую самостоятельность, поскольку в этой местности много нефтяных месторождений [12; 19]. Во-вторых, у курдов в Иракском Курдистане де-факто не сложилась современная система взаимоотношений между обществом и представителями власти: из-за патрон-клиентской природы основных политических сил любая конкуренция в публичном поле ограничена неформальными договоренностями и принципами лояльности собственной семейно-партийной группе. По всей видимости это высокий уровень экономического неравенства и повышает степень социальной напряженности внутри региона. Наконец, в-третьих, Иракский Курдистан пострадал от действий Исламского Государства (запрещено в России) — многие поселения были разорены, системы водоснабжения пришли в негодность, обострилась гуманитарная ситуация [17].

В 2017 году правительство КАР решилось провести референдум по вопросу независимости региона от Ирака, результат был ошеломительным: 92% избирателей выступило за независимость при явке в 72% [15]. Но реакция международной общественности была негативной, Иран

закрыл границы с КАР [17], лояльные иракскому правительству подразделения взяли под контроль Киркук. Практически все страны Ближнего Востока, хотя бы как-то связанные с курдским вопросом, очень негативно отреагировали на создание курдского государства, кроме одного. В начале сентября 2017 года премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху поддержал идею создания независимого курдского государства. "Израиль поддерживает законные усилия курдского народа по обретению государственности", — заявил Нетаньяху [16]. Очевидно, что Израилю было бы выгодно иметь такого партнера или союзника как независимый Курдистан, еще одно неарабское государство на территории преимущественного Ближнего Востока.

Идеологический путь иракских курдов — построение национального государства, в классическом смысле. Но проблемы налицо, невозможность удержать декларируемые территории, т. е. Киркук, экономическая зависимость от соседей и центрального правительства Ирака, отсутствие поддержки со стороны признанных государств (кроме Израиля), высокий уровень неравенства, всё это способствует многократному снижению шанса обретения Иракским Курдистаном независимости от Ирака. Основной проблемой на пути к независимости — остается невозможность поддерживать жизнеспособность (как экономическую, так и социальную) без взаимодействия с внешними акторами; при попытке сецессии Иракский Курдистан буквально не сможет торговать и получать необходимые ресурсы.

Несмотря на всю условность идеологической направленности партий в КАР, необходимо отметить ряд их существенных характеристик. Демократическая партия Курдистана была сформирована потомками феодальных и племенных лидеров из района Бахдинан севернее Мосула. Поэтому в исходном виде эта партия придерживалась традиционалистских взглядов и была открыта для сотрудничества с внешними силами (от Турции и Израиля до США). Сходную националистическую риторику воспроизводил и Патриотический Союз Курдистана, но с одним исключением — в его программе изначально подчеркивалось неприятие вмешательства внешних сил, даже легкий антиамериканизм. Однако, с течением времени, идейная платформа ПСК преобразовалась в весьма инструментальное отношение к внешним силам и стремление использовать их для максимального ослабления государственности Ирака. В последние десятилетия в Иракском Курдистане также появились партии религиозного толка — Исламский Союз Курдистана и Исламская группа Курдистана. Однако они тоже заняли националистические позиции по итогам

референдума 2017 года о независимости. К условным политическим силам левого спектра можно отнести «Горран» и Курдскую социалистическую демократическую партию, хотя КСДП в 2018 году пошла на выборы в избирательном блоке с религиозными партиями [13]. То есть, в идеологическом плане в Иракском Курдистане представлен, преимущественно, этнический национализм, отличающийся у каждой из партий, скорее, риторической оболочкой, чем содержанием.

Если сравнивать положение курдов в Сирии и Ираке, то ситуация в Сирии на данный момент незавидная. Хотя курдам и удалось создать органы местного самоуправления и организовать боеспособные силы, которые смогли дать мощный отпор боевикам ИГ в боях за город Кобани [4], положение дел у сирийских курдов заметно ухудшилось. Как минимум, Автономная администрация северной и восточной Сирии (формальное название Рожавы) потеряла существенную часть своей территории, а именно столицу одного из своих кантонов — город Африн [18]. Как максимум, будущее автономии находится под вопросом.

Курдское население в Сирии, в основном, компактно проживает в Заевфратье, в котором сосредоточено значительное число нефтяных месторождений, а на севере — много пригодных для сельского хозяйства земель (в довоенные годы выращивался даже рис). Районы с преимущественно курдским населением составляют два анклава с центрами в Хасеке и Африне. Между этими анклавами население смешанное — арабское, турецкое (туркоманское), отчасти черкесское. В целом, в Сирийской Арабской Республике курды составляют 10% населения (примерно 2–2,5 млн. человек) страны [1].

Политика, проводимая в отношении курдов в довоенной Сирии, было двойственной; с одной стороны правительство Хафеза Асада укрывало на территории страны лидера Рабочей Партии Курдистана — Абдуллу Оджалана, с другой — демонстрировалось нежелание интегрировать курдское меньшинство в политическую и гражданскую жизнь страны. Это проявилось, как минимум, по двум направлениям. Во-первых, Х. Асадом последовательно проводилась политика по арабизации курдских ареалов и созданию «арабского пояса» с целью вытеснить данное меньшинство с богатой на ресурсы территории. Во-вторых, сирийское правительство создало для курдского меньшинства такие условия, которые отсутствие возможностей в экономической сфере, получении высшего образования и доступа к социальной мобильности [13].

Причинами нынешней фрагментации Сирии, помимо внешней интервенции, стало отсутствие работоспособной системы центр-периферийных отношений, опора Асада-младшего на

устаревший механизм управления [8] и длительные репрессии в отношении курдов [1]. В условиях вмешательства со стороны западных государств в политические процессы в Сирии возник управленческий вакуум, а политика в отношении курдского меньшинства позволила партии «Демократический Союз» Демократического Единства и Курдскому Национальному Совету создать после начала гражданской войны собственное правительство — Высший Курдский Совет. Его возникновение сопряжено с тем, что сирийские органы власти покинули данный регион в августе 2012 года, когда начались бои за Алеппо [16].

Как и в Иракском Курдистане, в Сирии курдский проект автономии также связан с определенными партийными силами. Хотя в Сирийском Курдистане много политических партий, в 2012-2014 гг. на передний план выдвинулась партия «Демократический Союз» (ПДС), которая располагала не только вооруженными подразделениями, но и поддержкой внешних сил – прежде всего, турецкой Рабочей партии Курдистана и связанных с ней европейских организаций. В 2013 году ПДС создала первый автономный район в округе города Камышлы на северо-востоке Сирии, а затем постепенно расширяла зону своего влияния на запад и юг от этого анклава. Вероятно, окончательно значение «Демократического Союза» как основной сирийской курдской партии закрепилось во время осады (сентябрь 2014-январь 2015) города Кобани (Айн аль-Араб) Исламским государством (запрещено в России). Во-первых, оборона города вооруженными отрядами ПДС сделала их символом борьбы за права курдского меньшинства и придала им героический статус. Во-вторых, даже глава Иракского Курдистана М. Барзани – при всех разногласиях с ПДС и РПК – был вынужден под давлением общественного мнения направить небольшой отряд на помощь для деблокады Кобани [1].

Стоит отметить, что идеологический аспект играет важную роль в борьбе сирийских курдов, причём он разительно отличается от идеологии курдов Ирака. Основывается она на теории А. Оджалана, который, находясь в тюрьме Имрали, Турция, написал пятитомный труд под названием «Манифест демократического общества», посвященный проблемам современного капитализма, положения женщин в обществе, экологии, понимаемую демократии и эксплуатации под эгидой национального государства. По мнению Оджалана, существующая капиталистическая формация (стадия развития) не только не может восстановить себя, но и встречает нарастающее сопротивление. На планетарном уровне сама окружающая среда подает все больше признаков того, что простое изъятие ресурсов и минимизация экологических

затрат может вести к дальнейшим дисбалансам и природным катастрофам. На глобальном уровне условная мировая периферия и полупериферия все меньше соглашаются с неформальными имперскими практиками и макроэкономической эксплуатацией. На национальном уровне утверждаемые государствами модели этничности, религиозности и расы вызывают нарастающее число конфликтов, часть из которых включает в себя меньшинства, выступающие с позиций мирного сосуществования, а не ассимиляции и культурно-исторической унификации. Наконец, на локальном уровне все более очевидным становится неравное положение женщин в обществе, которое также сталкивается с сопротивлением и отторжением (не только со стороны самих женщин). Центральным элементом демонтажа этой многоуровневой структуры эксплуатации А. Оджалан считал национальное государство, которое уничтожает социальную множественность и само по себе становится проводником гегемонистских отношений в мире. Ключевой тезис этой концепции – поиск альтернатив национальному государству и поощрение сил сопротивления на каждом из уровней.

Взамен «этактической цивилизации» Оджалан предлагал дать путь «демократической цивилизации», которая существует параллельно и на протяжении тысячелетий борется против первой. Именно победа демократической цивилизации обеспечит курдам, да и всему миру в целом, освобождение от рекуррентного цикла эксплуатации [7]. Важный пункт борьбы демократической цивилизации — освобождение женщин от угнетения со стороны патриархата и социальной иерархии; Оджалан по этому поводу пишет следующее: «Метод Исследований, не видящий реалий женской жизни, борьба за свободу и равенство, не вовлекшая женскую проблему в свой эпицентр, никогда не постигнет истины, не достигнет свободы и равенства» [9]. Но для того, чтобы демократическая цивилизация смогла победить в борьбе против национального государства, она должна быть продвинута снизу вверх, её идея должна быть осознана, адаптирована и имплементирована простыми гражданами, а не национальной элитой [20].

И действительно, в контексте либерализации общества, Рожава опережает многие страны Ближнего Востока. Например, женщины воюют наравне с мужчинами в отдельных вооруженных формированиях (Yekîneyên Parastina Jin, с курманджи: Женские Отряды Самообороны) [11], что позволило им в значительных темпах эмансипироваться. Более того, образование в регионе предоставлено не только на курманджи и арабском, но и на сирском, туркменском, адыгейском языках [12]. ПДС также создала на подконтрольной территории экологически безопасное

производство и кооперативы, провела «социализацию» 2/3 крупной собственности (передача в общественное пользование) [16].

Но вышеупомянутый процесс эмансипации женщин в курдском освободительном движении начался, в действительности, до гражданской войны в Сирии. Женщины играли значительную роль и до данных событий, в особенности в рамках Рабочей Партии Курдистана, которая ведет вооруженную борьбу на территории Турции, представители женской части успешно создали автономную от руководящих органов организационную структуру [11]. Более того, в рамках освобождения от угнетения со стороны капитализма и эксплуатации со стороны мужчин [7] предлагается использовать новые формы концептуализации знания. Именно таким нововведением стала «женология» [jineoloji] (наука о женщине), целью которой является идеологическое поддержание идей гендерного равенства между мужчинами и женщинами и построения общества на идеях демократической цивилизации, изложенных Оджалом [5].

Даже учитывая некоторые успехи Рожавы в построении более справедливого общества на фундаменте идеи о «демократической цивилизации», на данный момент дальнейшее существование автономии находится под угрозой. В частности, что один из стратегических городов Рожавы (Африн) был занят подразделениями ВС Турецкой Республики. В рамках астанинского переговорного формата по Сирии страны-участницы заявили о приверженности территориальной целостности САР и выразили решимость противостоять «сепаратистским» планам в Заевфратье [10]. Иными словами, то есть страны-гаранты, в том числе Российская Федерация не рассматривают наличие курдской автономии на территории поствоенной Сирии. А это значит, что, по всей вероятности, страны-гаранты вести диалог с представителями

автономной администрации не будут. И дальнейшее функционирование Сирийского Курдистана как автономного субъекта, скорее всего, либо будет в таком же подвешенном состоянии (как де-факто независимая политическая единица без внешнего признания), либо сведется к последующей ликвидации при окончательном восстановлении суверенитета Сирийской Арабской Республики.

Заключение. Рассмотрев в данной статье два проекта построения автономных обществ на территориях компактного проживания курдов, можно смело заявить, что с большой долей вероятности такое государство как Курдистан в ближайшем будущем не возникнет. Во-первых, основная проблема заключается в том, что существующие проекты курдской государственности или автономии, в целом, не получают поддержки со стороны соседних государств, что критически важно в условиях отсутствия у курдских территорий выхода к морю. Именно это случилось в 2017 году во время референдума по вопросу независимости на территории Иракского Курдистана, когда Турция и Иран крайне негативно восприняли вариант с сецессией курдских территорий. Во-вторых, курдская государственность не возникнет и по внутренним причинам. В Иракском Курдистане фактическими носителями власти стали партии, организованные на основе патрон-клиентских сетей: иными словами, структуры Премодерна не способны выстроить институты Модерна. Напротив, в Сирийском Курдистане политическая автономия выстроена на идеях отрицания государственности, акцента на локальном уровне властных отношений. В таких условиях, разница между идеологическими ядрами Иракского Курдистана и Рожавы остается непреодолимой, что создаст проблемы в коммуникации при возможном объединении усилий двух курдских политических единиц.

Список литературы

1. Вертяев, К. В. Курдский национализм: История и современность / К. В. Вертяев, С. М. Иванов. М.: ЛЕНАНД, 2018. 352 с.
2. Воробьев С.В. Иракский Курдистан: эволюция проблемы формирования политического статуса // Обозреватель-Observer. 2021. №10. С. 59-71.
3. Движение «Горран». История и перспективы после смерти лидера. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/dvizhenie-gorran-istoriya-i-perspektivy-posle-smerti-lidera/> (дата обращения: 25.04.2024).
4. Дергами А. Почему ускользнул сирийский г. Кобани от ИГИЛ? (Личный обзор с места событий) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. №3. С. 31-33.
5. Жинология, как основной предмет учебной программы в школах. URL: <https://hwarnews.com/ru/15404559002598> (дата обращения: 1.06.2024).
6. Израиль выступил за создание курдского государства. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41251860> (дата обращения: 25.04.2024).
7. Капиталистическая цивилизация. Эпоха богов без масок и голых королей. Книга 2. / А. Оджалан. М.: Зебра Е, 2012. 400 с.
8. Козинцев А.С. Борьба за государство: Сирийский кризис сквозь призму центр-периферийных

отношений // Политическая наука. 2018. № 4. С. 223–240. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.11

9. Манифест демократического общества. Книга пятая: Курдская проблема и решение модели демократической нации: Защита курдов, находящихся в тисках культурного геноцида / Абдулла Оджа-лан. М.: Федеральная национально-культурная автономия курдов РФ, 2016. 832 с.

10. Переговоры по Сирии в астанинском формате. URL: <https://ria.ru/20240124/peregovory-1922921581.html> (дата обращения: 07.04.2024).

11. Bahar Ş., Jongerden J. Gender Revolution in Rojava: The Voices beyond Tabloid Geopolitics // Geopolitics. 2021. Vol. 26. №4. pp. 1023-1045, DOI: 10.1080/14650045.2018.1531283

12. Bali A. The political development of Iraqi Kurdistan // International Journal of Political Science and Development. 2016. Vol. 4. №. 6. pp. 208-215.

13. Nama H. H., Abdullah F. H. Political parties and the political system in Iraqi Kurdistan // Journal of Asian and African studies. 2021. Vol. 56. №. 4. pp. 754-773.

14. Kurdistan: Constitution of the Iraqi Kurdistan Region. URL: <https://unpo.org/article/538?id=538> (дата обращения: 25.04.2024).

15. Le Kurdistan seul au monde après son référendum. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/2017/09/27/01003-20170927ARTFIG00298-le-kurdistan-seul-au-monde-apres-son-referendum.php> (дата обращения: 25.04.2024).

16. Manzinger, K., & Wagner, P. (2020). A szíriai kurdok és Rozsava – alternatív társadalomépítés a Közel-Keleten. Honvédségi Szemle – Hungarian Defence Review, 148(1), 15–40. DOI: 10.35926/HDR.2020.1.2

17. Mohammed J. A., Alrebh A. F. Iraqi Kurds: The dream of nation state // Digest of Middle East Studies. 2020. Vol. 29. №. 2. pp. 215-229. DOI: 10.1111/dome.12216

18. Six years after Afrin occupation, violations of human rights persist without any signs of abating. URL: <https://www.kurdistan24.net/en/story/34318-Six-years-after-Afrin-occupation,-violations-of-human-rights-persist-without-any-signs-of-abating> (дата обращения: 17.05.2024).

19. Sumer F., Joseph J. The paradox of the Iraqi Kurdish referendum on independence: contradictions and hopes for economic prosperity // British Journal of Middle Eastern Studies. 2018. Vol. 45. №. 4. pp. 574-588. DOI: 10.1080/13530194.2018.1430533

20. Sunca Y. The bifurcated trajectory of nation formation in Kurdistan: Democratic confederalism, nationalism, and the crisis of capitalist modernity // Nations and Nationalism. 2020. Vol. 26. №. 4. pp. 979-993.

COMPARATIVE ANALYSIS OF SYRIAN AND IRAQI KURDISTAN: CHALLENGES AND PROSPECTS OF STATE BUILDING

This article analyzes the emergence of governments autonomous from Syria and Iraq, which represent the ethnic and cultural minority of Kurds living in these territories. The study of this issue affects not only the historical and political aspects, but also the ideological foundation of both political autonomies. If the political forces of Iraqi Kurdistan adhere to the views on the creation of a national state, then their colleagues from Syria have a completely different view on the construction of a new society, having adopted the views of Abdullah Ocalan, the leader of the Kurdistan Workers' Party, as an ideal. Different party configurations have developed in the two political autonomies: in Iraq, the Kurdish political autonomy is based on cooperation and competition between several party organizations, and in Syria, a de facto party monopoly has formed. In Iraqi Kurdistan, the ideological basis of the political struggle is made up of various forms of nationalism, which push the autonomy to search for ways to proclaim and consolidate independence. In contrast, in Syria, Kurdish autonomy is based on leftist ideas of resistance to various forms of exploitation and therefore challenges the need for independence and the state in its current form. Taken together, this configuration makes the two political projects weakly compatible and makes it impossible for either to achieve the desired fixed status in the Middle East.

Keywords: Kurdistan, Rojava, Kurds, Iraq, Syria, stateness, Abdullah Ocalan, secessionism.

References

1. Vertyaev, K. V. & Ivanov S.M. (2018). Kurdsij nacionalizm: Istoriya i sovremennost'. [Kurdish Nationalism: History and Modernity]. Moscow, 352 p.

2. Vorob'ev S.V. (2021). Irakskij Kurdistan: evolyuciya problemy formirovaniya politicheskogo statusa // Obozrevatel'-Observer [Iraqi Kurdistan: the evolution of the issue of political status formation // Observer] No. 10, p. 59-71.

3. Dvizhenie «Gorran». Istoriya i perspektivy posle smerti lidera // RSMD [The Gorran Movement. History and prospects after the death of the leader // RIAC], URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/dvizhenie-gorran-istoriya-i-perspektivy-posle-smerti-lidera/> (accessed: 17.05.2024).

4. Dergami, A. (2015). Pochemu uskol'znul sirijskij g. Kobani ot IGIL? (Lichnyj obzor s mesta sobytij)

// Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' [Why did the Syrian town of Kobani slip away from ISIS? (Personal review from the scene) // Historical and socio-educational thought], Vol. 7, No. 3

5. Zhinologiya, kak osnovnoj predmet uchebnoj programmy v shkolah // ANHA [Jinology as a central subject of the curriculum in schools // ANHA] URL: <https://hawarnews.com/ru/15404559002598> (accessed: 17.05.2024).

6. Izrail' vystupil za sozдание kurdsogo gosudarstva // BBC [Israel favoured the establishment of a Kurdish state // BBC], URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41251860> (accessed: 17.05.2024).

7. Ocalan A. (2012). Kapitalisticheskaya civilizaciya. Epoha bogov bez masok i golyh korolej [Capitalism. The Age of Gods and Naked Kings]. Moscow, 400 p.

8. Kozincev A.S. (2018). Bor'ba za gosudarstvo: Sirijskij krizis skvoz' prizmu centr-periferijnyh otnoshenij // Politicheskaya nauka [Struggle for the state: Syrian crisis through the prism of centre-periphery relations // Political Science], No. 4, p. 223-240, DOI: 10.31249/poln/2018.04.11

9. Ocalan A. (2016). Manifest demokraticeskogo obshchestva. Kniga pyataya: Kurdsкая problema i reshenie modeli demokraticeskoy nacii: Zashchita kurdiv, nahodyashchihся v tiskah kul'turnogo genocida [Manifesto for a Democratic Civilization. Volume 5: The Kurdish Question and the Solution to the Democratic Nation Model: Protecting Kurds in the Grip of Cultural Genocide], Moscow, 832 p.

10. Peregovory po Sirii v astaninskom формате // RIA Novosti [Negotiations on Syria in the Astana format // RIA Novosti]. URL: <https://ria.ru/20240124/peregovory-1922921581.html> (accessed: 17.05.2024).

11. Bahar Ş., Jongerden J. (2021). Gender Revolution in Rojava: The Voices beyond Tabloid Geopolitics // Geopolitics. Vol. 26. №4. pp. 1023-1045, DOI: 10.1080/14650045.2018.1531283

12. Bali A. (2016). The political development of Iraqi Kurdistan // International Journal of Political Science and Development. 2016. Vol. 4. №. 6. pp. 208-215.

13. Hama H. H., Abdullah F. H. (2021). Political parties and the political system in Iraqi Kurdistan // Journal of Asian and African studies. Vol. 56. №. 4. pp. 754-773.

14. Kurdistan: Constitution of the Iraqi Kurdistan Region. URL: <https://unpo.org/article/538?id=538> (accessed: 17.05.2024).

15. Le Kurdistan seul au monde après son référendum. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/2017/09/27/01003-20170927ARTFIG00298-le-kurdistan-seul-au-monde-apres-son-referendum.php> (accessed: 17.05.2024).

16. Manzinger, K., & Wagner, P. (2020). A szíriai kurdok és Rozsava – alternatív társadalomépítés a Közel-Keleten. Honvédségi Szemle – Hungarian Defence Review, 148(1), 15–40. DOI: 10.35926/HDR.2020.1.2

17. Mohammed J. A., Alrebh A. F. (2020), Iraqi Kurds: The dream of nation state // Digest of Middle East Studies. Vol. 29. №. 2. pp. 215-229. DOI: 10.1111/dome.12216

18. Six years after Afrin occupation, violations of human rights persist without any signs of abating. URL: <https://www.kurdistan24.net/en/story/34318-Six-years-after-Afrin-occupation,-violations-of-human-rights-persist-without-any-signs-of-abating> (accessed: 17.05.2024).

19. Sumer F., Joseph J. (2018). The paradox of the Iraqi Kurdish referendum on independence: contradictions and hopes for economic prosperity // British Journal of Middle Eastern Studies. Vol. 45. №. 4. pp. 574-588. DOI: 10.1080/13530194.2018.1430533

20. Sunca Y. (2020). The bifurcated trajectory of nation formation in Kurdistan: Democratic confederalism, nationalism, and the crisis of capitalist modernity // Nations and Nationalism. Vol. 26. №. 4. pp. 979-993.

Об авторе

Сулейман Антон Ахмадович – стажер Института международных исследований МГИМО МИД России, стажер Российского Совета по международным делам (Россия), E-mail: Sulejman_A_A@my.mgimo.ru

Suleiman Anton Akhmadovich – Research Intern in Institute for International Studies of MGIMO-University, Intern at the Russian International Affairs Council (Russia), E-mail: Sulejman_A_A@my.mgimo.ru

Терехов О.Э., доктор исторических наук, доцент, Кемеровский государственный университет (Россия)
Терехова О.Н., кандидат исторических наук, доцент, Кемеровский государственный университет (Россия)

КОНЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА Н. ЭЛИАСА: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье рассматривается концепция западноевропейского абсолютизма немецкого социолога Норберта Элиаса. Актуальность темы обусловлена тем, что Элиас принадлежит к числу основателей исторической социологии, популярного направления в гуманитарных исследованиях второй половины XX столетия, которое неоднократно обращалось к изучению проблем генезиса абсолютизма. Актуальность также связана с тем, что Элиас по праву считается одним из основоположников социокультурного подхода в исследовании проблем западноевропейского абсолютизма. Подход Элиаса к анализу абсолютизма, его концепция не являлись чем-то заранее заданным. И если в своем раннем научном творчестве Элиас сосредотачивает внимание на экономических, прежде всего денежно-финансовых предпосылках абсолютной монархии, то, по мере эволюции своих взглядов, он постепенно смещал акцент на социокультурные факторы его развития. Элиас приходит к выводу о том, что по мере усложнения структуры западноевропейского общества в период генезиса абсолютизма и военной революции раннего Нового времени, создания системы государственного налогообложения, разорения дворянства значение экономики постепенно ослабевает и возрастает роль социокультурных параметров. В обществе формируются сложные, вертикально и горизонтально связанные между собой, структуры, фигурации по терминологии Элиаса. Усложняются также его социальные, культурные и т. д. запросы. В центре этого процесса находится король, королевский двор и придворное общество. На примере эволюции социокультурного облика французского королевского двора эпохи абсолютизма Элиас показывает, как происходит этот процесс, давший толчок становлению современного общества.

Ключевые слова: Норберт Элиас, западноевропейский абсолютизм, историческая социология, фигурация, придворное общество.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-149-154

Введение. Проблема феномена западноевропейского абсолютизма продолжает оставаться актуальной в интеллектуальном дискурсе современной гуманитарной мысли [6, 9, 10, 13], Вторая половина XX столетия стала новым этапом «возвращения» к этой проблематике. Он был вызван не только новым уровнем осмысления как самой проблематики, так и тех изменений и последствий, которые принесла с собой абсолютная монархия в развитие западного общества. Фундаментальные труды И. Валлерстайна, П. Андерсона, Ч. Тилли, Дж. Стрэйера и др. были посвящены ключевым аспектам роли абсолютной монархии при формировании централизованного государства, военной революции, генезиса капитализма и становлению «модерного государства» раннего Нового времени [2, 3, 14, 17]. Абсолютизм стал ключевым феноменом, который кардинально преобразил западное общество, придав ему во многом современный вид. При этом следует отметить, что эта трансформация проходила крайне сложно и не равномерно. Данное обстоятельство обуславливает многообразие трактовок феномена так и не ослабевающий интерес к нему.

Как уже было сказано, вторая половина XX столетия стала важным этапом в изучении проблем абсолютизма. Это связано с возникновением ряда новых направлений в исторической

науке и применения междисциплинарных исследований, которые по-новому позволили рассмотреть данную тематику. Большую роль в переосмыслении проблематики абсолютизма сыграла историческая социология, популярное и влиятельное направление в новейшей гуманитарной мысли, вобравшее в себя многие достижения междисциплинарного анализа, что позволило ее последователям создать широкую панораму этого явления. По словам М. М. Крома, «отличительной чертой, своего рода визитной карточкой этого направления с самого начала стал сравнительный метод...» [8, с. 31]. Одним из основателей исторической социологии по праву считается немецко-британский социолог Норберт Элиас (1897 – 1990), основные труды которого изначально не нашли понимания не только у его коллег-социологов, но и в целом в широком спектре предвоенной гуманитарной мысли Запада 1930-х гг. В период бурного становления исторической социологии в 1960 – 1970-гг. труды Элиаса оказались востребованными. Выяснилось, что он был одним из первопроходцев этого направления. Особое место в историко-социологических трудах Элиаса играла проблема западноевропейского абсолютизма, в изучение которой он внес существенный вклад, создав социокультурную модель западноевропейской абсолютной монархии. Как писал В.

В. Козловский: «Оригинальность его вклада в социологию заключается в создании исторически обоснованной универсалистской теории общества» [7, с. 40]. Цель данной статьи – рассмотреть концепцию западноевропейского абсолютизма Элиаса, ее становление и трансформацию.

Объекты и методы исследования. Элиас обратился к изучению абсолютизма в 1930-е гг. во время работы над двумя своими фундаментальными монографиями. Во-первых, книги о генезисе европейской цивилизации «О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования» [15]. Первое издание этого труда вышло в 1939 г. В его структуре, материалах, форме их подачи уже отчетливо прослеживается жанр исторической социологии, вышедший вторым изданием в 1979 г. в эпоху ее бурного развития как научного направления, этот труд приобрел широкое признание. И в исследовании о французском придворном обществе XVII – XVIII, которое Элиас предполагал защитить как докторскую диссертацию. Данная работа была опубликована отдельной книгой лишь в 1968 г. и принесла автору заслуженный успех [16]. Несмотря на то, что Элиас много сделал для того, что сформировать социокультурную модель феномена западноевропейского абсолютизма, его творческий путь к этой модели был отнюдь не прямолинейным и предрешен. Как раз на раннем этапе своей научной деятельности Элиас склонялся больше к экономической трактовке абсолютизма. Проследить эволюцию взглядов Элиаса на западноевропейский абсолютизм, как представляется авторам статьи, будет актуально, ибо дискуссия об этом феномене, как уже было сказано выше, еще далеко не окончена.

В данном контексте следует сказать, что в отечественной историографии нет работ, в которых затрагивалась бы концепция абсолютизма Элиаса. В качестве исключения можно назвать две работы одного из авторов этой статьи [12, 13]. Также необходимо отметить работу Р. Е. Гергилова, в которой он рассматривает концепцию абсолютизма Элиаса в контексте его теории цивилизации [4]. Автор приходит к выводу о том, что Элиас, рассуждая о движущих силах общественного развития современной цивилизации, недооценил роль буржуазии в крушении королевской власти, абсолютной монархии и создания более гомогенного по своей социальной структуре общества.

Говоря о социологии Элиаса, следует помнить, что его вклад в современную теоретическую социологию отнюдь не ограничивался предметом исторической социологии. Он был автором оригинальной теории фигураций, которую, кстати говоря, успешно применил в «Придворном обществе», а также ряда других теоретико-

методологических разработок. Все эти методологические новации Элиаса так или иначе отразились на его концепции абсолютизма. Общему анализу социологии Элиаса посвящены работы Козловского, Гергилова [5, 7] и А. И. Руткевича [11]. Из последних работ об Элиасе нужно упомянуть диссертационное исследование Л. А. Авакян [1]. Автор, проанализировав концепцию цивилизации Элиаса, делает однозначный вывод об ее историко-социологической основе и сущности. Согласно Авакян, «Элиас исследует различия и трансформации социальной конструкции человека в разные периоды европейской истории» [1, с. 22].

Результаты и их обсуждение. Размышляя о генезисе западноевропейского абсолютизма, Элиас отмечает, что в процессе борьбы между дворянством, церковью и князьями за власть и доходы, которая шла в течение всего Средневековья, в XII – XIII вв. появляется еще одна группа богатая часть горожан, которых определяет как «буржуа» [15, с. 7]. Исходом этой борьбы стало создание абсолютистского государства, позволившего одному лицу сосредоточить в своих руках большую власть. Позволим себе привести обширную цитату из его труда по этому поводу: «В изменении формы господства находит свое выражение структурное изменение западного общества в целом. Не только отдельные короли обрели власть, но сам социальный институт королевской или княжеской власти обрел больший вес в процессе постепенного преобразования всего общества» [15, с. 8].

Рассматривая предпосылки этой трансформации общества, Элиас помимо социокультурных факторов, например, роль придворного общества в формировании нового образа жизни, или университетов, в своем раннем труде выделяет и экономические причины появления абсолютизма в Западной Европе. Фактор постепенного увеличения в экономике Средних веков денежного сектора в противовес натуральному хозяйству привело к необходимости создания государственной налоговой системы, главными бенефициарами данной системы стали король и аппарат центральной власти [15, с. 15]. В свою очередь, наличие системы сбора налогов центральной властью обусловило повышение возможности короля в комплектовании армии, что, несомненно, повышало силовую составляющую королевской власти. Элиас следующим образом характеризует данный процесс; «Рост шансов, находящихся в распоряжении центральной власти и обусловленных ее функцией, был также предпосылкой процесса принудительного установления мира и усмирения различных уделов, направляемого из единого центра» [15, с. 14]. Другой стороной перехода от натурального к денежному сектору в экономике, помимо увеличения доходов центральной власти,

стал рост доходов от торговли и постепенное возвышение буржуазии. Дворянство же лишенное денежных потоков, наоборот, стало постепенно приходить в упадок. Элиас иллюстрирует данный процесс упадком значения рыцарства как в экономической, так и в военной сфере.

Рост денежного сектора экономики привел к снижению общественного значения дворянства и повышению роли буржуазии. Элиас, однако, предостерегает от упрощенного понимания этого процесса, который, по его мнению, занял достаточно длительное время и создал различные причудливые формы симбиоза между дворянством и буржуазией. В центре всего этого процесса стояла королевская власть, которая укрощала и умело лавировала между различными социальными слоями. «В качестве структурной предпосылки абсолютной монархии выступало отсутствие превосходства, принадлежащего какому-либо сословию или какой-либо группе одного из них» [15, с. 16].

Таким образом, в своей ранней работе «О процессе цивилизации» Элиас рассматривал абсолютизм как феномен порожденный разложением натурального средневекового хозяйства и возникновением финансовых отношений. Это позволило, поначалу слабой королевской власти, постепенно создать налоговую систему и в какой-то мере поставить под своей контроль денежные потоки. Данное обстоятельство стало первым шагом к ее усилению. Борьба между, начинающим переживать упадок дворянством, и поднимающейся буржуазией, революция в военном деле стали другими важными факторами становления новой формы общественных и государственных отношений – абсолютной монархии в Западной Европе (в этом контексте Элиас часто использует пример Франции). Но уже в книге «О процессе цивилизации» мы можем увидеть явственно проступающие черты социокультурного подхода к определению сущности абсолютизма, в частности проблема нового образа жизни и роли в нем дворянства. Именно социокультурная трактовка абсолютизма стала в конечном итоге решающим вкладом Элиаса в изучение этого феномена западноевропейской истории.

Работа, которую мы знаем под заглавием «Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история», которая вышла впервые в 1969 г., Элиас начал в 1930 г. Она рассматривалась им в качестве второй докторской диссертации (габилитация). Защита по многим причинам не состоялась, и текст был отложен на долгие годы, чтобы после своего выхода из печати стать значительным интеллектуальным событием. За основу своих теоретико-методологических представлений о роли придворного

общества в абсолютизме Элиас взял социокультурный подход. Наследник и прилежный ученик немецкой школы теоретической социологии, научные взгляды которого формировались под непосредственным влиянием Макса и Альфреда Веберов, Карла Манхейма, Элиас в изучении исторического процесса во главу угла поставил социокультурные аспекты, полагая их более важными факторами, чем экономические. В случае с абсолютизмом таким сосредоточием всех социокультурных процессов стал королевский двор. «В абсолютных монархиях, где роль сословно-представительных учреждений в управлении была сведена к минимуму, двор монарха соединял в себе ... функцию домохозяйства всей августейшей семьи с функцией центрального органа государственной администрации, с функцией правительства» [16, с. 10].

Для того, чтобы выявить горизонтальные и вертикальные связи исторического процесса в их социокультурном ракурсе Элиас вводит понятие «фигурации». По словам автора, фигурации это теоретико-методологическая конструкция, напоминающая нечто вроде концепцию «идеальных типов» М. Вебера. Однако в отличие от Вебера, Элиас придает категории «фигурация» живой и динамичный характер. Говоря языком психологии, фигурация – это малая социальная группа, состоящая из индивидуумов. «Фигурации так же реальны, как и отдельные люди, их составляющие» – писал Элиас [16, с. 25]. Но фигурация это не просто отдельные индивидуумы, а, по Элиасу, целые общественные структуры церковь, город, бюрократия и т. д. Характерной чертой фигурации является динамичность и изменчивость социальных связей внутри нее. Поэтому, соответственно, фигурации не есть нечто раз и навсегда застывшее образование.

В каждой эпохе существовала, по мнению Элиаса, некая репрезентативная фигурация, отражавшая ее суть и черты. В эпоху абсолютизма, «это репрезентативное и центральное значение двор имел для большинства западноевропейских стран XVII и XVIII веков» [16, с. 51]. Изучение фигурации «королевский двор» имеет, как полагал Элиас, важное социокультурное значение для понимания современного западного общества, ибо двор был «центральной фигурацией той стадии развития, которая в длительной борьбе внезапно или постепенно сменилась буржуазно-профессиональной, индустриально-городской стадией, придворно-аристократическое общество создало цивилизационный и культурный тип, который включился в тип, характерный для буржуазно-профессионального общества» [16, с. 55].

Становлению абсолютизма в Западной Европе предшествовала борьба между королем и

феодалной знатю. Этот феномен в генезисе абсолютистской формы господства был, согласно Элиасу, типичен для всех стран. Помощь в этой борьбе королям и королевскому двору пришла со стороны экономики. Обесценение денег вследствие большого потока драгоценных металлов в эпоху великих географических открытий подорвало экономическое положение дворянства, и оно было вынуждено волей не волей группироваться вокруг королевского двора, надеясь получить какую-нибудь должность при нем [16, с. 188 – 189]. Элиас настоятельно подчеркивает роль фактора денег на ранней стадии формирования абсолютизма, когда король «владеющий землями и раздающий земли, превращается в короля, владеющего деньгами и раздающего деньги» [16, с. 188 – 189]. Вторым важным фактором развития абсолютизма стало усовершенствование военного дела, организацию которого королевская власть постепенно брала в свои руки.

Генезис абсолютизма начинает приобретать социокультурный характер со становлением феномена королевского двора, как формы зарождения новых общественных, социальных и культурных отношений в период раннего Нового времени и формирования уже современных, по своему характеру, структур. Она как раз и выразилась в первую очередь в том, что различные институты западного социума начинают усложняться в своих горизонтальных и вертикальных связях, а королевский двор, как фигурация, становится сосредоточием данных процессов. Двор диктует моду, в буквальном смысле этого слова, на новый образ поведения, жизни и так далее в социокультурном плане.

Элиас подробно описывает приметы этих социокультурных новшеств: отношение к роскоши, возникновение нового этикета и церемониала, изменения структуры и интерьера жилища, реконфигурацию придворно-аристократической сети социальных связей, представление о семье и

браке. Элиас также стремится «выявить причины трансформации социокультурных установок в аристократической среде в эпоху абсолютной монархии» [13, с. 152]. По мере централизации государства и усиления власти короля, а затем и постепенной эволюции идеи и практики абсолютной монархии и придворного общества, состоящего из высших слоев аристократии, оно и король, королевский двор формируют сложную социокультурно горизонтально и вертикально выстроенную интегрированную систему. Социальная, политическая, культурная роль провинциального дворянства, наоборот, падала. Кроме того, со временем придворному обществу пришлось вступить в конкуренцию с нарождающимся рационально-буржуазным образом мышления. В конечном итоге все эти факторы вели к становлению современного общества в недрах развитого западно-европейского абсолютистского государства.

Заключение. «Придворное общество» Элиаса, несомненно, стоит в одном ряду с трудами Андерсона и Дж. Стрэйера. Вышедшие практически одновременно, с разницей в несколько лет, эти книги стали отправной точкой в развитии как дискуссии об абсолютизме, так и исторической социологии. Элиас обратил пристальное внимание на социокультурную составляющую генезиса абсолютизма, которую он считал чрезвычайно важной стороной становления современного современного общества европейской цивилизации. Причем, эта идея прослеживается у него с раннего творчества, начиная с публикации в 1939 г. первого крупного труда «О процессе цивилизации». Элиас не считал возникновение абсолютизма следствием, например, жесткой экономической детерминацией, а, напротив, рассматривал его как сложный социокультурный феномен вобравший в себя всю полноту экономических, социальных, политических, культурных исторических связей.

Список литературы

1. Авакян Л. А. «Процесс цивилизации» в дискуссии Г. – П. Дюрра и Н. Элиаса: автореферат дис. ... кандидата философский наук: 09.00.13. СПб, 2016. 26 с.;
2. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 512 с.
3. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Пер. с англ. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.
4. Гергилов Р.Е. Теория цивилизации Норберта Элиаса: критика и перспективы // Вопросы культурологии. М.: Панорама, 2007. № 5. С.16 – 19.
5. Гергилов Р.Е. Проблема индивидуализации в социологии М. Вебера и Н. Элиаса: Сравнительный анализ // Социологический журнал. М.: Институт социологии РАН, 2007. № 3. С.108 – 123.
6. Демьяненко М. А. Испанская и Российская империи в XV–XVIII веках: пролегомены к сравнительному анализу: Препринт М-82/21. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 38 с.
7. Козловский В. В. Фигуративная социология Норберта Элиаса // Журнал социологии и

социальной антропологии. 2000. №3. С. 40 – 59

8. Кром М. М. Сравнение в истории и исторической социологии: общность метода и различие дисциплинарных подходов // «Стены и мосты» – II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной конференции, М.: Академический Проект, 2014. С. 30 – 45.

9. Кром М. М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. №4. С. 3–15.

10. Ляхович Л. В. Проблема абсолютизма в постсоветской историографии: понятийный и терминологический аспекты // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 59–75.

11. Руткевич А. М. Историческая социология Норберта Элиаса // Н. Элиас. «О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования». Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации / Пер. с нем. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 347 – 375.

12. Терехова О. Н. Элиас о социокультурных установках французской аристократии в эпоху абсолютизма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. №2 (54). Т. 3. С. 150 – 154.

13. Терехова О. Н. Абсолютная монархия в странах Западной Европы как социально-политическая система // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №3 (63). Т. 2. С. 53 – 57.

14. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. 328 с

15. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации / Пер. с нем. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 382 с.

16. Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.

17. Strayer J. On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton: Princeton University Press, 1970. 114 p.

N. ELIAS'S CONCEPT OF WESTERN EUROPEAN ABSOLUTISM: FROM ECONOMIC TO SOCIOCULTURAL TRANSFORMATION

The article deals with the concept of Western European absolutism of the German sociologist Norbert Elias. The relevance of the topic is due to the fact that Elias belongs to the founders of historical sociology, a popular trend in humanitarian studies of the second half of the 20th century, which repeatedly turned to the study of the problems of the genesis of absolutism. The relevance is also connected with the fact that Elias is rightly considered one of the founders of the sociocultural approach in the study of the problems of Western European absolutism. Elias's approach to analyzing absolutism, his concept was not something predetermined. And if in his early scientific work Elias focuses on economic, primarily monetary and financial prerequisites of absolute monarchy, then, as his views evolved, he gradually shifted the emphasis to socio-cultural factors of its development. Elias concludes that as the structure of Western European society became more complex during the genesis of absolutism and the military revolution of the early modern period, the creation of a system of state taxation, and the ruin of the nobility, the importance of economics gradually diminished and the role of sociocultural parameters increased. Society forms complex, vertically and horizontally interconnected structures, figurations in Elias's terminology. Its social, cultural, etc. demands also become more complex. At the center of this process is the king, the royal court and court society. Using the example of the evolution of the socio-cultural image of the French royal court of the absolutist era, Elias shows how this process, which gave rise to the formation of modern society, takes place.

Keywords: Norbert Elias, Western European absolutism, historical sociology, figuration, court societies.

References

1. Avakyan L. A. (2016) «Process civilizacii» v diskussii G. – P. Dyurra i N. Eliasa: [The Process of Civilization" in the discussion of G. - P. Durr and N. Elias] avtoreferat dis. ... kandidata filosofskij nauk: 09.00.13. SPb, 2016. 26 s.

2. Anderson P. (2010) Rodoslovnaya absolyutistskogo gosudarstva [Lineages of the Absolutist State.] / Per. s angl. M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2010. 512 s.

3. Vallerstain I. (2015) Mir-sistema Moderna. Tom I. Kapitalisticheskoe sel'skoe khozyaistvo i istoki evropeiskogo mira-ekonomiki v XVI veke [The Modern World-System I Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century] / Per. s angl. M.: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2015. 552 s.

4. Gergilov R. E. (2007) Teoriya civilizacii Norberta Eliasa: kritika i perspektivy [Norbert Elias's Theory of Civilization: Critique and Perspectives] // *Voprosy kul'turologii* [Cultural issues]. M.: Panorama, 2007. № 5. S.16 – 19.

5. Gergilov R.E. (2007) Problema individualizacii v sociologii M. Vebera i N. Eliasa: Sravnitel'nyj

analiz [The Problem of Individualization in the Sociology of M. Weber and N. Elias: A Comparative Analysis of the Surveys of Cultural Studies] // *Sociologicheskij zhurnal* [*Sociological Journal*]. M.: Institut sociologii RAN, 2007. № 3. S.108 – 123.

6. Dem'yanenko M. A. (2021) Ispanskaya i Rossiiskaya imperii v XV–XVIII vekakh: prolegomeny k sravnitel'nomu analizu: [Spanish and Russian Empires in the 15th–18th Centuries: Prolegomena for Comparative Analysis:] Preprint M-82/21. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2021. 38 s.

7. Kozlovskij V. V. (2000) Figurativnaya sociologiya Norberta Eliasa [Norbert Elias's figurative sociology] // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [*Journal of Sociology and Social Anthropology*]. 2000. №3. S. 40 – 59/

8. Krom M. M. (2014) Sravnenie v istorii i istoricheskoy sociologii: obshchnost' metoda i razlichie disciplinarnyh podhodov [Comparison in History and Historical Sociology: Commonality of Method and Difference of Disciplinary Approaches] // «Steny i mosty» – II: mezhdisciplinarnye i polidisciplinarnye issledovaniya v istorii: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, M.: Akademicheskij Proekt, 2014. S. 30 – 45.

9. Krom M. M. (2016) Gosudarstvo rannego Novogo vremeni: obshcheevropeiskaya model' i regional'nye razlichiya [The State of the Early Modern Period: a Common European Model and Regional Differences] // *Novaya i noveishaya istoriya*. [Modern and Contemporary History] 2016. №4. S. 3 – 15.

10. Lyakhovich L. V. (2014) Problema absolyutizma v postsovetsoi istoriografii: ponyatiinyi i terminologicheskii aspekty [The Problem of Absolutism in Post-Soviet Historiography: Conceptual and Terminological Aspects] // *Dialog so vremenem* [*Dialogue with Time*]. 2014. № 48. S. 59 – 75.

11. Rutkevich A. M. (2001) Istoricheskaya sociologiya Norberta Eliasa [The Historical Sociology of Norbert Elias] // N. Elias. «O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya». T. 2. Izmeneniya v obshchestve. Proekt teorii civilizacii / Per. s nem. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. S. 347 – 375.

12. Terekhova O. N. N. (2013) Elias o sociokul'turnyh ustanovkakh francuzskoj aristokratii v epohu absolyutizma [Elias on the socio-cultural attitudes of the French aristocracy in the age of absolutism] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [*The Bulletin of Kemerovo State University*]. 2013. №2 (54). T. 3. S. 150 – 154.

13. Terekhova O. N. (2015) Absolyutnaya monarkhiya v stranakh Zapadnoi Evropy kak sotsial'no-politicheskaya sistema [Absolute Monarchy in the Countries of Western Europe as a Socio-Political System] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [*The Bulletin of Kemerovo State University*]. 2015. №3 (63). T. 2. S. 53 – 57.

14. Tilli CH. (2009) Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva. 990– 1992 gg. [Coercion, capital and European states. 990- 1992.] / Per. s angl. M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego», 2009. 328 s

15. Elias N. (2001) O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya. T. 2. Izmeneniya v obshchestve. Proekt teorii civilizacii [On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies. T. 2. Changes in society. Project of the theory of civilization] / Per. s nem. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. 382 s.

16. Elias N. (2002) Pridvornoe obshchestvo: Issledovaniya po sociologii korolya i pridvornoj aristokratii, s vvedeniem: Sociologiya i istoriya [Court Society: Studies in the Sociology of the King and the Court Aristocracy, with an Introduction: Sociology and History] / Per. s nem. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 368 s.

17. Strayer J. (1970) On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton: Princeton University Press, 1970. 114 p.

Об авторах

Терехов Олег Эдуардович доктор исторических наук, профессор, Кемеровский государственный университет (Россия), E-mail: terehov1968@mail.ru

Терехова Оксана Николаевна кандидат исторических наук, доцент, Кемеровский государственный университет (Россия), E-mail: oksanan1970@mail.ru

Terekhov Oleg Eduardovich Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Russia), E-mail: terehov1968@mail.ru

Terekhova Oksana Nikolaevna Candidate of History, Associate Professor, Kemerovo State University (Russia), E-mail: oksanan1970@mail.ru

УДК 94. 271.5

Федин А.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия);

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЕВРОПЕЙСКО-ИНДЕЙСКИХ СОЮЗАХ В НОВОЙ ФРАНЦИИ В XVII-XVIII вв.

Риторика, с помощью которой французы и индейцы Северо-Востока Северной Америки пытались описать складывающиеся на протяжении XVII в. – первой половины XVIII вв. союзные отношения в области торговли и политики, претерпела за этот период значительные изменения. Ее эволюция отражала трансформацию как самих франко-индейских отношений, так и развитие европейских и аборигенных сообществ в этот период. От риторики братства, фиксировавшей в основном горизонтальные, равноправные отношения аборигенного и пришлого населения в Акадии и долине р. Св. Лаврентия в первой половине XVII в., происходит переход к терминологии взаимоотношений отца и детей в середине столетия, что демонстрировало изменение соотношения сил в регионе в пользу французов («отцов») в условиях сокращения индейского населения («детей») и его влияния в условиях эпидемий и этнических конфликтов. Формируется вертикальная структура франко-индейских взаимоотношений, основой которых становится ритуал дарения, как условия и выражение взаимных обязательств: французские «отцы» обеспечивают своих индейских «детей», а те, в свою очередь, подчиняются и помогают своим «отцам».

Ключевые слова: Новая Франция, Монреальский договор, европейско-индейский союз, Ирокезская лига, алгонкины, гуроны, монтанье, иезуиты, миссионерская деятельность.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-155-166

Введение. Как отмечал канадский исследователь Дени Деляж: «Колониальная история Северной Америки - это история завоевания и союза. Завоевания, потому что целью было присоединение Америки для создания Новой Европы. Союза, потому что, хотя и подчиненная завоеванию, динамика союза между индейцами и европейцами характеризовала всю колониальную историю, причем ее формы радикально отличались у разных акторов и в разные периоды» [5, р. 19]. Действительно, без союзных отношений с различными индейскими племенами невозможно создать объективную историческую картину не только французской, но и в целом европейской колониальной экспансии в Северной Америке.

Объектом исследования является франко-индейские отношения на протяжении XVII – первой половины XVIII вв., то есть в период существования колонии Новая Франция на территории современных Канады и США.

Методы исследования. Концептуальной основой данной статьи стали положения «новой культурной истории» и «новой интеллектуальной истории», позволяющие лучше осмыслить социально-экономическое, политическое и культурное взаимодействие между европейскими колонизаторами и коренным населением Северной Америки. Междисциплинарный подход к исследованию позволил использовать некоторые достижения и методологические приемы культурной антропологии, этноистории, этнопсихологии и миссиологии.

Результаты и их обсуждение. Королевские

хартии, предоставляемые на рубеже XVI-XVII вв. французским авантюристам, обязательно содержали предписания (как в хартии де Мона 1603 г. в Акадии), с одной стороны, «обратить... в христианство народы, живущие в этой стране, в настоящее время варварские, атеистические, без веры и религии»; «покорить, подчинить и сделать покорными все народы этой страны»; но также предусматривали важность заключения и поддержания союзов: «заключать с той же целью мир, союз и конфедерацию, добрую дружбу... с упомянутыми народами и их князьями: поддерживать, охранять и тщательно соблюдать договоры и союзы, которые вы с ними заключили: при условии, что они будут соблюдать их со своей стороны» [15, vol. 2, р. 491, 493].

В течение первых двух десятилетий в бассейне р. Св. Лаврентия возникла сложная сеть союзов, связывавшая французов в Квебеке с племенами монтанье в нижнем течении великой реки, алгонкинами в долине Оттавы и конфедерацией гуронов, чьи поселения были сосредоточены между озером Симко и Джорджиан-Бей. В основе союза лежало совпадение различных интересов. Для монтанье, контролировавших доступ к торговым путям северных внутренних районов, главным мотивом для заключения союза с французской колонией, по-видимому, было желание приобрести союзников против своих врагов, ирокезов. Чтобы добиться этого, монтанье были готовы в определенной степени пожертвовать своим привилегированным положением в торговле пушной. После 1610-11 гг. алгонкины и гуроны вели прямую торговлю с французами в долине Св.

Лаврентия выше Тадуссака. Алгонкины, которые привлекли в коалицию гуронов, преследовали аналогичные цели. Другие алгонкинские племена – в частности, могущественные кишезипирини, контролировавшие среднее течение реки Оттавы в районе острова Моррисон, – уступили, хотя продолжали взимать «пошлину» (в виде подарков) с гуронских торговцев, пользовавшихся рекой [25, p. 218, 293, 341-342].

Нации гуронской конфедерации присоединились к альянсу главным образом для того, чтобы вести прямую торговлю с французами, а не для того, чтобы получить союзников в войне против «традиционных» врагов. Присоединившись к альянсу, гуроны, как и французы, оказались втянуты в конфликт алгонкинов с мохоками. Это была небольшая цена за доступ к европейским товарам, тем более что мохоки перестали совершать набеги на долину Св. Лаврентия и Оттавы после 1609 г. В результате такого благоприятного геополитического контекста конфедерация гуронов пережила период изобилия и культурного расцвета, который, однако, продлился не более одного поколения [25, p. 338-339, 408-429, 433; 26, p. 88-101].

В военном отношении эта лаврентийская коалиция, похоже, имела определенный успех в борьбе с ирокезами. Записи Шамплена свидетельствуют об успешных набегах на мохоков и онейда, совершенных различными комбинациями союзных воинов в 1603, 1609, 1610, 1613 и 1615 гг.

Для Новой Франции реализация колониальных целей означала признание необходимости сотрудничества с индейцами, от которых зависело бесперебойное функционирование торговли, ведь торговля пушниной составляла 80% экономики зарождающегося общества [5, p. 24]. Таким образом, экономика Новой Франции стала экономически зависимой от туземных союзников, стоявших у истоков торговли. «Без их помощи для нас невозможно сделать какие-либо открытия в столь обширной стране», отмечал основатель колонии Самюэль Шамплен в 1632 г. [3, vol. 5, p. 71]. С другой стороны, индейцы также нуждались в экономическом сотрудничестве с европейцами. Французская колония предоставила рынок для мехов и каное кочевых племен охотников и собирателей долины реки Св. Лаврентия, меняя их на продукты промышленности и сельского хозяйства.

Что касается правил, регулирующих союзы между туземцами и новоприбывшими, то именно первые навязывали свой стиль и протоколы взаимодействия. Французы приспособлялись к ритуалам своих хозяев и заключали союзы по индейскому образцу. В XVII-XVIII вв. французская часто оказывалась одним из нескольких партнеров в индейском союзе, в котором до 1650 г. доминировали гуроны, а затем четыре основных

«нации»: гуроны, оттава, оджибве и потаватоми.

К началу XVII в. французы поддерживали контакты с племенами атлантического побережья, вели торговлю с ними и стремились к созданию регионального альянса от Новой Шотландии до южной части Новой Англии. Однако, эти попытки не увенчались успехом, поскольку их основные союзники в регионе, микмаки, не были заинтересованы в таком союзе. На рубеже XVI-XVII вв. микмаки разработали торговую схему, которая включала сбор мехов в заливе Мэн и обмен их на европейские товары в долине Св. Лаврентия. Французские попытки открыть прямую торговлю с племенами на реках Пенобскот, Кеннебек и Сако в начале 1600-х гг. представляли собой угрозу для посредников и возможность для западных племен обойти посредников и торговать напрямую с европейцами. К этому времени ключевым элементом экономических и политических отношений между французами и туземцами стал ритуал дарения подарков.

Как отмечает Марсель Мосс на примере различных племенных сообществ, дар является основой союза, а гарантом союза является встречный дар: возвращение полученного – это правило, лежащее в основе социальной вселенной. Если есть три обязательства: «давать, получать и возвращать» [1, с. 202], то ключевым словом является обмен, а еще точнее – взаимность. Все, что получено, должно быть возвращено. Подарки, которые колониальные державы делали индейцам, вовлекали их в сеть обменов, которые были символически и морально обязательными. Символическая ценность подарков была хорошо понятна французам: они создавали атмосферу доброжелательности и щедрости; они гарантировали союзников в войне; они подтверждали и постоянно возобновляли союз [12, p. 237]. Таким образом, подарки играли центральную роль в поддержании европейско-индейских союзов и являлись их гарантией; дарение иллюстрирует факт реальности союза [7, p. 80].

Однако европейско-индейские союзы имели свои особенности. В отличие от европейской традиции, где вассалы были обязаны преподносить подарки своему королю, в Америке именно король преподносил подарки своим союзникам. Каждый год во время церемоний возобновления союза представители короля Франции преподносили своим индейским союзникам всевозможные подарки: огнестрельное оружие, порох, инструменты, ткани, медали и так далее. Внешне, эти подарки предоставлялись индейцам безвозмездно, но на самом деле эти подарки принимались последними в обмен на разрешение французам поселиться на их территории.

Союзники использовали троп братства, чтобы выразить тип отношений, которые

подразумевал союз. Этот троп возник в период нерегулярных контактов в Приморском регионе и заливе Св. Лаврентия в последней четверти XVI в., когда баскские, нормандские и бретонские рыбаки и торговцы взаимодействовали с восточными алгонкинскими группами. Возник специальный термин «*ania*», означавший «брат», заимствованный из баскского языка, часть торгового пиджина, возникшего еще до основания французской колонии [17, vol. 2, p. 293-294]. Однако, начиная примерно с 1634 г., в Иезуитских реляциях приводится множество примеров использования термина *nikanis* в аналогичных контекстах, по-видимому, обозначавшего особую категорию кровных родственников, принадлежащих к одному возрастному классу. Иезуиты переводили этот термин как «мой брат», «мой товарищ», «мой лучший друг», «мой большой друг». Как метафора союзнических отношений, термин *nikanis* предполагал, что французы и *монтанье* связаны между собой смесью кровных и эмоциональных уз. Он избавлял от необходимости использовать более специфические родственные термины, различающие старших и младших братьев и сестер [14, vol. 7, p. 83; 23, p. 44; 8, p. 43, 149, 421].

В августе 1609 г., когда победоносные союзные войска остановились у порогов Шамбли, прежде чем отправиться в обратный путь, вожди алгонкинов и гуронов спросили Шамплена, «не хочу ли я остаться в их стране, чтобы помогать им каждый день как братьям» [3, vol. 3, p. 104-105]. В 1616 г. гуронский вождь Атиронта посетил Шамплена в Квебеке и пообещал Шамплена, что если французы будут держать «дом» (т.е. укрепленный пост) у Лашинских порогов, то гуроны будут собираться там вместе с французами, «чтобы жить как братья» [3, vol. 3, p. 172].

По мере развития союза братская терминология регулярно использовалась на советах в качестве риторического напоминания о том, что конфликты должны разрешаться мирным путем и что необходимо примирение. В феврале 1616 г. Шамплена призвали выступить посредником в споре между гуронами и алгонкинами в гуронской деревне Каиаге. Два человека были убиты, а важный алгонкинский вождь ранен. Шамплен напомнил сторонам, что французы, гуроны и алгонкины любят друг друга «как братья» [3, vol. 3, p. 109].

Начиная с 1630-х гг., в иезуитских реляциях из страны гуронов часто встречаются упоминания о том, что гуроны и иезуиты обращаются друг к другу «брат», хотя важно, что вожди и старейшины, как правило, называли иезуитов своими «племянниками». В матрилинейном гуронском обществе вождь заботился о сыновьях своей сестры, поскольку они могли унаследовать его

титуты и обязанности [25, p. 55; 14, vol. XXX, p. 235, 263; vol. XXXV, p. 111, 191].

Будучи наследием ранней пушной торговли на Северо-Востоке, братская терминология была естественным средством выражения духа горизонтальных отношений, основанных на взаимном обмене. Однако существует серьезный диссонанс между использованием братской терминологии в аборигенном и европейском обществах. Родственные связи *монтанье* и *гуронов* выходили далеко за пределы нуклеарной семьи и жилого дома; эти системы были горизонтально обширными и могли включать в себя людей, которые никогда раньше не встречались. С французскими родственниками дело обстояло иначе. Во Франции и в Европе в целом братьями и сестрами считались люди, рожденные от одних и тех же матери и отца, братья по отцу и матери или родные братья. Для французов этого периода существовала довольно четкая концептуальная пропасть между буквальным значением термина «брат» и переносным или метафорическим смыслом этого слова. Первое относилось к ограниченному числу людей, отвечавших точным генеалогическим критериям; второе, в принципе, могло распространяться практически на всех (как в лозунге *fraternité* времен Французской революции). В отличие от этого, в системах родства *монтанье* и *гуронов* терминологические эквиваленты слова «брат» использовались для обозначения более широкого круга генеалогических позиций и в целом для выражения солидарности за пределами нуклеарной семьи.

Ирокезы также использовали метафору брата в 1640-1660-х гг., когда они пытались определить свои отношения с французами в долине Св. Лаврентия. Со своей стороны, к 1640-м гг. у ирокезов сложились торговые отношения с голландцами в долине реки Гудзон, которые, судя по всему, основывались на череде близких отношений между отдельными голландскими торговцами или чиновниками и вождями Ирокезской лиги. В 1650-х гг. дипломаты Лиги называли себя братьями голландцев [20, p. 87-95]. Начиная с 1641 г. мохоки стремились установить отношения с французами, параллельно союзу с голландцами, но с исключением *монтанье*, алгонкинов и *гуронов*. Эти усилия предпринимались даже в то время, когда мохоки и онейда совершали нападения на туземных союзников французов и в их процессе захватывали французских пленников.

Мохоки, привезшие двух пленных французов в Труа-Ривьер в июне 1641 г., объяснили, что научились превращать французов в мохоков и теперь возвращают этих людей, чтобы они снова стали французами, или, скорее, «французами и ирокезами одновременно, ибо мы будем одним народом» [14, vol. XXI, p. 54]. Как отмечают

некоторые исследователи, этот троп о превращении в один народ постоянно повторялся в политических обращениях ирокезов к французам в XVII в. [2; 6]. Риторика о единстве народа соответствовала лексике, которую ирокезы использовали для описания своих внутренних отношений: пять наций конфедерации говорили о себе как о живущих в одном длинном доме, имеющих одно сердце и единый разум [9, p. 70, 102, 122]. Но дипломаты мохоков в 1641 г. также использовали родственную метафору, чтобы описать свои надежды на союз: «У нас будет брат Онондио» [14, vol. XXI, p. 47], т. е., губернатор Новой Франции.

Новизна ирокезской родственной метафоры заключалась в том, что она также делала Онондио отцом – отцом не одной, а нескольких наций: онейда и кайюга, алгонкинов и гуронов. В модели родства, структурировавшей конфедерацию ирокезов в XVII в., мохоки, онондага и сенека выступали в роли «отцов» для онейда и кайюга, к которым обращались как к «сыновьям» первых. Более конкретно, мохоки, онондага и сенека были «братьями отца» для онейда и кайюга, их «сыновьями брата». И гуроны, и ирокезы классифицировали «отца» и «брата отца» одним термином. Кроме того, мужчина классифицировал своих собственных детей и детей своего брата вместе. Поэтому, став братом мохоков, Онондио также классифицировал метафорических детей мохоков как своих собственных. Самое раннее упоминание онейда как детей Онондио было, однако, неоднозначным. На серии советов в 1645 г. в Труа-Ривьере ораторы мохоков утверждали, что Онондио родил онейда – т. е., был их матерью. Гуронский дипломат на этих советах символически сделал колыбель для онейда, а позже оратор мохоков охарактеризовал Онондио как отца, а мохоков – как мать непокорной дочери онейда [14, vol. XXVII, p. 273-305; vol. XXVIII, p. 281-283].

Осенью 1655 г. иезуиты Пьер-Жозеф-Мари Шомоно и Клод Даблон отправились в «столицу» Ирокезской лиги – Онондага, чтобы ратифицировать мир, заключенный в 1653 г., целью которого, по словам оратора онондага, было «сделать из нас единый народ и подтвердить союз, подобный тому, который мы ранее заключили с нацией гуронов». Другими словами, это должен был быть союз братьев. Ораторы онондага выразили мнение, что, поскольку Онондио и главный вождь онондага «теперь одно целое, [онейда] должны быть детьми как первого, так и второго» [14, vol. XLII, p. 95]. Одновременно, Шомоно объявил делегации кайюга о том, что Онондио принял их в качестве своих детей. Речи французских ораторов и ораторов онондага ясно говорили о том, что французы и онондага – братья, а онейда и кайюга – дети обоих [14, vol. XLII, p. 101-111, 115-123].

Но онондага пошла дальше: как их дети стали детьми Онондио, так и дети Онондио должны стать их детьми. Для онондага дети Онондио были гуронами и алгонкинами. Один из ораторов онейда выразил логическое следствие: гуроны и алгонкины, таким образом, станут его братьями [14, vol. XLII, p. 119, 123; vol. XLIII, p. 29, 307; vol. XLIV, p. 21; vol. XLVII, p. 77]. Это отражало основную аксиому ирокезского родства: дети брата моего отца – мои братья.

Дипломаты мохоков и онондага конца 1640-х гг., по-видимому, также стали инициаторами идеи о том, что французы являются отцами для своих союзников гуронов и алгонкинов. Самая ранняя из зафиксированных формулировок этой идеи появилась в сентябре 1645 г., когда французскому посольству в стране мохоков было поручено поблагодарить Онондио за возвращение здравого смысла его детям-алгонкинам [14, vol. XXVIII, p. 281-283]. В 1655 г. делегация онондага в Квебеке встретилась с французскими, гуронскими и алгонкинскими вождями и преподнесла подарок, чтобы укрепить руки Онондио, в чьих объятиях гуроны и алгонкины находились с материнской любовью. «Крепче прижми их к себе и не уставай обнимать их; пусть они живут в твоём лоне, ибо ты – Отец страны» [14, vol. XLII, p. 57]. Два года спустя ораторы мохоков использовали ту же родственную метафору, добиваясь санкции губернатора на принудительное переселение гуронских беженцев из Квебека: «Онондио, раскрой свои объятия и позволь детям твоим покинуть лоно твое» [14, vol. XLIII, p. 189]. Для дипломатов Лиги определение этих наций как детей Онондио было способом привлечь внимание к их зависимости от французов и подорвать основы союза, который обеспечивал им определенную защиту.

Канадский этноисторик Брюс Триггер, безусловно, прав, называя неспособность французов предотвратить эти переселения предательством «уз религии, экономических и военных союзов, которые связывали гуронов с французами на протяжении более тридцати пяти лет» [24, p. 814]. Сознание этого предательства, возможно, лучше всего объясняет нежелание Онондио и иезуитов полностью принять метафору французского отцовства по отношению к гуронам. Осенью 1656 г. иезуит Симон Лемуан был в деревнях мохоков, где обращался к своим хозяевам как к братьям и называл гуронов (многие из которых были захвачены мохоками) детьми Онондио [14, vol. XLIII, p. 213]. Однако в следующем году на совете с мохоками, прибывшими в Квебек с намерением увести оставшихся гуронов, Лемуан утверждал, что «Онондио любит гуронов. Они уже не дети в пленках, а достаточно взрослые, чтобы не быть под опекой. Они могут идти, куда хотят, и Онондио им

ни в чем не препятствует. Он раскрывает свои объятия, чтобы отпустить их». Позже Лемуан обратился с прощальным словом к вождю гуронов, назвав его своим братом [14, vol. XLIII, p. 191]. Возможно, для французов настаивание на братской метафоре было средством переложить ответственность за переселение гуронов на самих гуронов и побудить мохоков к мягкому обращению с братьями французов (и, соответственно, братьями мохоков). На совете с онондага в Квебеке весной 1657 г. Лемуан утверждал, что «гуроны, алгонкины и французы – это не более чем одна голова, и что тот, кто ударит одного, ранит другого» [14, vol. XLIII, p. 203].

Эти соображения помогают объяснить некоторые из характерных напряжений и недоразумений, которыми был отмечен этот союз братьев в начале XVII в. Монтанье считали французов плохими братьями, потому что те не отличались щедростью и не делились друг с другом [21, p. 50]. Со своей стороны, французы считали своих союзников слишком требовательными. «Мы не должны сблизиться с ними как с братьями, – считал первый супериор канадской миссии о. Поль Лежён, – к чему они очень стремятся». Он имел в виду, что иезуиты не желали выполнять обязательства, которых ожидали от настоящих братьев: жить вместе и свободно делиться. Монтанье, которые напоминали французам об их обязанности делиться, считались назойливыми, как пренебрежительно писал Лежён: «Они высосут вас досуха, если смогут. Нет ни одной мухи, ни одной осы, ни одного овода, который был бы так же назойлив, как дикарь» [14, vol. VI, p. 261]. Французские торговцы раннего нового времени не отвергали родственных обязательств, но им было трудно признать своих туземных союзников братьями в каком-либо ином, кроме переносного, смысле.

Обмен мальчиками и юношами был центральным элементом периода становления союза в долине Св. Лаврентия. Для мехоторговцев целью таких обменов было налаживание более тесных связей с конкретными племенами и поощрение отдаленных народов приезжать в долину Св. Лаврентия каждое лето для торговли. Часто эти обмены включали в себя доставку индейцев во Францию.

До эпидемий 1630-х гг. основным фактором напряженности и угрозой союзным отношениям было столкновение между европейской и туземной системами права и правосудия. Основное различие между двумя подходами заключалось в том, что индейские общества делали упор на компенсацию пострадавшей стороне, в то время как французское правосудие делало упор на наказание виновного [11, p. 97].

Американский исследователь Ричард Уайт, анализирувавший кризисы в европейско-

алгонкинском союзе в районе Великих озер в конце XVII и XVIII вв., предложил два способа понимания проблем, возникающих в межкультурных диалогах об убийстве и его последствиях. Во-первых, Уайт утверждал, что насилие было «неразрывно связано с торговлей», и что культурные различия относительно торговой этики вели к непониманию и конфликтам; например, в случаях, когда французские торговцы поставляли оружие воюющим друг с другом племенам или устанавливали высокие цены на необходимые товары [27, p. 76].

С другой стороны, для французов убийство было актом, посредством которого уникальная человеческая личность уничтожала жизнь другой уникальной человеческой личности. Справедливость требовала, в свою очередь, уничтожения виновной личности. Для алгонкинов, напротив, проблема, создаваемая убийством, заключалась в потере человека (убийство пленника не считалось убийством, поскольку у пленников отсутствовала социальная идентичность). Месть была направлена не столько против убийцы как личности, сколько против группы людей, к которой принадлежал этот человек, то есть против других членов его или ее семьи, клана, деревни или народа. Последние могли предотвратить месть, предложив компенсацию, соответствующую значимости убитого [26, p. 414-416]. Эта же социоморфистская логика объясняет усыновление пленников с целью замены потерянного родственника.

Ключевые элементы модели поведения французов в случае личного конфликта, возникшего внутри союза сформировались уже к рубежу XVII-XVIII вв.: французы захватывают убийц (или настаивают на их выдаче); они требуют смерти всех виновных (или, по крайней мере, главного из них, или числа, равного числу французских жертв); они отвергают предложения коренных жителей о компенсации – по словам маркиза де Водрёя в 1706 г., «кровь французов не должна оплачиваться бобровыми шкурами». Индейцы пытаются успокоить французов и «покрывают» тела убитых подарками; они обвиняют в убийствах временное безумие юношей; они выражают ужас перед заключением в тюрьму своих сородичей и предупреждают, что казни приведут к кровной мести. Возникает диалог, дебаты, в ходе которых каждая сторона попеременно объясняет свою позицию и оправдывает свои действия, апеллируя к ценностям другой группы, как она их понимает. После целого поколения постоянных столкновений и переговоров по поводу убийства французы и алгонкины научились разрешать эти разногласия с помощью взаимоприемлемых ритуальных действий. Французы требовали выдачи убийцы, чтобы убийца и его народ могли продемонстрировать надлежащие чувства раскаяния,

почтения и доверия. Затем они почти всегда помиловали убийцу. Индейцы, со своей стороны, стремились заменить или «покрыть» мертвых, успокоить чувства европейцев и вернуть им разум [27, p. 75-93, 198-205, 416-417].

Сокращение численности коренного населения в результате эпидемических заболеваний, усиление военных действий и активизация усилий французских миссионеров резко изменили геополитический ландшафт северо-восточной части Северной Америки в середине XVII в. и отношения между союзниками. По мере того, как менялись отношения и расстановка сил, менялись и способы обращения союзников и врагов друг к другу: возник новый набор родственных метафор. Среди них была метафора французского отцовства – точнее, представление о том, что Ононгио был отцом для индейских племен, союзных французам.

Начиная с 1670-х гг. и до конца французского режима туземные дипломаты, представлявшие союзные французам народы, обращались к французскому губернатору как к своему «отцу». Уильям Фентон и Фрэнсис Дженнингс, специалисты по политической истории ирокезов, объясняют происхождение этой ритуализированной формы обращения тем, что Фронтенак, губернатор Новой Франции (в 1672-82 и 1689-98 гг.), настаивал на том, чтобы ирокезы обращались к нему именно так [13, p. 45]. Ричард Уайт считал, что метафора французского отцовства была основана на удачном совпадении французского понимания патриархальной природы власти и алгонкинских ожиданий отцовской заботы и благосклонности. По мнению Уайта, самым важным из факторов, способствовавших и созданию союза, и отцовской метафоры, была политическая потребность французов и алгонкинов в создании альянса, направленного против ирокезов [26, p. 36, 84-86, 104-105, 112, 116-118].

Представляется, что метафора французского отцовства возникла уже в 1640-х гг. на основе уже существовавшего тропа братства и окончательно заменила последний к началу 1670-х гг.

Уже в первом десятилетии XVII в. и французы, и микмаки Акадии описывали свои отношения в терминах дружбы и братства. Христианская символика, при этом, служила главным маркером межкультурного альянса. В 1611 г. иезуитский миссионер Пьер Бьяр писал о микмаках близ Пор-Руайяля: «Они приняли крещение как своего рода священный залог и союз с французами. Что касается Христа, Церкви, Веры и Символа, заповедей Божьих, молитвы и таинств, то они почти ничего не знают; они не знают ни крестного знамения, ни самого названия «христианин»». Французский путешественник Марк Лекарбо сообщил, что вождь индейцев реки Сент-Джон Шкудюн, не был крещен, но перенял

отдельные элементы христианской символики: носил крест на груди, крестился перед едой, преклонял колени в молитве и установил крест перед своей хижиной. Бьяр записал, что преемник Шкудюна, Какагус, утверждал, что крестился в Байонне, но считал этот ритуал скорее выражением дружбы с французами, чем чисто духовным обязательством [15, vol. II, p. 641; 14, vol. I, p. 163; vol. II, p. 89].

Позднее, для народов, переселенных в годы эпидемий и разрушительных набегов, христианство продолжало служить основой для создания новых сетей поддержки и способом придания смысла таким травматическим переживаниям, как эпидемии и военные действия. Христианская религия могла восполнить эту социальную функцию, поскольку она провозглашала универсальное Божество, которое преодолевало этнические барьеры [4, p. 70].

Иезуиты сделали крещение главным символическим средством, с помощью которого французы предлагали монтанье религиозную безопасность, а также политический, экономический и военный союз. С первых же дней они потребовали обещания, что если крещенные дети выживут, то они получат образование среди французов. Другие некрещенные дети попадали к французским приемным родителям, потому что те надеялись их христианизировать, а иногда и потому, что их родственники не могли о них позаботиться, – доброта, которую ценили монтанье. В других случаях видные французы становились крестными родителями крещеных монтанье, демонстрируя тем самым, что крещение расширяет узы социальной солидарности. Таким образом, крещение действовало подобно многим традиционным ритуалам аборигенов, направленным на создание и поддержание союзов между всеми слоями населения. Более того, французские крестные родители оставляли за собой право давать имена новокрещенным, и снова французский обычай вступал в связь с традициями монтанье. Смена имени всегда была мощным способом заявить о переходе в новую жизнь [18, p. 421].

Политическое влияние иезуитов было достаточным для того, чтобы компания Новой Франции и, позднее, Компания абитанов не поддерживали отдельную сеть торговцев и переводчиков среди коренных народов во внутренних районах страны, оставляя иезуитских миссионеров фактическими представителями Ононгио за пределами долины Св. Лаврентия [24, p. 470]. Иезуиты все чаще выступали в качестве политических эмиссаров и переводчиков на франко-индейских советах. Губернаторы, как правило, занимали свои посты менее 5 лет, не имели возможности напрямую общаться с туземными дипломатами и поэтому регулярно прибегали к помощи иезуитов. Именно в этом контексте братский троп

франко-индейских торговых и военных союзов 1620-х гг. стал важным элементом и миссионерской риторики иезуитов.

Иезуиты адаптировали братскую риторику альянса для передачи ключевых теологических концепций – например, отношений между людьми и Богом. Одной из главных задач, стоявших перед миссионерами, было найти способ донести идею верховного божества до людей, которые не признавали никакой институционализованной иерархии в своих обществах. Одним из способов было использование аборигенных терминов, означающих «вождь», для обозначения Господа. В двух молитвах, которые Лежён написал на языке монтанье в 1630-х годах, термин *utkimau* (или *oukhimau*) («капитан») используется для перевода французского *seigneur* («Господь») в качестве обращения к Богу [14, vol. VII, p. 153-157]. Но иезуиты также искали способы концептуализировать Бога как отца, чтобы выразить онтологический примат божества (как творец, Бог предшествовал всем остальным вещам), а также подчеркнуть символические связи, объединявшие всех христиан. Лежён объяснил эту логику своим хозяевам-монтанье во время пира в ноябре 1633 г.: «Я дорожу тобой больше, чем своими братьями, ведь у всех нас один отец, все мы братья и должны признавать одного и того же Господа и одного и того же капитана» [14, vol. VII, p. 101]. Иезуиты среди гуронов аналогичным образом использовали туземные термины, обозначающие отца, для обозначения Бога, и, как отмечает Джон Штекли, есть свидетельства того, что сами гуроны – даже нехристиане – принимали такое использование [23, p. 74-75].

В то же время иезуиты адаптировали гуронскую концепцию матрилинейности (в основном с помощью существительного корня *-h8atsir* «семья»), чтобы продвигать идею о том, что «стать христианином – значит стать частью ценного союза, включающего Бога, Иисуса, ангелов на небесах, других христианских духов, иезуитов и других французских христиан». Через усыновление – тот самый процесс, с помощью которого ирокезские семьи присоединяли к себе пленников, захваченных на войне, – Бог приводил верующих, попавших на небо, в свою семью или, как описывалось в гуроноязычном трактате XVII в. *De Religione*, «род на небе» [23, p. 494-500, 494, 500].

Французские губернаторы и служащие торговых компаний поддерживали усилия иезуитов, имитируя эту риторику различными способами. Например, в 1633 г. Шамплен сказал вождям монтанье на совете, что «как только этот большой дом будет построен», – он имел в виду создание нового поста в Труа-Ривьер, – «тогда наши юноши женятся на ваших девушках, и мы станем одним

народом» [14, vol. V, p. 211]. Возможность того, что через (христианские) браки символическое родство союза станет буквальным, Шамплен повторил два года спустя, на этот раз на совете с гуронами [14, vol. VIII, p. 47-51]. В 1636 г. на совете с монтанье Франсуа де Ган, генеральный комиссар Компании Новой Франции, соединил темы родства через смешанные браки и родства через единоверие: «Вы не соединились до настоящего времени с нашими французами, ваши дочери выходили замуж с [представителями] всех соседних наций, но не с нашей. Ваши дети живут на земле ниписсинг, алгонкинов, аттикамек, наций [реки] Сагены и всех других наций. До настоящего времени вы не предложили их французам для наставления. Если бы вы сделали это со времени нашего первого прибытия в Страну, вы все знали бы к этому времени как обращаться с оружием, как мы, и ваших врагов больше не было, – вы не умирали бы каждый день, как сейчас. Тот, кто сделал все и кто защищает нас, сохранил бы вас, так же как он бережет нас, поскольку мы тогда были бы одним народом... Не то, чтобы мы нуждались в ваших дочерях или ваших детях; нас столь же много как листьев на ваших деревьях. Но мы хотели бы видеть только один народ на всей этой земле» [14, vol. IЧ, p. 217-219].

Иезуиты и поддерживавшие их чиновники колоний и компаний обратились и к другим способам продвижения миссионерского проекта, в основном путем предоставления новообращенным различных символических и материальных преимуществ. Начиная с 1641 г., чиновники разрешили продажу оружия – до этого тщательно контролируемого – новообращенным коренным жителям, которые также пользовались скидками на другие европейские товары, которыми они торговали в долине Св. Лаврентия [24, p. 547, 700, 709]. На более символическом уровне неофитов приглашали участвовать в религиозных процессиях в Квебеке, а новообращенных, умерших там – а их было немало в эти десятилетия болезней и войн – хоронили на французском кладбище. Канон туземцев-христиан салютовали из пушек, когда они прибывали в Квебек или отплывали из него, как и в случае с важными французскими персонами [17, vol. III, p. 188, 200, 224, 227, 229, 572-573, 633; vol. IV, p. 127-128]. Эти ритуалы лишь символически подчеркивали то, о чем иезуиты прямо говорили своим слушателям: христиане повсюду образуют народ, объединенный одними и теми же обрядами и практиками.

Аналогия родства (и, как следствие, этнической принадлежности) стала для иезуитов средством воплощения идеи религиозной исключительности: христианское сообщество, проповедовали они, было нацией, основанной на

(символических) родственных связях. Лежён сформулировал эту аналогию в разговоре с вождём монтанье в 1637 г.: «Разве не правда, что ты больше дорожишь своими соплеменниками, чем алгонкинами, которые являются твоими союзниками? Месье губернатор поступает так же. Все, кто верит в Бога, принадлежат к его нации, и он считает их таковыми и любит. Что касается остальных, он не испытывает к ним ненависти» [17, vol. III, p. 591]. Помимо эмоциональных связей, родство христиан подразумевало и политическую солидарность, как заметил вождь алгонкинов Пиескарет – язычник – о христианских вождях в иезуитской редукции Силлери в 1645 г.: они, по его словам, «одно и то же» и составляли «один совет» [14, vol. XXVII, p. 239]. В гуронской миссии иезуиты адаптировали концепцию семьи для выражения христианской общины, утверждая, что христиане образуют священный род, прародительницей которого является Дева Мария [23, p. 496-498].

Те аборигены, которых привлекало христианство, использовали троп христианского братства, чтобы рационализировать свой новый статус и выразить антипатию к неверующим. Этот феномен очевиден в речах туземцев, собравшихся в Силлери в конце 1630-х гг. Примечательно, что даже традиционалисты приняли идею о том, что обращение в другую веру создает новые родственные связи. Так, в период, когда новые христиане обсуждали, стоит ли изгонять нескольких вероотступников, один из них заявил на совете: «Если бы я был в родстве с французами, как вы, принявшие их веру, я бы не хотел, однако, обижать своих соплеменников» [17, vol. IV, p. 571].

Таким образом, обращение порождало конфликты лояльности, которые индейские народы, по-видимому, переживали не как конфессиональные или сектантские различия, как это было в Европе, а как этнические. Новообращенные были вынуждены выбирать между своими новыми родственниками – надэтническими христианами – и своими прежними родственниками («соплеменниками»). Как объявил своим соплеменникам-гуронам Жозеф Шиоатенва, говоря об иезуитах: «Те, кто наставлял меня, – мои братья, а я считаю своими братьями только тех, кто отрекся от дьявола и принял святое крещение. Вот кого я действительно называю своими братьями» [17, vol. IV, p. 680]. Аналогичным образом, когда иезуиты стали активно действовать в ирокезских деревнях, христиане отказались от участия в церемониях, которые ранее ратифицировали их связи с односельчанами, и начали определять себя как отдельный народ [19, p. 1-16].

Во время и после эпидемий 1630-1640-х гг. и «бобровых войн» 1640-1650-х гг. аборигены,

принадлежавшие к разным народам и родственным группам, находили убежище вблизи французских поселений в долине Св. Лаврентия. Эти беженцы использовали троп христианского братства, чтобы выразить чувство единства, солидарности и союзничества. В 1641 г. христианский глава Силлери так обратился к Шарлю Цондацаа, гуронскому неопиту, только что принявшему крещение: «Мой брат, все Дикари, которых ты видишь вокруг себя здесь, христиане; мы все оставили наши старые обычаи, мы отбросили безумие и суеверие нашей нации. Ты не можешь представить радость наших сердец видящих, что ты принял нашу веру, и выбрал эту небольшую Церковь, чтобы стать нашим братом. Да, ты теперь наш брат, – и впредь, у нас нет иного Отца, кроме Бога, и Матери, кроме Церкви; смотри, вот твои братья, которые говорят тебе, что твои друзья – наши друзья, и что твои враги – наши враги» [14, vol. XX, p. 221]. Когда Цондацаа вернулся в свою страну, то рассказал о том, как он чувствовал себя среди туземцев-христиан: «Я видел себя окруженным моими братьями, христианами монтанье, алгонкинами и французами. Все они говорили со мной на незнакомом языке, и тем не менее они утешали мое сердце» [14, vol. XXVI, p. 219].

Примерно в то же время вождь абенаки, посетивший в Силлери, услышал от тамошних христиан следующее: «Мы молимся Богу и не знаем других друзей и братьев, кроме тех, кто молится так же, как мы. Как же мы можем любить тех, кого Бог ненавидит? А Бог ненавидит тех, кто не молится. Поэтому, если вы хотите иметь нас братьями и друзьями, научитесь молиться так, как нас научили» [14, vol. XXV, p. 117-119]. Христианка из Силлери выразила ту же логику, заявив тем из своих родственников, кто отверг христианство: «Вы мне не родственники, раз вы оставили молитву; я не знаю других родственников, кроме истинных христиан» [14, vol. XXV, p. 265]. Мужчина аттикамек, обращаясь к молодым людям своего племени, аналогичным образом подчеркивал главенство христианского родства: «Вы мои племянники, но мои самые близкие отношения – в Вере. Такой человек, хотя и принадлежит к племени, враждебному нашему, больше не кажется мне чужим; я считаю его своим родственником, потому что он твердо верит в Бога» [14, vol. XXVII, p. 157]. Возможно, одно из самых красноречивых объяснений христианского родства того периода было предложено Мари Камакатеуингуеш, алгонкиной, сбежавшей от ирокезов в Монреаль, где она встретила женщину аттикамек, которой заявила: «Вера – восхитительная вещь; она собирает нации, а из многих делает только одну. Вера делает французов моими родственниками; они приняли меня и относятся ко мне как к своей родственнице. Это вера

заставляет меня любить тебя, – какая же у меня причина любить тебя? Ты не из моего народа... Но – я не знаю, как это происходит, – я действительно чувствую, что люблю тебя, потому что ты веришь в Бога» [14, vol. XXX, p. 267].

Летом 1673 г. губернатор Фронтенак организовал экспедицию на озеро Онтарио, где французские войска начали строительство форта, названного в честь него. Ирокезы отправили делегацию для встречи с губернатором. В своей речи Фронтенак обратился к посланникам пяти наций как к своим детям, похвалив их за послушание; Ононтийо был общим отцом всех наций, включая гуронов, алгонкинов и других; они, в свою очередь, должны были подчиняться его приказу жить как братья [16, vol. I, p. 195-238].

В речи Фронтенака бесцеремонные утверждения патриархального авторитета полностью загнали модель межкультурных отношений Ирокезской лиги, согласно которой Ононтийо должен был стать единым целым с длинным домом, братом для мохоков, онондага и сенека, и отцом для онейда и кайюга. Автор отчета об этом совете признал, что символическая структура родства, предложенная Фронтенаком, была нововведением: «Другие Ононтийо не использовали эти знаки власти, и они не соглашались, чтобы их называли братьями». Тем не менее, ирокезы «казались очень довольными тем, что Ононтийо во время... аудиенции назвал их детьми и тем самым побудил их назвать его отцом» [16, vol. I, p. 227]. Такой ответ позволяет предположить, что ирокезы видели своего нового отца в основном в роли кормильца. Согласно этому рассказу, вождь кайюга выразил их счастье от того, что они нашли «отца, который будет помогать им во всех их нуждах; что он позаботится о них, поскольку не в его чести иметь нищих детей, что он назначит такую разумную цену за все товары, которые они должны будут предоставить, что они будут иметь основания быть довольными» [16, vol. I, p. 228].

Франко-ирокезские договоры 1667 г. и речи 1673 г. ознаменовали поворотный момент в символической франко-туземных союзов на северо-востоке Северной Америки. Метафора братства, которая характеризовала межкультурные отношения с конца XVI в., исчезла; мохоки, которые сначала сделали Ононтийо отцом, стремясь сделать его своим братом, теперь обращались к нему как дети. Однако этот новый символический порядок не означал капитуляции или подчинения ирокезов; скорее, он предлагал им, наряду с алгонкинскими народами Великих озер, которые также стали детьми Ононтийо в 1670-1680-х гг., новый политический словарь для выражения своих ожиданий в отношении французских пришельцев, которые, хотя и были временами грозными, оставались

слабыми в численном отношении. Модель французского отцовства не сохранилась бы, если бы ирокезы и другие предпочли не принимать ее.

К концу 1670-х гг. от старого союза туземцев и французских братьев остались одни воспоминания. Когда посланник виандотов Кондиаронк встретился с Фронтенаком в Монреале в 1682 г., чтобы попросить французской защиты для племен Великих озер, он выступил как Састареци, титулярный вождь гуронов и петун, беженцев из старой Страны гуронов, и напомнил губернатору о старом соглашении. «Сареци, твой сын, Ононтийо, был раньше твоим братом, но теперь он перестал им быть, и теперь он твой сын, и ты его защищаешь от своих врагов. Ты – его отец, и он знает, что это он, и слушается, как ребенок слушается своего отца» [10, p. 200].

Заключение (выводы). Хотя союз братьев продержался в долине Святого Лаврентия до 1650-1660-х гг., его судьба была предрешена с рассеянием гуронов в 1648-50 гг. Эпидемии, войны и внутренние разногласия, вызванные миссионерской деятельностью иезуитов, не только разрушили конфедерацию, но и дестабилизировали саму основу союза – торговлю пушниной. Коренные народы, собравшиеся в качестве беженцев вблизи французских поселений в долине Св. Лаврентия, не могли вести с французами регулярную торговлю, как это было раньше; взаимность, которая делала модель братства логичной, была, следовательно, подорвана. Ирокезские дипломаты 1640-х и 1650-х гг. не стеснялись подчеркивать растущую зависимость многих гуронов, алгонкинов и монтанье по отношению к французам. Однако еще до заключения франко-ирокезских договоров 1667 г. французы начали участвовать в создании новой союзнической сети в районе Великих озер. В эту сеть входили такие группы, как виандоты (потомки беженцев гуронов и петун на запад), ниписсинг и другие, которые были братьями французов до рассеяния гуронов. Но по мере формирования в 1680-1690-х гг. в нее также вошли новые народы – оттава, оджибве, потаватоми, мескуаки, меномини, майами, иллинойс, сауки, виннебаго, – которые не были таковыми. Как и старые союзы, новые были основаны на торговле пушниной и имели, кроме того, военные аспекты. Однако символически они представлялись как огромная семья, в которой туземные дети признавали Ононтийо своим отцом [27, p. 94-185]. Как и ирокезы, к которым Фронтенак обратился в 1673 г., новые союзники в районе Великих озер приняли идею французского отцовства – по своим собственным причинам. В 1701 г. Монреальский мир, завершивший два десятилетия войн между союзниками и ирокезами, ратифицировал новый порядок и закрепил за Ононтийо роль посредника

между его ирокезскими детьми и его (в основном) алгонкинскими детьми на западе [27, р. 142-144].

Когда в первые годы XVII в. монтанье из района Квебека и Тадуссака и алгонкины из верхней части долины Св. Лаврентия приняли группу французских торговцев как братьев по оружию, это был союз по расчету, который, с одной стороны, удовлетворял желание монтанье и алгонкинов получить военную помощь против своих врагов, а с другой – желание этой группы торговцев опередить своих европейских соперников в деле приобретения мехов. Поскольку эта встреча интересов также способствовала заявленным амбициям французской короны по созданию заморских колоний, она получила одобрение самого короля. Идеал братства между коренными жителями и французами – достаточно расплывчатая метафора, которая хорошо служила в эпоху сезонной торговли, – продолжал конкретизироваться в постоянном взаимном обмене, который составлял торговлю мехами, а также в дарах продовольствия и товаров, которые союзники предлагали друг другу в трудные времена.

Дискурс миссионеров – их пропаганда символического братства, основанного на строгом и эксклюзивном наборе верований и практик, – усложнил этот троп. Как бы это ни шло в противоречие с традиционным представлением о родстве, логика христианского родства, тем не менее, оказалась ценным символическим приемом для индейских народов, занятых восстановлением общин из фрагментов тех, что были разорваны на части в результате войн и эпидемий на северо-востоке Северной Америки в 1630-1650-х гг. Однако для ирокезов христианские алгонкины и гуруны были скорее детьми Онондио, чем его братьями. Народ длинного дома – точнее, группа, образованная мохоками, онондага и сенека – должен был стать братьями Онондио и образовать «один народ» с французами. Это недолговечное видение погибло вместе с установлением мира. К концу 1660-х гг., с установлением королевского режима в Новой Франции и ростом военной мощи Франции, ирокезы больше не были врагами французов; но они также не были и братьями Онондио. Как указал Фронтенак в Катаракви в 1673 г., они были его детьми.

Список литературы

1. Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 134-285.
2. Champlain S. de. The works of Samuel de Champlain. Vol. 1-6. Toronto, Champlain Society, 1922-1936.
3. Delâge D. Bitter Feast: Amerindians and Europeans in Northeastern North America: 1600-64. Vancouver, University of British Columbia Press, 1993. 424 p.
4. Delâge D. Modèles coloniaux, métaphores familiales et changements de régime en Amérique du Nord aux XVIIe et XVIIIe siècles // Les Cahiers des Dix. 2006. № 60. P. 19-78.
5. Dennis M. Cultivating a Landscape of Peace: Iroquois-European Encounters in Seventeenth-Century America. Ithaca and London, Cornell University Press, 2018.
6. Dickason O. P. Canada's First Nations. A History of Foundings Peoples from Earliest Times. Don Mills: Oxford University Press, 1997. 590 p.
7. Fabvre B. Racines montagnaises / Transcribed by Lorenzo Angers and Gerard McNulty. Québec: Presses de l'Université Laval, 1970. 387 p.
8. Fenton W. N. The Great Law and the Longhouse: A Political History of the Iroquois Confederacy. Norman: University of Oklahoma Press, 1998.
9. Havard G. The Great Peace of Montréal of 1701. French-Native Diplomacy in the Seventeenth Century. Montréal: McGill-Queen's University Press, 2001. 312 p.
10. Jaenen J. C. Friend and foe: Aspects of French and Amerindian cultural contact in the sixteenth and seventeenth century. Toronto: McClelland and Stewart, 1976.
11. Jaenen J. C. The role of presents in French-Amerindian trade // Explorations in Canadian economic History: Essays in honour of Irene M. Spry / ed. Duncan Cameron. Ottawa, University of Ottawa Press, 1985. P. 231-250.
12. Jennings F. The Ambiguous Iroquois Empire: The Covenant Chain Confederation of Indian Tribes with English Colonies from Its Beginnings to the Lancaster Treaty of 1744. New York and London: W. W. Norton and Co., 1984. 472 p.
13. The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 / ed. by R. G. Thwaites. Vol. I-LXXIII. Cleveland, The Burrows Brothers Company Publishers, 1896-1901.
14. Lescarbot M. The history of New France / ed. by Biggar H. P. Vol. I-III. Toronto, Champlain Society, 1907-1914.
15. Margry P. Découvertes et établissements des Français dans l'ouest et dans le sud de l'Amérique septentrionale 1614-1698. Paris: AMS Press Inc., N. Y., 1878-1879.

16. Monumenta Novæ Franciæ / ed. par L. Campeau, SJ. Vol. I-IX. Roma, Québec, Montréal, Bellarmin, 1967-2003.
17. Morrison K. M. Baptism and Alliance: The Symbolic Mediations of Religious Syncretism // *Ethnohistory*. 1990. Vol. 37, No. 4. P. 416-437.
18. Richter D. K. Iroquois versus Iroquois: Jesuit Missions and Christianity in Village Politics, 1642-1686 // *Ethnohistory*. 1985. Vol. 32, No. 1. P. 1-16.
19. Richter D. K. The ordeal of the longhouse: the peoples of the Iroquois League in the era of European colonization. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1992.
20. Scott C. La rencontre avec les Blancs d'après les récits historiques et mythiques des Cris de la Baie James // *Recherches amérindiennes au Québec*. 1992. Vol. 22. №. 2-3. P. 47-62.
21. Silvy A. Dictionnaire montagnais-français / ed. Lorenzo Angers, David E. Cooter and Gérard E. McNulty. Montréal: Presses de l'Université du Québec, 1974. 161 p.
22. Steckley J. The Warrior and the Lineage: Jesuit Use of Iroquoian Images to Communicate Christianity // *Ethnohistory*. Autumn 1992. Vol. 39. No. 4. P. 478-509.
23. Trigger B. The children of Aataentsic: A history of the Huron people to 1660. Montréal, London, McGill et Queen's University Press, 1987. 913 p.
24. Trigger B. The Road to Affluence: A Reassessment of Early Huron Responses to European Contact // *Out of the Background: Readings on Canadian Native History* / ed. Robin Fisher and Kenneth Coates. Toronto: Copp Clark Pitman, 1988. P. 88-101.
25. White R. «Although I Am Dead, I Am Not Entirely Dead. I Have a Second of Myself»: Constructing Self and Persons on the Middle Ground of Early America // *Through a Glass Darkly: Reflections on Personal Identity in Early America*, ed. Ronald Hoffman, Mechal Sobel and Fredrika J. Teute. Chapel Hill: University of North Carolina Press for the Omohundro Institute of Early American History and Culture, 1997. P. 404-418.
26. White R. The Middle Ground: Indians, Empires and Republics in the Great Lakes Region, 1650-1815. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

THE EVOLUTION OF REPRESENTATIONS OF EUROPEAN-INDIAN ALLIANCES IN NEW FRANCE IN THE 17TH AND 18TH CENTURIES

The rhetoric with which the French and the Indians of Northeastern North America attempted to describe the alliance relations in trade and politics that emerged during the seventeenth century and the first half of the eighteenth century underwent significant changes during this period. Its evolution reflected the transformation of both French-Indian relations themselves and the development of European and Aboriginal communities during this period. From the rhetoric of fraternity, which recorded a largely horizontal, equal relationship between Aboriginal and non-aboriginal populations in Acadia and the St. Lawrence River Valley in the first half of the seventeenth century, there was a shift to the terminology of father-child relations in the middle of the century, demonstrating a shift in the balance of power in the region in favour of the French ('fathers') in the face of a shrinking Indian population ('children') and its influence in the face of epidemics and ethnic conflict. A vertical structure of French-Indian relations is formed, the basis of which becomes the ritual of gift-giving as a condition and expression of mutual obligations: French 'fathers' provide for their Indian 'children', and those, in turn, obey and help their 'fathers'.

Keywords: New France, Treaty of Montreal, European-Indian alliance, Iroquois League, Algonquins, Hurons, Montagnais, Jesuits, missionary activity.

References

1. Moss, M. (2011) Opyt o dare. Forma i osnovanie obmena v arhaicheskikh obshchestvah // Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po social'noj antropologii [The experience of the gift. The form and basis of exchange in archaic societies // Moss M. Societies. Exchange. Personality. Proceedings on social anthropology] / Sost., per. s fr., predislovie, vstupit, stat'ya, kommentarii A. B. Gofmana. M.: KDU, 2011. S. 134-285.
2. Champlain, S. de. (1922-1936) The works of Samuel de Champlain. Vol. 1-6. Toronto, Champlain Society.
3. Delâge, D. (1922-1936) Bitter Feast: Amerindians and Europeans in Northeastern North America: 1600-64. Vancouver, University of British Columbia Press. 424 p.
4. Delâge, D. (2006) Modèles coloniaux, métaphores familiales et changements de régime en Amérique du Nord aux XVIIe et XVIIIe siècles // *Les Cahiers des Dix*. № 60. P. 19-78.
5. Dennis, M. (2018) Cultivating a Landscape of Peace: Iroquois-European Encounters in Seventeenth-Century America. Ithaca and London, Cornell University Press.
6. Dickason, O. P. (1997) Canada's First Nations. A History of Foundings Peoples from Earliest Times. Don Mills: Oxford University Press. 590 p.
7. Fabvre, B. Racines montagnaises (1970) / Transcribed by Lorenzo Angers and Gerard McNulty. Québec: Presses de l'Université Laval. 387 p.

8. Fenton, W. N. (1998) *The Great Law and the Longhouse: A Political History of the Iroquois Confederacy*. Norman: University of Oklahoma Press.
9. Havard, G. (2001) *The Great Peace of Montréal of 1701. French-Native Diplomacy in the Seventeenth Century*. Montréal: McGill-Queen's University Press. 312 p.
10. Jaenen, J. C. (1976) *Friend and foe: Aspects of French and Amerindian cultural contact in the sixteenth and seventeenth century*. Toronto: McClelland and Stewart.
11. Jaenen, J. C. (1985) *The role of presents in French-Amerindian trade // Explorations in Canadian economic History: Essays in honour of Irene M. Spry / ed. Duncan Cameron*. Ottawa, University of Ottawa Press. P. 231-250.
12. Jennings, F. (1984) *The Ambiguous Iroquois Empire: The Covenant Chain Confederation of Indian Tribes with English Colonies from Its Beginnings to the Lancaster Treaty of 1744*. New York and London: W. W. Norton and Co. 472 p.
13. *The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 (1896-1901) / ed. by R. G. Thwaites*. Vol. I-LXXIII. Cleveland, The Burrows Brothers Company Publishers.
14. Lescarbot, M. (1907-1914) *The history of New France / ed. by Biggar H. P*. Vol. I-III. Toronto, Champlain Society.
15. Margry, P. (1878-1879) *Découvertes et établissements des Français dans l'ouest et dans le sud de l'Amérique septentrionale 1614-1698*. Paris: AMS Press Inc., N. Y.
16. *Monumenta Novæ Franciæ (1967-2003) / ed. par L. Campeau, SJ*. Vol. I-IX. Roma, Québec, Montréal, Bellarmin.
17. Morrison, K. M. (1990) *Baptism and Alliance: The Symbolic Mediations of Religious Syncretism // Ethnohistory*. Vol. 37, No. 4. P. 416-437.
18. Richter, D. K. (1985) *Iroquois versus Iroquois: Jesuit Missions and Christianity in Village Politics, 1642-1686 // Ethnohistory*. Vol. 32, No. 1. P. 1-16.
19. Richter, D. K. (1992) *The ordeal of the longhouse: the peoples of the Iroquois League in the era of European colonization*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
20. Scott, C. (1992) *La rencontre avec les Blancs d'après les récits historiques et mythiques des Cris de la Baie James // Recherches amérindiennes au Québec*. Vol. 22. №. 2-3. P. 47-62.
21. Silvy, A. (1974) *Dictionnaire montagnais-français / ed. Lorenzo Angers, David E. Cooter and Gérard E. McNulty*. Montréal: Presses de l'Université du Québec. 161 p.
22. Steckley, J. (1992) *The Warrior and the Lineage: Jesuit Use of Iroquoian Images to Communicate Christianity // Ethnohistory*. Vol. 39. No. 4. P. 478-509.
23. Trigger, B. (1987) *The children of Aataentsic: A history of the Huron people to 1660*. Montréal, London, McGill et Queen's University Press. 913 p.
24. Trigger, B. (1988) *The Road to Affluence: A Reassessment of Early Huron Responses to European Contact // Out of the Background: Readings on Canadian Native History / ed. Robin Fisher and Kenneth Coates*. Toronto: Copp Clark Pitman. P. 88-101.
25. White, R. (1997) «Although I Am Dead, I Am Not Entirely Dead. I Have a Second of Myself»: *Constructing Self and Persons on the Middle Ground of Early America // Through a Glass Darkly: Reflections on Personal Identity in Early America*, ed. Ronald Hoffman, Mechal Sobel and Fredrika J. Teute. Chapel Hill: University of North Carolina Press for the Omohundro Institute of Early American History and Culture. P. 404-418.
26. White, R. (1991) *The Middle Ground: Indians, Empires and Republics in the Great Lakes Region, 1650-1815*. Cambridge: Cambridge University Press.

Об авторах

Федин Андрей Валентинович – доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: avfedin@yandex.ru;

Fedin Andrey Valentinovich – Doctor in History, associate professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: avfedin@yandex.ru

Чертков А.С., кандидат исторических наук, Московский университет имени С.Ю. Витте (Россия)

ОСОБЕННОСТИ СКЛАДЫВАНИЯ СКОТОВОДЧЕСКО-СЕНОКОСНОГО ХОЗЯЙСТВА У РУССКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ЯКУТИИ В XVII в.

В статье исследуются причины, характер и способы складывания в XVII в. в «государевой дальней земле на великой реке Лене» скотоводческо-сенокосного хозяйства у служилых людей. По мнению автора данной концепции, якутского историка В.Н. Иванова исследуемый способ ведения хозяйства относится «к числу показателей прогрессивного исторического значения вхождения Ленского края в состав России». Задачами настоящей статьи являются рассмотрение особенностей социально-экономических отношений русских служилых людей и якутов, а также определение временного периода функционирования данного типа хозяйствования. Автор статьи считает изъятие у местного населения «погромного скота» главной причиной, приведшей к созданию крупных скотоводческих хозяйств у якутских воевод, и обосновывает временные границы существования такого типа хозяйства у служилых людей Ленского края – с начала 1640-х по конец 1690-х гг. Указанные явления способствовали запуску процессов расслоения у русского и коренного населения уезда. Изучаемый в статье способ ведения служилыми людьми своего хозяйства, автор статьи характеризует как одну из форм приспособления русских людей к внешним условиям в соответствии с местными традициями и навыками ведения хозяйства в условиях ограниченных ресурсов.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, воеводы, Якутский уезд, скотоводческое хозяйство, сенокосы, землепользование, ясачное население, ясак, земельные наделы

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-167-175

Введение. Целью статьи является изучение причин, характера и способа складывания в XVII в. в Ленском крае скотоводческо-сенокосного хозяйства у служилых людей, призванных реализовывать политику Московского государства в регионе. Задачами статьи являются: изучение особенностей социально-экономических отношений русских служилых людей и якутов, а также определение временного периода функционирования данного типа хозяйствования. В статье использованы проблемно-хронологический, ретроспективный и статистический методы научного исследования.

В 1940-х – 1950-х гг. сибирские и якутские историки сконцентрировали свое внимание на исследовании проблем социально-экономических отношений в дореволюционной Якутии. Причинами такого интереса явились неразработанные на тот период вопросы перехода скотоводческих народов от первобытнообщинного строя к феодальному, а также выяснение воздействия общероссийского исторического процесса на присоединенных к Московскому государству обширных земель на Северо-Востоке Азии. В развитие положений предшественников, якутским ученым В.Н. Ивановым были исследованы социально-экономические отношения у якутов в XVII в. Тогда же В.Н. Ивановым была разработана концепция возникновения в 1640-х годах скотоводческо-сенокосного хозяйства у служилых людей Ленского края [7, с. 357-365]. В последующих исторических исследованиях и вплоть до публикации настоящей статьи, обоснованная якутским историком концепция, не становилась объектом специального изучения.

Актуальность такого исследования продиктована особым вниманием к изучению служилых людей и казаков, являвшихся одной из основных движущих сил процесса «обретения», заселения и хозяйственного освоения Северо-Востока Азии в XVII – начале XX вв., а в последствии и поддержания в регионе установленных феодальных порядков.

Историографическую базу статьи составили архивные материалы сборников документов «Дополнение к Актам историческим», 1846 г. [3], «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.», 1936 г. [9], работы советских и российских историков, изучавших вопросы истории социально-экономических отношений в XVII в. в служилой среде Якутии – С.В. Бахрушина и С.А. Токарева [21], Софронеева П.С. [15], Ф.Г. Сафронова [13], Г.П. Башарина [1], Дальнего Востока – О.И. Сергеева [14], Западной Сибири – Н.И. Никитина [11; 12], Южной Сибири – Л.И. Шерстова [19; 20], Сибири в целом А.С. Зуева, В.А. Слугиной [4; 5; 6] и др.

Характеристика объекта исследования. Основные постулаты концепции скотоводческо-сенокосного хозяйства у служилых людей Якутии В.Н. Иванова сводятся к следующему:

1. Причинами «заведения скотоводческого хозяйства» у служилых людей являлся недостаток наличных денег и продовольственных товаров, которыми воеводская администрация должна была расплачиваться с нанятыми служилыми людьми за отнесение ими служебных обязанностей.

2. Наличие скотоводческого хозяйства подтверждается приобретением скота и «реквизицией» у местного населения лошадей и крупного рогатого

скота, определяемого термином «погромный скот».

3. Содержание «погромного скота» являлось «государевой повинностью», в связи с чем служилые люди возлагали обязанность «пасти и кормить» своих лошадей и коров на ясачных жителей.

4. В связи с заведением собственного хозяйства служилые люди начали самостоятельно заготавливать сено или покупать его у якутов, что явилось основой для превращения скотоводческого способа ведения хозяйства в скотоводческо-сенокосное.

5. Возникновение скотоводческо-сенокосного хозяйства неизбежно привело к требованиям служилых людей о выделении им земельных участков для заготовки сена и ревизии распределенных различным категориям ясачного и неясачного населения наделов земли.

Результаты исследования. В 1638 г. на Лену был снаряжен отряд воевод П.П. Головина и М.Б. Глебова из 400 чел., в их числе находилось и 5 детей боярских, которые в 1641 г. прибыли в Якутию [13, с. 49]. С этой даты начинается масштабное обретение «новой сибирской земли на великой реке Лене» Московским государством. Задачи колонизации региона, приведения «под высокую государеву руку» аборигенного населения и взимания с него ясака требовали постоянного увеличения численности служилых людей.

В XVII в. и до середины XVIII в. под термином «служилые люди» следует понимать разнообразные слои представителей административной (подъячие, толмачи), военной (дети боярские – «служилые люди по отечеству») и духовной власти (ружники). К ним относились и служилые люди «по прибору» – стрельцы, пушкарки, набираемые из податных людей разных сословий, и казачьи чины (атаманы, сотники, пятидесятники, десятники), рядовые казаки, «поверстанные на службу» в Ленский край из числа тобольских, енисейских, березовских и других сибирских городов казаков. Все перечисленные категории служилых людей были зависимы от получения казенных средств в качестве возмещения своей деятельности по отнесению служебных обязанностей в виде денежного, хлебного жалованья и других видов провиантского довольствия, а в отдельных случаях и земельных наделов. На первых порах казаки составляли основную и многочисленную категорию русских служилых людей в крае, деятельность которых была ограничена различными установлениями и служебными регламентами.

Согласно архивным источникам, в Якутском уезде численность служилых людей постоянно увеличивалась: в 1648 г. – 450 чел., 408 из которых были казаками, в 1651 г. – 453 чел., 1675 г. – 557 чел., 1676 г. – 531 чел., 1682 г. – 717 чел. [7, с. 357; 13, с. 50-55]. Однако ввиду значительных расстояний между ясачными зимовьями и острогами, а также возросших обязанностей по

сбору ясака и этого штата служилых людей было недостаточно. Многочисленные просьбы якутских воевод со временем возымели свое дело и в 1686 г. согласно правительственного распоряжения в Якутском уезде разрешалось содержать на службе 790 чел., в том числе 667 казаков, а в 1691 г. дозволялось комплектовать команду из 908 чел., в том числе должно было служить 666 казаков. Пополнение рядов служилых людей происходило за счет выходцев из служилых сословий Тобольска, Тюмени, Енисейска и Якутска.

Получив разрешения на увеличение численности служилого контингента, якутская администрация столкнулась с нехваткой желающих. В 1696 г. на службе фактически находилось 837 чел., из них 697 казаков, в 1697-1698 гг. – 920 чел. [13, с. 49-51]. Увеличение численности служилого контингента случилось в 1701 г.: служилых людей было 936 чел., из них 799 казаков.

Естественным образом вырастали и размеры их государственного жалования. В 1653 г. в результате миссии воеводы М.С. Лодыженского были определены реальные потребности в человеческих ресурсах для реализации ясачной политики Московского государства в Якутии, что составляло от 800 до 1000 человек. На содержание 1000 служилых людей по подсчетам М.С. Лодыженского требовалось 4472 руб. жалованья, 25896 пудов ржи, 1840 пудов соли и 10848 пудов овса на прокорм лошадей.

Архивные источники того времени изобилуют просьбами воевод обеспечить своевременность отправки в Якутск провианта и жалобами служилых людей на задержку выплат денежного жалования и хлебного довольствия. Отчасти причиной тому являлись проблемы с доставкой грузов, т.к. провиант поступал в Якутск из Тобольска, Енисейска и Илимска. Отсутствие регулярного транспортного сообщения между уездами вводило служилых людей, оставшихся без жалования и продовольствия, в «крайнее затруднение», что подталкивало их к неправомерным действиям по отношению к местному населению.

Условия возникновения скотоводческо-сенокосного хозяйства и характер взаимоотношений между служилыми людьми и местными народами. К приходу русских людей в Ленский край в отдельных якутских хозяйствах имелось по несколько сотен лошадей и рогатого скота. «Русские называли якутов “конным” и “скотным” народом» [15, с. 14]. Основой скотоводства являлась сенокосно-пастбищная система разведения рогатого скота. «Пастбищами фактически пользовались те, у кого имелось больше скота» [15, с. 18].

В исследовании В.Н. Иванова находим описание двух источников «обращения» служилых людей к занятию скотоводством: покупка скота у якутов и его «реквизиция», так называемый

«погромный скот». М.М. Федоров при изучении причин ужесточения ясачного режима в XVII в. обратил внимание на бесчинства якутского воеводы М.С. Лодыженского, получившего от якутов в «почесть» 1600 соболей и столько же соболевых пупков, всего незаконный личный доход начальника уезда составил 6258 рублей [17, с. 28].

В сборнике архивных документов «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» содержится «сказка» торгового человека Никиты Малахова «О незаконных торговых оборотах, злоупотреблениях и насилиях якутского воеводы Михаила Лодыженского, датированного «не ранее 20 сентября» 1658 г., где подробно описываются способы получения дополнительного дохода этим предприимчивым воеводой [9, с. 56-62]. В «сказке» говорится как сын боярский Трифон Евсевьев, направленный воеводой «для государева ясачного збору в Амгу и Тату», «на смерть батогами бил многия ясачные якуты» «за старые годы». «И он де Трифон у тех якутов что было скотишка обрал; них кобыл и быков и коров то все обрал; тот скот кобылы и быки и коровы на себя с товарищи взял и ясак писали за кобылу добрую по 3 соболя, а за среднюю кобылу по 2 соболя, а за быка доброва по 2 же соболя, а за корову добрую по 2 же соболя, а кои бычки годы по 3 и те оне давали по лисице...» [9, с. 60]. Конечным бенефициаром схемы отъема у якутов скота являлся сам воевода Лодыженский.

Наживался воевода и на служилых людях, которых направлял в якутские улусы для сбора государева ясака: «с них емлет накупы рублей по 5-ти с человека; и оне служивые люди за тот его долг за отпуск и оне ему Михайлу Семеновичу быками и коровами и соболями и лисицами платят, и он Михайло Семенович збирает с тех служилых на зиму скотин по 50-т и больше» [9, с. 61]. Более того, воевода Лодыженский наживался и при выполнении своих обязанностей при судебных делах. «Да он же Михайло Семенович судит якутов о кражах и убийствах; и оне якуты лутчие князцы тяжутся промеж себя и ищут скотин по 10-ти и по 40-ку и больше, друх на друге ищут; и от тех их судов емлет, и от тяжб, скотин по 10-ти и болши». По свидетельству очевидцев, воевода брал взятки у якутов, наживая при этом «на год скотин по 200 быков и коров», «тот скот на зиму бьет по 100-у и по полтора; и тот скот велит дворецким своим Любиму да Ондрию по полтине пуд в долг продавать, служивым в кабалы до жалованья их давать...», спекулировал водкой, хмелем, мукой [9, с. 61].

Следует отметить, что воеводско-приказная система управления в городах и уездах Российского государства в XVI–XVII вв. являла собой одну из криминогенных форм регулирования социальных отношений того времени. Воевода

имел почти исключительные полномочия в отношении выявления виновных и наказания их как в совершении уголовных преступлений, так и в сфере гражданского судопроизводства, сосредотачивал в своих руках финансовое управление и полицейскую власть. «Установление территориальных политико-административных (судебных, военных) и фискальных институтов (сбор ясака и пошлин) являлись маркерами русского освоения и присвоения Сибири» [6, с. 350].

В условиях безраздельной власти воеводская служба в Якутии XVII в. приносила сверхдоходы. Приведенные свидетельства произвола Якутского воеводы М.С. Лодыженского показывают, что наряду с обозначенными В.Н. Ивановым источниками формирования скотоводческого хозяйства у служилых людей Ленского края, к ним следует отнести принудительное изъятие скота у аборигенного населения представителями центральной власти, направившей в Ленский край своих начальников для выполнения административно-военной службы. Объектами воеводского злоупотребления являлись как ясачные жители, так и русские служилые люди, рядовые казаки, которых местные начальники отправляли на захваткота у якутов, создавая тем самым себе крупные скотоводческие хозяйства.

Вышеописанный способ заведения скота не имеет общего с «реквизицией» у родоплеменных групп Якутского уезда лошадей и коров, проходившей в результате погромов местных селений и вооруженных столкновений служилых людей с улусными жителями. В «памяти» Енисейского воеводы Никифора Веревкина воеводам Ленского острога П. Головину и М. Глебову «О походе сына боярского Парфена Ходырева на томских казаков, погромивших Сыланскую, Батулинскую и Тацкую ясачные волости», датированной 21 декабря 1639 г., находим следующее описание отъема скота, соответствующего термину «погромный скот»: «В прошлом де во 147 году томский атаман Дмитрий Копылов послал их служилых людей из Бутальского острожку двадцать человек, неясачных якутов, на Сылавцов, и они де тех сыланских мужиков погромили и скот у них поимали; и Енисейского де острогу сын боярский Парфен Ходырев, услыша про них, служивых людей, что они в Сыланской земле и перешед Сайму, со своими служивыми людьми и с якутами побили государевых ясачных людей якутов Накарцов, которые были с ними тридцать человек литчих людей, и их кони и куяки, и их служилых людей скот погромленной, который они поимали у Сыланских мужиков, взяли себе, а их служилых людей четырех человек..., сковав, за пристава прислал к воеводе Никифору Лонгиновичу Веревкину в Енисейский острог...» [3, с. 231-232].

Таким образом сбор государева ясака

сопровождался не только «побитием» «лутчих людей, князцов» и взятием «в полон их жен и детей», но и угоном скота – лошадей и коров. Правом распоряжаться «погромным имуществом» обладал якутский воевода, без приказа которого служилые люди и казаки не могли использовать обретенные активы в своих хозяйствах. Тем самым стоит говорить, что в XVII в. в Якутском уезде в основном сложилось воеводское скотоводческое хозяйство, нажитое путем принудительного отчуждения скота у местного населения. По приказу якутских воевод и, пользуясь именем государя, служилые люди ставились в условия, при которых их вынуждали нарушать правила мирного сбора ясака, но при этом они были обязаны собирать не только государев ясак, но и пушнину для обогащения своих начальников.

«Погромный скот» считался «государевым» [7, с. 358]. Как выясняется, дальнейшие действия крупных владельцев «погромного скота» могли проходить по следующим сценариям: небольшое количество скота употреблялось в пищу – «скот на зиму бьет»; крупные партии отдавались на содержание ясачных жителей в качестве повинности; мясо забитого скота продавалось служилым людям в долг – «в кабалы до жалованья».

В исследовании В.Н. Иванова содержится утверждение об «исчезновении» повинности по содержанию «погромного скота» якутами с момента «утверждения имущественного принципа в ясачном обложении», что эти действия администрации привели к разрешению служилым людям «содержать скот при себе». Каких-либо доказательств такого изменения режима пользования «погромным скотом» ученый не приводит, количественные вопросы индивидуального наделения хозяйств служилых людей не обосновываются. При ближайшем рассмотрении концепции якутского ученого, «скотоводческое хозяйство» у служилых людей Ленского края переходит в «скотоводческо-сенокосную» стадию, когда они начинают «заготавливать» или «покупать» сено у якутов [7, с. 358-359].

Причинами крутого разворота центральных властей в сторону защиты ясачного населения, по нашему мнению, видятся в озабоченности правительства, получающего многочисленные сигналы русского и якутского населения о бесчинствах администрации Якутского уезда на местах. Ограничению власти уездных начальников были посвящены отдельные статьи Соборного Уложения 1649 г., которых воеводам настрого запрещалось «брать поборы» с местного населения, вступать с ним «в какие-либо обязательственные отношения» [18, с. 98-100]. «Дела о вымогательстве воевод по челобитиям населения рассматривались «безсрочно» и без отсрочек... Соборным Уложением предусматривалась для воевод торговая казнь и взыскание в пользу истца за досрочный выпуск из тюрьмы татей и разбойников и использование их в качестве

холопов или крестьян у себя или передачу их с этой целью другим лицам» [10, с. 90].

Созданию правовых условий, способствующих пресечению казнокрадства воевод и сборщиков ясака, в дальнейшем была посвящена целая серия правительствующих указов от 18 декабря 1695 г., 26 декабря 1695 г., 1 января 1696 г., 22 марта 1697 г., 23 июня 1697 г., 30 сентября 1697 г., 11 июля 1699 г. [17, с. 27-30]. Данными правовыми актами была введена государственная монополия на сбор и обращение (покупку, продажу, транспортировку) ценных видов пушнины – соболя и черной лисицы, установлена уголовная ответственность воевод и сборщиков ясака за насилие, грабежи и убийства ясачных жителей, вплоть до смертной казни, введены ограничения на торговлю отдельными видами товаров в «районах обитания ясачных». Конечной целью предпринятых правительством мер было пополнение государственной казны «мяхкой рухлядью», что привело к еще большему усилению ясачного режима.

В изданном правительственным Указе от 26 декабря 1695 г. воеводам прямо предписывалось прекратить творимый ими произвол: ясачным людям «никаких обид и налогов не чинить, не пытаться и не казнить» без решения государя, «на потокать» служилых людей на нарушение запретов. Если воевода нарушал установленный порядок, то он должен быть «в великом разорении от государя» [17, с. 28-29]. Последующий Указ от 22 марта 1697 г. был направлен на ужесточение правил скупки пушнины, чем занимались промышленные люди и местные начальники, наносившие значительный урон государственной казне. Собранная под видом государева ясака пушнина, попадала разными путями в сибирские города, Москву и даже Китай. Воеводы, говорилось в Указе, «чрезмерно богатели, а отговариваясь, к нему, великому государю, писали ложно, будто промыслы у иноземце были худы и многие из них померли и врозь разбежались, и ясаку будто взять не на ком, и в тоже время тех же городов в уездах у торговых людей в покупке и в отвоз в русские города являли многие соболя» [17, с. 29].

Под столь мощным правовым давлением центральной власти на воевод осуществлять «погромы» и изымать без каких-либо последствий у ясачных жителей скот в больших количествах, было практически невозможно. «За казнокрадство, корыстные злоупотребления, нанесшие ущерб казне, за совершение смертной казни без ведома царя воеводы подлежали смертной казни с конфискацией “вотчины их все и дворы и поместья и животы”» [17, с. 28]. Нельзя сказать, что указанные санкции возымели решающее действие на воевод, тем не менее центральная власть всеми своими действиями стремилась к сокращению количества «лихих воевод», а те, в свою

очередь, перекаладывали бремя ответственности за беззакония на служилых людей.

Следующим аргументом В.Н. Иванова в пользу развития скотоводческо-сенокосного хозяйства у служилых людей Ленского края было возникновение у них в середине XVII в. земельного вопроса. При чем, для обоснования своей концепции ее автор больше говорит об «отведении сенных покосов», когда как следует рассматривать вопрос о наделении участков различного предназначения, пригодных для устройства хлебной пашни, сенокосов, огородов, рыболовных и других промысловых угодий, которыми пытались обзавестись служилые люди и казаки, направляя многочисленные прошения войсковому начальству.

Земельный вопрос в XVII в. был актуальным для всех социальных групп Ленского края. Пришлое русское население – крестьяне, служилые люди и казаки в целях обеспечения продовольствием вынуждено было включиться в раздел и передел свободной и удобной для заведения пашни и покосов земли, чем вызывало обоснованное недовольство со стороны местных жителей.

Как бы не относиться к противоправным действиям воеводы М.С. Лодыженского, но именно при его правлении Якутским уездом в 1654 г., а затем и в 1659 г. состоялись первые измерения земель служилых людей. Результатом данной практики явилось установление определенной нормы наделов для различных категорий: детям боярским, сотникам и казачьим атаманам – каждому по 3 дес.; пятидесятникам – по одной дес.; десятникам и рядовым казакам – по половине дес.» [16, с. 8]. По выявлении выданных сверх нормы наделов или обнаружении свободных земель, они по решению воеводы передавались в пользование других сословий. В дальнейшем земельный вопрос в Якутском уезде приобрел острый характер: недовольные распределением наделов казаки и якуты самовольно захватывали друг у друга земли, за них судились. Ситуация еще более обострилась в 1680-х годах с образованием монастырских земель.

В пользу скотоводческо-сенокосного хозяйства у служилых людей говорят факты передачи в хозяйства якутов казачьего скота «для пастьбы» и «на содержание». Оплачивалась такая работа товарами, пушниной или продуктами («пуд муки да постель оленью»). За работу якутов «скотниками» или «коровниками», выполнявшим к тому же «всякую дворовую работу», казаки обязывались платить за них государев ясак «по лисице красной на год на человека». Казаки подряжали якутов и на работы по заготовке сена для скота. Так, в 1664 г. «за лисицу красную добрую ясачную» кангаласец Янсур Качанаев накосил два стога сена служилому человеку Михаилу Климентьеву. В некоторых случаях якуты работали на сенокосе за «шубу телячью

новую» [7, с. 362-364]. Судя по объемам заготавливаемого сена (2 стога), речь могла идти о прокорме одной-двух коров с казачьего двора.

Эксплуатация труда «наймитов» в казачьих хозяйствах, например, Западной Сибири XVII в. была обыденной практикой. «Служилые люди неоднократно указывали в челобитных на трудность и даже невозможность вести хозяйство без “найма”» [12, с. 163].

О наличии работников в казачьих хозяйствах из числа местных жителей можно судить по результатам специальной проверки, осуществленной в 1685 г. и выявившей от 100 до 130 «якутских батраков», работавших у русских служилых людей. Как признавал сам В.Н. Иванов, «участие якутов в скотоводческо-сенокосном хозяйстве служилого населения в XVII в. было ограниченным» [7, с. 364]. Причинами неразвитости такой формы ведения хозяйства являлось ограниченность размеров хозяйств самих служилых людей, зависимость от государева денежного и хлебного довольствия, которое в условиях того времени гарантировало им более-менее сносные условия существования.

Еще в первой половине 1650-х годов в рядах служилых людей стали выделять «конных казаков», которым в условиях Якутии в отличие от других пеших было положено повышенное годовое жалование: 7 – 9 руб. деньгами, 6 четвертей с осьминой ржи, 2 – 2,5 пуд. соли и 4 четверти овса на лошадь, но зачастую овес заменялся толокном и крупой [13, с. 76]. Правительственные дотации хлебного и соляного довольствия не возымели должного эффекта, поскольку покупка и содержание лошадей значительно превышало выделенных на них ресурсов и, как следствие, в 1656 г. здесь служило только 7 конных казаков. В первой половине XVII в. из реестров на получение довольствия конные казаки были вычеркнуты.

Выполнение служебных обязанностей конными казаками увеличивало их эффективность. Известна зависимость от обеспеченности лошадьми в XVII в., например, служилых Южной Сибири. Как только тюменский воевода И. Тургенев запретил торговлю калмыкам, то «все тюменское население, независимо от сословной принадлежности, выступило на стороне ойратов и по требовало вновь открыть «калмыцкий торг», «чтоб от безлошадства б им не погибнуть» [20, с. 93]. Впрочем, служилые люди, отправлявшие «царскую службу» в якутских острогах, так категорично, как тюменцы, не настаивали на заведении лошадей, понимая, что в условиях отдаленности наслегов и улусов, трудностях с обеспечением фуража сена и овса им предстоит содержать скот практически за свой счет.

Со временем принятия правительственных указов 1690-х годов об усилении ответственности воевод на местах, те вынуждены были прекратить

массовые случаи изъятия у местного населения лошадей или по крайней мере завуалировать свои действия, чтобы под другими предлогами заполучить их в свое владение. Для служилых людей и казаков Якутского уезда установленные порядки привели к ситуации, когда они стали приобретать лошадей за деньги, что составляло по тем временам немалую сумму – от 40 руб. за голову. В середине 40-х годов XVII в. на прокорм конного скота Сибирский приказ положил согласно разряду служилых людей от 2-х до 10 четвертей овса в расчете на год.

Замысел правительственных чиновников был основан на расчете, что казак, получавший «конный оклад» будет эффективнее пешего служилого исполнять служебные обязанности, для чего им было велено «для государевых служб и посылок держать лошади добрые». В окладных книгах в 1690-х годов записано, что служилые люди получали в год деньгами следующее жалование: толмачи — 12 – 15 руб., дети боярские — 6 – 18 руб., сотники — 9 руб., атаманы — 5 – 9 руб., пятидесятники женатые — 5 – 9 руб., пятидесятники холостые — 5 с четвертью руб., десятники женатые, холостые, казаки женаты, казаки холостые, пушкари, сторожа — 5 с четвертью руб., кузнецы — 5 руб.; хлебом: толмачи — 12 четвертей с осьминой ржи, 8 четвертей овса и 3 с 3 четвертями пуд. соли, дети боярские — 5 – 14 четверти ржи, 5 – 12 четвертей овса и 2 – 3 пуд. соли; сотники – 8 четвертей ржи, 6 четвертей овса и 2 с тремя четвертями пуд. соли, атаманы, женатые пятидесятники, десятники и казаки получали по 7 четвертей ржи, 4 четверти овса и 2 – 2 ½ пуд. соли; неженатые категории служилых получали на 1 четверть ржи, 2 четверти овса и полпуда соли меньше семейных [13, с. 78].

Таким образом в составе хлебного довольствия на одного женатого, состоявшего на службе служилого человека, выдавалось от 5 до 12 четвертей овса, на бессемейных казаков по 2 четверти овса на содержание лошадей. Даже несмотря на казенную поддержку, служилые люди не обзаводились большим количеством лошадей, а несли из-за дороговизны на их содержание дополнительное обременение. Лошадей часть из них использовала для служебных обязанностей в дальних командировках при сопровождении ссыльных и грузов, якуты же разводили местную, неприхотливую породу – якутскую лошадь, способную и в зимний период времени добывать себе корм из-под снега. Предназначение и физические кондиции и особенности этих пород лошадей различались, как и условия содержания.

Возникновение скотоводческо-сенокосного хозяйства у служилых людей Ленского края в XVII в. оценивается В.Н. Ивановым как одно из «объективно прогрессивных результатов вхождения Якутии в состав России», «одним из связующих начал в возникновении и развитии экономических связей Якутии с более развитой в экономическом

отношении Россией» [7, с. 364]. Заслугой служилых людей ученый считает «втягивание якутской бедноты в хозяйственную жизнь» их новых хозяев, что способствовало образованию «особой группы якутского населения, оторванного от своей племенной организации, якутского быта и влияния своего тойоната». В целом же, по мнению якутского ученого, скотоводческо-сенокосное хозяйство «способствовало углублению социального неравенства, обострению классовых противоречий в якутском обществе». Возникновение скотоводческо-сенокосного хозяйства у служилых людей, считает В.Н. Иванов, «относится к числу показателей прогрессивного исторического значения вхождения Ленского края в состав России, глубоких хозяйственно-экономических истоков традиционной дружбы якутского и русского народа» [7, с. 365].

Не соглашаясь всецело с вышеприведенной оценкой значения скотоводческо-сенокосного хозяйства в развитии социально-экономических отношений Якутии в XVII в., тем не менее, отметим и положительные стороны данного явления. В Якутии, как и во многих сибирских острогах в XVII в. наблюдалась нехватка лошадей для обеспечения верховых казаков и скота для пропитания, что являлось одним из сдерживающих факторов освоения ими обширных территорий и сбора ясака. Однако такая ситуация способствовала налаживанию торгово-меновых отношений с местным населением, традиционно разводившим скот в сложных природно-климатических условиях. Ограниченность свободной и удобной для занятия земледелием и различными промыслами земель стимулировало казаков расчищать возвышенные участки, осушать заболоченные места и озера, тем самым увеличивать площадь, пригодную для возделывания различных сельскохозяйственных культур и обустройство покосов.

Включение якутского населения в торгово-обменные отношения с русскими служилыми людьми способствовало выполнению основных задач, решаемых Московским государством на вновь обретенных территориях – сбор «мяжкой рухляди», увеличения числа подданных и приращения земель государя.

Л.И. Шерстова отметила изменение традиционных форм хозяйствования у аборигенного населения Южной Сибири под воздействием государственной ясачной политики: «Из-за гипертрофированного значения обязательного ясачного промысла весь образ жизни коренных народов Южной Сибири обрел единообразную «охотничью» окраску даже там, где ее не было в течение столетий, а охота являлась необходимым, но не основным видом жизнедеятельности. «Ясачная охота» попросту не оставляла места для прочих компонентов прежней системы жизнеобеспечения, и традиционная экономика деградировала, а ее продукты все более

замещались русскими» [20, с. 101].

И.С. Гурвич отмечал наличие у якутов «постоянной кровавой борьбы за скот, за имущество», «приносившей неисчислимые бедствия» [2, с. 6]. В условиях Якутии XVII в. увеличение норм сбора ясака пушниной с аборигенного населения приводило к сокращению скота у якутов, так как его поголовье стало мерилom обеспеченности их хозяйств, которые платили больший ясак. О.В. Ионова в доказательство данного тезиса приводит выдержку из следующего документа: «Откураев брат Юсюк Тынинин был с братом своим Откураем вместе за одним его Откураевым ясачным платежом, а имени де его с собою Откурай в ясачный плате не писал, а ныне де он от брата своего Откурая отошел, скот свой себе против того ясачного платежу взял и живет себе, государев ясак платит свой платеж» [8, с. 41]. Сокращение численности якутских хозяйств, владеющих скотом, проходило в 1640-х годах, что подтвердилось переписью якутского взрослого мужского населения «с учетом семейного и имущественного положения», осуществленного первыми воеводами П.П. Головиным и М.Б. Глебовым в 1642 г. [8, с. 42-43]. Якутские воеводы получили результаты, свидетельствующие об увеличении числа «малоскотных» якутов, что снижало объемы ясачного сбора при переходе к индивидуальной системе обложения коренных народов.

Выводы. Скотоводческо-сенокосный способ ведения хозяйства у служилых людей XVII в. носил ограниченный временной и имущественный характер. В первые годы успешного проникновения русских служилых людей на земли, где издавна жили различные родоплеменные группы местных народов, они получили неограниченный доступ к источникам приращения не только государственной казны, но и собственного благосостояния. Оно формировалось в том числе и за счет изъятия пушнины сверх положенного объема, добытого обманными способами, запрещенными в царских наказах воеводам и атаманам, ценой неравноценного обмена товарами, с захватом аманатов, присвоении «погромного скота» и т.д.

Сформировавшееся 40-х годах XVII в. за счет своевольного присвоения якутскими воеводами и начальниками «погромного скота», в Якутском уезде сложилось воеводское скотоводческое хозяйство, просуществовавшее до конца 1690-х

годов, когда правительственными указами были запрещены любые способы «чинить неудобства» местным жителям, которые мешали эффективному сбору государева ясака.

Рядовые казаки к тому времени сами оказались в ситуации «оскудения» из-за недостатка и нерегулярных поставок в Якутский уезд денежного жалования и хлебного довольствия, в результате чего они влачили жалкое существование («оголели»), а то и попадали в ростовщическую кабалу к своим же воеводам, выдававшим («одолжали») им со своим приварком «вперед», «на прокорм», в счет будущего жалования мясо и хлеб. Интерес воевод, являвшихся владельцами «погромного скота» и пускавших часть в забой, состоял в том, чтобы выдать обедневшим казакам мясо «в кабалу» с условием обязательной оплаты его соболями, добытыми при сборе ясака.

Случаи содержания казаками работников из числа обедневших якутов («скотников», «коровников», «дворовых работников»), а также передача в хозяйства якутов казачьего скота «для пастьбы» и «на содержание» не говорят о том, что данный способ ведения скотоводческо-сенокосного хозяйства у служилых людей носил массовый характер. Использование в хозяйствах «наймитов» было распространено и среди казаков Западной Сибири.

Тем не менее процесс создания скотоводческо-сенокосного хозяйства у служилых людей в условиях Якутии XVII в., основанный на силовом отъеме скота у аборигенных народов, трудно назвать одним из «прогрессивных результатов» или «одним из связующих начал в возникновении и развитии экономических связей Якутии с более развитой в экономическом отношении Россией». Скорее всего, наблюдаемый способ ведения русскими служилыми людьми своего хозяйства в условиях ограниченных ресурсов, можно охарактеризовать как одну из форм их приспособления к внешним условиям в соответствии с апробированными местным населением традициями и навыками хозяйствования.

Развитие скотоводческо-сенокосного хозяйства у служилых людей Ленского края в XVII в. способствовало образованию беднейших и зажиточных слоев среди русского и местного населения, что в последующем явилось одним из факторов, приведших к формированию сословий и проявлению социальной дифференциации внутри различных групп якутского общества.

Список литературы

1. Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII– XIX в.). М.: Арт-Флекс, 2003. Т. 1. 447 с.
2. Гурвич И.С. Прогрессивное значение присоединения Якутии к Русскому государству. Якутск: Госиздат, 1952. 26 с.
3. Дополнение к Актам историческим. СПб., 1846. Т.2. С. 231-232.
4. Зуев А.С. Освоение и присвоение московским государством социально-политического пространства Сибири в конце XVI–XVII веке // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 8:

История. С. 61–72.

5. Зуев А.С. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI–начале XX века. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2011. 188 с.

6. Зуев А.С., Слугина В.А. Легитимация власти российского монарха над Сибирью и ее народами в конце XVI– начале XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 3. С. 340-352.

7. Иванов В.Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII в. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1966. 423 с.

8. Ионова О.В. Из истории якутского народа. Первая половина XVII века. Якутск: Гос. изд-во ЯАССР, 1945. 112 с.

9. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936. 294 с.

10. Лукьянчикова Л.В. О некоторых аспектах воеводского управления в России XVII в. // Аграрное и земельное право. 2020. № 1(181). С. 90.

11. Никитин Н.И. История казачества: аспекты научные и политические. Москва: Директ-Медиа, 2022. 488 с.

12. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск: Наука, 1988. 255 с.

13. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII–середине XIX в. М.: Наука, 1978. 258 с.

14. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М.: Наука, 1983. 127 с.

15. Софронеев П.С. О земельных отношениях якутов в первой половине XVIII в. // Из истории Якутии XVII– XVIII веков. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. С. 11–36.

16. Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области (с 1650 г. по 1800 г.). Якутск: Изд. Якутской областной ученой архивной комиссии, 1916. 308 с.

17. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII– начало XIX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 208 с.

18. Чертков А.С. Соборное уложение 1649 г. как источник правоприменительной практики приведения аборигенов азиатской Сибири "к шерти по их вере" // Клио. 2015. № 9 (105). С. 98-100.

19. Шерстова Л.И. Трансформация восприятия народов Сибири в историческом контексте русской колонизации XVII – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 157-165.

20. Шерстова Л.И. Трансформация хозяйства аборигенного населения Южной Сибири в XVII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1(9). С. 92-103.

21. Якутия в XVII веке: Очерки / Под ред. С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. 439 с.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF CATTLE-BREEDING AND HAYMAKING ECONOMY AMONG THE RUSSIAN SERVICE PEOPLE OF YAKUTIA IN THE 17TH CENTURY

The article examines the causes, nature and methods of development of cattle-breeding and haymaking economy among service people in the 17th century in the "sovereign's distant land on the great river Lena". According to the author of this concept, the Yakut historian V.N. Ivanov, the studied method of farming is "one of the indicators of the progressive historical significance of the entry of the Lena region into Russia". The objectives of this article are to examine the features of the socio-economic relations of Russian service people and the Yakuts, as well as to determine the time period of functioning of this type of farming. The author of the article considers the confiscation of "pogrom cattle" from the local population to be the main reason that led to the creation of large cattle-breeding farms among the Yakut voivodes, and substantiates the time limits of the existence of this type of farm among the service people of the Lena region - from the early 1640s to the end of the 1690s. These phenomena contributed to the launch of the processes of stratification among the Russian and indigenous population of the district. The author of the article characterizes the method of running the service people's farm, studied in the article, as one of the forms of adaptation of Russian people to external conditions in accordance with local traditions and skills of running a farm in conditions of limited resources.

Keywords: service people, Cossacks, governors, Yakut district, cattle breeding, hayfields, land use, tribute population, tribute, land plots

References

1. Dopolnenie k Aktam istoricheskim [Addition to the Historical Acts] (1846). Saint Petersburg, Vol, pp. 231-232. (In Russ)

2. Basharin G.P. (2003). Istoriya agrarnykh otnoshenii v Yakutii (XV–XVII– XIX v.) [History of agricultural relations in Yakutia (XV-XVII-XIX centuries)]. Moscow, Art-Flex Publ., Vol. 1, 447 p. (In Russ)

3. Kolonial'naya politika Moskovskogo gosudarstva v Yakutii XVII v. [Colonial policy of the Muscovite state in Yakutia in the 17th century] (1936). Leningrad, 294 p. (In Russ)

4. Chertkov A.S. (2015). Sobornoe ulozhenie 1649 g. kak istochnik pravoprimeritel'noi praktiki privedeniya aborigenov aziatskoi Sibiri "k sherti po ikh vere" [Cathedral Code of 1649 as a source of law

- enforcement practice of bringing the natives of Asian Siberia "to the wool according to their faith". *Clio*. No. 9 (105), pp. 98-100. (In Russ.)
5. Fedorov M.M. (1978). *Pravovoe polozhenie narodov Vostochnoi Sibiri (XVII– nachalo KhIKh v.)* [Legal status of the peoples of Eastern Siberia (XVII – early XIX centuries)]. Yakutsk: Kn. izd-vo Publ., 208 p. (In Russ.)
 6. Gurchich I.S. (1952). *Progressivnoe znachenie prisoedineniya Yakutii k Russkomu gosudarstvu* [The progressive significance of the accession of Yakutia to the Russian state]. Yakutsk: Gosizdat Publ., 26 p. (In Russ.)
 7. Ionova O.V. (1945). *Iz istorii yakutskogo naroda. Pervaya polovina XVII veka* [From the history of the Yakut people. First half of the 17th century]. Yakutsk: Gos. izd-vo YaASSR Publ., 112 p. (In Russ.)
 8. Ivanov V.N. (1966). *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya u yakutov. XVII v.* [Socio-economic relations among the Yakuts. XVII century]. Yakutsk: Yakut. kn. izdat-vo Publ., 423 p. (In Russ.)
 9. Lukyanchikova L.V. (2020). *O nekotorykh aspektakh voevodskogo upravleniya v Rossii XVII v.* [On some aspects of voivodeship administration in Russia in the 17th century]. *Agrarian and land law*. No. 1(181), p. 90. (In Russ.)
 10. Nikitin N.I. (1988). *Sluzhilye lyudi v Zapadnoi Sibiri XVII v.* [Service people in Western Siberia in the 17th century]. Novosibirsk: Nauka Publ., 255 p. (In Russ.)
 11. Nikitin N.I. (2022). *Istoriya kazachestva: aspekty nauchnye i politicheskie* [History of the Cossacks: scientific and political aspects]. Moscow: Direkt-Media Publ., 488 p. (In Russ.)
 12. Safronov F.G. (1978). *Russkie na severo-vostoke Azii v XVII–seredine KhIKh v.* [Russians in North-East Asia in the 17th - mid-19th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 258 p. (In Russ.)
 13. Sergeev O.I. (1983). *Kazachestvo na russkom Dal'nem Vostoke v XVII – XIX vv.* [Cossacks in the Russian Far East in the 17th – 19th centuries.]. Moscow: Nauka Publ., 127 p. (In Russ.)
 14. Sofroneev P.S. (1965). *O zemel'nykh otnosheniyakh yakutov v pervoi polovine XVIII v.* [On land relations of the Yakuts in the first half of the 18th century]. *From the history of Yakutia in the 17th–18th centuries*. Yakutsk: Yakut. book Publ., pp. 11–36. (In Russ.)
 15. Sherstova L.I. (2022). *Transformatsiya vospriyatiya narodov Sibiri v istoricheskom kontekste russkoi kolonizatsii XVII – nachala XX v.* [Transformation of the perception of the peoples of Siberia in the historical context of Russian colonization of the 17th – early 20th centuries]. *Bulletin of Tomsk State University. Story*. No. 76, pp. 157-165. (In Russ.)
 16. Sherstova L.I. (2010). *Transformatsiya khozyaistva aborigennogo naseleniya Yuzhnoi Sibiri v XVII–XIX vv.* [Transformation of the economy of the indigenous population of Southern Siberia in the 17th–19th centuries]. *Bulletin of Tomsk State University. Story*. No. 1(9), pp. 92-103. (In Russ.)
 17. Strel'ov E.D. (1916). *Akty arkhivov Yakutskoi oblasti (s 1650 g. po 1800 g.)* [Acts of the archives of the Yakut region (from 1650 to 1800)]. Yakutsk: Publ. Yakut Regional Scientific Archival Commission, 308 p. (In Russ.)
 18. *Yakutiya v XVII veke: Ocherki* [Yakutia in the 17th century: Essays] (1953). Pod red. S. V. Bakhrushina i S. A. Tokareva. Yakutsk: Yakut. kn. izd-vo Publ., 439 p. (In Russ.)
 19. Zuev A.S. (2013). *Osvoenie i prisvoenie moskovskim gosudarstvom sotsial'no-politicheskogo prostranstva Sibiri v kontse XVI–XVII veke* [Development and appropriation of the socio-political space of Siberia by the Moscow state at the end of the 16th - 17th centuries]. *Vestn. NSU. Series: History, philology*. Vol. 12, No. 8: History, pp. 61–72. (In Russ.)
 20. Zuev A.S. (2011). *Rossiiskoe gosudarstvo i narody Sibiri: kharakter i etapy vzaimootnoshenii vo vtoroi polovine XVI–nachale XX veka* [The Russian state and the peoples of Siberia: the nature and stages of relationships in the second half of the 16th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk. state univ. Publ., 188 p. (In Russ.)
 21. Zuev A.S., Slugina V.A. (2021). *Legitimatsiya vlasti rossiiskogo monarkha nad Sibir'yu i ee narodami v kontse XVI– nachale XVIII v.* [Legitimation of the power of the Russian monarch over Siberia and its peoples at the end of the 16th and beginning of the 18th centuries]. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: History of Russia*. Vol. 20, No. 3, pp. 340-352. (In Russ.)

Об авторе

Чертков Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Московского университета им. С.Ю. Витте (Россия), E-mail: alexchertkov@list.ru

Chertkov Alexey Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department, Moscow Witte University (Russia), E-mail: alexchertkov@list.ru

УДК 94(367) ББК63.3(4)

Шинаков Е.А., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Федосов А.В., ассистент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

СФЕНГ – НЕИЗВЕСТНЫЙ ЛЕТОПИСИ БРАТ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО? «УКРАИНСКИЕ» ВЕРСИИ¹

Статья посвящена важной проблеме, которая все еще вызывает дискуссии в научной среде, а именно – изучению состава правящей династии Древнерусского государства по данным имеющихся источников, а также возможности существования в X в. не только киевских Рюриковичей, но и других русских правящих родов, черниговских – в частности. Рассмотрение этих вопросов проводится на основе анализа дореволюционной, советской, российской и украинской, которой уделено особое внимание, историографии частного эпизода внешней политики Древней Руси, освещенного у византийских авторов Иоанна Скилицы и Георгия Кедрина участия неизвестного по древнерусским летописям Сфенга – «брата Владимира» – в византийском походе на Крым в 1016 г. Версии идентификации образа Сфенга, выдвинутые некоторыми украинскими, причем чаще не киевскими, а «провинциальными», учеными весьма разнообразны, оригинальны и отличаются от гипотезы, выдвинутой в свое время «патриархом» украинской исторической науки М. Грушевским. С другой стороны, эти гипотезы находят некоторые параллели в современной российской историографии по данной проблеме, что вряд ли удивительно, т.к. современные российская и украинская историографии имеют общие научные корни.

Ключевые слова: Древняя Русь, Сфенг, украинская историография, генеалогия, Скилица, Котляр, Шевченко, Филипчук.
DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-04-176-183

Введение. Проблемы, связанные с ранней историей Древней Руси, казалось бы, хорошо изучены в многочисленных работах как отечественных, так и зарубежных исследователей на материале летописей и археологии. Тем не менее, порой в источниках встречаются сведения, которые не укладываются в традиционную схему древнерусской истории, вызывая споры среди историков. Одним из таких сообщений является упоминание под 1016 г. византийским автором Иоанном Скилицей некоего Сфенга, являвшегося по его утверждению, «братом Владимира – зятя Василевса». Это место трактуется по-разному: одни ученые видят в Сфенге Мстислава Удалого, известного по древнерусским летописям, другие полагают, что это действительно был неизвестный летописям сын князя Владимира, третьи – что под именем Сфенга скрывается Сфенкел, известный по византийским источникам соратник Святослава во время походов на Византию, наконец, четвертые полагают, что никакого Сфенга не было вовсе. Об интерпретации данного сообщения украинскими учеными и пойдет речь в данной статье.

Объект и методы исследования. Объектом исследования являются концепции украинской историографии по вопросу о личности Сфенга. Его методологической основой стали принципы историзма, объективности и научности. Также, авторами применялись такие

специально-исторические методы как компаративистский, хронологический и другие.

Результаты и обсуждение. Среди ученых, которые достаточно подробно анализировали указанный эпизод древнерусско-византийской истории, который был описан у Скилицы и Кедрина (зима-весна 1016 г.), были и украинские авторы. Конечно, упоминали об этом эпизоде и некоторые российские, советские и эмигрантские авторы, но, пожалуй, наиболее оригинальные и, весьма возможно, верные мысли содержат некоторые из версий, выдвинутых в украинской историографии. Под последней мы в данном случае имеем в виду только работы до- и пост-советского периодов, ибо внутри СССР говорить о национальных школах русистики вряд ли правомерно. При этом одному из первых собственно украинских авторов – М. Грушевскому – принадлежит и самый, пожалуй, ранний (1905 г.) анализ событий 1016 г. При этом сам М. Грушевский и другие более ранние авторы ссылаются на Георгия Кедрина [34], чья хроника «Исторический Синописис» представляет собой сокращённый вариант работы Иоанна Скилицы. Более поздние историки ссылались уже непосредственно на труд самого Иоанна Скилицы (издание 1973 г.). «Василевс же, уйдя в Константинополь, в январе [1016 г.] посылает в Хазарию флот под командованием Монга, сына дуки Андроника Лида, и при содействии Сфенга, брата

© Шинаков Е.А., Федосов А.В.

© Shinakov E.A., Fedosov A.V.

¹ НИР выполнена при поддержке гранта РНФ №23-28-00281 «Украинская историография средневековой Руси в конце XX – начале XXI в.: концепции, истоки, тенденции».

Владимира – зятя Василевса, подчинил эту страну, т.к. ее архонт Георгий Цула был схвачен при первом нападении» [33, р.354-355].

М. Грушевский полагал, что войной в 1016 г. были «побеждены остатки Хазарской державы, Грекам помогал брат Владимира Σφεύγον», и было это уже после смерти Владимира, но до начала борьбы Святополка с Ярославом, и Сфенгос – не брат, а какой-то свояк Владимира [8, с.35].

Отметим, что примерно в это же время, но независимо от Грушевского, в том же ключе (осторожно) описал это событие и российский историк В.Г. Васильевский в работе «Шеститысячный русский корпус в Константинополе 988 года». Он отметил, что «родственник князя Владимира» содействовал покорению Византийцами Хазарии... был отправлен на помощь из Киева, либо сам пришел из какого-нибудь русского княжества». Далее он подчеркивает, что эти русские, в отличие от действовавших в 1016 г. в Болгарии и в 1019 г. в Италии, не входили «в состав домашних военных сил императора Византийского» [3, с.205].

Осторожное «родственник» и более конкретное «сваяк» в контексте не совсем точных сведений Скилицы о Сфенге являются практически идентичными понятиями. Мы приводим описание одних и тех же событий у украинского и российского историков, чтобы показать фактически общий исток в дальнейшем разошедшихся направлений исследования. В российской (в т. ч. советской) и зарубежной (как эмигрантской, так и англо-французской) историографии долгое время, до Г.Г. Литаврина [35], постулировалась только хазарская цель похода, а Г.В. Вернадский популяризировал отождествление Сфенга с Мстиславом Владимировичем Удалым¹, а за «каким-нибудь русским княжеством» стали видеть Тмутаракань (в написании того времени, сейчас принято «Тмуторокань») [4].

Из украинских авторов П.П. Толочко относится скептически к отождествлению Сфенга с Мстиславом, Н.Ф. Котляр, не упоминая специально эпизода со Сфенгом, считает Мстислава в начале 1016 г. князем (также наместником) уже не Тмутороканским, а Киевским, которого вызвал к себе и назначил на этот пост Владимир, лежа на смертном одре [15, с.139-140]. По мнению Н.Ф. Котляра, зимой 1016 г. Мстислав, готовясь к решительной битве с Борисом у Любеча, просто не мог отвлекаться на еще одно военное предприятие. Кроме того, Н. Ф. Котляр имплицитно высказывает мысль, что владетель Тмуторокани в принципе не мог оказать никакой помощи византийцам, ибо

этот город был не столицей княжества, а изолированным опорным пунктом Руси на Керченском проливе, с трудом удерживаемым ограниченными силами его наместников [16].

Если трактовка событий 1016 г. и личности Сфенга у многих российских и зарубежных ученых в целом была близка к предложенной основоположником украинской историографии М. Грушевским, отличаясь от нее, дополняя или уточняя только в деталях, то ряд украинских историков, археологов и лингвистов «провинциальных» научных центров предложили абсолютно оригинальные, не схожие с М. Грушевским, концепции. Одним из таких центров по изучению Древней Руси является Чернигов, вторым – Черновцы, где имеются свои сильные археолого-медиевистические школы. В Чернигове была постулирована и обоснована концепция об отдельной, параллельной, а то и альтернативной Рюриковичам, но также русской, скандинавской по происхождению, династии X – начала XI в.

Теория эта была создана к середине 1990-х гг. в основном Ю.Ю. Шевченко, на тот период – черниговским, позднее – петербургским археологом, историком, этнологом, при участии преподавателя Черниговского государственного педагогического института А.Н. Уманца и сотрудницы музея-заповедника Т.Г. Новик. Ее суть в контексте рассматриваемой в данной статье проблемы заключается в признании Сфенга последним представителем черниговской династии [19, с.100]. Династия была основана до 944 г. Хелгу под эгидой Хазарского каганата, ее представителями являлись упомянутые в договоре Игоря с греками Улеб и княжна Сфандра, а после разгрома каганата Святославом в 965/969 г. черниговская династия стала полностью суверенной [23, с.66]. В этническом плане члены династии, а, значит, и ее последний представитель Сфенг были скандинавами, но «породнившимися в восточных походах с ассирийскими и савирскими князьями» [19, с.99] Черниговская археолого-историческая школа имеет дореволюционные истоки, позднее, в 80-е гг. XX в. в Чернигове проводились общесоюзного масштаба научные семинары по древнерусской проблематике, в начале XXI – международные Шестовицкие полевые семинары. И, хотя черниговские ученые работали в тесном контакте не только с киевскими, но и российскими и скандинавскими археологами и историками, у них сохранялась и своя специфика – плодотворное взаимодополнение археологических и исторических материалов. Показателем авторитета черниговской археолого-исторической школы

¹ При этом Дж. Шепард считал антропоним «Сфенг» его скандинавским именем [32, р.200-201]. Только В.Т. Пашуто называет Сфенга «дядей Святополка», которого, возможно, поддержал Мстислав Тмутараканский [20, с.89], и А.В. Гадло видит в Сфенге «предводителя одного из наемных варяжских отрядов, который в Тмуторокани действовал независимо от Русского государства и его наместника [Мстислава – Е.Ш., А.Ф.]» [7, с.254].

явилась, в частности, международная конференция, посвященная 1100-летию первого упоминания Чернигова [25] и сборник ее материалов, включавший статьи не только черниговских и киевских, но и московских, петербургских, курских, брянских и канадских (статья М. Димника [31], косвенно посвященная также черниговской династии) ученых.

Концепция черниговских ученых не нашла отклик в Киеве, зато ее не только приняли, но и развили некоторые российские исследователи. Ссылается на нее В. Я. Петрухин, добавляя, что воеводой черниговских князей был Претич, упомянутые под 968 г. [21, с.227-229], а браки с «асийскими и савирскими княжнами» заменяет на «восприятие элементов степной хазарской культуры» [21, с.227].

Контент-анализ именника преамбул к договорам Олега и Игоря с греками позволил частично присоединиться к мнению этой группы² украинских ученых и Е.А. Шинакова. Единственное отличие – X-л -гв – глава походов на хазар, греков и. скорее всего, на Бердаа, у этого автора отождествляется с Улебом договора Игоря с греками, которые в связи с его отсутствием на Руси в момент подписания договора представляла его жена Сфандра (Ефанда) [28, с.167-168; 25, с.9-12].

Позднее для проверки соответствия формализованного образа Вещего Олега в ПВЛ была проведена его математическая корреляция с другими персонажами письменных и фольклорных источников, в т.ч. с X-л-гв, показавшая полное отсутствие положительной сопряженности ($k=0,12$) [27, с.103]. Данный факт «от обратного» косвенно подтверждает «черниговскую» гипотезу. При более «обширном» по количеству коррелируемых образов сравнения X-л-гв наибольший коэффициент сопряженности выявился с реконструируемым по описанию Ибн Мискавейха предводителем похода на Бердаа ($k=0,8$), но и с Улебом из договора связь хоть и не столь «сильная», но все же близкая к существенной ($k=0,45$) [27, с.174-175, 176. Табл. 3,4]. Данные математические, статистико-комбинаторные методы, хотя и с большей долей условности из-за разнородности и разной степени информативности источников, все же говорят в пользу «черниговской» гипотезы.

Абсолютно другая, но также отличная от основного («мстиславо»-тмутараканского) отождествления личности Сфенга, гипотеза была создана историком-лингвистом из Черновицкого университета О. Филипчуком. Он, пожалуй, единственный, кто приписывает инициативу посылки отряда Сфенга на помощь византийцам не

Владимиру, Мстиславу, Святополку или какому-то черниговскому князю, а Ярославу Владимировичу срезу после захвата последним Киева. Возглавивший отряд Сфенг был одним из тех варягов, которые пришли к Ярославу в Новгороде еще до получения этим князем известия о смерти Владимира.

О. Филипчук отождествляет Сфенга со Свейном (Свейном), ярлом Хладира, правителем Норвегии в 1000-1015 г., женатым на Хольмфрид, сестре Ингигерд, ставшей позднее женой Ярослава Мудрого [24, с.68-69]. Действительно, в «Обзоре саг о норвежских конунгах» говорится следующее: «Вскоре [после сражения при Несьяре и бегства «в Данмарк» - Е.Ш., А.Ф.] отправился Свейн на восток в Гарды и никогда больше не возвращался назад» [10, с.34]. Наиболее подробно и почти одинаково эпизод с отъездом Свейна в «Руссию» описан в «Легендарной саге об Олаве Святом» и «Красивой коже»: «Ярл Свейн отправился на юг в Данмарк, а оттуда на восток в Свитьод к Олаву, конунгу Свеев... Конунг Олав хорошо принял ярла и просил его остаться у него в Свитьод, но он хотел воевать летом в Аустррики, и так он и сделал. И когда наступила осень, он уже был на востоке в Кирияланде, отправился оттуда вверх в Гарды, опустошая страну, заболел там и умер» [16, с.51]. В «Отдельной саге об Олаве Святом» Снорри Стурлусона есть аргументы как «за», так и «против» гипотезы Филипчука. В качестве цели похода указывается добыча «себе добра», что соответствует участию в качестве наемника в небольшой карательной акции. Свейн располагал своим войском, что было немаловажно в условиях «занятости» самих сыновей Владимира междоусобными войнами. Противоречит гипотезе дата похода (январь), в «Саге» говорится, что «оставался он там [в Гардах – Е.Ш., А.Ф.] летом, а когда настала осень, повернул свое войско назад в Свитьод» [10, с.70-71]. Кроме того, вряд ли Скилица искажил имя «Свейн» на «Сфенг», ибо он знал и другого персонажа со схожим именем – Сфангела, «считавшегося у скифов вторым после Сфендослава» [26, с.125], оборонявшего Преслав и погибшего при Доростоле. Этот антропоним восходит не к Свейну, а к Сфенкелу, упомянутого Львом Диаконном явно того же полководца и при тех же обстоятельствах, правда, не «второго», а «третьего по достоинству после Сфендослава» [17, с.71]. В этом случае не так уж неправы могли быть М. Грушевский и В. Васильевский, а позднее В. Пашуто: Сфенкел/Сфангел мог быть родственником Святослава (старшим сыном, возможно незаконнорожденным, или мужем дочери), которого отец, в

² Есть и другие группы, в основном киевских ученых, которые считают, что самостоятельная династия (не Рюриковичи) в Чернигове была, но была ликвидирована еще во время походов Святослава на Восток в 60-е гг. X в. [13; 7]. В этом случае, естественно, и более поздний Сфенг никак не мог относиться к черниговской династии.

отличие от трех других сыновей, взял с собой в поход и на период своего отсутствия в Болгарии назначил наместником в Преславе. Если в 970 г. он был еще очень юным, то к 1016 г. мог сохранять дееспособность. Безусловный минус данной гипотезы – Сфенкел/Сфангел погибает в сражении под Доростолом, однако и здесь при большом желании можно допустить и не смерть, а византийское пленение, например. Однако с учетом явной реальности у Скилицы персонажа с именем Сфангел (восходящего к Сфенкелу), и для главы похода 1016 г. вряд ли возможна замена имени со «Свейна», а тем более Мстислава на «Сфенг». В любом случае, гипотеза черновицкого ученого представляется хоть и весьма «компаративистской» в источниковом плане, но все же гораздо менее реальной, чем черниговская версия. В Черновцах существует сильная археологическая школа (С. Пивоваров, И. Возный), основанная еще таким ученым с общесоюзным именем как Б.А. Тимошук. Однако последний «вышел» на уровень исторических обобщений археологических материалов уже не на Буковине, а в Киеве и Москве. Среди же немногочисленных работ исторического уровня его учеников можно отметить отчасти относящуюся к «нашей» теме археологическую в основе монографию И.П. Возного [5] и опубликованную им же в России статью [6]. Но О. Филипчук – даже не археолог.

Заключение (выводы). Итак, мы рассмотрели различные гипотезы, предложенные украинскими учеными по рассматриваемой проблеме, и, для сравнения, привели концепции некоторых российских ученых. Теперь осталось ответить на вопрос: чем могли быть навеяны гносеологически «черниговская» и «скандинавская» версии идентификации Сфенга? Для первой из них важной является ссылка на мнение патриарха украинской русистики М. Грушевского, высказанное им, когда он работал уже в СССР и был избран в академию наук Украины и СССР. Его работа о роли Чернигова была опубликована в Киеве [9]. Чернигов оценивается им как «гегемон всего Украинского Левобережья», а «старая Черниговщина» как «великий культурный резервуар украинской жизни на протяжении целого тысячелетия», имевший влияние не только на украинские, но и неукраинские земли. Обширные цитаты из его сочинения о «Чернигове и Северщине» использованы в итоговой работе по истории и археологии Чернигова, подготовленной членом-корреспондентом НАН Украины А. Моцей и его учеником, представителем черниговской школы, А. Казаковым [18, с.267-268]. Впрочем, нельзя отбрасывать и более «конспирологическую» гипотезу об отдельной черниговской династии, имеющей, впрочем, весомые археологические и не только,

доказательства, которая высказывалась в ходе наметившегося с 80-х годов XX в. соперничества черниговской и киевской школ русистики.

Давнюю историю имеет и постепенно нараставшее примерно с этого же периода мнение об особой роли скандинавов в потестарной истории Юга Руси. Косвенно эта тенденция прослеживается вначале 90-х годов, в работе киевского археолога В. Зоценко о локализации скандинавского хоронима «Хольмгардр». Ссылаясь в том числе на топонимические работы В. Роспонда и В. Нерознака, В. Зоценко утверждает, что первоначально этот хороним у [12, с.104-105] скандинавов применялся к Киеву, и лишь в XII в. был перенесен на Новгород Великий. В качестве археологических доказательств приоритета Киева и Среднего Поднепровья в целом приводятся «находки вещей скандинавского круга из Киева, Вышгорода, Ходосовки», датируемые IX–X вв. [2, с.123], при этом постулируется, что попали они сюда не по пути «из варяга в греки», а минуя Север Руси, по отдельному и более древнему неманско–березинскому пути [2]. В следующей работе В. Зоценко, совместной с А. Моцей, начало проникновения норманнов в Среднее Поднепровье отнесено уже к 800-839 гг. и увязывается с «консолидацией княжеской власти в рамках «Русской земли» - «Каганата» [13, с.1-2]. Дальше – больше. По мнению киевского исследователя О.В. Комара гибель Битицкого городища, опорного пункта Хазарского каганата в славянских землях, в конце VIII в. можно связать с «первым этапом проникновения норманнов в бассейн Десны» [140, с.103-104]. Впрочем, реального археологического подтверждения раннее проникновение норманнов на юг Руси не находит в работах тех же украинских ученых [11]. Роль скандинавов в становлении и развитии южной Руси как бы «закрепляется» участием в начале XXI в. в полевых семинарах в «лагере норманнов» в Шестовице под Черниговом не только ученых, но и представителей посольств трех скандинавских королевств.

И, хотя скандинавская атрибуция Сфенга 2016 г. родилась не в Чернигове, а в Черновцах, именно округа первого сейчас считается главным регионом присутствия викингов на Украине. Обе вышеописанные версии как бы сошлись в недавно опубликованном на английском языке сборнике «Век викингов в Чернигове» [30]. Он вышел под эгидой Центра «Византийский мир» во главе с К. Цукерманом и с предисловием Дж. Шепарда, однако в состав редколлегии из семи входят 4 представителей Киева, его ответственным редактором является С. Степаненко, издателями его считаются также региональный Черниговский исторический музей и Институт археологии НАН Украины, да и посвящен он памяти известного

киевского исследователя Г. Ивакина. Впрочем, поскольку сборник готовился до 2022 г., в состав редколлегии серии входят по одному представителю Москвы и Симферополя, а среди авторов – несколько россиян, причем не только из столиц. В заключении следует констатировать, что многие современные украинские версии идентификации Сфенга расходятся с предложенной М.

Грушевским, но имеют сторонников в том числе и в российской историографии. И речь идет прежде всего о «черниговской» версии идентификации Сфенга, как более обоснованный и соответствующий историческим реалиям, прежде всего реконструируемый на основе сочетания данных археологии и письменных источников, а также киево-черниговским отношениям X – начала XI в.

Список литературы

1. Андрощук Ф.А. (1995) Чернигов и Шестовица // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной Ф. М. Заверняеву. Под ред. В. П. Алексеева и др. Брянск, 1995. С.118-120.
2. Булкин В.А., Зоценко В.Н. (1990) Среднее Поднепровье и неманско–днепровский путь IX–XI вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко–археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Киев, 1990. С.117-123.
3. Васильевский В.Г. (1908) Труды. Т.1. СПб., 1908.
4. Вернадский Г.В. (1996) История России. Киевская Русь. Тверь; Москва, 1996. (по: Vernadsky J. Kievan Russia. New Haven; London, 1948).
5. Возний І.П. (2009) Історико-культурний розвиток населення межиріччя верхнього Сірету та середнього Дністра в X–XIV ст. Частина 2. Матеріальна, духовна культура та соціально–історичний розвиток. Київ-Чернівці, 2009. 592 с.
6. Возный И.П. (2012) Земли Пруто–Днестровского междуречья и Киевское государство в X в.: формирование государственной территории // Образование Русского государства в IX–XI вв. и его возрождение после «Смуты». Материалы Международной конференции, приуроченной к 1150-летию образования Древнерусского государства. Под ред. А.В. Антюхова, С.И. Михальченко, Е.А. Шинакова, А.А. Чубура. Брянск, 2012. С.18-23.
7. Гадло А.В. (2004) Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на северном Кавказе. СПб, 2004. 361 с.
8. Грушевський М. (1905) Історія України–Руси. 2-е изд. Т. II. (XI–XIII в.). Львів, 1905.
9. Грушевський М.С. (1928) Чернігів і Сіверщина в українській історії // Чернігів і північне Лівобережжя. Київ, 1928. С.101-119.
10. Джаксон Т.Н. (1994) Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М.: Ладомир, 1994. 256 с.
11. Зоценко В.М. (2004) Скандинавські артефакти Південно–Західної Русі // Стародавні Іскоростень і слов'янських гради VIII–X ст. Київ, 2004. С.87–105.
12. Зоценко В.П. (1993) «Хольмгардр» скандинавських саг та «стольний» град Русі // Старожитності Південної Русі. Матеріали III історико–археологічного семінару «Чернігів і його округа в IX–XIII ст.». Чернігів, 1993. С.101–105.
13. Зоценко В.П., Моця А.П. (1996) Среднее Поднепровье в системе прибалтийских связей конца I – первой половины II тыс. // «From Varangians to Greeks». Problem of cultural interaction in the Medieval world. Moscow, 1996. С.1-4.
14. Комар О.В. (2003) Про час і обставини прийняття титулу «хакан» правителем русів // Дружинні старожитності Центрально–Східної Європи VIII–X ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів–Шестовица, 17–20 липня 2003 р.). Гол. ред. П.П. Толочко. Чернігів: «Сіверянська думка», 2003. С.102-107.
15. Котляр Н.Я. (1999) Мстислав Тмутороканский и Ярослав Мудрый // Древнейшие государства Восточной Европы 1998 г. Отв. ред. Т. М. Калинина. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. С. 134-142.
16. Котляр Н.Ф. (2005) Тмутараканское княжество: реальность или историографический миф? // Древнейшие государства Восточной Европы 2003 год: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. Отв. ред. Т. Н. Джаксон. М.: «Восточная литература» РАН, 2005. С.107-118.
17. Лев Диакон. (1988) История. Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988.
18. Моця О., Казаков А. (2011) Давньоруський Чернігів. Київ, 2011. 315 с.
19. Новик Т.Г., Шевченко Ю.Ю. (1995) Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной Ф. М. Заверняеву. Под ред. В. П. Алексеева и др. Брянск, 1995. С. 96-100.
20. Пашуто В.Т. (2019) Внешняя политика Древней Руси. 2-е изд., испр. Отв. ред. Е. А.

Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2019.

21. Петрухин В.Я. (1999) Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы 1998 г. Отв. ред. Т. М. Калинина. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. С.222-229.

22. Скилица. (1988) О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия // Лев Диакон. История. Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988. С.121-133.

23. Уманец А.Н., Шевченко Ю.Ю. (1995) Эволюция Чернигова к X в. в контексте киевской государственности // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной Ф. М. Заверняеву. Под ред. В. П. Алексеева и др. Брянск, 1995. С.63-66.

24. Филипчук О. (2009) Перечитываючи Іоанна Скілицю: хто був Сфенг – брат Володимира Святого? // історична пакорама. Збірник наукових статей ЧНХ. Спеціальність «Історія». Чернівці: Рута, 2009. Вип. 8. С.58-70.

25. Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально–Східної Європи. (2007) Чернівці, 2007. 672 с.

26. Шинаков Е.А. (2003) За летописной строкой (еще одна идентификация Х-л-гу (H.L.GW)) // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. Отв. ред. С. И. Михальченко. Вып.5. Брянск: Издательство Брянского государственного университета, 2003. С. 9-11.

27. Шинаков Е.А. (2009) Образ Олега Вещего в контексте сопредельных литературно-фольклорных традиций (сравнительно-корреляционный анализ) // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 49: Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: материалы Международной конференции, состоявшейся 14-18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 101-106.

28. Шинаков Е.А. (2002) Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск: Издательство БГУ, 2002. 488 с.

29. Шинаков Е.А. У истоков Русской государственности. (2020) СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2020. 528 с.

30. A Viking Century Chernigiv Area from 900 to 1000 AD. (2020) Ed by S. Stepanenko. Paris, 2022.

31. Dimnik M. (2007) The Saints of the Chernigov Dynasty in Kievan Rus' // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально–Східної Європи. Чернівці, 2007. С.223 – 235.

32. Franklin S. Shepard J. (1996) The Emergence of Rus 750 – 1200. L.; N.-Y., 1996.

33. Ioannis Skylitzae Sinopsis Historiarum (1973) / Ed. J. Thurn // Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. V. Series Berlineasis. Berlin; New York, 1973.

34. Kedrenus (Cedrenus), Jeokgeus. (1838-1839) Historiarum Compendium. Ed. J. Bekker. Bonn, 1838-1839.

35. Litavrin J. J. (1965) A propos de Tmutorokan // Byzantion. 1965. T. 25. P. 221-234.

SFENGUS – AN UNKNOWN TO ANNALS BROTHER OF VLADIMIR THE SAINT? "UKRAINIAN" VERSIONS

The article is devoted to problems of structure of a ruling dynasty of the Ancient Russian state, possibility of existence in the tenth century not only the Rurikid, but also other Russian ruling clans, Chernigov's - in particular. Consideration of these questions is carried out on the basis of the analysis of the Ukrainian (and not only) historiography of a separate episode Ancient Rus's foreign policy, covered at the Byzantium authors John Skylitzes and George Kedrenos: participation of Sfengus, "brother of Vladimir" in the Byzantium campaign to Crimea in 1016. Versions of Sfengus's identification, put forward mainly by Chernigov and Bukovinian scholars are very diverse, original and, without repeating the hypothesis of the "patriarch" of the Ukrainian historical science M. Hrushevsky, find some parallels in modern Russian historiography on this problem.

Keywords: Ancient Rus', Sfengus, Ukrainian historiography, genealogy, Skylitzes, Kotlyar, Shevchenko, Filipchuk

References

1. Androshchuk F.A. (1995) Chernigov i Shestovitsa [Chernigov and Shestovitsa] // Desninskie drevnosti. Materialy mezhgosudarstvennoi nauchnoi konferentsii «Istoriia i arkheologiiia Podesen'ia», posviashchennoi F. M. Zaverniaevu. Pod red. V. P. Alekseeva i dr. Briansk, 1995. S.118-120.

2. Bulkin V.A., Zotsenko V.N. (1990) Srednee Podneprov'e i nemansko–dneprovskii put' IX-XI vv. [The Middle Dnieper region and the Neman-Dniester route of the IX-XI centuries] // Problemy arkheologii iuzhnoi Rusi. Materialy istoriko–arkheologicheskogo seminaru «Chernigov i ego okrug v IX - XIIIvv.». Kiev, 1990. S.117–123.

3. Vasil'evskii V.G. (1908) Trudy [The Works]. T.1. SPb., 1908.

4. Vernadskii G. V. (1996) Istoriia Rossii. Kievskaiia Rus' [History of Russia. Kevan Rus']. Tver'; Moskva, 1996. (po: Vernadsky J. Kievan Russia. New Haven; London, 1948).

5. Voznii I.P. (2009) Istoriko-kul'turnii rozvitok naselennia mezhirichchia verkh'nogo Siretu ta sere'dn'ogo Dnistra v X–XIV st. [Historical and cultural development of the population in the interfluvium of the Upper Seret and Middle Dniester in X–XIV centuries]. Chastina 2. Material'na, dukhovna kul'tura ta sotsial'no–istorichnii rozvitok. Kiiv-Chernivtsi, 2009. 592 s.
6. Voznyi I.P. (2012) Zemli Pruto–Dnestrovskogo mezhdurech'ia i Kievskoe gosudarstvo v X v.: formirovanie gosudarstvennoi territorii [The lands of the Prut-Dniester interfluvium and the Kievan state in the X century: emergence of the state territory] // Obrazovanie Russkogo gosudarstva v IX–XI vv. i ego vozrozhdenie posle «Smuty». Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, priurochennoi k 1150-letiiu obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva. Pod red. A.V. Antiukhova, S.I. Mikhal'chenko, E.A. Shinakova, A.A. Chubura. Briansk, 2012. S.18–23.
7. Gadlo A.V. (2004) Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo kniazheniia na severnom Kavkaze [Pre-history of the Azov Rus'. Essays on the Russian principality on the Northern Caucasus]. SPb, 2004. 361 s.
8. Grushevs'kii M. (1905) Istoriiia Ukrainy–Rusi [History of Ukraine–Russia]. 2-e izd. T. II. (XI–XIII v.). L'viv, 1905.
9. Grushevs'kii M.S. (1928) Chernigiv i Sivershchina v ukrains'kii istorii [Chernigov and Shestovitsa in the Ukrainian history] // Chernigiv i pivnichne Livoberezhzhia. Kiiv, 1928. S.101–119.
10. Dzhakson T.N. (1994) Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope (pervaia tret' XI v.) [Icelandic royal sagas on Eastern Europe (the first of the XI century)]. M.: Ladimir, 1994. 256 s.
11. Zotsenko V.M. (2004) Skandinavski artefakti Pivdenno–Zakhidnoi Rusi [Scandinavian artifacts of South-West Rus'] // Starodavnii Iskorosten' i slov'ia'skikh gradi VIII–X st. Kiiv, 2004. S.87 – 105.
12. Zotsenko V.P. (1993) «Kholmgard» skandinavskikh sag ta «stol'nii» grad Rusi [Holmgard of the Scandinavian sagas and the “capital” city of Rus'] // Starozhitnosti Pivdennoi Rusi. Materiali III istoriko–arkheologichnogo seminaru «Chernigiv i iogo okrug v IX–XIII st.». Chernigiv, 1993. S.101–105.
13. Zotsenko V.P., Motsia A.P. (1996) Srednee Podneprov'e v sisteme pribaltiiskikh svyazi kontsa I – pervoi poloviny II tys. [The Middle Dnieper region within the system of Baltic connections in the end of the I – the first half of the II millennium] // “From Varangians to Greeks”. Problem of cultural interaction in the Medieval world. Moscow, 1996. S.1–4.
14. Komar O.V. (2003) Pro chas i obstavini priiniattia titulu «khakan» pravitelem rusiv // Druzhinni starozhitnosti Tsentral'no–Skhidnoi Evropi VIII–X st. [On the time and circumstances of the acceptance of the title “khagan” by the ruler of the Rus']. Materiali Mizhnarodnogo pol'ovogo arkheologichnogo seminaru (Chernigiv–Shestovitsia, 17–20 lipnia 2003 r.). Gol. red. P.P. Tolochko. Chernigiv: «Siverians'ka dumka», 2003. S.102–107.
15. Kotliar N.Ia. (1999) Mstislav Tmutarokanskii i Iaroslav Mudryi [Mstislav of Tmutarakan' and Iaroslav the Wise] // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropi 1998 g. Otv. red. T. M. Kalinina. M.: «Vostochnaia literatura» RAN, 1999. S.134–142.
16. Kotliar N.F. (2005) Tmutarokanskoe kniazhestvo: real'nost' ili istoriograficheskii mif? [The Tmutarakan Principality: reality or historiographic myth?] // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropi 2003 god: Mnime real'nosti v antichnykh i srednevekovykh tekstakh. Otv. red. T. N. Dzhakson. M.: «Vostochnaia literatura» RAN, 2005. S.107–118.
17. Lev Diakon. (1988) Istoriiia [History]. Otv. red. G.G. Litavrin. M., 1988.
18. Motsia O., Kazakov A. (2011) Davn'orus'kii Cheringiv [Ancient Russian Chernigov]. Kiiv, 2011. 315s.
19. Novik T. G., Shevchenko Iu.Iu. (1995) Kniazheskaia dinastiia Chernigova i kievskie Riurikovichi [The princely dynasty of Chernigov and the Rurikids of Kiev] // Desninskie drevnosti. Materialy mezhgosudarstvennoi nauchnoi konferentsii «Istoriiia i arkheologiiia Podesen'ia», posviashchennoi F. M. Zaverniaevu. Pod red. V. P. Alekseeva i dr. Briansk, 1995. S.96–100.
20. Pashuto V.T. (2019) Vneshniaia politika Drevnei Rusi [Foreign policy of Kievan Rus']. 2-e izd., ispr. Otv. red. E. A. Mel'nikova. M.: IVI RAN, 2019.
21. Petrukhin V.Ia. (1999) Kniaz' Oleg, Khelgu Kembridzhskogo dokumenta i russkii kniazheskii rod [Prince Oleg, Helgu of the Cambridge document and the Russian princely kin] // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropi 1998 g. Otv. red. T. M. Kalinina. M.: «Vostochnaia literatura» RAN, 1999. S. 222–229.
22. Skilitsa. (1998) O voine s Rus'iu imperatorov Nikifora Foki i Ioanna Tsimiskhiia [On the war of the Emperors Nicephoros Phokas and John Tzimiskes with the Rus'] // Lev Diakon. Istoriiia. Otv. red. G.G. Litavrin. M., 1988. S.121–133.
23. Umanets A.N., Shevchenko Iu.Iu. (1995) Evoliutsiia Chernigova k X v. v kontekste kievskoi gosudarstvennosti [The evolution of Chernigov by the X century in the context of the Kievan statehood] // Desninskie drevnosti. Materialy mezhgosudarstvennoi nauchnoi konferentsii «Istoriiia i arkheologiiia Podesen'ia», posviashchennoi F. M. Zaverniaevu. Pod red. V. P. Alekseeva i dr. Briansk, 1995. S. 63–66.
24. Filipchuk O. (2009) Perechityvaiuchi Ioanna Skilitsiu: kto buv Sfeng – brat Volodimira Sviatogo? [Re-reading John Skylitzes: who was Sfengus – the brother of Vladimir the Saint?] // istorichna pakorama.

Zbirnik naukovikh statei ChNKh. Spetsial'nist' «Istoriia». Chernivtsi: Ruta, 2009. Vip. 8. S. 58-70.

25. Chernigiv u seredn'ovichnii ta rannemodernii istorii Tsentral'no-Skhidnoi Evropi (2007) [Chernigov in the Middle Ages and Early Modern history of the Central and Eastern Europe]. Chernigiv, 2007. 672s.

26. Shinakov E.A. (2003) Za letopisnoi strokoi (eshche odna identifikatsiia Kh-l-gu (H.L.GW)) [Behind the annals line (once again on the identity of Kh-l-gu (H.L.GW))] // Problemy slavianovedeniia: Sb. nauchnykh statei i materialov. Otv. red. S. I. Mikhal'chenko. Vyp.5. Briansk: Izdatel'stvo Brianskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. S. 9-11.

27. Shinakov E.A. (2009) Obraz Olega Veshchego v kontekste sopredel'nykh literaturno-fol'klornykh traditsii (sravnitel'no-korreliatsionnyi analiz) [Image of Prophetic Oleg in the context of the bordering literature and folklore traditions (comparative analysis)] // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: [T.] 49: Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, sostoiavsheisia 14-18 maia 2007 goda v Gosudarstvennom Ermitazhe / Gosudarstvennyi Ermitazh. – SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2009. S. 101-106.

28. Shinakov E.A. (2002) Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva: Sravnitel'no-istoricheskii aspekt [The emergence of the Old Russian state: comparative and historical aspects]. Briansk: Izdatel'stvo BGU, 2002. 488 s.

29. Shinakov E.A. (2020) U istokov Russkoi gosudarstvennosti [The well-spring of the Russian statehood]. SPb.: «Izdatel'stvo Olega Abyshko», 2020. 528 s.

30. A Viking Century Chernigiv Area from 900 to 1000 AD. (2022) Ed by S. Stepanenko. Paris, 2022.

31. Dimnik M. (2007) The Saints of the Chernigov Dynasty in Kievan Rus' // Chernigiv u seredn'ovichnii ta rannemodernii istorii Tsentral'no-Skhidnoi Evropi. Chernigiv, 2007. C.223-235.

32. Franklin S. Shepard J. (1996) The Emergence of Rus 750 – 1200. L.; N.-Y., 1996.

33. Ioannis Skylitzae Synopsis Historiarum (1973) / Ed. J. Thurn // Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. V. Series Berlineasis. Berlin; New York, 1973.

34. Kedrenus (Cedrenus), Jeokgeus. (1838-1839) Historiarum Compentium. Ed. J. Bekker. Bonn, 1838-1839

35. Litavrin J. J. (1965) A propos de Tmutorokan // Byzantion. 1965. T. 25. P. 221-234.

Об авторах

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия), E-mail: shinakov@mail.ru

Федосов Андрей Владимирович – ассистент факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: fedosov-andrey@yandex.ru

Shinakov Evgeny Alexandrovich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: shinakov@mail.ru

Fedosov Andrey Vladimirovich – Assistant of the Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, E-mail: fedosov-andrey@yandex.ru

Янкович П.В., младший научный сотрудник, Смоленский государственный университет (Россия)

ТРУД ЗАКЛЮЧЕННЫХ НА ВНУТРЕННИХ РАБОТАХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СМОЛЕНСКОЙ, БРЯНСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В 1920-Е ГОДЫ

В статье подробно рассматривается трудовая деятельность заключенных на внутренних работах в учреждениях исполнения наказаний, которые находились на территории Смоленской, Брянской и Орловской губерний в 1920-е годы. Особое внимание уделено основным видам работ, в которых были заняты осуждённые, а также условиям труда и уровню производительности. Этот исторический период представляет собой важный этап в развитии пенитенциарной системы России и может быть интересен для изучения на современном этапе, когда система исполнения наказаний претерпевает значительные изменения и реформы. В 1920-х годах в нашей стране происходили радикальные реформы в пенитенциарной сфере, которые были направлены на улучшение условий содержания заключенных и оптимизацию их трудовой деятельности. На тот момент это были передовые идеи не только для России, но и для всей Европы. Советская власть в изучаемый период начала формировать новую пенитенциарную политику, основанную на принципе исправительно-трудового функционирования учреждений исполнения наказаний. Этот процесс реформирования и смены парадигмы в деятельности данных учреждений является уникальным опытом в отечественной истории и может служить полезным ориентиром для современных преобразований российской пенитенциарной системы и её дальнейшего развития.

Ключевые слова: труд заключенных, система исполнения наказаний, пенитенциарная система, РСФСР.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-184-191

Введение. Вопросы, так или иначе связанные с трудом заключённых, всегда рассматривались в работах по изучению пенитенциарной системы. Значительная активность в обсуждении вопросов принудительного труда заключенных проявилась уже в 1930-е годы. В результате учёными и пенитенциаристами была сформирована своего рода консолидированная точка зрения, заключающаяся в оценке характера труда в местах лишения свободы как ничем не отличающегося от труда миллионов обычных граждан СССР. При этом в отличие от «принудительного рабского труда заключенных» в «буржуазных тюрьмах» подчеркивалась необходимость постепенного осуществления перехода к исправительным учреждениям, направленным на воспитание [11, с. 73]. В советский период по причине закрытости мест лишения свободы большинство исследований были посвящены преимущественно функционированию системы исправления наказания в целом, без детализации проблемы. На современном этапе изучения истории отечественной пенитенциарной системы начала XX века ученые характеризуют принудительный труд, используемый в лагерях, как неэффективный, затратный и даже нередко бесполезный по причине незавершенности многих объектов.

Объекты и методы исследования. В настоящей работе объектом исследования выступает трудовая деятельность заключенных в местах лишения свободы в Советской России в 1920-х годах на территориях Смоленской, Брянской и Орловской губерний. В ходе исследовательской работы использовались материалы одного центрального

архива (Государственный архив Российской Федерации) и трех региональных (Смоленской, Брянской и Орловской областей). Методы работы с архивным источником, безусловно, стали основными в данном исследовании, особенно в части демонстрации условий труда и видов производимой продукции заключенными. Статистический метод используется для сопоставления однотипных статистических показателей в изучаемых регионах и помогает сформировать общее представление о процессах, происходивших в местах лишения свободы. Нарративный метод при помощи архивных материалов помогает сформировать полную картину об исправительных учреждениях изучаемого периода. Сравнительный метод позволил сопоставить условия труда и быта заключенных в изучаемых губерниях.

Результаты и их обсуждение. По мере развития общества основным способом воздействия на заключенных становится трудовая деятельность, главной задачей которой являлось приучение арестантов к труду и зарабатыванию денежных средств честным путем, предоставление им возможности овладеть какими-либо профессиональными навыками. Это было необходимо для того, чтобы по отбытию наказания они могли легче адаптироваться к жизни за пределами исправительного учреждения. В результате должно было уменьшиться количество рецидивов. В советский период привлечение заключенных к трудовой деятельности являлось основным направлением в процессе их исправления, для реализации которого необходимо было организовать различные виды производства.

Воспитательно-исправительное значение труда заключенных нашло отражение в «Положении об общих местах заключения РСФСР» от 15 ноября 1920 года, где перед учреждениями исполнения наказаний ставилась задача «приучить и приохотить» к труду заключенных, дать им возможность при выходе на свободу жить трудовой жизнью. При этом труд являлся обязательным для любого гражданина РСФСР, в том числе и для лишенных свободы, отбывавших наказание по приговору суда. Подследственным предлагалось по своему усмотрению выбрать, какой работой заниматься из перечня имевшихся возможностей в месте лишения свободы [9, с. 74].

Все работы для заключенных делились на две категории: внутренние и внешние. Внутренние, в свою очередь, подразделялись на хозяйственные и на работу в мастерских. Труд в мастерских был направлен на удовлетворение внутренних потребностей самого исправительного учреждения, других тюрем и государственных органов. Заказы от Центрального карательного отдела для удовлетворения нужд других госучреждений республики должны были выполняться в первую очередь. Руководство организовывало производство, при работе на которых заключенные могли получить знания и приобрести навыки, полезные им после освобождения.

При организации работ в исправительных учреждениях обязательно учитывалась необходимость в их продукции в конкретно взятой местности для обеспечения потребности местного населения. Работа мастерских предполагала обязательное осуществление надзора и контроля на производстве. С целью наладить эффективную работу на местах Центральный карательный отдел РСФСР в январе 1920 года издал рекомендации по улучшению трудовой деятельности в местах заключения [5, д. 12, л. 99]. Так, если в учреждении не было возможности установить оборудование и станки в мастерские (слесарно-кузнечные, столярные, швейные, сапожные и другие), то следовало вводить кустарное производство по актуальным для каждой местности направлениям [5, д. 12, л. 99].

Рассмотрим степень реализации центральных предписаний и рекомендаций на примере организации внутренних работ в отдельных исправительно-трудовых учреждениях Смоленской, Брянской и Орловской губерний.

На 1 декабря 1927 года всего на Смоленщине было «оборудовано» 2366 штатных мест для лиц, лишенных свободы, при этом реальная численность арестантов составляла 3873 человека. 57% всех заключенных были сосредоточены в Смоленском изоляторе специального назначения и Смоленском губернском доме заключения. Их переполненность составляла 39 и 33%

соответственно [6, д. 39, л. 12].

Самым крупным учреждением пенитенциарной системы на Смоленщине являлся Смоленский губернский дом заключения, но ситуация в материально-технической базе с приходом советской власти не сильно изменилась. Решение о постройке здания для губернской тюрьмы было принято еще в 1849 году, к реальным строительным работам приступили только в 1857 году. Итогово здание тюрьмы будет построено на перекрестке Витебского шоссе и современной улицы 12 лет Октября в ноябре 1859 года. После революции Смоленская губернская тюрьма сохранила свои функции. Большая часть персонала осталась на своих местах, весь комплекс тюремных зданий был сохранен, хотя и вынужден существовать, как и все другие исправительные учреждения губернии, в условиях плохого финансирования. Если 1 июля 1921 года в Смоленском доме заключения содержалось 487 человек, то уже в начале 1923 года их насчитывалось уже от 600 до 730 человек. С 1923 по 1927 год только дважды зафиксированы периоды, когда данное исправительное учреждение не было переполнено. Максимальное количество заключенных в указанных временных рамках отмечено в ноябре 1926 года – 1129 человек: 160 следственных, 728 срочных, 156 пересыльных, 74 кассационных, 11 детей при матерях. Примерно с начала 1926 года срочных заключенных становится больше, чем следственных [7, д. 10, л. 8; 7, д. 14, л. 2; 7, д. 18(1924), л. 6, 255, 297; 7, д. 18(1925), л. 42; 7, д. 22, л. 2; 4, д. 2, л. 120–124].

В 1920 году в имевшихся мастерских Смоленского губернского дома заключения были предусмотрены возможности для работы 2 кузнецов, 4 плотников, 2 слесарей, 7 портных и сапожников [10, л. 297–297 об.]. В начале 1921 года на территории домзака в общей сложности в мастерских было занято уже 26 человек, работали сапожная, столярная, портняжная и шапочная, лапотная, жестяная и слесарная, печатная мастерские и кузница [11, л. 27]. Отдельно для женского труда были открыты белошвейная, портняжная, вышивальная и чулочные мастерские. С этого момента производственная деятельность, реализуемая в домзаке с использованием труда заключенных, стала неуклонно расти. К лету 1921 года численность занятых на таких работах увеличилась до 303, при этом общая численность заключенных на тот момент составляла 427 человек [11, л. 27].

В мастерских был разнообразный ассортимент производимой продукции. Сапожники изготавливали мужскую, женскую и детскую обувь. Здесь шили пальто, шубы, шинели, френчи, пиджаки, гимнастерки, брюки, рубахи, кальсоны и одежду для самих заключенных. Столяры делали столы и табуретки, оконные рамы, шкафы и

комоды, лари, ящики, бочки, колеса и экипажи и многое другое. В кузнечной мастерской осуществляли оковку телег, бочек, ковку лошадей, производили строительные и другие инструменты. Хлебопекарня давала продукцию не только для исправительного учреждения, но и на продажу [11, л. 57-58].

В то же время оставалось очевидным, что вся производимая работа относилась к низкоквалифицированной, а механизация труда, по сути, отсутствовала. Такая организация производства вряд ли могла существенно улучшить материальное положение исправительного учреждения. К тому же ситуация осложнялась спецификой работы в таких учреждениях: происходила постоянная смена заключенных; как только осужденный приобретал хорошие навыки, подходил конец срока отбывания наказания.

Согласно финансовому отчету за 1924–1925 год основная проблема развития внутренних работ в Смоленском домзаке заключалась в недофинансировании и нехватке площадей для развития производства. На слесарную мастерскую отводилось 7 кв. саж. (1 сажень = 2,13 метра), на слесарно-плотницкую – 13,53 кв. саж., на сапожную – 13,32 кв. саж., на портняжную 10,09 кв. сажень. Кузница занимала отдельное каменное здание [10, л. 1]. В дальнейшем столярная мастерская будет расширена до 22 кв. саж., в основном за счет площади, выделенной под сапожников. Под слесарную мастерскую вообще использовалась часть жилых камер. Причем принятые меры не решали проблему санитарных условий в мастерских: «помещения тесны, сыры и в отношении самых элементарных требований гигиены труда оставляют желать лучшего» [10, л. 1].

Из-за тех же причин нехватки средств помещения, принадлежащие местам заключения, иногда сдавались в аренду гражданским лицам для ведения частного бизнеса. Так, в марте 1925 года Смоленский изолятор сдал в аренду во временное пользование кожевенную мастерскую гражданину Нейману со всем имеющимся в ней оборудованием и инвентарем сроком на 4 года. В договоре указывались цели аренды и количество производимых кож: в первый год – 1500 шт., во второй год – 2500 шт., в третий год – 4000 шт., в четвертый год – 6000 шт. Арендатор обязывался использовать труд заключенных и выплачивать им жалование за проделанную работу в соответствии с законодательством, производить за свой счет ремонт в помещении. Арендная плата за месяц в натуральном выражении составляла 10 фунтов кожи [10, л. 367–369].

В других исследуемых регионах ситуация с внутренними работами заключенных складывалась по-разному. Так, в Орловской губернии, согласно отчету за 1923–1924 финансовый год, в

уездных местах заключения имелись «кое-какие мастерские», но далеко не в каждом. Они, как правило, работали на внутренние потребности исправительного учреждения. Всего по губернии за отчетный период было заработано 3842 рубля [2, д. 105, л. 1]. На этом фоне выделялся Орловский изолятор специального назначения, в котором действовало 8 мастерских. Но в то же время все здания изолятора требовали капитального ремонта. В 1925 году комиссия фиксировала следующее состояние изолятора: требовала перетирки и побелки внутренняя штукатурка стен, не менее половины деревянных полов необходимо было перестилать и красить, в большинстве окон отсутствовали зимние переплеты, требовалась перекладка большей части печей, почти не работали внутренний водопровод и канализация [2, д. 105, л. 14]. Но, если по смете в 1923–1924 году на ремонт Орловского изолятора требовалось 174 000 рублей, выделено было лишь 14 700 рублей, а на 1925 год предполагалось отпустить еще 6900 рублей [2, д. 180, л. 14].

В марте 1924 года в изоляторе количество работающих в мастерских заключенных было следующим: столярная – 8 человек, бондарная – 2 человека, токарная по дереву – 2 человека, слесарная – 5 человек, жестяная – 5 человек, кузнечная – 2 человека, токарная по металлу – 1 человек, портновская – 10 человек, сапожная – 12 человек, ткацкая – на момент написания отчета не было рабочих, типография – 8 человек, переплетная – 5 человек, ремонтная – 10 человек. Общая численность заключенных, занятых на всех производствах, составляла около 90 человек [2, д. 105, л. 11]. При этом общая численность заключенных на 1 января 1924 года составляла 1058, из них: 214 срочных, 123 следственных, 21 пересыльных (*так в документе – П.Я.*). Прибыло заключенных с 1 января по ноябрь 1924 года: срочных – 1304, следственных – 1480, пересыльных – 1083. Убыло в тот же период: срочных – 1366, следственных – 1382, пересыльных – 1082. Состояние на 1 ноября 1924 года: срочных – 873, следственных – 221, пересыльных – 222 [2, д. 105, л. 43].

За 1923–1924 финансовый год столярной мастерской изолятора было изготовлено 45 столов, 89 табуреток, 12 сундуков, 57 скамей, 12 кроватей, 11 портсигаров, 8 кадок, 8 ушатов, 12 баков, 25 больших кадушек, 51 различная полка, 15 черпаков, 22 носилок, 2 лохани, 10 стеллажей, 8 плевательниц, отремонтировано 4 бочки, 7 столов, 6 лоханей, 40 кадок, 40 форточек, 11 стульев и «множество разной мелочевки». Слесарная мастерская дала 62 железных печи, 291 железную трубу, 194 ведра, 113 больших и 25 малых параш, 100 угольников, 62 самоварных трубы, 13 пар вьюшек, 11 фонарей, 11 ассенизационных

черпаков, 67 колен к трубам, 25 молотков, 25 секир. Кроме того, были отремонтированы 1 печатная машинка, 2 токарных станка по металлу, 2 токарных станка по дереву и 52 кровати.

Результат работы кузнечной мастерской: подковано 586 конских ног, отремонтировано 28 больших замков, 38 малых замков, 78 ключей к ним, 57 медных кувшинов, 58 медных тарелок, 32 медные миски, 25 самоваров, 32 железные печки и 26 различных баков, не считая различной мелкой работы.

Портновская мастерская изготовила 57 шинелей, 12 полушубков, 20 шуб, 22 пальто, 74 бушлата, 400 телогреек на вате, 1770 кальсон, 1010 брюк, 884 рубашки, 2 френча, 8 костюмов, 12 гимнастерок, 4 кепки и 2 женские юбки [2, д. 105, л. 1]. Ткацкая мастерская изготовила 1967 аршин (1 аршин = 0,71 метра) подкладочного холста. Сапожная мастерская пошила 83 пары мужских сапог, 45 пар дамских сапог, 15 пар дамских бот, 109 пар разной обуви, 11 пар дамских сандалий и починила 598 пар различной обуви. Типография отпечатала 2569 различных конторских книг, было переплетено и сброшюровано 2796 книг, 67060 тетрадей, изготовлено спичечных коробок 61500 штук [2, д. 105, л. 12].

В уездных местах заключения мастерские в указанный период в большинстве своем отсутствовали. Губернская инспекция главной причиной этого называла недостаточное финансирование. Изменений ситуации в лучшую сторону не предполагалось, поскольку Орловский губисполком вообще не включал такую статью расходов в смету бюджета на 1923–1924 финансовый год [2, д. 105, л. 12].

Среди местного населения Орловской губернии большой спрос имелся на кузнечные и плотницкие работы: ковку лошадей, починку повозок, оковку колес, починку сельскохозяйственного инвентаря и другие подобные работы. Всеми исправительными учреждениями были предприняты определенные действия с целью расширения количества внешних заказов. В первую очередь была произведена закупка необходимого инструмента и материалов, причем для некоторых мастерских были приобретены на 100% новые предметы оборудования. За 1923 год в некоторых исправительных учреждениях Орловской губернии удалось расширить производства: в слесарном, столярном, кузнечном, печатном. Расширение было настолько значительным, что перестало хватать квалифицированной рабочей силы, а общее количество рабочих увеличилось с 80 до 130 человек. Все восстановления и ремонт мастерских производились силами заключенных [2, д. 105, л. 36]. Уже в 1925 году инспекция мест заключения отмечала, что в Орловском изоляторе активно работала механически-слесарная мастерская, которая получила заказы на ремонт и

переделку весов у почтового округа. Помимо этого был получен заказ на производство болтов для плугов. Данное производство оценивалось как очень выгодное из-за неограниченных потребностей в изделиях. Но все упиралось в нехватку средств: для развития производства надо было закупить пресс для болтов и другие инструменты, однако отсутствие средств ограничивало работу ручным способом, что очень осложняло и задерживало производство [2, д. 180, л. 8].

Слесарная и жестяная мастерские изолятора обслуживали потребности преимущественно нужд мест заключений. В первой работало 29 человек, во второй – 4. Столярная мастерская с 19 работниками изготавливала сани, классные доски, топчаны, столы, скамейки. Кузнечная мастерская с персоналом в 7 человек производила полки, сани и ремонтировала ассенизационный обоз. Сапожная мастерская «несколько оживилась» после поступивших заказов на производство одежды и обуви [2, д. 180, л. 9].

Если в 1924 году в мастерских Орловского изолятора было занято около 90 человек, то уже в 1925 году расклад был такой: портновская – 14 человек, сапожная – 23 человека, столярная – 28 человек, слесарная – 27 человек, типография – 28 человек, коробочная – 13 человек, пакетная – 7 человек, папиросная – 22 человека, кузнечная – 6 человек, весовая – 6 человек, медно-жестяная – 7 человек, рабочих на капитальном ремонте – 27 человек, сельскохозяйственное отделение – 19 человек, ассенизационный обоз – 14 выездов. Кроме того, на поденных работах было занято 6 человек. Итого в трудовой деятельности было занято 247 человек [2, д. 289, л. 23]. При этом был большой поток заключенных. Прибыло заключенных с 1 января по ноябрь 1924 года: срочных – 1304, следственных – 1480, пересыльных – 1083. Убыло в тот же период: срочных – 1366, следственных – 1382, пересыльных – 1082. Состояние на 1 ноября 1924 года: срочных – 873, следственных – 221, пересыльных – 222 [2, д. 105, л. 43].

В Брянской губернии дела обстояли несколько иначе, чем в Орловской. В самом начале развернуть эффективную производственную работу исправительных учреждений не получалось по нескольким причинам: отсутствие постоянных работников в мастерских из-за текучести заключенных; нехватка денежных средств для развития производственной базы. Помимо этого, вплоть до 1922 года, имела место и постоянная сменяемость начальников мест заключения, каждый из которых предпринимал определенные попытки по налаживанию эффективной производственной работы, но всем им не хватало опыта и времени из-за краткосрочности пребывания в должности. Лишь в 1923 году с приходом более «стабильных»

и подготовленных руководителей «в тяжелых материальных условиях работа мастерских стала налаживаться» [1, д. 115, л. 70 об.].

Процесс организации мастерских, как и в соседних Смоленской и Орловской губерниях, проходил в обстановке дефицита денежных средств. Местный бюджет смог выделить только 30 000 советских знаков, в условиях гиперинфляции это были мизерные деньги. Ввиду этого руководители исправительных учреждений вынуждены были активно использовать внешние работы для изыскания денежных средств. Половина заработанных таким образом денег уходила на оборудование внутренних мастерских.

Основным был Брянский исправдом, рассчитанный на 475 мест. При этом в 1925 году была зафиксирована переполненность на 100%. Как следствие, ощущалась острая нехватка вещевого довольствия заключенных, становилось невозможным проведение должной санобработки, в результате чего возрастал риск вспышки эпидемиологических заболеваний. В распоряжении Брянского исправительного дома находились три сельскохозяйственные фермы: Мякишево, Морачева и Горферма. Мякишево примерно в 35 верстах, Морачева в 55 верстах от Брянска, Горферма находилась вблизи Брянска [2, д. 148, л. 4].

На территории Брянского исправдома работало несколько мастерских: кузнечная, столярная, слесарная, портняжная, сапожная, токарная по дереву и по металлу. Общая трудоемкость мастерских составляла около 70 заключенных. Кроме того, в своем подчинении Брянский исправдом имел два кирпичных завода: первый был ориентирован на производство строительного кирпича, второй производил гжельский кирпич. До 1922 года завод был в распоряжении губернской инспекции, так как исправдом в тот период был «слишком занят» тремя находившимися в его ведении сельскохозяйственными фермами. До 1923 года на нем работали в основном заключенные из концентрационного лагеря принудительных работ, который располагался в Брянске [1, д. 115, л. 70 об.].

На начало 1922 года первый кирпичный завод не имел машинной выработки сырца, и потому вручную было сделано лишь 9000 заготовок. На втором заводе были две очень ослабленные лошади и разбитый обоз. К концу года, после пяти лет простоя, на заводе было выработано 246 720 штук сырца, из которых получилось 232 035 штук строительного кирпича. Другие 11 185 штук были бракованные. Кроме того, за год, к 1923 году, завод был переоборудован и пополнен обоз: имелось семь лошадей, дроги на железном ходу и на деревянном ходу, две коломахи и одна двуколка для подвоза глины, двое саней, двое подсанок и ко всему обозу соответствующее число лошадей и

полный комплект упряжи. На приобретение мертвого инвентаря был потрачен 91 рубль, на живой – 462 рубля золотом, обоз обошелся в 204 рубля. Всего же на расходные материалы и оборудование было потрачено около 2490 рублей [1, д. 115, л. 71].

Дополнительно на 1923 год были запланированы следующие виды работ: постройка двух новых сараев, увеличение числа рельсовых линий, капитальный ремонт казарм для заключенных, установка деревянной ограды по периметру завода. Эти планы не удалось реализовать в полной мере ввиду постоянного движения контингента рабочей силы, так как заключенные постоянно менялись либо по причине окончания срока наказания, либо по причине амнистии, приходили новые. Поэтому ремонтные работы были перенесены на 1924–1925 годы.

Осложнялась работа кирпичного завода и трудностями с добычей глины, так как мощностей имеющегося 30-сильного мотора не хватало, а запасы доброкачественной глины постепенно истощались. В связи с этим удалось наработать только 246 720 штук сырца вместо запланированных 600 000. Однако руководство завода все же решило эту проблему и на замену старому мотору нашли другой, 50-сильный. Кроме того, открыли новый карьер для добычи глины [1, д. 115, л. 71 об.]. В таких условиях на 1924 год планировалось изготовить уже 700 000 сырца машинной выработки и 200 000 ручной, а обжечь 900 000 кирпича [1, д. 115, л. 71 об.].

Уже в отчете за 1924–1925 год губернская инспекция мест заключения фиксировала, что завод № 1 все еще работал преимущественно ручным способом, второй использовал примитивные машины на лошадиной силе. За указанный промежуток времени было произведено 481 750 штук строительного и 204 000 штук гжельского кирпича. Себестоимость строевого кирпича составляла 27 рублей за 1 тыс., гжельского – 25,5 рубля. Продажная цена была 35 и 38 рублей соответственно.

Материальная база кирпичных заводов постепенно модернизировалась. В середине 1920-х годов на заводе № 1 была возведена новая напольная печь для обжига кирпича вместимостью 46 тыс. штук, поставлен новый сарай и отремонтирован старый, построено жилое помещение и конюшня. На втором заводе были произведены отдельные ремонтные работы. Сбыт гжельского кирпича не задерживался, покупатели иногда даже ожидали выхода кирпича из обжига и записывались в очередь. На строительный кирпич спрос был небольшой и его сбыт задерживался. На момент написания отчета оставался запас в размере 250 тыс. штук. Ввиду такого спроса звучали рациональные предложения по расширению производственных мощностей на втором заводе,

но сделать это не получилось из-за недостатка денежных средств [1, д. 255, л. 4 об.].

Уже в 1924 году в Брянском губернском исправительном доме были организованы следующие мастерские: портновская, сапожная, слесарная, кузнечная, малярная, плотницкая. В августе заработала колбасная мастерская. Но, по оценке руководства исправительного учреждения, внутреннее производство нельзя было назвать удовлетворительным, так как организованы мастерские были кустарным способом и ни одна из них не была оборудована механическими машинами. Работы в первую очередь выполнялись по заказам губернского исправдома, а также для государственных учреждений, и только потом исполнялись частные заказы, но они были преимущественно мелкие [1, д. 255, л. 3]. От учреждений иногда поступали и крупные заказы, как, например, договор на изготовление 437 топчанов для военного ведомства или заказ от Госспирта на изготовление ящиков.

В части простого увеличения доходов благодаря обязательному привлечению заключенных к труду на базе создаваемых мастерских в 1924–1925 году Брянская губернская инспекция мест заключения отмечала положительную динамику по сравнению с предыдущим периодом. Деятельность всех мастерских оценивалась как удовлетворительная, за исключением таковых в Почепском доме заключения, который находился на стадии организации и еще не смог оборудовать мастерские. Не справлялся с поставленными задачами и Севский исправдом, где была сокращена должность инструктора по работе, производственные показатели упали. Системной оставалась и проблема с оплатой труда: ГИК и другие учреждения задерживали оплату счетов по выполненным заказам, отсюда происходили перебои в работе производств, поскольку не за что было приобретать материалы. Для решения этой проблемы предпринимались меры вплоть до уровня губисполкома [1, д. 255, л. 3].

Не способствовали развитию производственной деятельности учреждений исполнения наказаний в Брянской губернии и кадровые потрясения. В 1927 году были сняты с должностей начальник Брянского губернского исправдома, его помощник, отвечающий за рабочую часть, главный бухгалтер, инструктор и заведующий городским сельскохозяйственным отделением. Против последнего было возбуждено уголовное дело. В это же время Брянский исправдом окончательно «уходит в монопрофильность» – в сторону фабричного производства кирпича. Было изготовлено 630 тыс. штук кирпича, что составляло 80% от возможной производительности заводов. Дальнейший рост производства осложнялся

изношенностью оборудования [3, д. 301, л. 17]. Хотя, по утверждению руководства губернской инспекции, качество кирпича, выпускаемого на заводе при исправдоме, ничем не отличалось от других заводов Брянской губернии [3, д. 301, л. 18].

Средний заработок заключенного, занятого на производстве, по всей губернии составлял около 36 копеек в день. На кирпичных заводах оплата исчислялась исходя из разряда рабочего, в то время как в мастерских на оплату труда уходило от 20 до 60% заработанных средств. В 1926–1927 финансовом году на кирпичных заводах трудилось около 120 заключенных со средней оплатой труда 3 рубля 85 копеек в месяц. В мастерских Брянского губернского исправдома трудилось в среднем 70 человек. Зарплата значительно отличалась от ставки работников завода, и сотрудников в разных мастерских. Так, в столярной средний заработок составлял 12 рублей в месяц, в сапожной – 18 рублей, а в кузнечной всего 2 рубля 88 копеек [3, д. 313, л. 5].

Вся сумма заработанных средств за 1926–1927 бюджетный год составляла около 66 506 рублей, из которых кирпичный завод № 1 дал 21 106 рублей, кирпичный завод № 2 – 10 306 рублей, столярная мастерская – 26 763 рубля, сапожная – 4795 рублей, портняжная – 1214 рублей, кузнечная и слесарная – 2320 рублей. Главный доход, безусловно, обеспечивали два кирпичных завода, максимальная выработка которых в отчетном году, согласно отчету губернской инспекции, составляла 2 000 000 шт. строительного и 300 000 шт. гжельского кирпича [3, д. 313, л. 5]. Достичь такого прироста производства на первом кирпичном заводе стало возможным благодаря начавшемуся в 1926 году постепенному переоборудованию: была отремонтирована гофманская печь, старые сараи, построены новые. Ремонт будет завершен лишь весной 1928 года, хотя из-за проблем с кирпично-делательной машиной отказаться полностью от ручного производства не получилось [3, д. 313, л. 6]. Не соответствовали своей должности и приглашенные для настройки и отладки производственного процесса мастера, в силу чего производилось много бракованного кирпича. Снижало производительность и нежелание заключенных заниматься тяжелой работой за небольшую заработную плату [3, д. 313, л. 6].

Заключение (выводы). Трудовая деятельность заключенных на внутренних работах была важной частью процесса отбывания наказания в местах лишения свободы в первые годы советского периода. С одной стороны, руководство системы исполнения наказаний придавало огромное значение трудовой деятельности заключенных и всячески старалось регламентировать этот процесс. Считалось, что заключенный должен был

почувствовать себя в естественных трудовых условиях и привыкнуть к ним, чтобы после освобождения продолжить честно трудиться. Человек, попавший в исправительное учреждение, имел шанс получить профессиональные навыки, например, кузнеца или плотника, и после отбывания наказания мог бы трудиться в той или иной производственной сфере. Все это соответствовало концепции исправления заключенного через труд.

В то же время было немало проблем по организации мастерских и внутренних производств, главная из которых – отсутствие должного финансирования. Чтобы организовать и развивать

мастерские необходимы были значительные денежные вливания для оборудования помещений, закупки инструментов, сырья. Общая эффективность трудовой деятельности не была высокой. Как правило, большинство заказов поступало от пенитенциарных учреждений для удовлетворения собственных нужд системы, что не приносило большого дохода. Работа мастерских позволяла снизить внутрисистемные расходы на простые бытовые вещи, например, одежду для заключенных и ремонт инструмента, что в определенной мере способствовало улучшению условий пребывания арестантов в местах лишения свободы.

Список литературы

1. Государственный архив Брянской области (Далее – ГАБО) Ф. Р – 2374. Оп. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ) Ф. Р – 4042. Оп. 2.
3. ГАРФ. Ф. Р – 4042. Оп. 3.
4. Государственный архив Смоленской области (Далее - ГАСО) Ф. 2360. Оп. 3.
5. ГАСО. Ф. Р – 1465. Оп. 1.
6. ГАСО. Ф. Р – 1591. Оп. 1.
7. ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2.
8. ГАСО. Ф. Р – 42. Оп. 1.
9. Игишева Е.А. Современная историография развития пенитенциарной системы на Урале в 1920-е годы // Вестник ЧелГУ. 2008. № 18. С. 145–154.
10. От тюрем к воспитательным учреждениям / под ред. А.Я. Вышинского, М., 1934. 449 с.
11. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917-1959). М., 1959. 360 с.
12. Утевский Б.С. Советская исправительно-трудовая политика М., 1934. 253 с.

THE LABOR OF PRISONERS IN INTERNAL WORK IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE SMOLENSK, BRYANSK AND ORYOL PROVINCES IN THE 1920S

The article provides a detailed examination of the labor activities of prisoners engaged in internal work within correctional institutions located in the Smolensk, Bryansk, and Oryol provinces during the 1920s. Particular attention is given to the primary types of work in which the incarcerated individuals were involved, as well as the conditions of labor and levels of productivity. This historical period represents a significant stage in the development of the penitentiary system in Russia and is of particular interest for study in the contemporary context, especially as the corrections system undergoes considerable changes and reforms. During the 1920s, our country experienced radical reforms in the penal sphere aimed at improving the conditions of prisoner confinement and optimizing their labor activities. At that time, these ideas were pioneering not only for Russia but also for Europe as a whole. The Soviet authorities, during the period under consideration, began to formulate a new penitentiary policy based on the principle of corrective-labor functioning within correctional institutions. This process of reform and paradigm shift in the operations of these institutions represents a unique experience in our national history and may serve as a valuable reference for contemporary transformations of the Russian penitentiary system and its future development.

Keywords: prison labor, penal enforcement system, penitentiary system, RSFSR.

References

1. Gosudarstvenny`j arxiv Bryanskoj oblasti (Dalee – GABO) [The State Archive of the Bryansk region] F. R – 2374. Op. 1.
2. Gosudarstvenny`j arxiv Rossijskoj Federacii (Dalee – GARF) [The State Archive of the Russian Federation] F. R – 4042. Op. 2.
3. GARF. F. R – 4042. Op. 3.
4. Gosudarstvenny`j arxiv Smolenskoj oblasti (Dalee - GASO) [The State Archive of the Smolensk region] F. 2360. Op. 3.
5. GASO. F. R – 1465. Op. 1.
6. GASO. F. R – 1591. Op. 1.
7. GASO. F. R – 161. Op. 2.

8. GASO. F. R – 42. Op. 1.

9. Igisheva E.A. (2008) *Sovremennaya istoriografiya razvitiya penitenciarnoj sistemy` na Urale v 1920-e gody`* [Modern historiography of the development of the penitentiary system in the Urals in the 1920s] // *Vestnik ChelGU*. 2008. № 18. S. 145–154.

10. *Ot tyurem k vospitatel`ny`m uchrezhdeniyam* [From prisons to educational institutions] / pod red. A.Ya. Vy`shinskogo, M., 1934. 449 s.

11. *Sbornik normativny`x aktov po sovetskomu ispravitel`no-trudovomu pravu (1917-1959)* [Collection of normative acts on Soviet correctional labor law (1917-1959)]. M., 1959. 360 s.

12. Utevsij B.S. (1934) *Sovetskaya ispravitel`no-trudovaya politika* [Soviet correctional labor policy] M., 1934. 253 s.

Об авторе

Янкович Павел Викторович – младший научный сотрудник Смоленского государственного университета (Россия), E-mail: pavel-yankovich@yandex.ru

Yankovich Pavel Viktorovich – Junior Researcher at Smolensk State University (Russia), E-mail: pavel-yankovich@yandex.ru

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы.

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования;**

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы) – повторное обобщенное перечисление основных результатов и их значимость (оценка) для науки.** Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег,** которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы.**

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);

- название статьи на английском языке;

- аннотация на английском языке («Abstract»);

- ключевые слова на английском языке («Keywords»);

- список литературы на английском языке (References);

- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок:** фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

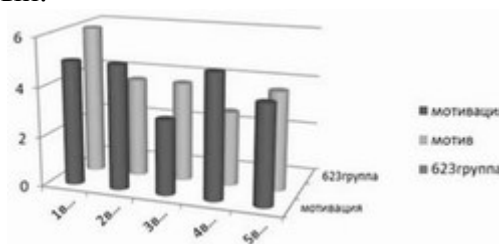

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№4 (62) 2024

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:

РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 25.12.2024.

Дата выхода журнала в свет: 27.12.2024.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 24,5. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**